

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Юго-Западный государственный университет»
(ЮЗГУ)

**ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, МЕНТАЛЬНОСТЬ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Сборник II Международной научной конференции
28–29 апреля 2020 года

Редакционная коллегия:
Н. И. Степыкин (отв. ред.)
Д. М. Миронова
Е. А. Беспалова

Курск 2020

УДК 070(470+571)(063)
ББК 76(2Рос)я431
С 83

Рецензент
Профессор кафедры русского языка
филологического факультета
Курского государственного университета
доктор филол. наук *М. А. Бобунова*

Редакционная коллегия:

Н. И. Степыкин, канд. филол. наук, доцент кафедры ТПЛ (отв. ред.)
Д. М. Миронова, канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры ТПЛ
Е. А. Беспалова, канд. филол. наук, доцент кафедры ТПЛ

С 83 Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований: сборник II Международной научной конференции (28–29 апреля 2020 года) / Н. И. Степыкин (отв. ред.) [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск, 2020. – 329 с.
ISBN 978-5-7681-

Предлагаемый читателю сборник содержит материалы II Международной научной конференции «Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований» (28–29 апреля 2020 г.). Тематика представленных работ отражает приоритеты филологической мысли в контексте современной языковой реальности, литературного творчества, в условиях педагогической деятельности и функционирования масс-медиа. Использован материал различных языков мира.

Сборник адресован научным работникам, преподавателям, журналистам, студентам и аспирантам, а также всем тем, кто интересуется исследованиями в области языка и литературы.

Тексты статей печатаются в авторской редакции.

УДК 070(470+571)(063)
ББК 76(2Рос)я431

ISBN 978-5-7681-

© Юго-Западный государственный университет, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
<i>Алёшина Л.В.</i>	
Отражение мировосприятия языковой личности в семантическом словаре авторских новообразований	9
<i>Амер Я.</i>	
О важности перевода мифических терминов (имён богов и героев)	17
<i>Барацевич С.В., Бурданова К.С.</i>	
Языковой аспект преподавания истории иностранным обучающимся на этапе довузовской подготовки	22
<i>Безгина А.А.</i>	
Современный молодежный журнал: языковые и функциональные особенности (на материале переводного издания «Elle girl»).....	29
<i>Бельская М.И</i>	
Чтение как средство формирования социокультурной компетенции на занятиях по РКИ	35
<i>Бочкова Т.В.</i>	
Жанровое разнообразие мультимедийных историй	41
<i>Бурко Н.В.</i>	
Языковая картина мира носителей орловских говоров (на материале орографической лексики)	48
<i>Быкова Е.А., Беспалова Е.А.</i>	
К вопросу о семиотике фотографии в современных СМИ.....	57
<i>Ван Сяосюй, Хайрутдинова Г.А.</i>	
Образный потенциал лексемы <i>осень</i> в аспекте анализа языковой ментальности (на материале стихотворных произведений XX – XXI веков)	62
<i>Васильева Л.В.</i>	
Оронимия Кавказских Минеральных Вод: структурный анализ	66

<i>Величко И.В., Пелипенко Р.И.</i>	
Условия эффективного формирования коммуникативных компетенций у детей-билингвов	72
<i>Виноградова М.В., Тоскано Р.А., Шаповалова К.Р.</i>	
Проявление скрытой гендерной дискриминации в языке	76
<i>Давыдова А.А.</i>	
Компонентный анализ лексем «сила» и «power» в русском и английском языках.....	83
<i>Ахмед Саадун Джамил</i>	
Эпитеты в языковой картине мира писателя (на материале художественной прозы К. Г. Паустовского)	90
<i>Денисова О.Е.</i>	
Фольклорный компонент при изучении глаголов движения и приставочных глаголов в иностранной аудитории (на примере сказки «Гуси-лебеди»)	93
<i>Дубинина Е.С., Беспалова Е.А.</i>	
Новые медиа в современном информационном пространстве.....	99
<i>Дыбченко А.И., Сахарова Е.Е.</i>	
Особенности синтаксической структуры англоязычных рекламных слоганов	104
<i>Ермакова Н.Л.</i>	
Средства выражения сравнительных отношений в рассказе И.С. Тургенева «Бежин луг»	109
<i>Иванова В.И., Опанасец А.С.</i>	
Интертекстуальные включения в англоязычном ирландском рассказе	115
<i>Коломыцева О.Н., Ди Сяоя</i>	
Речевой этикет в системе языка и дискурсе (на примере обучения китайских студентов)	121
<i>Колыханова Е.Г.</i>	
Символика цвета в творчестве И. С. Тургенева (на материале цикла «Стихотворения в прозе»)	125

<i>Корнеева Т.А.</i>	130
Текстообразующие функции образований нулевой суффиксации в русском языке	130
<i>Коробкова Н.В., Мирзоян Л.Г.</i>	
Словарь «новой» реальности: неологизмы, вызванные пандемией 2020	136
<i>Коршунов А.О.</i>	
Изучение гендерных различий в современном сетевом пространстве.....	142
<i>Коршунова Т.Н.</i>	
Поэтический «выдвиг» Игоря Северянина в контексте «серебряного века» русской литературы.....	152
<i>Костромина Т.А., Гладиллина Т.А., Маркова Н.И.</i>	
К вопросу о формировании основ коммуникативной компетенции студентов-иностранцев при обучении языку профессии	160
<i>Кошелева С.В.</i>	
Способы выражения предиката состояния в учебном комплексе «Дорога в Россию»	166
<i>Кравцова А.А., Пегина Т.П.</i>	
Проблемы усвоения лексического материала при изучении русского языка как иностранного	173
<i>Кретова Н.А.</i>	
Сленг как характерная особенность лексики англоязычных телесериалов	177
<i>Лео Федерика</i>	
Обидный дискурс в теледебатах: сходства и различия между европейскими странами	185
<i>Леонова О.А.</i>	
Специфика дистанционного образования в рамках обучения английскому языку.....	191
<i>Летапурс Т.В., Леонова О.А.</i>	
Языковой феномен fashion-журналистики: специфика сленга в интернет-изданиях англоязычных глянцевого журналов	200

<i>Логачева А.А.</i>	
О структурно-семантических особенностях поэтического текста: когнитивный и психолингвистический подходы	210
<i>Лотфуллина А.Н.</i>	
Существительные с потенциально полной парадигмой в НКРЯ	217
<i>Мамонтова Е.В.</i>	
Специфика комплимента в русском и американском юмористическом дискурсе	221
<i>Манвалерова Е.А.</i>	
Особенности перевода фразеологических единиц с английского языка на русский (на примере книги Р. Желязны «Девять принцев Амбера»).....	226
<i>Марченяк Д.Д., Рачёва А.А.</i>	
Трансформация значения дискурсивных маркеров итак, получается, значит в устном дискурсе.....	232
<i>Медведева А.А., Виноградова М.В.</i>	
Гендерные особенности процесса восприятия феминитивов	236
<i>Новикова Г.В.</i>	
Употребление сложных конструкций с условным значением в рамках научного текста в иностранной аудитории	244
<i>Орехова М.В.</i>	
Фразеологические единицы как средство создания образа Арбата в рассказе Б.К. Зайцева «улица Святого Николая».....	249
<i>Полякова Г.Б., Кулешова С.В.</i>	
Проблема обучения будущих специалистов невербальным компонентам речевого межкультурного общения	254
<i>Потёмкина С.В., Рачёва А.А.</i>	
Дискурсивные и просодические особенности слова ну в устной речи.....	260
<i>Пугачевская И.А.</i>	
Обзорный анализ научных подходов к изучению терминов и терминологических систем в лингвистике	267

<i>Романова Г.В.</i>	274
Национально-культурная специфика библеизмов в русском языке	274
<i>Сагидуллина А.А.</i>	
Явление энантиосемии в текстах национального корпуса русского языка	280
<i>Степыкин Н.И., Казарян М.А.</i>	
Сопоставительный анализ лексем <i>вежливость</i> / <i>ըղիշրիշրիշրիշրի</i> в русском и армянском языках.....	283
<i>Сунь Юньчао, Полякова Г.Б., Данилина А.А.</i>	
Формирование фонетических навыков речи при обучении китайскому языку на начальном этапе	289
<i>Федюкина Ю.И., Скобликова Е.О., Бредихина О.Ю.</i>	
Вклад латинского языка в становление научно-культурной картины мира у студентов медицинского вуза	295
<i>Шакмакова А.М.</i>	
Гендерные стереотипы в сказках А.П. Зонтаг.....	302
<i>Шахова И.Е.</i>	
Некоторые особенности изучения русского языка на уровнях с1-с2 иностранными обучающимися.....	306
<i>Шматко П.Ф.</i>	
Специфика перевода русских, английских и китайских фразеологизмов	311
<i>Яковлева А.В.</i>	
Трудности перевода безэквивалентной лексики в «сказке о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина с русского на немецкий язык.....	317

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателям сборник научных трудов подготовлен по материалам статей, представленных на II Международной научной конференции «Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований». Конференция была организована кафедрой теоретической и прикладной лингвистики факультета лингвистики и межкультурной коммуникации Юго-Западного государственного университета. Проблематика мероприятия затрагивала разнообразные вопросы современной лингвистики, которые рассматривались сквозь призму бытования языка в современном обществе. Тематика научных статей объединила в себе шесть основных направлений: коммуникативный, когнитивный и психолингвистический подходы в исследовании слова, текста, дискурса; национально-культурная специфика языковой картины мира; межкультурный и гендерный аспекты коммуникации в XXI веке; художественная литература как отражение национального менталитета и культурно-языкового развития; актуальные вопросы обучения языку и литературе в современном поликультурном пространстве; языковая личность в контексте современных СМИ.

География участников охватила различные города нашей страны (Курск, Белгород, Воронеж, Железноводск, Иркутск, Казань, Орёл, Ростов-на-Дону, Тула), а также дальнее зарубежье (Италия, Испания, Китай, Сирия). Это позволило отразить на страницах сборника традиции, а также новые тенденции развития лингвистики, журналистики и литературоведения в России и за её пределами.

Приятно отметить тенденцию сегодняшней, в том числе молодёжной, науки – рассматривать не только сложившиеся и устойчивые явления языка, литературы, культуры, но и те, что формируются на наших глазах в современном семиотическом и, прежде всего, языковом пространстве. Значительное внимание на конференции этого года было уделено разнообразным аспектам методики преподавания иностранных языков, которая приобретает всё большую значимость в условиях глобализации и внедрения в образовательный процесс мультимедийных технологий. Хочется надеяться, что все актуальные вопросы, поставленные в формате конференции, получат дальнейшую разработку в научных изысканиях её участников и – на новом уровне – войдут в содержание конференций будущих лет.

Кандидат филол. наук, доцент
Кандидат филол. наук

Н.И. Степыкин
Д.М. Миронова

УДК 811.161.1(038)

Л.В. Алёшина

*ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева», Орёл*

ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОСПРИЯТИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В СЕМАНТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ АВТОРСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ

Семантический словарь авторских новообразований позволяет получить ценную информацию об особенностях мировосприятия языковой личности. Анализ инноваций Н.С. Лескова, сгруппированных по тематическому принципу, показывает, что словотворчество являлось одним из художественных приемов, способствующих выражению авторской оценки обозначаемых реалий. Более всего писателя волновал вопрос о месте человека в окружающем мире.

***Ключевые слова:** тематическая группа, тематическое поле, тематический словарь новообразований, Н.С. Лесков*

Словари авторских новообразований, относящиеся к особому типу дифференциальных писательских словарей [6, с. 34], позволяют ознакомиться со всем массивом окказионализмов писателей, поэтов, в арсенале художественных средств которых словотворчество играет значительную роль. Всестороннее изучение материала, собранного в словарях новообразований, позволяет приблизиться к постижению особенностей идиостиля их создателей, поскольку окказионализмы относятся к ключевым словам текста, являясь «носителями центральных художественных смыслов» [5, с. 307-308].

Ценную информацию об особенностях мировосприятия языковой личности может дать группировка новообразований, основанная на семантической близости слов. Для этого целесообразно дополнить основной, алфавитный, блок словаря приложением, для которого «исходным является некоторое понятие, идея или намерение, а предметом анализа – пути и средства ее выражения» [3, с. 19]. Эта мысль не нова. Так, Б.А. Ларин считал, что «алфавитный словарь писателя-классика – только первый этап работы как дань лексикографической традиции. За ним должен последовать второй, завершающий этап – идеологический словарь писателя», причем макро- и

микроструктура таких словарей может быть разной в зависимости от задач, которые ставит перед собой лексикограф [4, с. 222–223].

Закончив первый этап работы над словарём авторских новообразований Н.С. Лескова [1], мы задались целью сгруппировать инновации с учётом семантической общности, и пришли к выводу, что целесообразно объединить их по тематическому принципу. При этом нужно определиться, что понимать под тематической группой слов, поскольку это вопрос дискуссионный. Мы рассматриваем тематическую группу как совокупность слов разных частей речи, которые обозначают понятия, объединённые общей темой (эта общность имеет экстралингвистический характер, обусловленный «классификацией самих реалий действительности» [2, с. 101-103], тогда как в лексико-семантическую группу входят слова, не только имеющие общую сему, но и относящиеся к одной части речи. Таким образом, тематическая группа может включать несколько лексико-семантических групп. В свою очередь, тематические группы могут объединяться в тематические (лексико-семантические) поля.

В языке Н.С. Лескова нами выявлено 2583 новообразования. Мы сгруппировали их в 6 тематических полей: «Человек в социуме», «Характер и поведение человека», «Физическое и эмоциональное состояние человека», «Человек как мыслящее существо», «Вещный мир», «Окружающий мир». Каждое тематическое поле представлено тематическими группами (ТГ), входящие в каждое тематическое поле, приводим в порядке убывания их объёма (количество инноваций указано в скобках). В качестве примера приводим новообразования, смысл которых понятен вне контекста или в минимальном контекстном окружении.

1. В самом обширном тематическом поле «Человек в социуме» (1313) нами выделено несколько тематических групп и подгрупп.

1.1. Наибольшее количество новообразований входит в ТГ «Убеждения, взгляды» (443), в которой можно выделить две подгруппы.

Подгруппа «Религия» (257) объединяет слова, обозначающие религиозные взгляды (*аристократически-католический, аристократически-клерикальный, безрелигиозный, благочестивство, богозрительство, богомудрствовать, богоневверный, богочтение, веротерпимость, высокохристианский, католичиться, лютеранизм, неправославие, омусульманить, по-христосикову, по-языческому, православизм, русско-христианский, скудоверие, слабоверие, строго-православный, христианнейший, язычествующий*), обряды, обрядовые действия (*бракосовершение, выисповедать, дьячковать, кабедня, ковсеношня, крестительство, обливанство, обрядничать, предысповедный, проповедничать, раскрестить, старообрядческо-раскольнический*),

исполнителей обрядов (*венчальник, обрядовец, обрядовик, огничане, священноцерковнослужитель*).

В подгруппу «Политические взгляды, убеждения» (186) входят слова, обозначающие политические течения, направления (*гуссизм, жирондизм, меттернихизм, монтаньярство, республиканство*), мировоззренческие принципы, установки (*араповщина солидарность с реакционными взглядами, изложенными генералом Араповым в брошюре о достоинствах курной избы*), *артельничество* <идеализация артельного хозяйства>, *молчалинство*), а также носителей тех или иных взглядов, приверженцев определённых течений (*непротивленыш, нигилиствующий, псевдолиберал, экс-либерал, вольтерьянин, каткист* <разделяющий взгляды Каткова> *печоринствовать, писарист, современниковоец* <разделяющий взгляды редакции журнала «Современник»>), *базаровец, базарствующий, беседист* <разделяющий взгляды редакции журнала «Русская беседа»>).

1.2. На втором месте по количеству инноваций ТГ «Трудовая деятельность» (321), представленная двумя подгруппами.

Подгруппа «Творческая деятельность» (166) подавляющее большинство новообразований (141) обозначает понятия, относящиеся к сфере литературной деятельности (*бесстильный, клеветон, легкописец, лейб-газета, литерат, литературно-полемический, многочитаемый, новременский, переводно-издательский, полубеллетристический, полуфельетон, современниковский, сочинённость, текстуализация, фельетонировать, эпистолия*), остальные характеризуют труд художников, иконописцев, скульптуров (*богомазня, иконо-портрет, маляршика, полведерский* <искаженное Аполлон Бельведерский>, *полуготический, портретченко, псевдонатурализм*), музыкальную и театральную деятельность (*вариацийка, верояция, лянгамный, мелодик, мотивист, песнотворческий, подлитаврский, подпури, фортопляс, актёрчик, пьесовый*).

Подгруппа «Ремесло, промысел, служба» (155) включает лексику, обозначающую отношение к разным сферам трудовой деятельности, в том числе ремеслам, промыслам (*акушерница, Аплетон* <прозвище того, кто чинит плетеную мебель>, *благовонщик* <продавец благовоний>, *гуслеигратель, зерночиститель, извозничествующий, кучерство, лакейчонок, листопродавец, наборщикество, откупщикество, пастушествовать, первогильдейный, подбуфетчик, скоморошье, часовщикество, чугуноплавильщик, швецовство*), а также отношение к государственной, военной службе (*бударь, вице-губернаторшика, жандармчик, контр-фискал, милигер* <военный человек (фр. *les militaires* - военные)>, *подфебель, полицант, полпрапорец, приказнострочительство, приказь, провиантщик, свистовой, становшика*).

1.3. В ТГ «Межличностные отношения» (231) нами выделены следующие подгруппы: «Дружеские, товарищеские, соседские отношения» (77) (*взаимоверие, вровнях, знакомственный, междуособный, многополезный, надокучистый, недоброежелающий, ненадокучивший, панибратственно, помогай, поразноречить, поспоривать, по-учтивому, сомудренник, человеколюбство*); «Человек в оценке другими людьми» (75) (*аспидка, бебетка, беспятненно, благочестивец, вице-губернаторишка, лже-шпион, ничевошный, опротивевать, осиятельство, плачевно-смешной, почти-полупочтеннейший, премногомалозначащий, премногообожжаемый, прохвостик, самосветлейший, сиятельный, страдальчик, страхоподобие*). В этой подгруппе значительное место занимают антропонимы-прозвища (*Безешник, Гордашка <Горданов, вызывающий презрение>, Кисельвроде <искаженное Нессельроде>, Лампадонос, Лампадоносец, Лампадоносцев <реакционный политический деятель, обер-прокурор Синода Победоносцев>, Милючок <уменьшительно-пренебрежительное к Милюков>, Николавра <Николай, обладающий достоинствами, которые отличают его от других людей подобно тому, как лавра отличается от простых монастырей>, Подкузьмич <Петр Кузьмич Мартьянов, способный подвести, подкузьмить>*). Подгруппа «Любовные отношения» (46) (*бабеляр, безбрак, благоневерная, волокитничество, грандеву, дуикаться, зазнобистый, любодевствовать, ложепеременный, многолюбивший, невестинье, обезбраченный, поамуриться, полюбивать, прелюдеяние, разлюба, рандевушка, слюбчивость, сознакомиться*). Подгруппа «Родственные отношения» (31) (*безродственный, бракосовершение, женитьбенный, законнобрачие, второродительница, мужеедка, подзакониться, потомец, родственнолюбящий, родственность, семьянство, фамилизм*).

1.4. В ТГ «Общественные отношения» (246) мы выделили 6 подгрупп.

В самую объёмную подгруппу «Социальный статус» входит 93 слова, которые обозначают положение человека на карьерной лестнице (*бескарьерный, высокопревознесенный, невысокотитулованный, очиновничиться, новонаграждённый, отитловывать, потитульно, титляция, четырнадцатиовчинный, чиновпочтательный*), отношения между начальником и подчиненным (*малоправный, началенье, начальстволюбие, подчиненник, помыкушка, попрелазгорассмотрительствующийся, притрепетность, строго-дисциплинированные, субординационно, чиновпочтательный, возлупе, началенье*), происхождение (*благомордый, высокородовитый, гречкоед, дворянинишка, захудель, пестрядинка, простолюдец*).

Подгруппа «Национальность» включает 47 слов, характеризующих лицо по национальному признаку (*болгарчик, жидюга, кацапузия, не-еврей,*

нежид, не-немка, немчин, немчиться, полумалороссиянин, полячье, татарщице, хохлице, шпрехензидейч), называющих процесс и результат этнической ассимиляции (*вынародливать, немчиться, обазиатиться, опольщённый, русизм, русить, руситься, сгерманизировать, снемчить*).

Остальные подгруппы объединяют меньшее количество инноваций (от 16 до 27). Это подгруппы «Коллектив, сообщество» (*всенародство, городничество, многоличие, приказничество, рассеяние, родственность, толпучка, федосеевство, хлопьята*), «Человек как собственник; материальное положение» (*лесовладелец, многоимуций, возможность, обеспорточиться, обнищеный, обосение, переданник, полусобственник, протерть, псовладелец*), «Воспитание, образование» (*выштудировать, грамотейничать, долбица, литературно-образованный, многоученость, наученость, наэмансипировать, однокурсный, ошколотить, подшиповывать, по-облегченному, рояльный <искаженное реальный>, самоучковый*), подгруппа «Среда обитания» включает окказионализмы, обозначающие лицо по месту жительства (*Европей, заатлантичник, орловчин, подъевропник, полупарижанка*), населенный пункт, страну (*державца, Женевка, подпиренейская <Андорра>, остзейщина*).

1.5. ТГ «Состояние общества» (72) (*братарните, государственно-финансовый, доморощенно-социалистский, здраво-либеральный, злостно-сентиментально-патриотический, оцивилизовать, разноправность, социабельность, стерворизация, централизаторство*).

2. Тематическое поле «Характер и поведение человека» (569).

2.1. ТГ «Черты характера, поведение человека» (406). Это слова, характеризующие героев по отношению к окружающим людям (*возвышенно-благородный, бессострадательный, близко-помощный, дрянник, нетерпячка, начальстволюбие, нябедливый, малообидчивый, панибратственный, строго-порядочный, человеколюбство, ярь*), по отношению к себе (*безнатурность, бунтливый, верхолетство, верченность, гордота, гуманерия, деревянность, детственный, добропостроенный, жалобливость, зливість, кровожадец, лжесмиранный, малодушник, малохарактерность, многонаивный, мстивый, рискливый, уносчивость, ухорец, фантазировать, щепетильно-самолюбивый*), по отношению к деньгам (*бескасательный, бессребреничество, бессребренность, взяткообразно, деньголюбивый, нищевродный, Перехватаев*), по отношению к спиртному (*мочимордство, напосудиться, наспиртуозить, плакон, пьяниссимо, пьяничка, распьяным-пьяно-пьян, сухомордие*).

2.2. ТГ «Поступки, действия человека, их результат» (163). В отличие от предыдущей ТГ, здесь представлены слова, обозначающие не типичное

для человека поведение, обусловленное присущими ему чертами характера, а разовый поступок, совершенный под влиянием сложившихся обстоятельств (*заокунать, куркен-переверкен, назидация, негодяйничество, непоклон, откатнуть <оттолкнуть, следуя указаниям Каткова>, перекапризить, поблагородничать, повертон, подлизе <попытка подлизаться>, припоганить, размагнетизировать, распечатление, сбуфонничать, слюбопытствовать, смелкодушничать, сневежничать, сфарлафить <струсить подобно Фарлафу>, фортеле, штычок*), конкретное действие (*навеслить, никса <искаженное книксен>, плюсить, подворсить, приседывать, приштемпелевать, усотерить, щитодержание*), времяпрепровождение (*вольтижерство, вошеводство, времеубивающий, клоподавие, междудельный, музычить, танцун*), результат тех или иных действий, поступков (*избеспорядочить, изнеявствовать, недокопнённый, портёж, пропаливание, распечатление, результате, самореформирование, утопленничество*).

3. Тематическое поле «Физическое и эмоциональное состояние человека» (318).

3.1. ТГ «Внешний облик человека» (112) включает слова, обозначающие телосложение, осанку человека (*бабственный, милиатюрный, протяженносложенный, приземковатый, кентавровидный, миньонный, рюмкообразный*), части тела (*думалка, междукрылие, подщиколка, утробие*), лицо и его части (*бровеносный, дурнорожий, joli-мордочка/жולי-мордочка, мордоплясия, вечища, волооки, плоскорожий*), волосы, прическа (*беловойлочный, белокурый, брюнетный, вихрястость, заволохатеть, обростенький, паклеватый, сержантдевильская <бородка>*), общее впечатление (*раскрасиветься, сальнистый, сатиropодобный, страхоподобие, тонкий-долгий-белый-волокнистый*).

3.2. ТГ «Эмоциональное, душевное состояние человека» (112). Большинство слов этой ТГ образовано в стремлении обозначить негативные эмоции, тяжелые переживания (*безрадость, безуповательно, засмутиться, намученность, напуганность, небезопасно, неодоленный, пессимировать, постраждовать, разгордыж, самоистязующий, самоугрызать, полуотстрадавший, психозис, разволнение, терзательство*). Лишь единичные инновации обозначают положительные эмоции (*вседоволен, отсиявать, радосторастворенный, самонезнейший, чудно-прекрасный, тревожно-сладкий, весело-открытый, обаятельно-прекрасный*).

3.3. ТГ «Физическое состояние человека» (67) представлена новообразованиями, обозначающими временное состояние человека, в основном связанное с переходом от бодрствования к сну (*вполсна,*

полуусыпление, предсонный), а также состояние здоровья, как правило, это болезненное состояние (запорник <страдающий запорами>, лишаятость, опасно-больной, отравленник, слабота), единичные инновации обозначают состояние выздоровления (оздоровка, поотпухнуть).

3.4. ТГ «Гендерно-возрастная характеристика» (27) представлена двумя подгруппами: «Лицо женского пола» (бабенец, ездовица, елисеевка, нигилисточка, противленка, седачка, тузиха, французинка), «Ребенок» (Дукачонок, дяконёнок, жидочек, Комарёнок, подъевропник, тузенёнок, французёнок).

4. В тематическое поле «Человек как мыслящее существо» (126) входят две группы.

4.1. ТГ «Речевая деятельность» (99) включает инновации, дающие характеристику речевого поведения героев (болтуций, грубительно, задорно-сконфуженный, каламбуризм, разболтай, острогон, словотечение, суеречить, твердисловить, умилительно-красноречиво), акустико-физиологические характеристики говорения (круглозвучный, пржикать, свистула, сёмать, чекотать, юхать, тихоструй, шавкавить, ясно-выразительный), язык, на котором говорят герои (вполжидовского, вполпольского, парлиировать, парлянт, по-инородчески, французско-страсбургский).

4.2. ТГ «Мыслительная деятельность» объединяет 27 новообразований (беспонятливость, глупота, малотолковитый, мудрецовский, невразумелый, обезмыслиться, обумнеть, предумысл, тяжеломысленность).

5. Тематическое поле «Вещный мир» (155) включает несколько тематических групп.

5.1. ТГ «Предметы обихода, артефакты» (53) включает подгруппу «Предметы обихода» (бутыльчёнка, галантерейщина, протекучка, промокательная бумага, пузырянка, прецепт, искажённое рецепт), а также «Инструменты» (буреметр, времячислитель, газодвигатель, мелкоскоп, ступоходы), «Транспортные средства» (бричонка, двухсестная <карета>, лодкообразные <сани>), «Оружие» (мимоноска, искажённое миноноска, саблюка, итуцеришко), которые мы не выделяем в отдельные тематические группы, поскольку они представлены единичными инновациями.

5.2. В ТГ «Еда» (37) входят наименования продуктов питания (<суп> братаньер, грибочонок, зеленомясая <дыня>, морковь, мыштекс, искажённое бифштекс, наедальности, студинг, фруктеры), а также окказионализмы, обозначающие человека по отношению к еде (гурмандист, соусник).

5.3. ТГ «Помещение, строение» (34) (аудиторальный, башенье, вошпиталь, госпиталь для нижних чинов, в котором плохие условия: скудная еда, виши, местобежище, полустанция, предпокой, слонечня).

5.4. ТГ «Одежда» (31) (алагерка куртка военного покроя (фр. *a la querre* - на войне), голотелесное <трико>, камзелька, непромокабль, подитаны, полугарибальдийская <шляпа>, тужурный <жилет>).

6. Тематическое поле «Окружающий мир» (94).

6.1. ТГ «Животный мир» (41) включает ряд подгрупп: «Домашние животные» (бесчеревный <пёс>, золото-гнедой <конь>, коневьё, коташка, кролица, лопоушка <лопоухая лошадка>, фон-горская <коза>, «Дикие животные» (быкообразность, медведеобразность, обрубоватый, чурбановатый <о зубрах>, свободноподвижный <о морских котиках>, «Рыбы» (мяжкопёрая <плотица>, стервьядь), «Птицы» (бельмистый <сыч>, золотошейкий <петух>, сорочица), «Насекомые» (букан, неумеримая <муха>, нимфозория, оводьё).

6.2. В ТГ «Природа» (53) мы выделили подгруппы «Явление природы» (безгромный, вселуние, громище, стыдь), «Водоем» (гнилоберегая <Неручь>, Твердиземное <море>).

8 новообразований стоят особняком, они обозначают мифическое существо (книгодрательный <бес>, черт-дьяволыч, чувственнобразный <антихрист>).

В ходе дальнейшей работы будет описана структура каждого тематического поля, состав многих тематически групп и подгрупп будет пересматриваться, уточняться, однако уже на данном этапе можно утверждать, что систематизация новообразований по семантическому принципу позволяет осознать, что в окружающей действительности наиболее важно для их создателя. Анализ новообразований Н.С. Лескова в таком аспекте позволяет сделать вывод, что для писателя возникала необходимость лексически объективировать прежде всего идеальные содержания, связанные с осмыслением вопроса о месте человека в окружающем мире. Не случайно самым объёмным является тематическое поле «Человек в социуме», где преобладает лексика тематической группы «Убеждения, взгляды». В семантической структуре большинства инноваций, объединённых темами «Религия», «Политические взгляды, убеждения», имеются коннотативные семы, отражающие субъективное отношение к обозначаемому лицу, явлению. Закономерно обилие новообразований подгруппы «Литературная деятельность». Значительный объем инноваций тематического поля «Характер и поведение человека» также свидетельствует о неослабном внимании Н.С. Лескова к человеческой личности.

Словотворчество Н.С. Лескова является яркой особенностью творческой манеры писателя. Конструирование необычного слова никогда не становилось самоцелью для этого мастера слова, являясь лишь одним из художественных приемов, способствующих в первую очередь выражению авторской оценки обозначаемых реалий. Дальнейшая работа над тематическим словарём авторских новообразований позволит приблизиться к пониманию особенностей мировосприятия писателя.

Список литературы

1. Алёшина Л.В. Словарь новообразований Н.С. Лескова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 704 с.
2. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М.: Высш. шк., 1990. 176 с.
3. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 356 с.
4. Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Л.: Худ. лит., 1974. 286 с.
5. Ревзина О.Г. Поэтика окказионального слова // Язык как творчество: сб. ст. к 70-летию В.П. Григорьева. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 303–308.
6. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 50 с.

УДК 81

Я. Амер

Университет Дамаска, Дамаск, Сирия; ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань

О ВАЖНОСТИ ПЕРЕВОДА МИФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ (ИМЁН БОГОВ И ГЕРОЕВ)

Цель данной статьи – прояснить значимость имени и его перевода, показать, почему мифические термины не всегда переводятся, а роль переводчика и его глубокое знание целевого языка в передаче образа без искажений важны.

Ключевые слова: перевод и транскрипция, мифические термины, имена богов и героев.

Человек всю свою жизнь заботился об описании человеческой истории, чтобы подтвердить свой жизненный опыт и знания, и поэтому он оставался свя-

занным с прошлым. Наша задача – прояснить в статье важность имени и его перевода, показывая, почему иногда мифические термины не переводятся.

Поскольку история не представляет особую значимость для другого общества, к тому же различны и языки, то роль переводчика в правильном переводе является первостепенной в данной немаловажной и непростой задаче. Наиважнейшая задача переводчика – донести до нас культуру и историю другой цивилизации и иного народа, поскольку развитие нашего общества основано не в изолированности только в своём мире, а в открытости и ориентации на других.

Греческая и римская литература с мифами является частью истории, переводчики приложили немалые усилия, чтобы перевести этот литературный жанр в стихи или прозу. Однако чтение такой литературы остается очень сложным из-за специфичной особенности природы имен собственных (имен богов и героев) и, к сожалению, отсутствия перевода этих имен на другой язык.

Перевод собственных имён всегда создает проблему независимо от языка оригинала и целевого языка, поскольку, как мы говорим, собственное имя используется для обозначения, вернее, сохранения целостности всего контекста. Даже если это имя лишено смысла, оно может относиться к понятиям или другим аспектам, для этого его перевод или транскрипция представляет научный интерес для полного понимания оригинального текста.

В некоторых языках собственное имя может первоначально быть нарицательным, прилагательным или другой частью речи, то есть иметь свой смысл в качестве символа или другого обозначения, прежде чем использоваться как собственное имя, например, имя бога *Mercuria*, который «происходит от слова *merx* (товар), и *Mercurius* прежде всего бог купцов, слово *mercuriale*, полученное от имени, означает чек со списком цен¹ [5; 6].

Приведём в пример также и имя *Плутон*, оно означает *даритель благ*, Аполлон или фебский бог солнечного света, его имя означает сияющий или яркий, так называли месяц март, поскольку бог Марс был первоначально богом весны², и так как весна начинается в этом месяце, поэтому и месяц называли в честь этого бога и т. д. [2]

Кроме того, есть пример, когда собственное имя приобретает стереотипный оттенок, как в случае с именами *Венера* или *Купидон*, которые обычно символизируют любовь в соответствии с общим предпочтением или представлением.

¹ Бог Меркурий – бог торговли в римской мифологии. Похож на греческого Гермеса.

² Римляне называли в его честь месяц года, который совпал с возвращением солнечных дней и возобновлением войны после зимы.

В переводе, если переводчик не знаком со значением этих слов, есть риск, что появятся другие значения этих имён, например, как это было с именем *Венера*, произошла замена другим значением этого имени в соответствии с другой культурой или культурой целевого языка с целью приблизительно описать его основной смысл читателю; в этом случае значение, смысл и идея будут утрачены.

Для этого, и поскольку, как мы уже упоминали, собственное имя имеет семантический аспект, переводчик должен давать сноску или примечание с пояснениями использования слов.

Собственное имя имеет:

– **Значение**, которое является свойством и характеризует собственное имя как единицу языка. Это предикат деноминации.

– **Содержание**: связано с его использованием, какие значения в зависимости от контекста приобретает слово.

– **Коннотации**: которые происходят, как и для обычных имен, из ассоциаций и могут привести к форме, содержащейся в предикате деноминации в соответствии с их обычными определениями. Коннотации являются значением, в то время как содержание является референтом.

Как только устанавливается связь между собственным именем, знаком или референтом, который он представляет, становится возможной интерпретация. И именно здесь начинаются проблемы перевода, которые будут зависеть от контекста [4].

Следует отметить, что, как правило, собственные имена не переводятся как, например, *Роза* не переводится как *цветок* وردة ни в арабском языке или на русском языке, пишут *Роза*, но не *Цветок*.

При переводе мы должны соблюдать фонетическую транскрипцию исходного языка и целевого языка, поскольку у нас есть на французском языке, например, непроемкие буквы. Эта транскрипция выполняется с использованием международного фонетического алфавита (API), который в основном учитывает фонемы, относящиеся к большому количеству языков и читается всеми одинаково. Чтобы правильно транскрибировать слово, необходимо иметь полное знание символов, представляющих этот алфавит, и значения фонем в соответствии с их положением в слове и их сочетаниями с другими звуками [3; 4].

Существует также другой способ для транскрипции, который называется транслитерацией: операция, позволяющая воспроизводить слова, принадлежащие алфавитам, отличным от латинского алфавита, используя его с добавлением диакритических знаков для обозначения модификации исходного произношения [4].

Как следствие этого положения возникает вопрос: *Почему бы нам не перевести мифические термины?*

Чтобы ответить на этот вопрос, мы можем просто заявить, что мифические термины (имена богов и героев) являются собственными именами, и обычно мы их не переводим, но проблема в том, что такие имена имеют значения.

Более того, если мы немного углубимся в исследования, мы обнаружим, что есть причины, выходящие за рамки этого ответа, потому что эти термины не похожи на обычные собственные имена, они становятся символами, которые имеют определённые значения.

Эта проблема встречается почти во всех языках, потому что когда мы используем эти имена на любом языке, мы используем одни и те же термины, но отличаются фонетической транскрипцией исходного языка¹ [1, с. 173]; но иногда имя меняется целиком, как имя *Vénus* с французского языка по-русски с преобразованиями звучит иначе – *Венера*.

Возникает из этого понимания или вывода следующий немаловажный вопрос: *Можно ли объединить эти термины на одном языке как это сделано в музыке, которые едины и понятны для всех?*

Недавние исследования показали, что теперь это почти невозможно, здесь мы должны вернуться и взглянуть назад, чтобы *открыть глаза* в возможности будущего и объяснить наш ответ.

В прошлом человек использовал религиозные символы, названия которых отличаются от наименований других языков, но значение было идентичным; так, *Афродита* – богиня любви в греческой мифологии и *Венера* – у римлян, *Арес* – бог войны, *Марс* – у римлян и *Сехмет* – в Египте и т. д.

Эти имена указывают на то, что человеческое религиозное мышление было универсальным, несмотря на разницу в произношении и наименовании. Но образ и смысл некоторых имен глубже и ярче, чем в других понятиях, так как просходит из корня исходного языка, например, имена римских богов более известные, чем греческие имена во французской литературе, потому что его корни восходят к латыни.

¹ Для транслитерации латинских согласных на арабском языке, таких как v, p, g ..., решением было добавление трех точек на арабских согласных (ج, ف, ..), как, например, слово *Venus*, которое переведено – فولكان, есть также проблема согласного гласного типа, например, [Ку] в *куидоне*, который переводится как (كو), даже если это произношение ближе к [о] округленному, но несмотря на это различие, его переводят как (كوييدون), и здесь возникает другая проблема – назализация, которая не встречается на арабском языке, и этот вопрос решается путем деназализации.

Раньше у каждой общины были свои значимые особенности и религиозные символы, из-за отсутствия культурных взаимодействий каждый народ выбирал имена в соответствии со своим языком и картиной мира.

В настоящее время мы замечаем, что на французском, английском или арабском языках слова транскрибируются и не переводятся; Транскрипция была вызвана вторжениями, завоеваниями и бизнесом, которые создали литературные и культурные взаимодействия между странами.

Отсутствие перевода было связано с монотеистической религией, которая была связана с идолопоклонством и язычеством и повлияла на изменения смыслов и значений мифологических названий и терминов, они остались лишь воплощением прошлого одного из исторических периодов и использовались только в искусстве: живописи, скульптуре и встречались в литературе: поэзии, романах.

Многие лингвисты пытались найти решения относительно перевода этих имен, но, к сожалению, они поссорились, чтобы найти переводы или общие термины для всех языков, поэтому до сих пор эта проблема не нашла решения.

Для этого, если имя имеет значение, которое относится к конкретной сущности, автор или переводчик должны поставить хотя бы сноски, чтобы объяснить этот термин целевому языку.

Список литературы

1. Литература и экспрессия / Ашер, А. Мари, Бессон [и др.]. Париж: Ашет, 1996, 256 с.
2. Словарь греческой и римской мифологии. Париж, 1867. 480 с.
3. Словарь лингвистики. Париж: книжный магазин La Rousse, 1973. 516 с.
4. СОБХИ Камелия. Перевод собственного имени. АТИДА, 2009. URL: http://www.atida.org/french/index.php?option=com_content&view=article&id=4:la-traduction-du-nom-propre&catid=8:etudes > consulté le.
5. MYTHOJULIE. Греческая и римская мифология. URL: <http://mythojulie.free.fr/index.php>.
6. Microsoft® Encarta® 2009, [DVD], Microsoft Corporation, 2008.

УДК 81'25

С.В. Барацевич, К.С. Бурданова

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева», Орёл

ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ИНОСТРАННЫМ ОБУЧАЮЩИМСЯ НА ЭТАПЕ ДОВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ

В статье рассматриваются методические проблемы преподавания истории России иностранным обучающимся на этапе довузовской подготовки, в том числе языковой аспект отбора учебного материала, принципы организации лексической работы. Показывается необходимость тесного сотрудничества преподавателя истории с преподавателями русского языка как иностранного при отборе языкового материала, синтаксических конструкций и лексического минимума как по отдельным темам, так и для всего курса истории России в целом.

Ключевые слова: *студенты-иностранцы, исторические представления, фоновые знания, лексика, методика преподавания истории, адаптация иностранных обучающихся.*

В настоящее время система дополнительного общего образования иностранных граждан ориентирована на реализацию Требований МОН к освоению дополнительных общеобразовательных программ, обеспечивающих подготовку иностранных граждан и лиц без гражданства к освоению профессиональных образовательных программ на русском языке, утвержденных приказом № 1304 от 03.10.2014. В соответствии с этими требованиями дисциплина «История» является обязательной при подготовке слушателей к обучению по специальностям гуманитарной и экономической направленности. Актуальным становится вопрос о методах и подходах к преподаванию истории иностранным обучающимся на этапе довузовской подготовки.

Преподавание истории для будущих студентов гуманитарных и экономических групп специальностей имеет свою специфику. Целью обучения является приобретение таких навыков и умений, которые необходимы для участия в учебной, а потом и научной деятельности на основных факультетах. Практика обучения иностранных граждан на подготовительных факультетах России показывает, что для успешного изучения истории они должны вла-

деть как нейтральным, так и научным стилем речи русского языка. Язык общего владения и научный стиль речи дополняют друг друга в решении главной задачи: овладеть языком специальности на неродном языке. Наряду с этим будущий студент должен владеть на русском языке знаниями по предметам общенаучного цикла, куда и входит дисциплина «История», лексикой и основными понятиями по этой дисциплине. Объем конкретных знаний и умений определяется Требованиями МОН.

В связи с этим возникает ряд проблем, требующих решения. Во-первых, необходимо адаптировать учебный материал, предъявляемый иностранным обучающимся, с учетом уровня их языковой подготовки. Во-вторых, необходимо четко отбирать лексический минимум к каждой теме занятия и проводить работу по восприятию и закреплению основных понятий и терминов. В-третьих, следует уделить особое внимание систематизации учебного материала, а также отбору и разработке наглядных пособий. Важное место в структуре обучения истории занимает самостоятельная работа слушателей, которая проводится с учетом их профессиональных интересов, склонностей и потребностей будущей специальности.

Как отмечают исследователи и преподаватели истории иностранным обучающимся, «создание у иностранцев конкретных представлений об истории России приобретает особую сложность в связи двумя факторами: во-первых, многие учащиеся впервые знакомятся с историей России, а во-вторых, зачастую исторические знания, полученные ими на родине, интерпретируются иначе, чем в российской науке. Большой трудностью при этом является то, что современные словари не содержат устаревшую лексику и исторические термины» [1]. «Преподавателю, работающему с иностранной аудиторией, необходимо не только хорошо владеть изучаемым историческим материалом, но и четкими представлениями о том, как объяснить тот или иной термин или историческую реалию» [Там же]. Во многих пособиях по истории России в помощь слушателям и преподавателю даются исторические справки, фотографии, иллюстративный материал [4, 5, 6].

Как отмечает А.Ф. Иоаниди, при отборе материала темы необходимо строго соответствовать требованиям к уровню владения русским языком как иностранным на этапе довузовской подготовки [2]. Лексико-грамматическая нагруженность текстов не может выходить за уровень В1+. Это значит, что не допускается чрезмерное использование исторических терминов, причастных и деепричастных оборотов, а ключевые слова темы должны отрабатываться заранее.

Наглядные образы играют важную роль для иностранной аудитории, особенно на начальном этапе обучения. Преподавателю необходимо отбирать наглядный материал, который будет адекватным исторической эпохе. С этой целью используются разнообразные средства визуализации в сочетании

с чтением текста и выполнением различных заданий. Т.В. Губанова классифицирует наглядный материал следующим образом: 1) иллюстрации учебника, которые создают представление об орудиях труда, занятиях, внешнем облике людей, их жилище, сражениях, памятниках культуры и т.д.; 2) портреты исторических личностей, писателей и поэтов, деятелей науки; 3) кадры из фильмов, афиши фильмов, агитационные плакаты начала и середины XX века [1].

Рассмотрим вышеуказанные подходы и принципы на примере изучения темы «Реформы Александра I. Отечественная война 1812 года». Эта тема входит в информационный блок «Россия в XIX веке». Для организации учебной работы используется материал учебников и учебных пособий Кастелиной И.П. [3]; Соловьева Е. А., Блохина В.В. [6]; Козьменко В.М. [5]

Эта тема изучается во втором семестре, примерно в середине учебного цикла, и предполагает достаточно уверенное владение профессиональной лексикой, историческими терминами и понятиями. Тем не менее, изучение нового материала следует начинать именно с лексической работы.

В первом задании предлагается список слов и словосочетаний, которые обучающимся необходимо перевести и запомнить. В зависимости от презентуемого материала этот список может варьироваться. Мы предлагаем следующие слова и словосочетания:

Просвещение, просветитель, вольный, автономия, затрата, отвлекать (от чего?), преобразования = реформы = государственные изменения, ограничить (что?), единомышленник, либеральный, опасаться (чего?), уступать (кому? в чём?), коалиция = союз, наступление – отступление, разгром – разгромить (кого? что?), захватчик, кровопролитный, битва, пожар, продовольствие.

Обращается внимание на глагольное управление: глагол обязательно дается в связке с падежом, которым он управляет. Демонстрируются семантические связи между историческими терминами и знакомой слушателям нейтральной лексикой путем подбора синонимов и антонимов к изучаемым словам. Такой подход показывает преемственность между научным стилем речи и общеобразовательными предметами. Язык рассматривается как инструмент овладения предметными знаниями. Кроме того есть возможность устранить имеющиеся пробелы в знаниях слушателей, повторить ранее изученный на уроках русского языка лексико-грамматический материал, что в конечном итоге позволяет развивать их коммуникативную компетентность.

Лексическая работа может проводиться в начале урока, но, на наш взгляд, будет более целесообразным предложить слушателям в качестве домашней или самостоятельной работы перевести и выучить слова к теме следующего урока, а в начале занятия потратить несколько минут, чтобы разобрать сложные случаи, отработать новую лексику на конкретных примерах.

После лексической работы при необходимости повторяются наиболее важные исторические термины и понятия, с которыми слушатели будут работать на уроке. Как показывает практика, некоторые явления истории вызывают у слушателей большие трудности, а потому требуют систематической отработки.

Так для рассматриваемой нами темы проблемы возникают с такими терминами, как *самодержавие, крепостное право, помещики, крепостные крестьяне*. Преподавателю необходимо еще раз повторить определения этих понятий и добиваться адекватного понимания слушателями их содержания.

Следующим этапом слушателям предлагается учебный текст по заданной теме. На наш взгляд, имеет смысл разделить тему «Реформы Александра I. Отечественная война 1812 года» на два тематических блока: блок 1 «Реформы Александра I»; блок 2 «Отечественная война 1812 года».

Перед предъявлением нового материала слушателям предлагается поисковое задание. Так, например, это может быть письменный ответ на вопрос: *Почему Александр I боялся решительных реформ? и Почему Россия и Франция вступили в войну?*

С методической точки зрения, объем текста, предъявляемого к изучению, не может превышать 2-3 страниц. На практике же этот объем зависит от уровня языковой подготовки конкретной группы, от ее познавательных возможностей.

При изучении подтемы «Реформы Александра I» преподаватель может лишь кратко охарактеризовать личность императора и дать представление об общей направленности реформ, тезисно перечислив основные из них и сделав общие выводы об их итогах его внутренней политики.

При изучении подтемы «Отечественная война 1812 года» аналогично можно дать общее представление о конфликте внешнеполитических целей Наполеона и Александра I, тезисно изложить основные факты и события Отечественной войны, акцентировав внимание на наиболее значимых из них, таких как Бородинское сражение, оставление Москвы Наполеону, изгнание наполеоновской армии из России и окончание войны. Отдельно обращается внимание на народный характер войны, активное партизанское движение. После подводятся итоги войны и дается выход в следующую тему – «Движение декабристов».

Если уровень языковой и предметной подготовки группы достаточно высокий, то, можно дать общее представление об исторической эпохе, в которой происходили указанные события, привести примеры литературных произведений, в которых наиболее ярко изображаются изучаемые события и факты, например, стихотворение «Бородино» М.Ю. Лермонтова или роман «Война и мир» Л.Н. Толстого. Возможно чтение в группе небольших по объему отрывков из указанных произведений или просмотр фрагментов из ху-

дожественных фильмов. Отметим, что чтение значительных по объему неадаптированных текстов или широкое использование материалов из кинофильмов предполагает серьезную подготовительную работу, поэтому необходимо продумать выбор презентуемых фрагментов. Также преподаватель может рассказать о том, как повлияли изучаемые события на творчество знаменитого русского поэта А.С. Пушкина, который жил и работал в это время.

Еще раз обратим внимание, что преподаватель должен очень четко понимать и чувствовать уровень подготовки группы, их возможности по восприятию учебного материала. Не следует слишком сильно углубляться в детализацию исторических событий, перегружать урок именами и фактами, которые хоть и имели место в истории, но не являются существенными для понимания темы. Напомним, что на этапе довузовской подготовки главная задача – это формирование именно фоновых знаний по истории России. Углубить и расширить их возможно на следующих этапах обучения в университете.

Независимо от уровня языковой подготовки группы полезным будет использование наглядного материала. Традиционно следует продемонстрировать портрет императора Александра I, главнокомандующего русской армии М.И. Кутузова, при изучении событий Отечественной войны следует использовать исторические карты, репродукции картин, посвященных ее событиям (*Например, П.Гесс «Сражение при Бородине 26 августа 1812 года»*)

Если по случаю каких-либо исторических событий были установлены памятники, монументы или в их честь возводились здания, то следует сообщить об этом и продемонстрировать фотографии исторических достопримечательностей. Так, после изучения событий Отечественной войны 1812 г. следует сказать, что в память о победе, а также в память о жертвах этой кровавой войны в Москве был построен Храм Христа Спасителя, а в Петербурге возвели монумент – Александровский столп. Таким образом отрабатываются страноведческий и культурно-исторический аспекты обучения иностранцев, проводятся параллели с современностью, которые делают исторические события ближе, формируют личное отношение слушателей к ним.

Отдельно следует остановиться на способах предъявления нового материала. Есть разные варианты работы, эффективность которых зависит от специфики конкретной группы. Первым вариантом может быть самостоятельное просмотровое чтение текста темы или подтемы, а затем разбор, конкретизация отдельных тезисов и обсуждение в группе по заранее подготовленным вопросам. Основные тезисы преподаватель записывает на доске, а обучающиеся в тетради. Такой вариант работы подойдет для групп с низким и средним уровнем языковой подготовки. Он хорошо зарекомендовал себя в работе с группами так называемого «позднего заезда», то есть с теми, кто по

каким-либо причинам поздно приступил к освоению образовательной программы и работает по сокращенным учебным планам.

Второй вариант предъявления материала – это устное объяснение преподавателем новой темы с тезисной записью основных положений на доске. При этом предполагается зрительная обучающихся опора на текст. Вслед за преподавателем они записывают основные тезисы с доски или из текста. Поскольку данная работа представляет собой упрощенный вариант лекции с опорой на текст, она подойдет для слушателей, которые имеют высокий (в большей степени) и средний уровень языковой подготовки в части развития навыков аудирования и чтения.

Возможен и третий вариант представления нового материала, который условно можно назвать «комбинированным». Он сочетает в себе первые два варианта работы. Устное объяснение будет касаться каких-либо не слишком трудных для восприятия, в том числе и с точки зрения языкового материала, явлений и фактов истории. В тех случаях, когда описание исторического явления насыщено терминами или затруднительно для понимания в связи с его общественно-исторической уникальностью или новизной для слушателей, необходимо дать возможность прочитать текст самостоятельно, осмыслить его и затем перейти к обсуждению в группе. Такой вариант представления материала неплохо зарекомендовал себя для работы в группах с разным уровнем языковой подготовки и рассчитан прежде всего на средний уровень.

Итогом изучения темы может быть не только повторение изученных на уроке тезисов, но и составление таблиц и схем по представленному материалу. Такая работа позволяет систематизировать полученные знания, включает механизмы зрительной памяти, что в конечном итоге способствует лучшему запоминанию исторических событий и фактов.

В качестве домашнего задания слушателям можно дать подготовку устных ответов на вопросы (если тезисы были записаны на уроке), а также дать выполнение теста по пройденной теме. Работа с тестами позволяет слушателям подготовиться к итоговому тестированию по истории, развивает их познавательную активность, а устные ответы на вопросы помогают развивать навыки разговорной речи.

Особого внимания заслуживает организация самостоятельной работы слушателей. Несмотря на то, что она является обязательной частью учебного процесса, не следует давать на самостоятельное изучение новую тему. Такое возможно только в крайнем случае, когда по каким-то причинам аудиторная работа была невозможна. При этом преподавателю необходимо проверить уровень и адекватность самостоятельного освоения новой темы слушателями и скорректировать имеющиеся неточности в восприятии. К сожалению, в та-

кой ситуации мы можем столкнуться с большой проблемой, при которой первичное восприятие окажется более сильным и станет частью фоновых знаний, что очень трудно поддается последующей корректировке.

Таким образом, при изучении истории иностранными слушателями на этапе довузовской подготовки языковой аспект является важнейшей частью учебного процесса. Предметные знания идут в тесной связи с уровнем коммуникативной компетенции слушателей. Русский язык – это инструмент овладения предметными знаниями, поэтому преподаватель-предметник должен быть в определенной степени знаком с методикой преподавания русского языка как иностранного. Следует отметить, что, не смотря на тесную связь между русским языком и общеобразовательными предметами, занятия по ним имеют разные методические и дидактические цели. Преподаватель-предметник не заменяет собой преподавателя русского языка и наоборот.

Организация процесса обучения истории должна включать обязательный этап отбора и отработки лексического материала; этап постановки поисковой задачи; этап представления нового материала, на котором выбор способов представления зависит от уровня языковой подготовки группы; этапа отработки и закрепления материала. При этом не стоит забывать, что обучение – это творческий процесс, при котором преподаватель должен чувствовать потребности и возможности группы, активно привлекать наглядность, выводить обучающихся в страноведческий и культурно-исторический аспекты.

Список литературы

1. Губанова Т.В., Максимова О.В. Особенности формирования исторических представлений у иностранных учащихся (из опыта преподавания истории иностранным студентам подготовительного курса) // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2016. Т. 42. С. 119–124. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56965.htm>.

2. Иоаниди А.Ф., Лидер Н.В. Из опыта разработки учебника по истории России для иностранных военных специалистов, обучающихся в вузах Министерства обороны Российской Федерации // Вестник евразийской науки. 2015. №4 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-opyta-razrabotki-uchebnika-po-istorii-rossii-dlya-inostrannyh-voennyh-spetsialistov-obuchayuschih-sya-v-vuzah-ministerstva-oborony>.

3. Кастелина И.П., Парфенова И.А., Рагульская Г.В. История России: учеб. пособие для иностранных студентов. М.: МГУ. Центр междунар. образования, 2005. 109 с.

4. Колосницына Г.В., Кастелина И.П. От Руси к России: учеб. пособие по русской истории IX-XIII вв. для иностранных учащихся / Г.В. Колосницына. М.: МГУ. Центр междунар. образования, 2004. 96 с.

5. История России: учеб. пособие для подготовки иностранных граждан к экзамену / В.М. Козьменко, А.В. Должикова, Р.А. Арсланов [и др.]. М.: РУДН, 2014. 173 с.

6. Соловьев Е.А., Блохин В.В. История России: от образования Руси до Революции 1917 г.: учеб. пособие для студентов-иностранцев. М.: РУДН, 2019. 127 с.

УДК 070:81.276.3

А.А. Безгина

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

СОВРЕМЕННЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ЖУРНАЛ: ЯЗЫКОВЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДНОГО ИЗДАНИЯ «ELLE GIRL»)

Данная статья раскрывает сущность таких понятий, как молодежная журналистика, молодежный журнал. Рассматриваются функции молодежных журналов. Дается характеристика молодежных изданий в историческом аспекте, состояние данного сектора СМИ в наши дни. Особое внимание уделяется анализу языковых особенностей молодежного журнала «ELLE GIRL».

Ключевые слова: *молодежный журнал, функции молодежных изданий, языковые особенности медиатекста.*

Молодежные СМИ давно стали частью системы средств массовой информации и основательно заняли свое место на медийном рынке. В России газета Санкт-Петербургского государственного университета «Студенческий мир» стала прародителем первых молодёжных печатных изданий. Первый выпуск данной газеты был датирован 16 ноября 1857 года. Печатные издания в течение первого века становления российской журналистики формировались и создавались исключительно при Академии наук и университетах. И самой многочисленной аудиторией первых альманахов и газет являлись студенты, т.к. именно данная аудитория читателей была больше других заинтересована в получении знаний [16, с. 81].

Система молодежной прессы современной России сформировалась к началу 1990-х годов. В ней можно было выделить такие виды журналов, как научно-популярные, научно-художественные, литературно-художественные, общественно-политические и др. При всём том вследствие глубоких социально-политических изменений на территории России постсоветского периода молодежные издания подверглись качественным изменениям [16, с. 82].

В настоящий момент молодежная пресса развивается стремительными темпами. Исследователь И. В. Жилавская отмечает это как сложившийся факт, называя современное поколение молодежи «негазетным поколением», но между тем подчеркивает, что молодежные издания обладают обширным ресурсом потенциальной аудитории. По ее данным, в России числится более 8000 юношеских и молодежных СМИ, среди них самым популярным в регионах видом СМИ остаются печатные издания [8].

Д. А. Гайдамак в своем исследовании толкует молодежь как «поколение людей, находящихся на стадии социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте – уже усвоивших культурные, образовательные, профессиональные и другие функции; с учётом определённых исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет» [5, с. 154].

Молодежь является самой активной частью общества, ввиду своей восприимчивости в особенности подвержена быстрым изменениям и влиянию извне. Молодые люди адаптируются быстрее в современных условиях, стремятся независимо проектировать реальность, строить жизненные стратегии, следуя свободе выбора, осознанно отходя от моделей поведения и ценностей старшего поколения, транслируемых и навязываемых СМИ. основополагающую роль в формировании молодого поколения играют массмедиа. Они демонстрируют нравственные основы поведения, формируют стиль жизни, дают образцы поведения [15].

Молодежные журналы являют собой иллюстрированные периодические универсально тематические и монотематические специализированные печатные издания, осуществляющие общие для всех средств массовой информации функции: ценностно-ориентировочную, познавательную, коммуникативную, добавляя ко всем перечисленным еще и особую социализаторскую функцию; рассчитаны на подростков в возрасте от 14 и до 17 лет или молодых людей от 18 до 24 лет [Там же].

Целевая аудитория молодежных журналов в основном начинается с подростков, обучающихся в старших классах, и заканчивается выпускниками высших учебных заведений, готовящимися перейти к самостоятельной профессиональной деятельности, то есть людьми в возрасте от 14 до 24 лет. Для первой группы характерны такие журналы, как «Все Звезды», «Cool Girl» (позже – «Лиза Girl»), «Seventeen», «Bravo», «Бумеранг», «Мне 15», «Elle Girl», «Teen Vogue» и т.д. К журналам второй группы относятся такие изда-

ния, как «Наша Молодежь», «Лиза», «Cosmopolitan», «Дом-2», «Elle», «Ровесник», «Vogue», «Rolling Stone», «Yes!», «OOPS!» и др. Формирование правильного и четкого представления о целевой аудитории дает возможность определиться с стилистической тональностью и необходимым содержанием номера. Данные параметры являются определяющими формата издания.

Отличие между подростковыми и собственно молодежными журналами заключается в сфере отражаемой действительности. Основная часть материалов журналов первой упомянутой группы касается проблем общения подростков с родителями, друзьями, сверстниками в школе, а также опыта построения первых отношений. Немалая доля информации журналов для подростков посвящена вредным привычкам, полезному времяпрепровождению, увлечениям. Тематика собственно молодежных изданий весьма вариативна: первый опыт работы, студенческая жизнь и т.д. Но также существует много различных тем, присущих журналам первой и второй группы: новости кинематографа, мира музыки, новинки, например, книжного рынка, советы врачей, психологов, звезд, дизайнеров и т.д., обзор прошедших и анонс предстоящих событий и пр. Исходя из вышеупомянутого, можно сделать вывод, что у всех молодежных журналов есть темы общие и присущие только одной из проанализированных групп [15, с. 4].

К универсальным функциям молодежных журналов относят следующие: ценностно-ориентирующая (молодежные журналы благоприятствуют созданию и укреплению ценностей), познавательная (печатные издания предоставляют свежую информацию читателям), коммуникативная (молодежные издания способствуют общению между читателями данного журнала). Залогом успешной социализации молодого читателя и его последующего конструктивного взаимодействия с СМИ является реализация все вышперечисленных функций и соблюдения баланса между ними [15].

Типичной именно для молодёжных журналов является социализаторская функция, которая подразумевает под собой то, что издания, нацеленные на молодых людей и в особенности подростков, помогают данной категории людей определиться со своей социальной ролью в обществе и приспособиться к условиям пребывания в нем. Проявления социализаторской функции весьма явны в статьях, которые касаются проведения досуга, норм поведения, психологических особенностей, выбора профессии и т. п. – материалах, касающихся важных как никогда тем, способствующих адаптации молодых людей в социуме. В качестве примера можно привести фрагмент из статьи журнала «Elle Girl»: *«В преддверии нового года поговорим о мотивации- изучим ее виды, циклы и узнаем, какая больше подходит тебе <...> Что тебе требуется в первую очередь, чтобы достичь цели? Удача, много денег, может, нужны знакомства? А вот и нет! В первую очередь тебе нужна мотивация, другими словами – побуждение к действию. Но где ее взять, и как она работает в принципе?»* [12]. В текстах, нацеленных на реализацию со-

циализаторской функции, обращение к читателю на «ты» помогает сократить коммуникативную дистанцию между адресатом и автором.

Рассмотрим некоторые языковые особенности молодежных журналов на примере популярного в России журнала массового распространения «Elle Girl», позиционирующего себя как гид по стилю и актуальным мировым событиям для девушек.

Будучи адресованными молодежной аудитории, публикации «Elle Girl» пестрят заимствованиями, среди которых значительное место занимают англицизмы. Языковой особенностью российской молодежной прессы можно считать написание русских слов латиницей и наоборот. Вместе с тем английские слова зачастую пишутся на кириллице, изменяется их грамматическая форма подобно русским словам, английская лексика трансформируется в оригинальные новообразования [1, с. 284]. Чаще всего такие слова можно встретить в заглавиях статей: «*How to собрать свой гардероб*», «*Flash-штучки*», «*Rockциклопедия*» и т.д., а также естественно в текстах: «*Это моя любимая музыка, это мой lifestyle, я этим живу*» [9]; «*Используете ли вы в Сети ненормативную лексику? Обычно при переписке по e-mail*» [13]. Данная «англоизация» языка, по мнению исследователей, коверкает «образ национального слова, рождая коммуникативные затруднения» [14, с. 151].

Одной из существенных причин изобилия иноязычной лексики в журналистских текстах, по мнению Л.П. Крысина, является социально-психологическая – «престижность иноязычного слова в сопоставлении с коренным или прежде заимствованным и обрусевшим» [Там же, с. 153]. Частое употребление иноязычных заимствований – «обычное явление, они легко формируют производные, а самое важное, люди осознанно их употребляют в обыденной речи» [Там же, с. 154]. Овладение иноязычной лексикой реализуется, как правило, путем интерференции, т.е. наложения двух языковых систем – английской на русскую. В ходе данного взаимодействия русский язык выступает в качестве субстрат англоязычной лексики. Употребляется звуковая форма англицизмов, влекущая за собой последующее грамматическое овладение слова: совершается введение лексемы в русскую словоизменительную парадигму, например: «*Рубрика для тех, кто увлекается разнообразными направлениями музыки и ценит мнение фронт-мэнов муз-галактики*» или «*Как ты относишься к тому, когда рэперы не сами сочиняют музыку, а берут сэмплы из других известных песен?*» [13] (сэмплы – музыкальные фрагменты какого-то произведения, как правило не раз повторяемые). Названные особенности употребления англицизмов находим у публикациях журнала «Elle Girl».

Другой лексической особенностью является щедрое использование варваризмов (от греч. barbaros – «чужеземный») – калькированных иностранных выражений и слов, не полностью отработанных в языке и воспринимаемых как инородные. Главная причина их появления в языке – потребность в

обозначении новых терминов. О.А. Давыдова подчеркивает, что «семантическое освоение заимствования выражается в том, что в жизни современного российского общества имеются реалии, именуемые этим словом» [6, с. 217]. Приведем примеры употребления варваризмов в текстах журнала «Elle Girl»: «Пока все будут чиллить и тратить свои законные новогодние каникулы на просмотр сериалов, предлагаем тебе немного отвлечься от режима «сон-остатки оливье-ноутбук-кроватка-сон <...>» [12]; «Недавно все любители... аут-сайдерских тусовок были потрясены...» [9]; «Ярким и запоминающимся моментом вечеринки был показ боди-арта» [10].

Часто на страницах молодежного журнала можно встретить жаргонизмы - слова, употребляемые группами, объединенными совместными интересами или определенными социальными факторами, несущие скрытый, непонятный для большинства смысл. В лингвистическом энциклопедическом словаре дается трактовка жаргона как разновидности речи, «используемой преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии ..., положения в обществе ..., интересов ... или возраста»; «от общенародного языка жаргон отличается специфической лексикой и фразеологией и особым использованием словообразовательных средств» [7]. Употребление жаргонизмов в молодежных журналах связано со стремлением ярко выразить показать свое отношение к явлению, предмету: «В общении с журналистами артистка много шутила, не стеснялась ярких современных выражений и приколов» [12]; «Как прекрасно! И не надо грузиться о смысле жизни и еще всякой там ерунде, просто жить и не волноваться, что подумают другие» [9] (грузиться в значении 'задумываться'); «В «совковые» времена рок в России был протестом, высказыванием чего-то нестандартного, противоречащего замшелым устоям общества» [11] (совковый - сленговое новообразование от слов советский, совок). Метафорический перенос и языковая игра - излюбленные приемы многих авторов [8]. Показательной тенденцией современной речи выступает феминизация жаргона [2, с. 39-40], что находит отражение в журнале для девушек, материалы которого могут быть предметом гендерного анализа [3; 4]. Молодежь одобряет и использует жаргонные выражения, т.к. они экспрессивны, выразительны, независимы от языковых стандартов, удачно включаются в языковую игру. Сленг встречается в большей степени на страницах интернет-версий журнала.

В текстах молодежного журнала легко выявить и просторечные элементы: например, «Знакомятся в Германии тоже как-то не по-нашенски: на улицах редко, в клубах часто» [10]; «И столько в вышеприведенных словах протеста, социального, политического, сексуального, да какого хошь! Хоть лопатой греби!» [11] (здесь автор нарочито использует просторечную форму слова хочешь, усилив его фразеологическим оборотом *хоть лопатой греби*). На страницах молодежных журналов можно встретить и вульгаризмы – лек-

сически сниженные слова, выходящие за пределы литературных норм языка. В основном это слова-ругательства, остро оценивающие явление, событие, предмет, положение: «*И тогда ты вновь окажешься депрессивным придурком*»; «*Вы не представляете моего состояния, когда я узнала, что подруга со дня на день выходит замуж за того самого невыносимого идиота*» [12].

Кроме того, обращает на себя внимание использование в публикациях журнала фразеологических единиц, преимущественно разговорной окраски (что свойственно фразеологии языка в целом [17, с. 17]), которые придают тексту юмористический или сатирический оттенок: например: «*...И тот к ним пристал как банный лист: вот вы умные такие... объясните..., как красные в семнадцатом победили*» [10]. Употребление лексических и фразеологических единиц разговорного, просторечного характера, с одной стороны, позволяет приблизиться к молодежной аудитории, стать «своим», а с другой – выразить личное мнение по поводу того или иного изображаемого явления.

Молодежный журнал являет собой сложный печатный продукт для самой активной читательской аудитории. Используя в качестве примеров материалы из известного переводного подросткового журнала «Elle Girl», мы выделили некоторые языковые характерные особенности названного печатного издания, обусловленные спецификой целевой аудитории, – это обилие различных англоязычных заимствований, варваризмов, жаргонизмов, фразеологизмов, просторечных высказываний.

Список литературы

1. Акопов А.И. Некоторые вопросы журналистики: история, теория, практика (публикации разных лет). Ростов-н/Д.: Терра, 2002. 367 с.

2. Беспалова Е.А., Леонова О. С. Русский молодежный сленг в ракурсе современного языкового развития // Стратегия развития региональных СМИ: проблемы и перспективы: материалы Всерос. заочной научн.-практ. конф. школьников, студентов и аспирантов. Курск, 2017. С. 37-43.

3. Виноградова М.В. Гендерный аспект процесса идентификации значения нового слова носителями языка: дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2009. 18 с.

4. Виноградова М.В. Организация и некоторые результаты экспериментального исследования влияния гендерного аспекта на процесс идентификации новых слов носителями языка // Теория языка и межкультурная коммуникация. Курск, 2008. С. 6–11.

5. Гайдамак Д.А. PR-сопровождение молодежных СМИ Санкт-Петербурга: теоретико-методологические основы исследования // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 85, № 6-2. С. 154-161.

6. Давыдова О.А. Заимствования-аббревиатуры в языке современных средств массовой информации // Язык современной публицистики: сб. статей / сост. Г. Я. Солганик. М.: Флинта: Наука, 2005. 232 с.
7. Жаргон // Лингвистический энциклопедический словарь URL: <https://slovar.cc/rus/lingvist/1465762.html>.
8. Жилавская И.В. Как «негазетное» поколение читает газеты. М., 2012. URL: <http://mic.org.ru/index.php/pr-ob/1-pr-ob/105-kak-negazetnoepokolenie-chitaet-gazety> (дата обращения: 20.04.2020).
9. Elle Girl. 2020. Март. С. 68–77.
10. Elle Girl. 2020. Февр. С. 44–50.
11. Elle Girl. 2020. Янв. С. 22–30.
12. Elle Girl. 2019. Дек. С. 44–47.
13. Elle Girl. 2019. Нояб. С. 50–63.
14. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996. 480 с.
15. Матюшенко Е. Е. Динамические процессы в языке молодежного журнала: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 20 с.
16. Розанов К.А. Молодежная пресса как составляющая студенческой жизни // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. «Филология. Журналистика». 2009. Т. 9, № 2. С. 81–87.
17. Федоркина Е. А. Фразеологический фрагмент языка художественных произведений Е. И. Носова. 1956–1962 гг. // Курское слово. 2004. № 1. С. 16–22.

УДК 811.161.1

М.И. Бельская

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева», Орёл

ЧТЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ

В статье анализируется текст и система предтекстовых, притекстовых и послетекстовых упражнений, способствующих формированию представлений о русском национальном празднике «Масленица».

Ключевые слова: социокультурная компетенция, чтение, текст.

Чтение является одним из четырех видов речевой деятельности, который обязательно должен присутствовать на занятиях по русскому языку как иностранному (далее – РКИ). Помимо формирования коммуникативной, лингвистической (языковой), речевой и других компетенций этот вид речевой деятельности имеет немаловажное значение для восприятия социокультурных особенностей, обычаев и традиций, национальной символики той страны, в которой осуществляется обучение неродному языку. Для характеристики вышеперечисленных факторов А.Н. Щукин ввёл понятие социокультурной компетенции, то есть «знание учащимися национально-культурных особенностей социального и речевого поведения носителей языка: их обычаев, этикета, социальных стереотипов, истории и культуры страны, а также способов пользоваться такими знаниями в процессе общения» [6, с.143]. Развитие социокультурной компетенции может рассматриваться в поливариантном контексте. Многие исследователи указывают на то, что обучающийся не может в полной мере участвовать в межкультурной коммуникации, не ориентируясь в кросс-культурном национальном пространстве.

На занятиях РКИ формирование представлений о национальных традициях особенностях страны осуществляется, главным образом, посредством работы с тематическими текстами. А.Н. Щукин выделяет две тенденции в восприятии взаимодействия языка и культуры: 1. От фактов языка к фактам культуры; 2. от фактов культуры к фактам языку [6, с.105]. По нашему мнению, при организации работы с текстом преподаватель должен учитывать оба подхода.

В методике РКИ выделяется несколько видов чтения: аналитическое, беспереводное, подготовительное, домашнее и классное, поисковое, просмотровое, ознакомительное и изучающее [3, с. 55–57]. Каждый из перечисленных видов применяется в определенных коммуникативных ситуациях, включает специфические комплексы упражнений, а также выполняет различные функции в контексте РКИ.

В рамках статьи мы предлагаем систему заданий, предназначенных для организации изучающего чтения на занятии по РКИ для слушателей подготовительного отделения (Первый сертификационный уровень). Именно при освоении Первого сертификационного уровня владения русским языком обучающиеся знакомятся с традициями, праздниками, культурой России (мы ссылаемся на учебник «Дорога в Россию: учебник русского языка (первый уровень): 2 часть).

Так, слушателям подготовительного отделения предлагается прочитать текст «Без блинов – не Масленица» [1, с. 66–67], который формирует представление о народном празднике. Работа с данным текстом включает как притекстовые, так и послетекстовые упражнения, имеющие коммуникативную направленность. Иными словами, обучающиеся должны не просто прочитать, понять текст, но и ответить на вопросы, верифицирующие степень

усвоения этой информации, например, «Что такое Масленица?», «Почему на Масленицу нужно весело проводить время?», «Есть ли подобный праздник в Вашей стране?». После ответа на перечисленные вопросы учащимся предлагается прочитать русские пословицы и поговорки о Масленице, подумать, как их можно интерпретировать. Однако в системе работы с указанным текстом отсутствуют предтекстовые упражнения, которые могли бы поспособствовать лучшему чтению текста и закреплению языкового материала.

В статье мы предлагаем несколько видоизмененный текст, рассказывающий о традициях, связанными с празднованием Масленицы, а также систему упражнений к нему. Важно отметить, что предлагаемые разработки могут использоваться не только в контексте изучения учебной программы по дисциплине «Русский язык как иностранный» и следования логике учебника «Дорога в Россию», но и как материал для внеаудиторной деятельности, особенно в период празднования Масленицы. Следует отметить, что преподаватель должен детально разработать аудио-визуальный материал занятия. Занятие можно начать с обсуждения коллажа, презентующего основные компоненты понятия «Масленица». Иным вариантом может стать последовательно заполнение коллажа по ходу занятия.

Следующий этап – это непосредственно работа с текстом.

I. Предтекстовые упражнения.

1. Прочитайте новые слова, попытайтесь понять их. Используйте словарь, если Вы не поняли их значение.

Проводы (что?) – проводить (СВ) // провожать (НСВ) – прощание с кем-либо.

Шумный = громкий = много шума

Мой сосед по комнате очень шумный, он все время слушает музыку, разговаривает по телефону.

Масленица – самый весёлый, шумный народный праздник.

Просить прощение = сказать: «Извините!»

Я чувствую, что я должна извиниться, попросить прощения.

Простить (СВ) // прощать (НСВ) кого (4) за что? (4) = дать прощание

«Простите за опоздание», – сказал Джон и вошел в аудиторию.

Точный

Часы показывают точное время. Масленица относится к праздникам, не имеющим точной даты.

Веселиться = быть веселым, счастливым.

На Масленицу не только ели блины, но и ходили друг к другу в гости, угощали друг друга блинами, а также много гуляли и веселились: пели песни, танцевали, катались на санках, лыжах, участвовали в различных играх.

Блины – блюдо русской кухни.

2. Подберите антонимы к словам.

Образец: холодный ≠ горячий

Весёлый ≠ ...; шумный ≠ ...; долгий ≠ ...; простые ≠ ...; заканчиваться ≠ ...; последняя ≠ ...; встречать ≠ ...; прощаться ≠ ...; приходиться ≠ ...; недорогие ≠ ...; веселиться ≠ ...; большой ≠

3. Образуйте от существительных глаголы, от которых они образованы.

Образец: провода – проводить (СВ)/ провожать (НСВ).

Встреча – ...; приход – ...; наступление – ...; приготовление – ...; участие – ...; угощение – ...; гуляние – ...; прощение – ...; прощание – ...; празднование – ...; сжигание –

4. Образуйте слова по модели: составьте словосочетания.

<i>Что?</i>	<i>Какой?</i>	
<i>Клубника</i>	<i>Клубничный (к//ч)</i>	<i>Клубничное варенье</i>
<i>Масленица</i>	<i>Масленичный (ц//ч)</i>	<i>Масленичная неделя</i>
<i>Единица</i>		<i>... случай</i>
<i>Столица</i>		<i>... новости</i>
<i>Улица</i>		<i>Футбол – ... вид спорта</i>
<i>Логика</i>		<i>... вопрос</i>

5. Составьте словосочетания. Используйте слова и предлоги *с* и *без*.

Яблочное варенье, клубничный джем, красная икра, черная икра, рыба, мясо, творог, сметана, фрукты.

Какие блины?

С чем? (5)

Блины с яблочным вареньем

Без чего? (2)

Блины без яблочного варенья

II. Притекстовое задание. Чтение и перевод текста.

Прочитайте текст. Ответьте на вопрос: почему Масленица является одним из любимых народных праздников в России?

Текст

Прочитайте текст. Ответьте на вопрос: почему Масленица является одним из любимых народных праздников в России?

Масленица – самый весёлый, шумный народный праздник. Масленица относится к «переходящим», не имеющим точной даты праздникам, связан-

ным с Пасхой. Согласно традиции, празднуют Масленицу на последней неделе перед Великим постом, который длится семь недель и заканчивается Пасхой.

Масленица – праздник, посвящённый проводам зимы и встрече весны. Люди прощаются с зимой, радуются приходу весны. Почему этот праздник называется Масленицей?

Название «Масленица» появилось потому, что на этой неделе можно было есть рыбу и молочные продукты: молоко, сметану, творог, масло, но нельзя уже было есть мясо. Слова «Масленица» образовано от слова «масло». По этой же причине масленицу называют Сырной неделей («сырная» образовано от слова «сыр»).

Традиционное и очень любимое всеми блюдо, которое обязательно готовят во время всей масленичной недели, – это блины. Есть русская поговорка: «Без блинов не Масленица». Почему именно блины стали печь на Масленицу? Масленица – это время, когда люди провожают зиму и встречают весну. Блин очень похож на Солнце, символизирующее наступление весны. Блин такой же круглый, горячий, золотистый как солнце, которое приходит весной после долгой холодной зимы. В старину говорили: «чем больше блинов на Масленицу напечешь, тем счастливее и богаче будет год». Съесть блин в масленичную неделю должен был каждый член семьи, потому что верили, что блин дает человеку энергию Солнца.

Для приготовления блинов нужны очень простые и недорогие продукты, которые были в каждой семье: молоко, яйца, сахар, соль и мука. На Масленицу пекли обычные блины, а также блины с разными начинками: с вареньем, с рыбой, с черной или красной икрой, со сметаной, с творогом.

На Масленицу не только ели блины, но и ходили друг к другу в гости, угощали друг друга блинами, а также много гуляли и веселились: пели песни, танцевали, катались на санках, лыжах, участвовали в различных играх. Каждый день недели Масленицы имел свое название.

Последний день Масленицы – «Прощёное воскресенье». В этот день все люди просят друг у друга прощение, на центральных площадях и улицах, в парках проходят народные гуляния. Заканчивается гуляние сжиганием чучела зимы, символизирующего приход весны.

Традиция печь блины и веселиться на Масленицу сохранилась в России и сейчас. И в больших городах, и в самых маленьких деревнях целую неделю шумно, весело и радостно празднуют Масленицу.

III. Послетекстовые упражнения.

1. Ответьте на вопросы:

– Вы прочитали русском национальном празднике. Почему этот праздник называется Масленицей?

– Когда отмечают Масленицу?

– Сколько длится Масленица?

– Назовите традиционное блюдо, которое готовят во время Масленицы.

– Как называется последний день Масленицы? Что делают люди в этот день?

2. Найдите в тексте причастия. Замените их конструкциями со словом *который*.

3. Скажите, есть ли подобный праздник у вас в стране? Расскажите о нём.

4. Напишите письмо другу о том, что вы узнали о Масленице.

Таким образом, представленный текст и система упражнений выполняют несколько функций: систематизация, повторение прежде изученного грамматического материала, а также формирование представлений о национальной традиции празднования Масленицы. Иными словами, чтение текстов определенной тематической направленности является одним из ведущих видов речевой деятельности, способствующих формированию социокультурной компетенции на занятиях по РКИ.

Список литературы

1. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Толстых А.А. Дорога в Россию: учебник русского языка (первый уровень): в 2 т. 5-е изд. СПб.: Златоуст, 2014. С. 66–67.

2. Коннова З.И., Семенова Г.В. Формирование социокультурной компетенции студентов на занятиях по иностранному языку // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. №4. С. 71–80.

3. Ревякина Т.Л., Щур В.В., Федотова Н.В. Чтение как аспект изучения на занятиях по РКИ // Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. №11. С. 54-60.

4. Чеснокова М.П. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие. 2 изд., перераб. М.: МАДИ, 2015. 132 с.

5. Щукин А.Н. Концепция дисциплины «Методика обучения русскому языку как иностранному» в контексте современной лингводидактики // Русский язык за рубежом. 2014. № 5 (246). С. 55–62.

6. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 2003. 334 с.

УДК 070

Т.В. Бочкова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ЖАНРОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ИСТОРИЙ

В статье рассматриваются особенности журналистских жанров, применимых в рамках формата мультимедийных историй. Анализируются примеры. Проводятся параллели между форматом и конкретными жанрами. Выявляются намерения авторов, выбравших ту или иную жанровую категорию. Особенности жанров в формате мультимедийных историй изучаются на примере материалов изданий «Аргументы и Факты», «Lenta.ru», «Pitchfork.com», «The Guardian».

Ключевые слова: жанр, формат, мультимедийная история, мультимедийный формат.

Относительно недавно в современных СМИ зародился новый формат журналистики, а именно журналистика длинных форм. Такие материалы называют мультимедийными историями, или лонгридами (от англ. long – длинное, read – чтение) [10, с. 45]. Формат мультимедийной истории включает в себя большое количество текста, разбитого на части с применением всевозможных мультимедийных элементов и других современных информационных технологий [22]. Первый опыт подобных проектов связан с жанром новостной заметки, в которой использовались только фотографии и видеоролики [2, с. 68]. Затем начали выпускаться более сложные, объемные материалы, включающие стильную инфографику, яркую анимацию и прочие современные спецэффекты.

Мультимедийная история – это не жанр онлайн-журналистики, а ее формат, который позволяет воплотить различные жанры. Проекты, написанные в рамках данного формата, посвящены определенным событиям, конкретным датам или актуальным проблемам. Однако не все темы подходят под освещение в формате мультимедийной истории [1].

Исследования ученых в этой области показали, что различные жанровые модели встречались в более чем пятидесяти анализируемых мультимедийных историях. Отметим, что параметры модели зависят от задач исследования [16]. Было выявлено, что жанры новостной журналистики являются неподходящими для применения в данном формате, поскольку их функциональная направленность ориентирована в основном на освещение актуальных событий, тексты которых предусматривают небольшой объем.

Мультимедийные истории позволяют раскрыть яркие визуальные образы, драматургию событий, но только там, где это действительно необходимо [4]. Авторы выделяют следующие критерии для подачи материала в данном формате:

1) событийный сюжет, проблема или герой (в идеале желательно сочетание всех трех составляющих);

2) возможность наблюдения (отсутствие визуализации препятствуют созданию мультимедийной истории);

3) авторская подача материала (сбор и обработка информации должна осуществляться силами журналиста, а не за счет вторичных источников).

По мнению исследователей, наиболее применимыми для данного формата считаются такие жанры, как «репортаж», «портрет», «аналитическая статья», «очерк». Мультимедийная история дает своему зрителю ощущение присутствия и переживания [9]. Это означает, что тема должна быть интересной и ориентированной на массовую аудиторию, вызывая у читателей желание в нее погрузиться. Такой материал должен заставить человека отправиться туда, где он не сможет оказаться по каким-либо причинам. Но при этом он будет испытывать эффект присутствия в рамках тех событий, которые описаны в тексте.

Анализируя жанровое разнообразие формата мультимедийных историй, необходимо обратиться к определению жанра журналистики [14]. Этот термин используется для называния устойчивых форм представления материалов в журналистских произведениях. На сегодняшний день существует несколько общепринятых теорий журналистских жанров А. А. Тертычного, А. В. Колесниченко, Г. В. Лазутиной и С. С. Распоповой [17]. При проведении нашего исследования мы отталкиваемся от более обобщенной классификации жанров А. В. Колесниченко, которая отличается своей универсальностью [7]. В работе «Практическая журналистика» ученый выделяет новостную, рациональную и эмоциональную публицистику. Новостная журналистика ориентирована на события, которые являются следствием решения каких-либо задач, рациональная публицистика состоит из самих задач, а эмоциональная обращена к людям. В силу таких особенностей новостной журналистики, как оперативность, краткость и кратковременность, тексты жанров данной категории в мультимедийных историях лучше не использовать. Поэтому мы остановимся на жанрах рациональной и эмоциональной журналистики.

К жанрам рациональной публицистики относятся следующие: ньюс-фиче (от англ. News-Feature – новостная история), комментарий, аналитическая статья и экспертное интервью. Данная категория – это аналитические тексты, направленные на сравнительный анализ, пояснение, комментирование тех или иных событий и явлений окружающей реальности. Такие формы

подачи материала используют для включения уже известного происшествия в контекст путем установления его связи с другими событиями с помощью логического анализа. Дадим краткие определения жанров данной группы: ньюс-фиче – рассказ не о самих событиях, а о тенденциях, которые автор увидел за этими событиями; комментарий – материал, посредством которого расширяется взгляд на новость, даются подробное объяснение и оценка; аналитическая статья – жанр, в рамках которого анализируются факты, составляется заключение и делается итоговый вывод; экспертное интервью – интервью с авторитетным специалистом, экспертом в определенной сфере, который включает событие в контекст.

Рассмотрим образец мультимедийной истории, относящийся к категории рациональной публицистики, на примере жанра аналитической статьи. Мультимедийная история-аналитика помогает воссоздать какое-либо событие, произвести его анализ, выяснить причину и последствия. Проект «Пуля, начавшая в Первую мировую войну» от «Lenta.ru» наглядно демонстрирует пример воплощения жанра аналитической статьи в рамках данного мультимедийного формата. *«Война будет повторяться до тех пор, пока вопрос о ней будет решаться не теми, кто умирает на полях сражений»*, – французский писатель А. Барбюс [18]. Этой цитатой начинается мультимедийная история, рассказывающая об убийстве наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги. Как известно, это и послужило поводом для развязывания Первой мировой войны (1914–1918 гг.) – первого глобального конфликта в новейшей истории человечества. Публикация вызвала у читателей большой интерес. Разработчики данной мультимедийной истории воспользовались специальными приемами сторителлинга в виде цитат с целью максимального увлечения читательской аудитории. Повествование было построено на элементах драмы, а также обогащено интересными иллюстрациями и инфографикой. Авторы проекта решили проанализировать события столетней давности и рассказать нам о них не академическим языком, а доступным каждому. Показать, как та давно забытая война продолжает влиять на нашу нынешнюю жизнь. Их задачей было воссоздать образ «живой» эпохи, близкой и понятной нам.

К жанрам эмоциональной публицистики относятся «репортаж», «фиче», «личностное интервью», «портрет». В них характеризуются люди в различных драматических ситуациях с целью получения эмоциональной реакции аудитории [8]. Отличается эта группа жанров своей субъективностью. Если подлинность новости можно проверить, а степень достоверности выводов жанров рациональной публицистики можно определить по степени выразительности фактов и соблюдению законов логики, то для эмоциональной публицистики факты и логика вторичны, а первичны лишь чувства и эмоции.

У каждого отдельного читателя будут свои собственные переживания, в этом и заключается предвзятость этой группы жанров [3]. Если, к примеру, сравнить несколько новостей об одном и том же информационном поводе, то они будут практически идентичны. А вот с материалами эмоциональной публицистики дело обстоит совсем иначе. Журналисты, описывая одно и то же событие, могут подать информацию с совершенно противоположного ракурса. Из-за этого может сложиться впечатление, что они были в совершенно разных местах. Дадим краткую характеристику жанрам данной группы: репортаж – рассказ очевидца, оказывающий влияние на читателя, создавая при этом «эффект присутствия» на месте описываемого события; фиче (англ. Feature) переводится как свойство или особенность, в журналистике этот термин употребляется по отношению к информационному материалу, который включает в себя одновременно несколько жанров: репортаж, портрет и интервью [11, с. 94], текст подается от третьего лица; личностное интервью – интервью, раскрывающее интервьюируемое лицо как личность посредством его цитат и эпизодов из жизни, которые он поведал интервьюеру; портрет – жанр, предполагающий также раскрытие личности, но не только благодаря беседе, но и через поведение человека в характерных для него жизненных ситуациях.

На наш взгляд, к перечисленным жанрам необходимо добавить портретный очерк, поскольку, он интересен тем, что является своеобразной золотой серединой между эмоциональной и рациональной публицистикой [13, с. 452]. По мнению А.В. Колесниченко, материал в жанре очерка пишется как от первого, так и от третьего лица, включая при этом черты репортажа. Из-за соединения одновременно репортажных и аналитических элементов очерк фактически стоит на стыке эмоциональной и рациональной публицистики.

Некоторые исследователи считают, что представленные в формате мультимедийных историй жанры эмоциональной журналистики обладают большим потенциалом для реализации подобных форматов, нежели жанры рациональной журналистики. Однако жанры этих обеих групп могут одинаково успешно применяться в формате мультимедийной истории. Доказательством является рассмотренный выше проект «Пуля, начавшая Первую мировую войну» от «Lenta.ru», относящийся к категории рациональной публицистики. Более важным критерием могут оказаться средства передачи информации, используемые в одной и в другой группах жанров. В этом смысле важны направленность мышления авторов публикации, которые выражаются уже в выборе самого жанра текста.

Рассмотрим примеры мультимедийных историй, представляющих жанры эмоциональной публицистики.

В жанре репортажа таким примером стала работа «Ад Беслана. Взгляд изнутри» издания «Аргументы и Факты» [19]. «В школе ещё чувствовался

запах краски после ремонта. В классе было много перwokлашек. Все такие красивые: в новенькой форме, с бантиками и цветами. Мы говорили об обновлениях, и тут внезапно раздались выстрелы». Воспоминания заложников, истории их семей и неизвестные ранее подробности вошли в спецпроект «АиФ.ru», посвященный десятилетию со дня трагических событий в Беслане. Люди, пережившие в 2004 году в буквальном смысле ад, рассказали, что происходило в захваченной террористами школе в течение тех трех страшных сентябрьских дней. Это первый материал «АиФ.ru», созданный в формате мультимедийной истории с использованием современных интерактивных элементов. Обращаясь к такому формату, создатели проекта хотели наиболее широко раскрыть тему и показать все детали события. Авторы использовали различные мультимедийные инструменты, благодаря которым воссоздали особую атмосферу и обеспечили глубокое погружение читателей в тему. Данный материал вызвал всплеск эмоций у читателей и получил много неравнодушных откликов.

К жанру портрета относятся интервью, очерки, биографические зарисовки, способствующие раскрытию личности героя. В качестве примеров приведем проекты PitchforkMedia – «GlitterintheDark», «MindControl» [15]. Это истории о людях, их жизни, взглядах, достижениях, которые всегда пользовались большим успехом у читателей. У зрителя создается впечатление, будто он сам лично знакомится с героем и общается с ним с глазу на глаз за чашечкой кофе или чая.

Вдохновляющая мультимедийная история «Glitter in the Dark («Блеск в темноте») сразу обращают внимание читателей своей интересной подачей [20]. Фотографии в стиле анимации и уникальные факты, которых нет ни в одном другом источнике, привлекают аудиторию и заставляют дочитать материал до конца. На фото представлена Наташа Хан – английская музыкальная исполнительница, более известная под псевдонимом BatforLashes.

Еще один спецпроект PitchforkMedia об американской певице Жанель Монэ «MindControl» («Контроль сознания») позволяет продемонстрировать жанр портрета в формате мультимедийной истории [21]. Многослойная верстка, динамичная анимация в сочетании с подходящими цветами убеждают зрителей погрузиться в материал, в котором на первый план выдвинуты спецэффекты. Наиболее привлекающим внимание аудитории элементом является обложка. Она представлена в виде черно-белой фотографии певицы и крупного заголовка. Помимо всего прочего, в оформлении фотографий используется эффект «добавления цвета». Фотографии становятся более насыщенными по мере скроллинга проекта. Мультимедийная история содержит видеофрагмент с низкой динамикой – это дает возможность читателю не слишком отвлекаться от чтения самого текста.

Ярким примером мультимедийной истории в жанре «фиче» стал проект «Fire storm» («Огненная буря») австралийской версии The Guardian [12]. В нем рассказывается история австралийской семьи, которая сумела выжить после страшных лесных пожаров. Три специалиста в течение пяти месяцев работали над созданием этой мультимедийной истории. В материале были использованы и фото, и видео для максимального погружения читателей в тему. Проектировщики построили проект таким образом, чтобы его смогли просмотреть даже те, кто не располагает большим количеством времени, делая ставку на визуальные эффекты.

Итак, анализируя разнообразие жанров мультимедийных историй, можно сделать следующие выводы. По содержанию исследуемый формат чаще всего сопоставим с жанрами эмоциональной и рациональной публицистики [5]. Таким образом, все мультимедийные истории можно разделить по степени популярности воплощения в них журналистских жанров. Наибольшим успехом у авторов пользуются мультимедийная история-репортаж, мультимедийная история-портрет, мультимедийная история – аналитическая статья и мультимедийная история-фиче. Такие жанры, как ньюс-фиче, комментарий, экспертное интервью или личностное интервью в формате мультимедийных историй используются реже.

Как видим, современные технологии оказывают колоссальное влияние на традиционные жанры и саму журналистику в целом [6]. Их вмешательство в развитие СМИ способствует видоизменению общепринятых жанров, превращая их в новые адаптивные мультимедийные форматы, жанрово-композиционные особенности которых позволяют создавать сложные, объемные материалы.

Список литературы

1. Азевич А.И. Мультимедийные лонгриды как средство формирования коммуникативных умений школьников. URL: <https://cyberleninka.ru>.
2. Амзин А.А. Новостная интернет-журналистика: учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012. 114 с.
3. Анюхина А.М. Феномен мультимедийного лонгрида и digital story telling в сетевых медиа. URL: <https://cyberleninka.ru>.
4. Афанасьева К. Артем Галустьян. Мультимедийные истории – это евроремонт в журналистике. URL: <http://svetsky.ru>.
5. Баранова Е.А. Конвергентная журналистика // Теория и практика: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М., 2014. 269 с.
6. Беспалова Е.А., Кондратьева Д.О. Структурные особенности публицистических текстов (на примере печатных изданий «Курская неделя» и «Ре-

гион 46») // Стратегия развития региональных СМИ: проблемы и перспективы: материалы I Всерос. науч.-практ. конф. Курск, 2015. С. 80–83.

7. Беспалова Е.А., Путята С.Б. Понятие жанра в современной журналистике // Новый взгляд на проблемы современного языкознания: материалы VII Междунар. науч. конф. школьников, студентов и аспирантов. Курск, 2016. С. 36–42.

8. Виноградова М.В., Леонова О.А. Специфика функционирования сленга в молодёжных интернет-изданиях (на материале отечественных и зарубежных медиа) // Стратегия развития региональных СМИ: проблемы и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Н. И. Степыкин (отв. ред.) [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2020. С. 30–38.

9. Выровцева Е.В. Мультимедийная история: технология & творчество. URL: <https://cyberleninka.ru>.

10. Градюшко А.А. Лонгрид как формат визуализации контента в современных интернет-СМИ // Современная веб-журналистика Беларуси. Минск, 2015. С. 44-48.

11. Золотухин А.А. Лонгрид, сноуфолл, мультимедийная история как новые вершины журнализма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика, 2015. № 2. С. 93–96.

12. Мунасипова Д.Д. Специфика жанра мультимедийных статей (на примере материалов газеты The Guardian за 2013–2014 гг.). URL: <http://vernsky.ru>.

13. Самарцев О.Р. Творческая деятельность журналиста (очерки теории и практики). М., 2013. 526 с.

14. Симакова С.И., Панюкова С.А. Мультимедийная история и ее особенности. URL: <https://cyberleninka.ru>.

15. Симмонс А. Как использовать силу историй. URL: <https://www.e-reading.club>.

16. Степыкин Н. И. Ассоциативный эксперимент и метод концептуальных карт как инструменты исследования структуры и содержания концепта // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 4 (43), ч. 1. С. 248–251.

17. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text2/01.htm>.

18. Пуля, начавшая Первую мировую войну. URL: <http://ww1.lenta.ru/sarajevo/>

19. Ад Беслана. Взгляд изнутри. URL: <https://beslan.aif.ru/>.

20. Glitterinthe Dark. URL: <http://pitchfork.com/features/cover-story/reader/bat-for-lashes/>.

21. Mind Control. URL: <https://pitchfork.com/features/cover-story/reader/janelle-monae/>.

22. Information, pedagogical and facilitation technologies in teaching a special philology class at non-specialized faculties of higher education institutions / S. Grakhova, I. Fayzrakhmanov, A. Zhundibayeva, [et al.] // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. 2019. N 8(12). P. 1613-1620.

УДК 811.161.1'373.217

Н.В. Бурко

ФГБОУ ВО «Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина», Орёл

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА НОСИТЕЛЕЙ ОРЛОВСКИХ ГОВОРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ОРОГРАФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ)

В статье представлен фрагмент языковой картины мира носителей орловских говоров на основе анализа бытующих в данной диалектной системе лексических единиц, служащих для обозначения различных географических объектов. Предметом рассмотрения, описания и интерпретации в данной работе являются диалектные слова, называющие небольшие овраги. В ряде случаев привлекаются данные этимологии, рассматриваются способы образования анализируемых лексем.

Ключевые слова: *языковая картина мира, диалектная лексика, лексема, значение, орловские говоры, русские народные говоры.*

Языковая картина мира в современной лингвистике изучается в разных направлениях: когнитивном, культурологическом, этнолингвистическом, психоллингвистическом, аксиологическом, антропологическом, социоллингвистическом. Такое разнообразие направлений «свидетельствует о том, что область манифестаций картины мира чрезвычайно широка. Для её моделирования привлекаются языковые средства разных уровней» [3]. Но именно лексика, по замечанию Т.И. Вендиной, «раскрывает особенности видения и “прочтения” мира тем или иным народом и является своеобразным ориентиром в его освоении» [4].

Неслучайно поэтому в лингвистических исследованиях такое внимание уделяется изучению слов, их значений. Особый интерес вызывает диалектная

лексика, которая тонко и точно отражает традиционно-народное восприятие окружающей действительности, знания о ней.

Нам хотелось бы представить фрагмент языковой картины мира носителей орловских говоров на основе анализа бытующих в данной диалектной системе лексических единиц, служащих для обозначения различных географических объектов. В данной работе предметом рассмотрения стали слова, называющие небольшие овраги.

Небольшой – "незначительный по величине, размерам" [17, т. 2, с. 423]. В словарях синонимов русского языка не представлен синонимический ряд, который включал бы слова с интегральной семой «небольшой овраг». Если попытаться выстроить такой ряд, опираясь на данные словарей современного русского литературного языка, то он может выглядеть следующим образом: **овра́жек** [16; 17], **ложо́к** [(Разг.) 16], **ложбинка** [(Разг.) 16; 17], **ложбиночка** [(Разг.) 16], **лощинка** [(Разг.) 16], **долинка** (ум.), **долинушка** (ласк.), **буера́чина** [16]. В литературном языке значение «небольшой овраг» передаётся суффиксальными производными, такие существительные имеют помету «ум» (уменьшительное). Различия между компонентами данного синонимического ряда касаются, во-первых, оттенков значения, во-вторых, стилистической маркированности. Стилистически нейтральной является лексема **овра́жек**. Остальные компоненты приведенного ряда синонимов стилистически окрашены, имеют помету «разг.» (разговорное) [16].

В живых орловских говорах этот ряд слов несколько иной. Кроме литературного **овра́жек**, он включает слова **вершо́к**, **вершо́чек**, **залб́жка**, **ложина**, **луговина**, **люлечка**, **ровб́чек**, **рытвина**.

В качестве доминанты приведённого ряда выступает лексема **вершо́к**. «Это слово по степени употребительности в орловских говорах является наиболее частотным по сравнению с другими единицами синонимического ряда: *Маленький верх мы вяршок завём* (Верховский р-н). *Верх он усякий бы-ваитъ. С рущьём или биз рущья – всё равно верх. Виришок – если малинький он* (Ливенский р-н). *Пашли мы чириз виришок, а там травы нету, адна гризюка* (Мценский р-н). *Три малиньких верха у нас тут сходятца вместе, и мы их завем виришки, а адин – виришок значить* (Ливенский р-н) [2, с. 39–40].

Существительное **вершо́к** известно в современном русском языке, но с иным значением, чем в орловских говорах: «русская мера длины, равная 1/16 аршина, применяющаяся до введения метрической системы (приблизительно равна 4,44 см)», «верхняя часть чего-либо» [16].

В говорах **вершо́к** – суффиксальное производное от **верх** «овраг». В современном русском литературном языке существительные, образованные при помощи суффикса **-ок-**, имеют уменьшительное значение, «обычно сопровождающееся экспрессией ласкательности, реже уничижительности, иногда только ласкательное экспрессивное значение» [10, т. 1, с. 208].

В толковании значения названного апеллятива в местных говорах присутствует сема «небольшой», т.е. проявляется значение уменьшительности, отмеченное в «Словаре орловских говоров» [11, т. 2, с. 17], но сопутствующего экспрессивного значения в орловских говорах не наблюдается.

Однако сема «небольшой» проявляется в значении слова нерегулярно. Например, в говорах Хотынецкого и Болховского районов мы не всегда обнаруживаем отмеченную сему в значении слова **вершо́к**: *Я пабегла у вяршок... а кругом усё вижжыть... Я у вяршок-ть скатилася, ды у руцейцик лигла, ды лижала. Вишки такія – уу – бальшыя такія, ест глыбокый...* (Хотынецкий р-н). *Наш вишок далеко-о тянитца* (Болховский р-н). То есть сема «небольшой» является факультативной.

Существительное **вершо́к** как уменьшительное к **верх** в различных значениях, в том числе и к значению «верховье, исток», известно с древнерусской эпохи. Встречается в Рязанских писцовых книгах 1264 г.: «А у той Бурыловки въ вершку стоить липа, на ней грани» [14, т. 2, с. 109]. К XVII в. у рассматриваемого слова появляется оттенок значения: «взгорье, яр, крутой берег, обрыв», который зафиксирован в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» [14, т. 2, с. 109].

В Отказных южнорусских книгах XVII в. апеллятив **вершо́к** в значении «овраг» встречается с 1624 г. Он отмечен в Карачевских, Брянских, Елецких, Курских, Мценских, Новосильских, Орловских отказных книгах, причём в Елецких, Новосильских памятниках письменности употребляется достаточно частотно «...стоит дуб толсть на нем гран от тово дуба пряма по конһць тово помһстья по вершку на подол в большой верхъ Козлов...» (Новосиль, 1630, л. 82 об.) [8, с. 205].

В «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) слово **вершо́к** в значении «яр, овраг; овражек» отмечено как орловское, курское, воронежское; оттенки значения: «небольшая лощина с крутыми берегами» – в тульских, «небольшая ложбина, врезающаяся в поле» – в московских говорах [13, т. 4, 176].

В словаре В.И. Даля наряду с **вершок**, **верх**, **овражек** приводится слово **вершинка** с пометой «орл.» [5, т. 1, с. 184], однако в современных орловских говорах в значении «небольшой овраг» такая лексема не отмечена.

Но с указанным значением употребляется в некоторых говорах Орловщины слово **вершо́чек**: *А этъ всё равно: нибальшой вишок можнъ сказать и нибальшой вишоцик. Этъ памякшы слова – вишоцик* (Ливенский р-н). *Ды када идем на базар, гаварим: вот вяршоцик пирийдем – и дома. Он, вяршоцик, малинькяй* (Знаменский р-н.).

Образован данный апеллятив при помощи суффикса **-ек-** от существительного **вершо́к**, уже содержащим суффикс **-ок-**. В современном русском литературном языке «образования с морфем **-ок-**, мотивированные словами,

уже содержащими морфемы *-ок-*, *-ик-* и имеющими уменьшительно-ласкательное значение, обозначают усиленную степень ласкательности» [10, т. 1, с. 208]. Однако поскольку производящая основа в орловских говорах имеет не уменьшительно-ласкательное значение, а только уменьшительное значение, то говорить о проявлении усиленной степени ласкательности, характерной для слов литературного языка, мы не можем. Это слово имеет ласкательное экспрессивное значение, что отражено пометой «ласк.» в «Словаре русских народных говоров» [11, т. 2, с. 17]. Мы можем говорить о локальности ареала лексемы **вершóчек** в значении «небольшой овраг, овражек», поскольку она встречается, по нашим данным, только в орловских говорах. СРНГ, такого значения у слова **вершóчек** не отмечает [13, т. 4, с. 178].

Сема "небольшой" присутствует также в значении субстантива **залóжка**. Заложка – «небольшой лог» [11, т. 4, с. 58]: *Лох – эть аврах такой с атлогими склонами. А малинький лох залошкый нъзывали* (Урицкий р-н).

Эту сему в значение существительного **залóжка** привносит суффикс *-к-*: **залóжка** от **залóг**, **залóга**. Производящее слово в орловских говорах – **залóга** – встречается в значении «непаханная земля, целина»: *Залогa – эть дёрн, непъши* (Новосильский р-н). *Каров на залогги стиригли* (Ливенский р-н) [11, т. 4, с. 58]. С тем же значением отмечена эта лексема в СРНГ как «Новосил., Тул.» [13, т. 10, с. 215], ныне Новосильский район – часть Орловской области.

Кроме названного значения, в народных говорах апеллатив **залóга** имеет следующую семантическую характеристику: «запущенная пашня (Ленингр.); земля, оставшаяся на некоторое время без вспахивания (Дон.); земля, вспаханная под огород (Куйбыш.); участок вырубленного леса (Тул.)» [13, т. 10, с. 215].

С несколько более широким спектром значений и ареалом отмечено в СРНГ [13, т. 10, с. 213] слово **залóг**. Необходимо отметить, что почти все значения слов **залóг**, **залóга** в современных русских говорах относятся к земледельческой лексике [13, т. 10, с. 213–215; 12, с. 102; 22, т. 4, с. 81].

В древнерусском языке у слова **залóг** также было отмечено значение, связанное с сельскохозяйственной деятельностью человека: «никогда не паханная земля или надолго заброшенная и задернованная пашня» [14, т. 5, с. 233; 18, т. 1, ст. 926].

Залóг – производное от слова **лог**, которое связывают с «лежать». Ср. лит. *atlagai* «поле, долго лежавшее под паром» [20, т. 2, с. 509], «серб. *лòк*, р. *лòга* лежание» [9, т. 1, с. 463].

На основе широко распространенных значений в отдельных регионах наблюдаются различные семантические сдвиги в слове **залóг(а)**. В Пермской области **залóг** – «сырое место, где плохо пахать и где низкие урожаи» [7,

с. 216], в Рязанской области – «впадина, пологая ямина, низменность с видимыми окраинами» [5, т. 1, с. 585], в курских говорах – «пологая впадина» [7, с. 344].

Как видим, в результате развития семантики у лексемы **залог** появляются чисто географические значения, и «этот апеллятив из сферы сельскохозяйственной терминологии переходит в сферу географической лексики. Следует подчеркнуть, что такой переход не единичен, наблюдается у целой группы слов: **ляда, лядина, луг, луговина**» [2, с. 43].

Небезынтересно отметить, что дериват **заложка** отмечен как уменьшительно-ласкательное к **залог** в значениях: «земля, оставленная на некоторое время без вспахивания» и «участок вырубленного леса» в соседних тульских говорах [13, т. 10, с. 217]. «Однако с известным орловским говорам значением «небольшой овраг с пологими склонами» эта лексема не встречается в других регионах, и мы можем считать её в этом случае собственно-орловским орографическим апеллятивом» [2, с. 43].

То же можно сказать о слове **ложина**. В словарях современного русского языка это слово не отмечено. Но оно было известно в русском языке в XVII в. со значением «ложбина»: «Отъ дороги ржавцемъ же до ложины, у ложины столбъ, на немъ граны»... (Тамб. Арх. 1636 г.) [14, т. 8, с. 274]. **Ложби-на** – «первичная форма нормальной эрозии. Образуется как естественный канал стока вод, атмосферных осадков в равнинных и холмистых местностях. Обладает плавными формами: пологими склонами, незаметно переходящими с одной стороны в плоские или слабовогнутые днища, а с другой – в ровную поверхность равнины» [7, с. 345].

В «Словаре современного русского литературного языка» (БАСе) значение слова **ложбина** сформулировано следующим образом: «Длинная впадина на земной поверхности; неглубокий овраг» [16, т. 6, ст. 234]. С этим же значением в олонечских говорах употребляется лексема **ложина**, а в русских говорах Калмыкии это слово имеет значение «овраг в лесу» [13, т. 17, с. 108].

В орловских говорах у слова **ложина** появляется сема «небольшой овраг»: *Лух весь в лажынъх, из-за этъвь он кажътиць валнистым* (Орловский р-н).

Образована лексема от существительного **лог** с помощью характерного для географической номенклатуры суффикса **-ин-** (ср.: верх → вершина, низ → низина и др.).

Интересна в ряду слов, называющих небольшие овраги, лексема **луговина**.

В современном русском языке это слово стилистически окрашено (разг.) и имеет значение «то же, что луг; небольшой луг» [16, т. 6, ст. 386], а **луг** – «пространство, покрытое травянистой растительностью сенокосное, пастбищное угодье» [16, т. 6, ст. 386].

Семантика слов **лог**, **луг** и их дериватов в говорах тесно переплетается. В орловских говорах, например, у апеллятива **лог** есть значение «покрытый растительностью участок земли, который используется под пастбище или для сенокоса, луг»: *Либъ тилёнкъ нынчи на лох атвесть? Трава там дюжъ харошъя* (Кромской р-н). *На тот лох мы сенъ ходим касить* (Колпнянский р-н). *В этом гаду на логе трава харошъя* (Новодеревеньковский р-н). Производное от него существительное **логовина** может употребляться для названия небольшого луга [11, т. 6, с. 59]: *Раньшы девки мълადьи любили нь лъгавине кърагоды вадить* (Хотынецкий р-н). А слово **луговина**, помимо значений «большой луг», «низменная часть большого луга», «край леса; опушка», имеет в орловских говорах значения «дно оврага» и «небольшой неглубокий овраг с пологими склонами» [11, т. 6, с. 75]: *В лису сплашныи лугавины, толькъ апхади их* (Орловский р-н).

В СРНГ у лексемы **луг** отмечено в тверских и томских говорах значение «лог» [13, т. 17, с. 174].

В целом же в семантике слова **луг** преобладает оттенок хозяйственного значения, это скорее «термин агрономический, – считает Н.И. Толстой [19, с. 110], – нежели относящийся к рельефу». Н.И. Толстой, рассматривая семантику слова **луг** в Полесье, отмечает «наличие двух значений, одного общевосточнославянского – 'травная земля, покос, пастбище; пожня, пажить; мелкотравная (не болотистая, не бурьянистая) равнина'... и другого, характерного для западно- и южнославянских языков, – "лес"» [19, с. 110–111].

Сопоставляя семантические изменения и сдвиги в славянских диалектах в целом, исследователь наблюдает семантические переходы по линии "луг" ↔ "лес" [19, с. 110–113, 244].

В орловских говорах, как мы видим, выявляется несколько иная направленность семантических сдвигов и связей слов с корнем *луг-*, прежде всего, по линии "луг" ↔ "овраг", сходная с направлением семантических переходов слов с корнем *лог-*. Значение "луг (и его части)" отмечено у слов **луг**, **луговина**, **луговинка**, **лог**, **логовина**; значение "овраг (и его части)" – у слов **лог**, **логовина**, **ложина**, **ложок**, **луговина** [11], **луг** [13].

Возникает вопрос о причинах такого рода семантической близости лексем с корнями *луг-*, *лог-*.

В этой связи, вероятно, будет целесообразным сопоставить происхождение слов с корнями *луг-*, *лог-*.

Лексему **лог** связывают с глаголом «лежать»: "лит. *atlagai* поле, долго лежавшее под паром", греч. *λόχος* "засада", галльск. *logan* "могила" [20, т. 2, с. 508].

Лексема же **луг** – в этимологическом отношении не бесспорное слово. Некоторые относят её «к одной группе с **лука**, пол. *laka* луг, долина и лужа» [9, т. 1, с. 474], другие сближают с «лит. *lėnge* "маленький лужок между двух холмов» [20, т. 1, с. 527]. П.Я. Черных выдвигает предположение: "Может

быть, следствие контаминации о.-с. **lQk* (лука') и о.-с. *logъ* – "лощина" (корень **leg-*: **log*; лежать). Древнерусское *логъ* – "лощина" известно с XII в. лука – "залив" встречается уже в Повести временных лет под 6604 г.» [21, т. 1, с. 494).

Итак, с одной стороны, возможно сближение лексем с корнями *лог-*, *луг-* ещё в общеславянскую эпоху. С другой стороны, можно также предположить фонетическое взаимовлияние апеллятивов **лог**, **луг** в современных говорах, объясняющееся близостью лабиализованных фонем <о>, <у> и повлекшее перенос названия на иную реалию и появление новой семантической характеристики.

На развитие семантики слов с корнями *лог-*, *луг-* явное влияние оказали также и внеязыковые особенности. Лог – это задернованная впадина на земной поверхности, как правило, покрытая разнотравьем. Лугом называют место, покрытое хорошим травостоем. В последнем случае наличие обильного травяного покрова выступает как релевантный (определяющий) признак, а в первом случае в качестве такового выступает характеристика реалии как географического объекта (впадина). И лог и луга задействованы в хозяйственной деятельности крестьян: их используют как пастбища или сенокосные угодья.

В результате синкретичного влияния интра- и экстралингвистических факторов становится возможным сходное развитие семантики слов с корнями *лог-*, *луг-* по линии "овраг" ↔ "луг".

Со значением «небольшой овраг» встречается в орловских говорах слово **ровбчек**: *Миста знали. Вот идём нь-ньд равоцкъм, ана на адну сторъну, я – нь другуя* (Ливенский р-н).

Образование слова **ровбчек** аналогично образованию рассмотренной выше лексемы **вершбчек**: *ровочек* ← (ровок) ← ров. Однако необходимо отметить, что лексема **ровбк**, выступающая в качестве производящей для **ровбчек**, в значении «овраг» в орловских говорах не зафиксирована. Это слово встречается в говорах Малоархангельского района со значением «канавы на поверхности почвы, проведенная плугом или иным рыхлящим орудием для посева; борозда»: *Равок праводят на агароде углом тяпки, штоп симина пасеять, агуры там или марковку*.

Рытвина: *Там Манькъ нь краю жыветъ, туда, к рытвини. А етъ рытвинь – ну, аврах* (Орловский р-н). *Чириз рытвину прайдёш и увидиш сад. Этъ нидалёкъ, биги* (Малоархангельский р-н).

Это слово по словарям известно с XVII в. [21, т. 2, с. 131] и восходит к тому же, что и **ров**, "и.-е корню **reu-*; **reuэ-*: *ry-* "рыть", "вскапывать" [21, т. 2, с. 131].

В БАСе [16, т. 12, ст. 1634] лексема **рытвина** отмечена со значением «яма, канава, промытая водой или выбитая на дороге колесами; промоина, колдобина»; в МАСе [17, т. 3, с. 753] – со значением «углубление на дороге,

выбитое колесами или вымытое дождями». Как видим, в значении слова, зафиксированного в литературном русском языке, релевантными признаками являются местоположение реалии (углубление на дороге) и характер её образования (промытое водой или выбитое колёсами). «В орловских говорах мы встречаемся с семантическим диалектизмом, так как лексема **рытвина** употребляется для номинации иного географического объекта – небольшого оврага (следует отметить, что это не последнее звено в развитии значения представленной лексемы). Семантические различия слова в говорах Орловщины и литературном языке могут быть основаны на том, что "в значении слова, представляющего несколько сем, одна проявляется ярче, становится ведущей за счет других, оттесняемых на периферию" [6, с.166], и в конечном итоге исчезающих. В орловских диалектах такой менее важной и потому утратившейся оказалась сема, указывающая на местоположение географического объекта» [2, с. 47–48]. Признак "характер образования реалии" сохраняется, но конкретизируется (реалия, "промытая, вымытая талыми и дождевыми водами") и, на наш взгляд, отодвигается на второй план. В качестве существенного признака в данном случае выступает «признак величины ("большой" ↔ "малый"), активизация которого способна привести к смене денотата» [19, с. 245]: "углубление на дороге" → "небольшой овраг".

Существительное **люлечка** локально ограничено. В значении «овраг» оно не встречается в других русских говорах [13], а в местных говорах отмечено на территории Новосильского района: *Карова ихняя у люлишки была* [11, т. 6, с. 89].

Появление указанного значения у лексемы **люлечка** стало возможным, на наш взгляд, в результате метафорического переноса, возникшего на основе внешнего сходства с люлькой – детской колыбелью. Вероятно, плавные покатые склоны, небольшой размер географического объекта напомнили уютную детскую люльку.

Таким образом, мы видим, что в большинстве случаев сема "небольшой овраг" наличествует в суффиксальных образованиях от слов со значением «овраг»: овраг – **овра́жек**; верх – **вершóк**, **вершóчек**; лог – **ложина**, (**заложка**); луг – **луговина**; ров – **ровóчек**, то есть, в словах, образованных морфологическим способом (как и в общенародном языке). Кроме того, отмечены неморфологические образования **рытвина**, **люлечка**. В одном случае (**рытвина**) семантические изменения происходят в пределах семантического поля географической лексики, в другом (**люлечка**) – географическое значение приобретает слово, относящееся к иному семантическому полю.

Список литературы

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1968.

2. Бурко Н.В. Орографическая лексика в орловских говорах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Орел, 1998. 278 с.

3. Вендина Т.И. Лексический атлас русских народных говоров и языковая картина мира русского народа // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования: 1995. СПб, 1998. С. 11–18.

4. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Изд-во «Индрик», 1998.

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. М., 1981–1982.

6. Жмурко О.И. Семантические диалектизмы в говорах Ивановской области (о работе над картотекой лексики природы) // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования: 1995. СПб., 1998. С. 165–169.

7. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.

8. Памятники южновеликорусского наречия: Отказные книги / АН СССР. Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1977. 359 с.

9. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 1-2. М., 1959.

10. Русская грамматика / АН СССР. Ин-т русского языка. Т. 1-2. М.: Наука, 1980.

11. Словарь орловских говоров / под ред. Т.В. Бахваловой. Вып. 1-4. Ярославль, 1989-1991; Вып. 5-17. Орёл, 1992–2016.

12. Словарь русских говоров южных районов Красноярского края / под ред. В.Н. Роговой. Красноярск, 1988.

13. Словарь русских народных говоров. Вып. 1-26. Л.: Наука, 1965–1991; Вып. 27–41. СПб.: Наука, 1992–2007.

14. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1-28. М.: Наука, 1975–2008.

15. Словарь синонимов русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1-2. М., 1971.

16. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1-17. М., Л., 1950–1965.

17. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1-4. М., 1981–1984.

18. Срезневский Н.Н. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1-3. М., 1958.

19. Толстой Н.И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. М.: Наука, 1969. 262 с.

20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1986–1987.

21. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М., 1994.

22. Ярославский областной словарь / под ред. Г.Г. Мельниченко. Вып. 1-10. Ярославль, 1981–1991.

УДК 070

Е.А. Быкова, Е.А. Беспалова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

К ВОПРОСУ О СЕМИОТИКЕ ФОТОГРАФИИ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

В статье рассматривается вопрос о знаковой природе фотографии, ее положении и значении в современных СМИ. Процесс визуализации окружающей действительности происходит с помощью невербальных знаков, воспринимаемых реципиентом одновременно и целостно. Установлены типы восприятия знаковой информации реципиентом: референтная семиологическая ветвь, безреферентная семиологическая ветвь и смешанная семиологическая ветвь. Образ как текст выполняет в современном обществе функции социализации, интеграции и идентификации.

Ключевые слова: *фотография, коммуникация, семиотика, образ, креолизованный текст, СМИ.*

Фотоматериалы на страницах сетевых СМИ сегодня являются обязательным структурным элементом графической составляющей издания. Они позволяют читателю получить достоверное представление о явлении, «такой симбиоз текстовых и изобразительных компонентов сегодня называют визуальной журналистикой» [1, с. 406]. Очевидно, что данный формат передачи информации предполагает использование компонентов, которые будут считываться реципиентами с учетом их картины мира [2, с. 25].

На сегодняшний день для оценки таких типов материалов эффективно использовать термин «креолизованные тексты», «фактура которых состоит из двух негемогенных частей: вербальной и невербальной» [3, с. 180].

Визуализация реальности происходит через невербальные знаки, адресованные коммуниканту: «когда мы говорим о “письме”, то обозначаем этим словом не только физические жесты буквенной пиктографической и идеографической надписи... Мы имеем в виду не только кинематографическое или хореографическое, но и живописное, музыкальное, скульптурное “письмо”» [4].

В такой ситуации сам знак становится необходимым звеном между отражаемой действительностью и транслируемой информацией. Образ, который относится к иконической системе кодирования, передается реципиенту. Тогда семантика сообщения репрезентируется «не в линейной или временной последовательности, а в пространстве, неповторимо, индивидуально, в некоторых случаях стихийно, здесь и сейчас, поэтому выделение знаков такого рода сообщения затруднительно» [5, с. 238].

Не вызывает сомнения тот факт, что любой образ воспринимается сознанием реципиента целостно. Ю.М. Лотман отмечает, что «для иконических знаков в качестве кодов выступают непосредственные зрительные, слуховые и тому подобные впечатления <...> условность их внутри данного коллектива не осознается» [6]. Усвоение кодовой системы происходит бессознательно и не требует изучения знаковой системы [7, 8].

Следует отметить и то, что визуальный образ содержит целую систему знаков, участвующих в создании текста, при том что внутренние связи между означающим и означаемым, их конвенциональность могут выражаться в разной степени. Именно поэтому фотографическое изображение представляет собой сложное семиотическое единство всех компонентов в кадре.

Краткие новостные заметки, как правило, сопровождаются одной фотографией: это может быть портрет крупным планом, предмет или жанровое фото с очевидно понятным сюжетом [9, с. 81]. В этом случае знаковый посыл изображения состоит из прямого отражения действительности – фотография фиксирует факт реальности.

В профильных исследованиях отмечается, что в невербальном кодировании связь между означаемым и означающим в знаках образа значительно сильнее, причем сам месседж в этом случае читается достаточно легко.

Р. Барт выделяет несколько уровней визуального значения. Первый – «иконическое сообщение, в основе которого нет никакого кода, то есть пред-

ставлена прямая передача информации об изображенных на фотографиях предметах. На другом уровне образ – это система символических конвенциональных кодов (иконическое сообщение, в основе которого лежит некий код). Она несет в себе некую связную совокупность знаков, дискретных и требующих определенных культурных знаний, отсылающих к означаемым, «пропитанным эмоционально-ценностными представлениями» [10, с. 301].

Речевое поведение вариативно, и решить поставленную коммуникативную задачу возможно несколькими способами [11, с. 443] и посредством различных знаковых систем, с помощью лексических, фразеологических [12, с. 48], а также невербальных средств. Как уже отмечалось, фотографию следует рассматривать как знаковую систему (и это утверждение бесспорно, поскольку в каждом конкретном акте коммуникации она фиксирует факт передачи информации), где означаемым выступает визуальный образ в определенной контекстной ситуации [13]. Установлены следующие типы восприятия знаковой информации реципиентом.

Референтная семиологическая ветвь. В базовом понимании в основе смысла фотоизображения будет образ, который возникает у адресата в результате ментальной реконструкции объектов. На этой основе может возникнуть миф в качестве вторичной мифологической системы (нарратив или даже концепт). Далее могут проявиться системы последующих уровней, построенные по принципу настоящей ветви.

Безреферентная семиологическая ветвь. Существуют такие графические образы, которые по своей пластической форме не позволяют воспринимать референта или сокращают референцию до минимальных значений. Смысловое содержание этого знака – фиксация отсутствия референта. Именно поэтому миф, который использует в качестве означаемого весь знак первичной семиологической системы, теряет опору и может существовать только как пластический миф, а это в первую очередь эстетика (учение о сущности и формах в художественном творчестве) и ее контекст. Затем могут возникать системы последующих уровней, также построенные по принципу ветви.

Смешанная семиологическая ветвь может возникать только на втором, мифологическом уровне – уровне слияния эстетики и нарратива, что становится основой третичной мифологической системы, затем могут возникать системы последующих уровней, построенных по принципу настоящей ветви.

Такой многомерный состав позволяет создать сложную систему целостного образа, где каждый элемент взаимодействует с соседним. В этом случае интерпретатор может столкнуться с проблемой качественного пони-

мания изображения, вот почему таких символически насыщенных изображений в СМИ значительно меньше. Как правило, такие фотографии самодостаточны или их невербальный контекст настолько силён, что словесный комментарий может потерять силу воздействия. Перед журналистом в этом случае ставится более сложная задача: как создать содержательно и эмоционально гармоничный медиатекст.

Роль медиасистем в передаче невербальной информации сегодня высока. Образ-текст выполняет в обществе множество функций. Это функции социализации, интеграции и идентификации [14]. Текст образов задает реципиенту параметры и формат восприятия и дальнейшей коммуникации. В этом случае важно представлять культурный контекст образа, его включенность в систему других иллюстраций. С другой стороны, сами визуальные коды могут усваиваться и транслироваться участниками коммуникации, например, модная порода собак или поза в кадре.

Меняется и само отношение к уже имеющимся визуальным кодам. Публикация фотографии ярко накрашенной молодой женщины в большинстве случаев не вызывает негативной реакции. Сегодня общество рассматривает этот образ положительно, оценивая его как раскованный и смелый.

Таким образом, мы можем сказать, что визуальный образ с семиотической точки зрения является транслятором информации собеседнику в определенной закодированной системе. Он включает в себя двоичную систему означающего и означаемого, открывающуюся в социальной коммуникации через высказывание, жест, мимику, символику фото. В этом контексте понимания фотография в системе СМИ приобретает особый статус сложного семиотического целого с многоуровневой системой комментария.

Список литературы

1. Карелова Т.В. Визуальная журналистика: способы создания публицистического образа // Юбилейный сборник научных трудов преподавателей, аспирантов и магистрантов социологического факультета Самарского гос. ун-та. Самара: Самар. ун-т, 2014. С. 406–414.

2. Беспалова Е.А., Карцева О.В. Влияние фактора профессиональной специализации радиожурналиста на его коммуникативную культуру // Новый взгляд на проблемы современного языкознания: материалы VII Междунар. науч. конф. школьников, студентов и аспирантов. Курск, 2016. С. 24–29.

3. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180-186.
4. Деррида Ж. Конец книги и начало письма. URL: <http://philosophy.ru/library/intent/06derrida.html>.
5. Белоусова Ю.В. Образ с точки зрения семиотики // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14, вып. 14. С. 237–242.
6. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Условность в искусстве. URL: <http://dictionnaire.narod.ru/convention.htm>.
7. Попова Г. В. Фантастика: специфические особенности восприятия // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2012. № 2. С. 81–84.
8. Попова Г. В. Фэнтези и сказка: к вопросу о дифференциации жанров // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2012. № 2. С. 77–80.
9. Беспалова Е. А., Кондратьева Д.О. Структурные особенности публицистических текстов (на примере печатных изданий «Курская неделя» и «Регион 46») // Стратегия развития региональных СМИ: проблемы и перспективы: материалы I Всерос. науч.-практ. конф. 2015. С. 80–83.
10. Барт Р. Риторика образа // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 297–318.
11. Степыкин Н. И., Полхова Ю. А. Анализ коммуникативных стратегий и тактик в ситуации конфликта (на материале телесериала «Scrubs») // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 37, № 3. С. 442–450.
12. Виноградова М.В., Колосова М.А. Специфика использования устойчивых выражений в региональных печатных СМИ России и Великобритании // Стратегия развития региональных СМИ: проблемы и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курск, 2019. С. 48–55.
13. Степыкин Н. И. Типология реакций: в поисках путей решения проблемы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2017. Т. 7, № 2 (23). С. 70–79.
14. Виноградова М.В. Организация и некоторые результаты экспериментального исследования влияния гендерного аспекта на процесс идентификации новых слов носителями языка // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2008. С. 6–11.

УДК 8.11.161.1'38

Ван Сяосюй, Г.А. Хайрутдинова

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань

ОБРАЗНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМЫ ОСЕНЬ В АСПЕКТЕ АНАЛИЗА ЯЗЫКОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ XX – XXI ВЕКОВ)

Статья посвящена исследованию образности темпоральной лексемы «осень», используемой в стихотворных произведениях XX – XXI веков. Изучение обозначенной проблемы проведено в аспекте описания своеобразия русской языковой ментальности, что весьма актуально в условиях усиления внимания ученых к языковым механизмам восприятия и интерпретации действительности. Целью исследования является анализ образности лексемы «осень» с учетом тех языковых механизмов, которые участвуют в процессах ментального конструирования мира.

Ключевые слова: *стихотворный текст, лексема «осень», образный потенциал слова, образная парадигма, языковая ментальность.*

Вопросы, связанные с изучением ментальности, привлекают большое внимание ученых, в том числе лингвистов – Л.И. Жуковской, М.П. Ахиджаковой, Л.Н. Петровой, С.К. Сапиевой, А.Н. Хавдока и др. Исследование процессов ментального конструирования мира и его интерпретации с опорой на языковые факты имеет значительные перспективы. Так, Л.И. Жуковская полагает, что проблема ментальности является некоей точкой схождения феноменов языка и национальной культуры. Высока значимость категории ментальности человека, его базовых культурных ценностей и в плане национальной идентичности [1, с. 114]. А.Н. Хавдок рассматривает ментальность народа как часть этноязыковой картины мира, реализуемой через систему нравственных ценностей. Она становится языковым элементом лексических единиц, проявляющимся на уровне их значения [5, с. 111]. Следовательно, можно считать, что ментальность – это миропонимание в категориях и формах родного языка. Она соединяет в себе интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях.

В аспекте языковой ментальности актуальность представляет изучение тех лексических единиц, которые обладают высокой степенью значимости для определённого дискурса. Объектом нашего исследования является темпоральная лексема *осень*, функционирующая в поэтических текстах XX – XXI в. Основная цель работы – анализ образности лексемы *осень* в контексте

описания языковой ментальности. Материалом для изучения послужили стихотворные тексты, извлеченные из «Национального корпуса русского языка».

Вначале рассмотрим семантику темпоральной лексемы. В «Толковом словаре русского языка» это слово имеет значение ‘время года, следующее за летом [3, с. 378]. Анализ нашего материала показал, что существительное *осень* довольно часто употребляется в прямом словарном значении как определенное время года. Например: *Вот и осень наступает, / Ветер листья осыпает, / На гумне теперь цепы / Бьют тяжелые снопы.* (Г. Глинка «Осень»); *Шафранный день звенит в колосьях, / Проходит жизнь, проходит осень.* (С. Есенин. «Шафранный день звенит в колосьях...»). В достаточно редких случаях лексема *осень* используется в переносном значении. Приведем текстовый пример: *О, возраст осени! Он мне / Дороже юности и лета.* (С. Есенин. «Пускай ты выпита другим...»). В этом фрагменте текста слово *осень* обозначает зрелость, период жизни между молодостью и старостью. Иногда данная лексема выражает определенное душевное состояние, уныние, печаль: *Когда душа настроена на осень, / То от себя печаль так трудно отогнать. / Хотя над головой светлеет неба просинь, / А мир вокруг – сплошная благодать.* (М. Лисянский. «Осенние листья»).

Семантика лексемы, наряду с другими факторами, определяет ее образные ассоциации. Категория образности языковых единиц получила освещение в трудах многих ученых (Н. Д. Арутюновой, В. В. Виноградова, В. П. Москвина, Е. А. Юриной и др.). В своем исследовании мы во многом опираемся на концепцию Н. В. Павлович. По ее мнению, поэтический образ существует в языке не сам по себе, а реализует инвариант – сложный смысл, общий для всех ее членов. Такой инвариант называется парадигмой образов и состоит из двух смыслов, связанных отношением сравнения: левого элемента X (того, что сравнивается с чем-то) и правого элемента Y (того, с чем происходит сравнение) [4, с. 17].

Исследование образных возможностей лексемы *осень*, выступающей в качестве предмета сравнения, позволяет выявить такие наиболее объемные типы парадигм, как «осень → живой предмет», «осень → экзистенциальное», «осень → ментальное», «осень → растение», «осень → предмет», «осень → пространство», «осень → вещество», «осень → информация».

Рассмотрим самую объемную образную парадигму, в которой лексема *осень* сочетается с существительными, обозначающими живые предметы. При этом правый элемент (Y) репрезентируется словами, относящимися к более конкретным понятиям «человек» (а) и «животное» (б). Приведем текстовые примеры: а) *Осень, осень, вот пойдут дожди, / И хозяйкой снова станешь ты.* (М. Одинокова. «Осенняя песня»); *Срежет мудрый садовник-осень / Головы моей желтый лист.* (С. Есенин. «Кобыльи корабли»); б) *И осень, как овчарка, / Бежит за колесом.* (И. Елагин. «Каштановым конво-

ем...»); *Вот осень голубиной горлинкой / Воркует в голубом скиту.* (М. Герасимов. «Вот осень голубиной горлинкой...»). Так, в первом фрагменте текста лексема *осень* сближается с личным существительным *хозяйка*, реализующим значение 'женщина, которая ведет хозяйство, хозяйственные дела' [3, с. 694]; в последнем примере позицию правого элемента модели замещает орнитоним *горлинка* - 'небольшая птица из семейства голубиных' [3, с. 124].

Исследование материала показало, что образ сравнения в данном типе парадигмы чаще всего реализуется за счет языковых единиц, которые называют лицо женского пола: *царица, подруга, вдова, хозяйка, цыганка* и др. Например: *И Осень тихую вдовой вступает в пестрый терем свой...* (И. Бунин); *Покуда снег еще не донял / И не осыпались года, / Цыганка-осень, по ладоням / Золотосмуглым погадай!* (М. Зенкевич. «Сухою охрою ли, в хну ли...»).

Как видим, выбор правого элемента (Y) модели обусловлен не только образными ассоциациями автора, но и наличием категории рода в грамматике русского языка. По мнению Г.А.Хайрутдиновой, в грамматическом значении рода могут быть выделены 4 компонента: сигнификативный, денотативный, структурный и коннотативный. Описание случаев персонификации неодушевленных существительных, в том числе лексемы *осень*, связано с актуализацией денотативного компонента грамматического значения рода. Сущность данного компонента определяется такими признаками предмета, как 1) живой или неживой и 2) отнесенность к существам либо мужского, либо женского пола, независимо от того, представляют ли они реалии объективной действительности или мир человеческой фантазии. Как известно, неодушевленные субстантивы в системе языка не обладают денотативным элементом значения рода, однако могут приобретать квазиденотативный компонент значения благодаря персонификации [7, с. 99]. Так, в следующем примере неодушевленное существительное *осень* приобретает квазиденотативный элемент значения рода благодаря сближению с одушевленным субстантивом *подруга*, обладающим денотативным элементом значения рода, что проявляется в указании на пол обозначаемого лица: *Ты опять со мной, подруга осень...* (И. Анненский. «Ты опять со мной, подруга осень...»). В этом плане особенно показательным является контекст, в котором употреблено существительное женского рода *старуха*: *На облучке старуха – Осень, / Широкий путь – во все концы, / В дуге – сияющая просинь, / А под дугою – бубенцы...* (С. Образович. «Осенний звон»). Дело в том, что более органичной при описании данного фрагмента художественной действительности была бы опора на образ противоположной гендерной характеристики с использованием существительного мужского рода (например, *ящик* или *старик*).

Ср. у А.С. Пушкина: Ямщик сидит на облучке в тулупе, красном кушаке... Однако, как видим, предпочтение отдано наименованию лица женского пола. Это очевидный пример, свидетельствующий об обусловленности выбора лексемы своеобразием языковой ментальности автора как носителя языка: характер образа определяется не столько изображаемой ситуацией, сколько сходством сближаемых языковых единиц (субстантивов *осень* и *старуха*) с точки зрения их родовой принадлежности.

Интересно отметить, что в рамках этого типа парадигмы используются также лексические единицы, отражающие своеобразие языковой картины мира русских людей. К числу таких единиц можно отнести слово *ведьмочка*, производное от слова *ведьма*, – ‘в сказках, народных поверьях: злая волшебница’ [3, с. 71]. Приведем в подтверждение сказанного текстовый пример: *Царевна-осень золотая, / Весне ты старшая сестра / <...> / Сидишь, как ведьмочка на стоге, / С янтарным солнышком вдвоем.* (Е. Абрамова. «Царевна-осень золотая...»).

Иногда феминизация неодушевленных существительных, кроме сближения с личными существительными (типа *подруга, хозяйка*), имеющими в своем грамматическом значении рода денотативный элемент, поддерживается также за счет средств художественного контекста [6, с. 68]. В приводимых далее фрагментах стихотворных текстов в качестве таких средств выступают существительное *коса* в форме множественного числа (‘сплетенные в одну прядь волосы’ [3, с. 250]) и слово *шаль* ‘большой вязаный или тканый платок’ [3, с. 713], которые способствуют конкретизации образа в обозначенном аспекте: *Чудо-осень, краса ненаглядная, / Сон твой душу и ранит, и лечит. / И стоишь ты царевной нарядною, / Распустив свои косы на плечи.* (М. Одиновка. «Золотая осень»); *Шаль примеряет плутовски, / Играя, осень с томной ленью, / Не привнося пока тоски, / Не побуждая к сожаленью.* (А. Перекрестова. «Закат. Восторженно в лиман...»).

Следовательно, своеобразие языковой ментальности русских людей, находящее своё отражение в том числе при реализации образно-ассоциативного потенциала лексических единиц, обусловлено не только реальной действительностью, но и особенностями грамматической подсистемы языка, отражающей способы категоризации окружающего мира.

Таким образом, представленный иллюстративный материал подтверждает обусловленность функционирования лексических единиц языковой ментальностью. Выбор образа сравнения при использовании лексемы *осень* в стихотворных текстах определяется не только образными ассоциациями поэтов, но и самобытностью родного языка, теми языковыми механизмами, которые участвуют в процессах ментального конструирования мира.

Список литературы

1. Жуковская Л.И., Сайгин В.В. Концептуальное поле «ГРЕХ» в контексте изучения языковой ментальности // Научный диалог. 2017. № 12. С. 113–125.
2. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-poetic.html> (дата обращения: 25.01.20).
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. М.: Изд-во «АСТ»: Изд-во «Мир и Образование», 2015. 736 с.
4. Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М.: Азбуковник, 2004. 527 с.
5. Хавдок А.Н. Функционирование специфических языковых единиц в сказочных текстах как способ отражения ментальности адыгов // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 20. С. 111–113.
6. Хайрутдинова Г.А. О функционировании лексемы *радость* в художественной речи (на материале стихотворных произведений XX века) // Филология и культура. 2016. № 4. С. 65–70.
7. Хайрутдинова Г.А. Семантика грамматического рода существительных в контексте проблемы эстетики языковых единиц. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Спец. выпуск «Актуальные проблемы гуманитарных наук». 2006. № 1. С. 94–101.

УДК 811.161.1

Л.В. Васильева

Филиал ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», Железноводск

ОРОНИМИЯ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД: СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ

В статье представлена классификация оронимов топонимии Кавказских Минеральных Вод, разработанная на основе структурно-словообразовательного подхода. Автором выделены следующие типы оронимов: однословные *отапеллятивные*, однословные *аффиксальные*, *эллиптические*, *заимствованные*, а также *имена-словосочетания* и *имена-сочетания*. Представлены результаты сравнительно-сопоставительного и количественного анализа оронимического материала. Определены

доминирующие деривационные модели, топоформанты, используемые в онимизации орографических объектов региона.

Ключевые слова: *оронимы, апеллятив, суффиксальные топоформанты, термин-индикатор, субстратный ороним, гибридный ороним, ороним-эллипсис, топонимизация, деривационная модель.*

Актуальность комплексного лингвистического и экстралингвистического анализа региональных онимов, их систематизация и классификация безусловна. Информация ментальности народа, отраженная в языковой картине мира, содержится в особых маркерах – антропонимах и топонимах. Несмотря на то что отечественная ономастика как самостоятельная, междисциплинарная отрасль языкознания оформилась во второй половине XX века (благодаря работам В.Н. Топорова, О.Н. Трубачева, А.И. Попова, В.А. Никонова, Е.М. Поспелова, А.В. Суперанской, Н.В. Подольской и др.), проблемное поле современных ономастических исследований широко и включает множество направлений: дальнейшую разработку понятийного и научно-методического аппарата, активизацию и координацию ономастических исследований различных уровней, создание банка онимов для лингвистического анализа и др.

Полиэтнический регион Кавказских Минеральных Вод (КМВ) имеет сложную и длительную историю межэтнического взаимодействия. Активное заселение восточнославянскими этносами (русскими, украинцами) началось в конце XVIII века, что и предопределило доминирование в современной топонимии русскоязычной номинации, в том числе и орографических объектов. Из 68 проанализированных нами оронимов, 50 (74%) – русского происхождения, 1 оним – адыгского происхождения (Машук), 4 – тюркизмы (Бештау, Джуца, Кокуртлы, Шатджамаз) (7%), еще 13 (19%) гибридных, т.е. состоящих из русских онимов и иноязычных (осетинского или тюркского происхождения).

Целью нашего исследования является структурно-словообразовательный анализ оронимии КМВ, т.е. выявление формул деривации онимов орографических объектов, с целью объединения их в оронимические типы. Систематизация географических имен по разным направлениям – необходимый компонент в изучении топонимического материала. Современные ономасты (О.С. Евсеевой, И.С. Просвирниной, Н.В. Васильевой, А.К. Матвеевым, Е.Л. Березович, Г.В. Глинских и др.) предлагают множество вариантов классификаций топонимов. Однако в основе большинства из них лежат два подхода – морфолого-синтаксический и структурно-словообразовательный,

предложенные еще в прошлом столетии видным отечественным специалистом по ономастике А.В. Суперанской [6, с. 83].

В результате исследования нами определены группы топонимов, или топонимические типы, орографических объектов КМВ, объединенные единством структуры и характером их возникновения, т.е. топонимической моделью.

Анализируемые оронимы структурированы нами в две группы: однословные, состоящие из одного слова и одной основы, и составные. К однословным мы отнесли и 2 онима, образованные от сложных апеллятивов с военной семантикой, – Миноносец и Броненосец. Общее количество однословных имен – 31, что составляет 46 %. Данный тип неоднороден и включает несколько топомоделей.

Первую модель мы назвали отапеллятивной. Она представлена 9 онимами (13%), образованными от существительных, и 12 оронимами-эллипсисами (18%) [4, с. 142]. К данным топонимам мы относим однословные, субстантивированные адъективы, термин-индикатор (географический термин) которых подразумевается. Об этом свидетельствует грамматическая форма – категория рода. Например, Безымянная, Лохматая, Горячая, Железная, Лысая, Медовая, Острая, Шелудивая, Щелочная, Монахова – женского рода, потому что индикатор женского рода – гора (или горка). Овечий и Суворовский – мужского, индикатор (курган) мужского рода.

Отапеллятивная модель имеет два варианта. Метафорический – переход имени нарицательного в имя собственное, осуществляемый на основе сходства двух объектов или ассоциативных признаков. И метонимический – онимизация базируется на разного рода связях апеллятива и денотата.

Оронимы метафорической разновидности отапеллятивной модели:

– Свистун – перенос осуществлен на основе схожести функциональных качеств (на вершине горы постоянно дуют степные ветры, издающие звуки, похожие на свист) [2, с. 270];

– Бык, Верблюд, Кинжал, Миноносец, Броненосец, Острая, Бастион (скала, внешне напоминающая неприступную крепость-бастион [2, с. 236]) – на основе схожести по форме;

– Медовая – перенос на основе схожести по цвету;

– Лохматая, Лысая, Шелудивая – перенос на основе схожести по качеству поверхности. «Склоны Шелудивой имеют множественные скальные выступы и каменные осыпи, которые напоминают струпья или коросту, шелудь по-древнерусски» [1, с. 648].

Всего 12 объектов (18%)

Оронимы метонимической отапеллятивной модели (9 объектов, 13%):

– Трахит, Горячая, Железная, Щелочная – перенос названия содержащего (минеральных источников, горной породы вулканического происхождения) на содержащее (возвышенность);

– Бекет (искаженное Пикет – название казачьего сторожевого поста [2, с. 236]), Овечий – перенос название части объекта (сооружения, расположенного на вершине, военного сооружения), на весь (невысокую гору, курган);

– Безымянная (самая высокая возвышенность в Ставропольском крае, вероятно поэтому не нуждалась в специальном обозначении и долгое время оставалась без имени [2, с. 236]) – перенос названия признака объекта (отсутствие имени) на сам объект;

– Монахова (горка), Суворовский (курган), относящиеся к посессивным топонимам, – перенос имени «создателя» (кургана), владельца на возвышенность.

Вторая модель однословных оронимов названа нами аффиксальная, так как топонимизация основана на суффиксации. Название гор Развалка, Кабанка, Змейка, Казачка, Дубровка образованы при помощи топоформантака. При этом 2 топонимы – кабан, зме[j/a] – метафорические по форме, 3 – развал/ить, казак // ч, дубров/a (устаревшее название лиственного леса, обычно с преобладанием дуба [5, с. 451]) – метонимические по признаку объекта. Развалка, имя «отражает генезис горы – трехцикличный процесс одновременного формирования и разрушения» [1, с. 649]. Дубровка – растительный (реликтовый дубово-ясеневоый) покров. Казачка – название «владельцев» (казачков, первых поселенцев при колонизации Северного Кавказа).

Необходимо отметить, что суффиксация – один из наиболее распространенных способов деривации в русской ономастике, преимущественно гидронимов и, немногим меньше, оронимов [7, с. 22]. Однако в оронимии КМВ они представлены незначительно, 5 объектов (7,5 %). В то же время, данный материал (как единственный способ суффиксации) подтверждает тезис о высокой продуктивности суффиксальных топоформантов -ка-, -овка в XVII – XIX вв. в онимизации объектов, расположенных в южных регионах Российской империи, в отличие от северных и центральных, в которых широко представлены топоформанты -ов-, -ев-. По утверждению В.А. Никонова, граница между этими суффиксами – рубеж Московского государства XVI в. [3, с. 9].

Третья модель однословных оронимов – заимствованные. Их 5 (7,5%): Джужа, Бештау, Кокуртлы, Машук, Шатджатмаз.

Субстратные (иноязычные) оронимы, встречающиеся на данной территории, восходят к автохтонным этносам – адыгам (кабардинцам и черкесам), аланам (осетинам), а также к переселенцам кыпчакам (карачаевцам и балкар-

ца). «Субстраты, – приводим образное определение В.А. Никонова, – следы побежденного языка в составе языка-победителя» [3, с. 7]. Действительно, топонимы любого регионов созданы разными этносами и принадлежат разным историческим эпохам. В этом отношении относительной устойчивостью характеризуются макротопонимы, преимущественно гидронимы и оронимы. Именно в этом пласте топонимического материала более всего представлены субстраты. Из проанализируемых 5 нерусскоязычных оронимов КМВ 2, Бештау и Машук, выступает в качестве системообразующих оронимов региона, еще 2, Джуца, Шатдзамаз образованы от одноименных гидронимов.

Необходимо отметить, что данные субстраты имеют разную степень адаптации в русском языке. Бештау, Кокуртлы, Шатджатмаз не имеют падежных изменений, в отличии от двух других – Машука и Джуцы.

Вторая группа оронимов, составные, доминирует в топонимии КМВ. Их 37, что составляет 54%. По структуре – двухкомпонентные. Данные имена собственные мы распределили классифицированы на 2 типа: имена-словосочетания и имена-сочетания.

Первый тип по характеру стержневого слова имеет три варианта: словосочетания с географическим термином (официальным или народным), с топонимом, с апеллятивом. Преобладает первый вариант – 27 (40 %). Из них 18 (27 %) – Серые скалы, Синие скалы, Козьи скалы, Орлиные скалы, Крестовая гора, Пастбищный хребет, Березовское ущелье, Дарьинский хребет, Боргустанский хребет, Джинальский хребет, Бермамытское плато, Боргустанское плато, Лермонтовская скала, Перкальская скала, Кабардинский хребет, Рим-гора, Кабан-гора, Кольцо-гора – с официальным географическим термином, а 9 (13 %) – Белая куча, Красные камни, Северный холм, Бирючья горка, Пикетная горка, Солдатская горка, Сосновая горка, Казачья горка, Золотой курган – с народным.

Второй вариант состоит из 7 оронимов (10 %). При этом в 6 именах-словосочетаниях стержневое слово является субстратным оронимом, а зависимое – адъективом с контрастным значением: Большой Бермамыт – Малый Бермамыт, Большой Бештау – Малый Бештау, Верхний Джинал – Малый Джинал. Данные гибридные (т.е. состоящие из разноязыковых компонентов) топонимы образуют корреляты по размеру или расположению. Седьмой топоним, Белый ключ, вторичный, образован от гидронима Белый ключ.

Третий вариант незначительный. Он представлена 1 оронимом (более 1%) – Лисий нос, который образован средствами метафоры (перенос на основе сходства по форме).

Второй тип составных оронимов представлен 2 названиями (3%): комплетивным (Два брата) и фразеологическим сочетанием слов (Спящая краса-

вица – распространенное имя сказочной героини). Оба они образованы, как и предыдущий, по способу метафорического переноса по форме.

Подводя итог структурному анализу оронимии КМВ мы пришли к следующим выводам:

– система названий орографических объектов сформирована средствами русской топонимии – 63 имени (гибридные мы относим к собственно русской топонимии), что составляет 93%;

– в оронимии преобладают составные онимы, в качестве стержневого слова которых выступает либо географический термин (40%), либо нулевой термин-индикатор, представленный в так называемых оронимах-эллипсисах (18 %) (общее количество около 39 или 58%);

– приоритетным способом онимизации выступает безаффиксный отапельлятивный – 29 оронимов (около 43%).

В заключение необходимо отметить, что данное исследование целесообразно расширить, проанализировав деривационную модель топонимов других видов, в частности гидронимов и ойконимов, а также этимологию и способ номинации субстратных онимов региона.

Список литературы

1. Васильева Л.В., Величко И.В. Концепт «гора» как концепт топонимической картины мира Кавказских Минеральных Вод // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6. С. 647–649.

2. Гаазов В.Л., Черная Т.К. Ставропольеведение. I часть: География Ставропольского края. Литературный край. Ставрополье. М.: Изд. Надыршин, 2010. 760 с.

3. Никонов В.А. Научное значение микротопонимии // Микротопонимия. М., 1967. С. 5–14.

4. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. М.: Наука, 1988. 192 с.

5. Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 1. 696 с.

6. Суперанская А.В. Типы и структура географических названий // Лингвистическая терминология и прикладная топономастика. М.: Наука, 1964. С. 59–118.

7. Чайкина Ю. И., Монзикова Л. Н., Варникова Е. Н. Из истории топонимии Вологодского края. Вологда, 2004. 112 с.

УДК 372.881.161.1

И.В. Величко, Р.И. Пелипенко

Филиал ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», Железноводск

УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОГО ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ

В статье на основе изучения проблемы формирования коммуникативных компетенций у детей-билингвов рассматриваются условия эффективного обучения учащихся-инофонов русскому языку в начальных классах общеобразовательной школы.

Ключевые слова: коммуникативные компетенции, билингвизм, учащиеся-инофоны.

В современное российское образовательное пространство в последнее время широко внедряется компетентностный подход. Поэтому становится актуальной проблема коммуникативной компетентности и её формирования, прежде всего это касается младшего школьного возраста. В данном возрасте одной из наиболее значимых является коммуникативная деятельность. Проблема формирования коммуникативной компетентности обостряется многократно, если ребёнок растёт в условиях билингвизма. Социальная мобильность населения в условиях многонациональной страны определяет необходимость адаптации внутренних мигрантов. Кроме того, возросло количество трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья. Многие семьи переселяются с детьми, которым нужно посещать образовательные организации. Низкий уровень коммуникативной компетенции школьника-билингва снижает продуктивность его общения с окружающими, способствует возникновению специфических психологических особенностей, порождает релевантные черты общего и речевого поведения, что приводит к снижению коммуникативной активности.

Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования направлен на обеспечение «равных возможностей получения качественного начального общего образования; условий для эффективной реализации и освоения обучающимися основной образовательной программы начального общего образования, в том числе обеспечение усло-

вий для индивидуального развития всех обучающихся, в особенности тех, кто в наибольшей степени нуждается в специальных условиях обучения» [1, с. 3], к кому, без сомнения, можно отнести и детей-инофонов.

Возникает необходимость проведения коммуникативной коррекции, которая включает систематическую работу, направленную на формирование мотивационной сферы школьника-билингва, его коммуникативной деятельности, коммуникативной культуры. Такая деятельность требует от педагогов специально организуемых занятий на основе комплексного и индивидуального подхода через создание оптимальной развивающей среды и погружения ребёнка-билингва в совместную деятельность со взрослыми и детьми.

Чем выше будет уровень сформированности коммуникативной компетенции учащегося с двуязычием, тем проще ему будет даваться соблюдение социальных норм поведения и правил в разных видах деятельности, эффективнее начнёт протекать процесс социализации, быстрее будет происходить развитие коммуникативных универсальных учебных действий, таких как умение взаимодействовать в общении, вступать в диалог и поддерживать его, доброжелательное отношение к собеседнику, использование невербальных средств общения.

Компетенция – наиболее значимый критерий для характеристики любого билингвизма, в том числе и детского. Проявление коммуникативной компетенции возможно только в речевой деятельности. Поэтому данный критерий является одним из определяющих при оценке билингвального развития ребёнка на каждом языке.

Коммуникативная активность при формировании детского билингвизма измеряется с двух сторон: интенсивность начала общения на каждом языке и объём вербальной и невербальной коммуникативной деятельности самого ребёнка на каждом языке. Но в целом проблема билингвизма в младшем школьном возрасте гораздо сложнее и включает не только коммуникативный, но и психологический и социальный аспекты. Такие дети, из-за слабого владения русским языком, реже вступают в контакт, стесняются отвечать на вопросы учителя, плохо усваивают материал всех предметов, отказываются участвовать в мероприятиях, у них появляется замкнутость, апатия, чувство неуспешности, а в отдельных случаях агрессивность, озлобленность. Проблема усугубляется еще и тем, что в семье не могут оказать помощь ребенку, потому что зачастую родители сами слабо владеют русским языком, дома общение осуществляется на родном языке. Таким детям необходимо оказывать помощь по разным направлениям, проводить мероприятия по языковой, психологической, социальной, культурной адаптации. Поэтому эту работу

должны осуществлять все педагогические работники школы: учитель начальных классов, педагог-психолог, социальный педагог, педагог-организатор, логопед. И вести эту работу нужно не эпизодически, время от времени, а в системе, создавая программу адаптации детей-инофонов. Такая программа может включать работу по следующим направлениям.

Социологическое направление:

- анкетирование родителей с целью выявления степени владения русским языком членов семьи ребенка-инофона;
- составление социальной карты семьи ребенка-инофона;
- обследование жилищно-бытовых условий семьи;
- проведение работы с родителями детей-инофонов (родительские собрания, обучающие семинары, вовлечение в внеурочную деятельность).

Психологическое направление:

- диагностика уровня развития когнитивных процессов детей-инофонов (ощущение, восприятие, речь, мышление, воображение, память, внимание);
- определение степени адаптации – дезадаптации ребенка к школе (опросник Н.Г. Лускановой);
- на основе результатов диагностики планирование деятельности с детьми-инофонами по их подготовке и участию в общешкольных коллективных творческих делах, организация кружков, секций, других творческих объединений обучающихся;
- проведение индивидуальных и групповых психологических консультаций, тренингов.

Языковое направление:

- диагностирование речевых проблем учащегося;
- распределение детей-инофонов по уровням владения русским языком;
- проведение индивидуальных и групповых занятий с детьми-инофонами с использованием методик обучения русскому языку как неродному;
- организация наставничества в помощи овладения русским языком в урочной деятельности с привлечением учеников класса;

Культурное направление:

- вовлечение обучающихся, в том числе детей-инофонов, в совместную деятельность по направлениям, соответствующим требованиям ФГОС к урочной и внеурочной деятельности;

- организация наставничества в помощи овладения русским языком в внеурочной деятельности;
- организация работы кружков «Русский язык стал родным», «Говорим, читаем и пишем грамотно по-русски», «Знакомимся с историей России»;
- организация работы театральной студии для детей-инофонов;
- проведение литературных конкурсов устного и письменного творчества в школе;
- организация и проведение внеклассных мероприятий «Мы разные, но мы умеем дружить», «Культура и обычаи разных народов», «Чему учат разные религии» и т.п.

Таким образом, для организации эффективного процесса обучения, воспитания, социализации детей-инофонов необходимы следующие условия:

- комплексное взаимодействие всех педагогических работников: учителей начальных классов, учителей предметников, социального педагога, педагога-психолога, педагога-организатора, логопеда и иных специалистов образовательной организации;
- налаживание контакта с родителями учащихся-инофонов, систематическая работа по разъяснению условий успешного воспитания и образования их детей;
- проведение промежуточных диагностик уровня сформированности коммуникативных умений и навыков, степени адаптации и социализации детей-инофонов;
- разработка программы дополнительного образования детей-инофонов.

В ситуации вынужденного билингвизма (когда семья из соседней страны мигрирует в Россию) педагоги и родители призваны не только помочь ребёнку-билингву в овладении речью, но и сформировать у него социальные качества и сохранить эмоциональное здоровье.

Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (в ред. приказов Минобрнауки России от 26.11.2010 № 1241, от 22.09.2011 № 2357). URL: <https://fgos.ru/>.

УДК 81

М.В. Виноградова, Р.А. Тоскано, К.Р. Шаповалова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ПРОЯВЛЕНИЕ СКРЫТОЙ ГЕНДЕРНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ В ЯЗЫКЕ

В статье анализируются основные подходы к изучению гендера в языкознании. Выделяется ряд примеров проявления скрытой гендерной дискриминации в языке, а также особенности употребления определенных языковых форм мужчинами и женщинами.

***Ключевые слова:** гендерная дискриминация, языкознание, сексизм, андроцентричность языка, русский язык, биологический детерминизм.*

Дискриминация по признаку пола вплетена в систему социального неравенства патриархатного общества, которое определяет и контролирует позиции мужчин и женщин. В патриархатном обществе социокультурной нормой является мужчина, даже если об этом не говорится открыто. Такая ориентированность на мужчину называется андроцентризмом. Андроцентризм отождествляет «мужское» в обществе и культуре с «общечеловеческим» и тем самым провозглашает мужчину в качестве «нормы мирового порядка». То есть в патриархатной системе «человек = мужчина», а женщины, трансгендеры и другие представительницы/–ли нетрадиционных форм гендерной идентичности являются «неполноценными» вариантами этой «мужской» нормы [6, с. 34]. Дискриминация по признаку пола проявляется во всех сферах патриархатного общества, а сексистские практики последовательно отражаются в языковой системе и тем самым последовательно демонстрируют и поддерживают такое устройство общества, которое наделяет социальными привилегиями мужчин, но не женщин.

Важно понимать то, какую роль язык играет в распределении социальных ресурсов. Язык это не просто показатель культуры нации, средство коммуникации и отлаженный механизм сочетания и употребления семантики, морфологии, синтаксиса и т.д. Язык определяет для его носителей/–льниц параметры восприятия мира, которые всегда опираются на определенную общественную формацию, в которой определенный язык бытует. То есть язык формирует у людей определенное видение того, как устроен «их» мир и

каким он должен быть. Ежедневно общаясь на языке, мы не просто говорим, мы учим, повторяем и закрепляем свои представления о том, какими должны быть мужчины и женщины, окружающее нас общество.

Проживая в постсоветском патриархатном обществе, мы воспринимаем сексизм в языке и в повседневной жизни как должное. Однако именно посредством ресурсов языка, а именно сексистских выражений и грамматических форм, регулируется распределение наших с вами социальных возможностей. Например, как раз язык активно использовался в молодом СССР, в котором пропагандировалось равноправие полов с помощью активного использования «женских» форм названий профессий и классовых позиций, например, такие слова, как крестьянка, работница, большевичка, комсомолка, революционерка, трактористка и др. во многом определили «дух» той эпохи и социально визуализировали статус «новой» советской женщины [8, с. 236]. То есть язык был признан необходимой и неотъемлемой частью социальной перестройки советского общества на том этапе. На гендерное равенство и языковой сексизм в бывшем СССР снова обратили внимание в 1990-х годах, на волне демократизации и общего интереса к гендерным исследованиям. Были переведены на русский язык некоторые известные работы по феминистской лингвистике, например, исследования Робин Лакофф, Дейл Спендер, Марлис Хеллингер и др. Появились работы постсоветских авторов, посвященные различным аспектам гендерной лингвистики, а также их критический анализ. Несмотря на интерес к этой теме, сексизм в языке по-прежнему не воспринимается и не мыслится в качестве острой социальной проблемы.

Языковой сексизм проявляется как в словарном составе, так и в речи – кто, что, кому и как говорит, и какие вещи имплицитно выражаются при этом в лексике, синтаксической структуре высказывания, интонации и пр. Позиции пола неравнозначно и неравномерно выражены в языке. Номинации мужчин и женщин отличаются смысловой нагрузкой и эмоциональной окраской. Пол в языке представлен асимметрично, однако распознать «мужское» и «женское» не составляет труда [1].

В самом общем плане исследование гендера в языкознании касается двух групп проблем:

1. Язык и отражение в нем пола. Данный подход нацелен на описание и объяснение того, как манифестируется в языке наличие людей разного пола (в первую очередь исследуются лексикон, номинативная система, синтаксис, категория рода и т. п.), какие оценки приписываются гендерам и в каких семантических областях они наиболее отчетливо выражены.

2. Речевое и в целом коммуникативное поведение мужчин и женщин, где выделяются типичные стратегии и тактики, гендерно-специфический вы-

бор единиц лексикона, способы достижения успеха в коммуникации, предпочтения в выборе лексики, синтаксических конструкций, скрытые проявления гендерных различий в языковой системе и т. д., то есть специфика мужского и женского говорения [6, с. 78].

Анализ некоторых работ с точки зрения обоих подходов, посвященных гендерным исследованиям, позволяет сделать вывод о том, что в русском языке наблюдается проявление сексизма. Например, в русском языке существует конструкция *противоположный пол*; в парных номинациях дефиниция мужского рода стоит на первом месте – ср.: *он и она, муж и жена, мужчина и женщина, Адам и Ева*. Вступая в брак, как правило, женщина традиционно меняет *девичью* фамилию на фамилию мужа; в качестве родового употребляется личное местоимение третьего лица единственного числа мужского рода вне зависимости от пола субъекта – *он*: например, *Если кто-то захочет уйти – он уйдет*. Для обозначения обобщенно-полового одушевленного принято употреблять мужской род. Данную ситуацию возможно пронаблюдать на примере множественного числа существительных (фразы *Ваня и Паша друзья, Света и Катя подруги, Ваня и Света друзья* воспринимаются как норма, но фраза *Ваня и Света подруги* – как отклонение от нее); числительных (*трое парней, три девушки*, но если речь идет об обоих полах, то *их было трое*); причастий (*Всегда дождется ждущий*, а не, например, *ждущая*) и т. д. [7].

Некоторые устойчивые словосочетания (типа *женская логика* или *мужской ум*) также служат не только для указания на половые особенности, но и на их качество. Логика женщины воспринимается как нечто необъяснимое и странное, а обладатель мужского ума расценивается как образованный человек с высоким уровнем интеллекта. Подобные стереотипы закреплены в пословицах: *Бабий ум – бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца; У бабы волос долог, да ум короток*. Потому в русской культуре выражение *У Вас настоящий мужской ум*, обращенное к женщине, расценивается как комплимент, но мужчина, которому скажут, что у него *настоящая женская логика*, вряд ли будет польщен таким «комплиментом». Такой иерархический подход к оценке мужского и женского нередко используется в политическом дискурсе, когда слова *женский, женственный, бабий* несут на себе ругательную нагрузку.

Анализируя русский язык с точки зрения грамматической структуры, можно сделать вывод о том, что мужское начало представлено в нем более отчетливо, нежели женское, которое занимает в данных структурах иерархически подчиненное положение по отношению к мужскому. Все эти факторы формируют определенную психолингвистическую картину мира, которая чаще всего скрыто проявляется в поверхностных слоях психики человека.

Именно благодаря этой скрытой гендерной дискриминации общество впитывает в свое сознание эту лингвистическую картину мира и, соответственно, кодирует язык в неравную языковую иерархию по половой принадлежности индивидов [2, с. 12].

Анализ результатов некоторых исследований, проведенных во время неофициального непринужденного общения людей (как однополого, так и разнополого), привёл к следующим выводам [5, с. 209]:

1. Женщины более склонны реализовывать неинформативные – фатические – речевые акты, при осуществлении которых они нацелены только на вступление в общение и могут легко переключаться и менять роль в коммуникации. Мужчины же, наоборот, тяжело переключаются и проявляют так называемую «психологическую глухоту», т. е. концентрируют внимание только на основной обсуждаемой теме, не реагируя на высказывания, которые с ней не связаны.

2. В основе аргументации женщин чаще всего лежит их личный опыт. Они ссылаются на конкретные ситуации из жизни своих знакомых или своей личной.

3. Противоречивые результаты были получены при изучении зависимости желания перебить собеседника от половой принадлежности. В большинстве случаев желание поддерживать разговор было только у одного из участников коммуникации (как однополой, так и разнополой). Таким образом, это исключало возможность перебивать друг друга, так как один из коммуникантов просто не хотел продолжать разговор. Однако в некоторых случаях женщины были более склонны перебивать мужчин, при этом мужчины практически не замечали эту тенденцию, и поэтому коммуникация не страдала в результате проявления женщинами недостатков воспитания. В случаях, когда в процессе общения между мужчинами-коммуникантами один из них перебивал другого, ход коммуникации нарушался, разговор заканчивался. Такая реакция демонстрирует, что мужчинам важно чувствовать в общении уважение со стороны своего собеседника-мужчины и не важно – со стороны женщины.

4. В мужской речи отмечается оперирование терминами для достижения точности номинаций, чувство превосходства в зависимости от занимаемой должности, большее, по сравнению с женским, стремление к использованию экспрессивных, особенно стилистически сниженных, средств, намеренное огрубление речи. Ненормативную лексику, как правило, используют в однополых группах как мужчины, так и женщины. Однако ее употребление в смешанных группах рассматривается как непристойное поведение.

5. Гиперболизированная экспрессивность и более частое использование междометий типа *ой!* являются типичным чертам женской речи.

6. Ассоциативные поля в речи мужчин и женщин значительно отличаются из-за разных картин мира. Поэтому первые склонны общаться на темы спорта, охоты, профессиональной, военной сферы, а вторых интересуют природа, животные, окружающий повседневный мир. Многие слова, которые называют сферу деятельности, с суффиксами женского рода оцениваются как обладающие «меньшим престижем и достоинством», чем соответствующие имена мужского рода [5, с. 209]. К примеру, в русском языке для обозначения ряда профессий женского рода существуют номинации типа *докторша, продащица*. Другими словами, можно отметить существование гендерной предзаданности. Кроме того, биологический детерминизм также ярко проявляется в языке: на человеческое восприятие соответствующих слов и понятий способна влиять та или иная категория рода. Так, персонификация приписывает объектам, обозначаемым словами женского рода, свойства лиц женского пола, а объектам среднего и мужского рода – свойства лиц мужского пола. Исходя из вышесказанного, можно сделать предположение, что грамматический род имени оказывает влияние на восприятие окружающей реальности и активизирует в сознании рамки, связанные с концептом биологического пола, и, что существенно, – участвует в формировании положительных или отрицательных коннотаций в этой сфере.

7. Больше количество эмоционально-оценочной лексики наблюдается в женской речи, а в мужской – оценочная лексика, которая чаще стилистически нейтральна. Проявляется тенденция со стороны женского пола к интенсификации прежде всего положительной оценки, мужчины более выразительно используют отрицательную, не пренебрегая употреблением стилистически сниженной, бранной лексики.

Наблюдение в области гендерных особенностей русской письменной речи выявило некоторые признаки, свойственные мужчинам и женщинам. Так, для мужской письменной речи характерно: использование армейского и тюремного жаргона; большое количество абстрактных существительных; употребление нецензурных слов и их однотипность; частое употребление вводных слов, особенно имеющих значение констатации (*очевидно, действительно, несомненно*); употребление при выражении эмоционального состояния, оценивании предмета или явления слов с наименьшей эмоциональной окраской; сочетание как официальной, так и эмоционально маркированной лексики при обращении к людям близкого круга общения; использование газетно-публицистических клише; несоблюдение корректного употребления знаков препинания при эмоциональном накале речи [4, с. 112].

Письменная речь женщин характеризуется иными признаками: наличие множества определений, вводных слов, обстоятельств, дополнений, модаль-

ных конструкций, выражающих различную степень неопределенности или неуверенности (*возможно, по-видимому, по-моему*); употребление оценочных конструкций без упоминания лица по имени (*этот грубиян, эта негодяйка*); склонность к употреблению книжной лексики. Женщинам свойственна большая образность речи при описании чувств и их преувеличение при помощи усилительных частиц, наречий и прилагательных. Также они употребляют простые и сложносочиненные предложения, синтаксические обороты с двойным отрицанием, знаки препинания и, в целом, женская речь характеризуется высокой степенью эмоциональности [3, с. 28].

Зачастую самим языкам приписываются женские либо мужские черты. Исходя из этого, русский язык считается «женским», поскольку для него характерна «неагентивность», «пассивно-экспериментальный способ выражения», повышенная эмоциональность, а английский язык – «мужским»: в нем преобладает агентивный способ выражения посредством большого числа конструкций, в которых «каузация позитивно связана с человеческой волей», кроме того, в английском языке существует относительно малое количество глаголов эмоций [3, с. 35]. Другими словами, даже общаясь на том или ином языке уже можно прочувствовать скрытую в нем дискриминацию по отношению к половой принадлежности индивидов.

На основании рассмотренных исследований можно с уверенностью говорить о лексических и стилистических различиях в речи мужчин и женщин, обусловленных их гендерной принадлежностью. Определение гендера, в основе которого заложена оппозиция между «мужским» и «женским», имеет двоякую природу. С одной точки зрения, оно выступает в качестве инструмента, благодаря которому как индивидуальное, так и коллективное сознание воспринимает, познает и оценивает окружающую реальность, все многообразие человеческих взаимоотношений в котором сводится к истории главной пары – Мужчины и Женщины. С другой точки зрения, в ходе диахронического и социально-культурного развития он подвергается процессу преобразования, тем самым формируя новые традиционные установки, отражающие понимание роли, места и функций мужчин и женщин как в отдельно взятом обществе, так и в мировом сообществе в целом.

Несмотря на то что определенные номинативы несут в себе скрытую маркированность по гендерному признаку, все же в последнее время наблюдается тенденция к снижению проявления этого феномена. Каждый человек может внести свою лепту в решение данной проблемы, стараясь использовать те языковые формы, которые не содержат сексистских грамматических форм и стереотипов или стилистической окраски, негативно характеризующей человека по гендерному признаку. Оперировать несексистским языком

нужно не только в речи, но и на письме. Говорить о скрытой гендерной дискриминации в языке необходимо на системном уровне, например, можно продемонстрировать статистические отчеты и результаты активистских инициатив, позволяющих понять, каким образом сексизм проявляется в повседневной жизни людей нашей страны и других стран. Также можно предложить введение в обязательные программы обучения курсы и семинары по социальному (не)равенству, изучать и опубликовывать учебные пособия, объясняющие, каким образом проявляются разные виды дискриминации в языке по признаку пола и как с ними бороться.

Список литературы

1. Виноградова М. В. Гендерологическое направление в современном языкознании // Теория языка и межкультурная коммуникация: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 6. Курск, 2008. С. 12–15.
2. Горбунова М. Ю. Языковое выражение этнической и гендерной предвзятости в английском и русском языках: лингвопрагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2008. 22 с.
3. Горошко Е. И. Особенности мужского и женского стиля письма // Гендерный фактор в языке и коммуникации: сб. науч. тр. Вып. 446. М.: МГЛУ, 1999. С. 28–41.
4. Кирилина А. В., Томская М. В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2 (23). С. 112–132.
5. Махмутова А. Н. Компонентное выражение концептов мужественность/женственность: вопросы гендерной симметрии и асимметрии в языке // И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания: III Междунар. Бодуэновские чтения: труды и материалы: В 2 т. (Казань, 23–25 мая 2006 г.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. С. 209–211.
6. Надолинская Л.Н. Трансформация гендерных отношений: социокультурный анализ. Ростов н/Д: Изд-во юж. федер. ун-та, 2007. 288 с.
7. Образы мужчины и женщины в языковом сознании. URL: <http://vslovare.ru/slovo/psihologicheskii-slovar/obrazjy-muzhchinjy-i-zhenshinjy-vjazjykovom-soznanii/223529> (дата обращения: 10.03.2020).
8. Першай А. Колонизация наоборот: гендерная лингвистика в бывшем СССР // Гендерные исследования. 2002. Вып. 7–8. С. 236–249.

УДК 81'37

А.А. Давыдова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМ «СИЛА» И «POWER» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье на основе анализа лексикографических источников проводится сопоставительный анализ лексических значений и компонентов слов «сила» и «power» в русском и английском языках. Проведённый анализ показал, что в обоих языках эти слова называют близкие понятия, однако набор их значений и компонентный состав не всегда идентичны, что свидетельствует о национально-культурной специфике содержания и употребления исследуемых лексем.

***Ключевые слова:** концепт, компонентный анализ, лингвокультура, сила, power, лексикографические источники.*

Одной из актуальных задач когнитивного подхода является выявление различий между терминами «понятие» и «концепт». В.З. Демьянков подчеркивает, что между ними существует четкое разграничение: понятия – это то, что люди обговаривают для того, чтобы прийти к единству при обсуждении вопросов; концепты же существуют сами по себе, они воссоздаются с той или иной степенью (не) убежденности [4, с. 28]. Также необходимо подчеркнуть, что концепты являются порождением менталитета, и в каждом концепте объединяются значимые для человека знания о мире и в то же время отклонены маловажные представления [8, с. 41].

Установление в лингвистике понятия «концепт» определило новую ступень в изучении специфических факторов, определяющих взаимодействие языка, сознания и культуры. При помощи подобной линии исследования стало возможным выявление новых аспектов взаимодействия лингвистики, психолингвистики, философии, что расширило границы глубинного анализа содержания языковых явлений и обогатило антропологическую парадигму языкознания [2, с. 38].

Несмотря на то, что единство универсальных концептов одинаково для каждой культуры, соотношения между концептами в разных культурах могут различаться, создавая тем самым основу менталитета той или иной нации

[16]. Данные соотношения могут быть обнаружены при помощи компонентного анализа лексем, номинирующих соответствующие концепты [11, с. 95].

Анализ концепта следует начать с обработки данных лексикографических источников, помогающих более точно интерпретировать лингвистические данные [3, с. 81]. Несмотря на то, что они носят обобщенный, нормативный характер и не могут полно отобразить языковую картину мира, данные словарей хранят «культурную память» слова [13].

Значимость концепта «сила» в языковой картине мира отмечается многими исследователями. Попадая в фокус внимания зарубежных и отечественных языковедов, феномен силы рассматривался как «составляющая концептосферы «человек», как невидимая субстанция внутри человеческого тела» [18, с. 4].

Анализ проводился на основе данных лексикографических источников, представленных толковыми и академическими словарями русского языка.

Сила, по словарю С.И. Ожегова: 1) Величина, являющаяся мерой механического взаимодействия тел, приводящее к их ускорению или изменению. 2) Способность живых существ производить физические действия или движения при помощи напряжения; в общем смысле – физическая или моральная возможность активно функционировать. 3) Обычно мн. Материальное или духовное начало как источник энергии, деятельности. 4) Способность свидетельства какой-либо деятельности, состояния, отличающаяся определенной степенью напряженности. 5) Могущество, влияние, власть. 6) Сущность, смысл (разг.). 7) Действенность, правомочность (закона, решения, правила). 8) Группа или слой общества, а также люди, обладающие какими-н. типичными для них свойствами. 9) мн. Вооруженные силы, а также их разновидности. 10) Силами кого-чего, в знач. предлога с род. п. Используя кого-что-н., при помощи кого-чего-н. [10].

Лексема «сила» в словаре Д. Н. Ушакова представлена следующим образом: 1) Способность живых существ выполнять физическое действие; энергия, порождаемая способностью управлять движениями тела. 2) Интенсивность, энергия как причина, выводящая тело из состояния инерции или изменяющая направление, скорость движения (науч.). 3) Способность проявления какой-н. деятельности, характеризующаяся степенью, интенсивность проявления этой деятельности. 4) Вообще - источник чего-н., какой-н. деятельности, явления [17].

По Т.Ф. Ефремовой, лексема «сила» используется в следующих значениях: 1) Способность живых существ напряжением мышц создавать физические действия; физическая энергия. 2) перен. Физическое воздействие, принуждение. 3) Способность проявления какой-л. деятельности, какого-л. со-

стояния, отличающаяся определенной степенью интенсивности. 4) Энергия как фактор, выводящий тело или материю из состояния покоя или изменяющий направление, скорость движения. 5) Величина, равная произведению массы тела на его ускорение (в механике). 6) разг. Оценка количества кого-л., чего-л. как необычайно большого, бесчисленного [5].

Сила – 1) а. Способность живых существ напряжением мышц производить физические действия; физическая энергия человека, животного. б. Обычно мн. ч. (силы, сил). Физическая возможность действовать, делать что-л. 2) а. Обычно чего или какая. Способность человека к духовной деятельности, к проявлению своих умственных или душевных свойств (воли, ума, характера и т. п.). б. Способность, возможность совершать, делать что-л., требующее внутреннего напряжения. 3) Способность производить какую-л. работу; энергия, мощность. 4) Правовая действительность; правомочность. 5) а. Могущество, власть, авторитет; б. Способность производить впечатление, убеждать. 6) разг. Самое значительное и главное; суть. 7) а. Мера проявления чего-л.; интенсивность; б. Значение, основательность, глубина (умственных или душевных свойств, впечатлений, переживаний). 8) Источник какой-л. деятельности, могущества, влияния. 9) обычно мн. ч. (силы, сил). Производительные силы. Рабочая сила (рабочие). 10) обычно мн. ч. (силы, сил). Слой населения, отличающийся какими-л. специфическими признаками или направленностью в своей деятельности. 11) мн. ч. (силы, сил); ед. ч. устар. Войска. 12) в знач. нареч. силами. С помощью, при участии кого-л. 13.) в знач. сказ., кого-чего. прост. Огромное количество, множество [7].

В большом академическом словаре русского языка представлены следующие значения лексемы «сила»: 1) Способность живых существ напряжением мышц производить физические действия, движения. 2) Способность человека к духовной деятельности, к проявлению умственных или душевных свойств (воли, ума, характера). 3) Энергия как фактор, приводящий тело, материю в движение. 4) Степень проявления какого-либо действия; напряженность, интенсивность. 5) Влияние, воздействие; власть, могущество. 6) Разг. Самое существенное, главное; смысл, сущность. 7) То, что побуждает, заставляет кого-либо поступать тем или иным образом. 8) Обычно мн. войска. 9) Люди, занятые какой-либо работой, деятельностью; люди одной профессии [1].

В результате обращения к лексикографическим источникам можно выделить следующие компоненты, составляющие семантическую структуру лексемы «сила»: способность, напряжение, влияние, власть, энергия, источник, контроль, правомочность, смысл, значение, величина. Можно утверждать, что выделенные компоненты являются доминантными, поскольку

встречаются во всех исследованных источниках и формируют операциональное значение лексемы «сила».

На основании полученных в результате проведения компонентного анализа элементов семантической структуры знаков исследуемого концепта лексемы сила, воспользовавшись методикой, предложенной в работе К. С. Кардановой [6], представим графически структуру значения данных лексем (рис. 1).

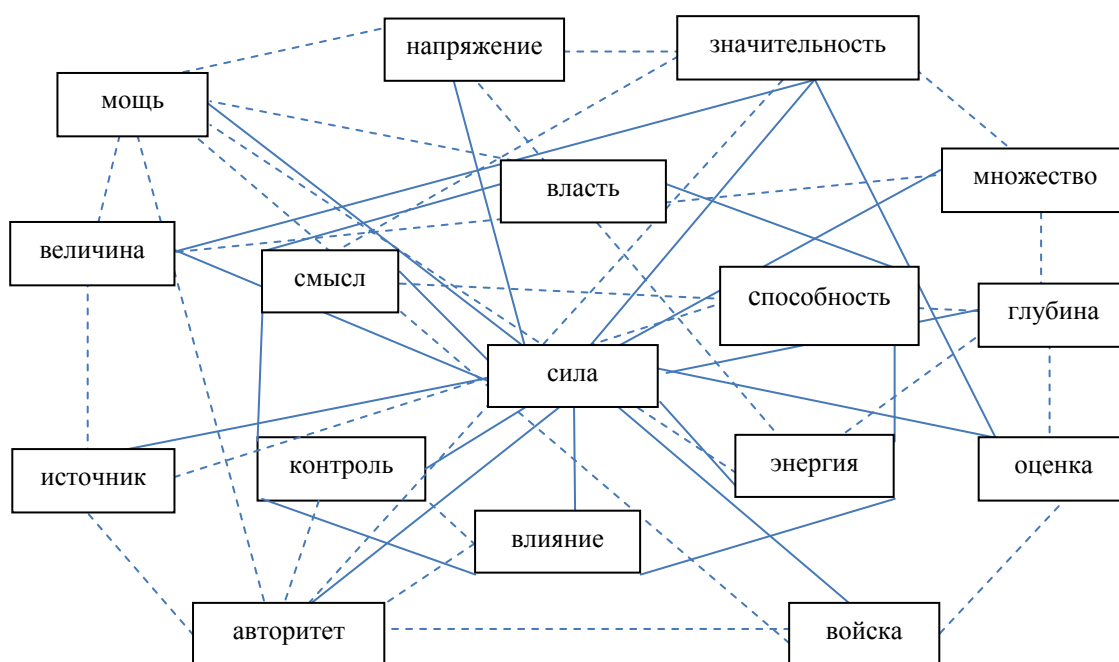

Рис. 1. Структура значения лексемы *сила*

Обратимся к толкованию лексемы «сила» в английском языке: 1. power (способность), strength, force, vigour (энергия), might (мощь) [8, с. 1254]. Так как словом «сила» в русском языке обозначается способность проявления физических действий, а также власть, мощь, то в качестве эквивалента в английском языке можно признать слово «power»:

1) Control: a. the ability to control people or things. b. political control of a state or an area.

2) Ability: a. the ability or possibility to do something. b. a particular ability of the body or mind. c. all the abilities of a human's body or mind.

3) Authority: the right or authority of a person or group to do something.

4) Influence: a. strength or influence in a particular area of activity. b. the influence of a particular thing or group within society.

5) Energy: a. the strength or energy contained in something. b. physical strength used in action; physical strength that somebody possesses and might use. c. energy that can be collected and used to manipulate a machine, to produce electricity [19].

Power – 1) the ability to influence or control what people do or think. 2) political control of a country or government. 3) energy obtained from oil, coal, the sun etc, used for operating equipment and machines [20].

Power – 1) control or influence over people and events. 2) political control in a country. 3) energy, usually electricity, that is used to provide light, heat. 4) strength or force [21].

На основе анализа лексикографическим источников английского языка можно выделить и представить графически структуру значения компонентов, образующих лексему «power»: control, energy, influence, strength, ability, authority, might, right (рис. 2).

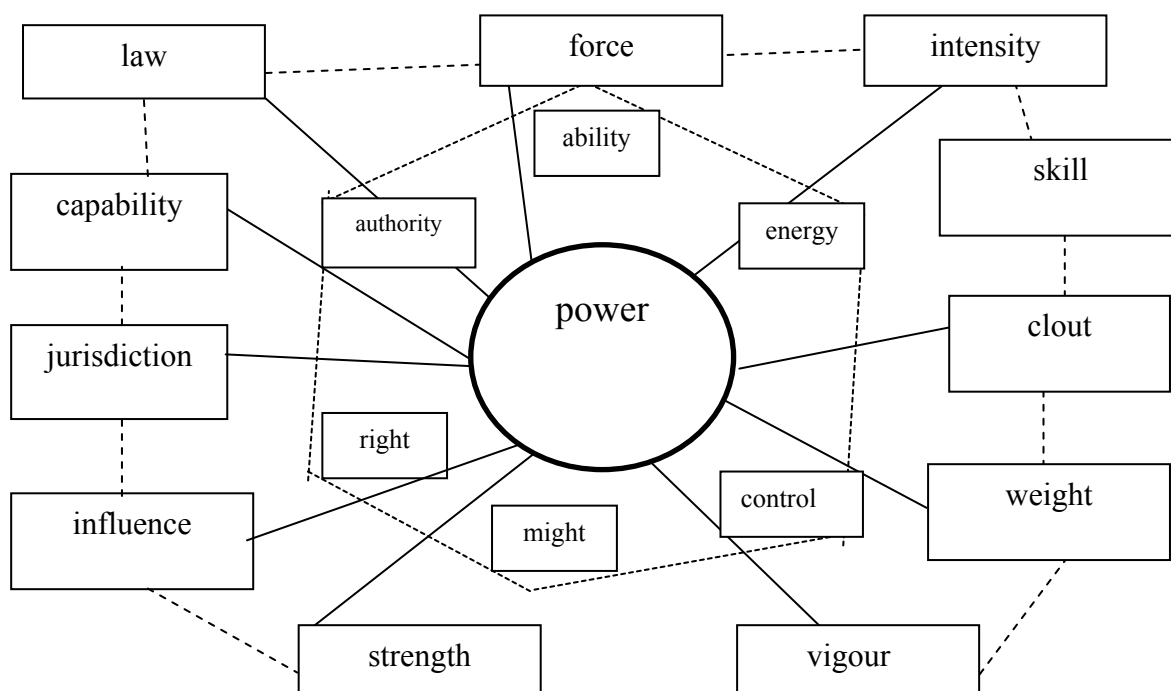

Рис. 2. Структура значения лексики *power*

Построенные модели семантической структуры сравниваемых лексем демонстрируют сходства и различия их значений для представителей русской и английской лингвокультур, что представлено в следующей таблице.

Соответствие компонентов лексем «сила» / «power» в русском
и английском языках

Русский компонент	Английский компонент
способность	ability
напряжение	-
энергия	energy
влияние	influence, control
власть	authority
правомочность	jurisdiction
смысл	-
значение	-
мощь	might
-	right
величина	-

Итак, нами был проведён сопоставительный компонентный анализ лексем «сила» / «power» в русском и английском языках соответственно. Толкования лексемы «сила» в русском и английском языках совпадают в значениях 'способность', 'влияние', 'энергия', 'власть', 'правомочность', 'мощь'. Компоненты, не имеющие соответствий, обнаруживают национально-культурную специфику содержания и употребления исследуемых лексем.

Однако необходимо отметить, что исследование только лексикографических источников не может дать исчерпывающие данные о структуре и содержании концепта, поскольку концепт – это ментальные образы, стоящие за языковыми знаками [12, с. 118], что свидетельствует о перспективе продолжения исследования с применением ассоциативного эксперимента, «одной из наиболее разработанных техник психолингвистического анализа семантики» [14, с. 17], при этом ассоциативное поле как получаемое комплексное образование должно рассматриваться с учётом факторов системы языка и механизмов речевой деятельности [15].

Список литературы

1. Большой академический словарь русского языка: в 17 т. / под ред. Л.И. Балахоновой, Н.В. Соловьевьева. М., СПб.: Наука, 2005. Т. 2. 658 с.
2. Беспалова Е.А. Процессуальные фразеологические единицы в публицистике Е.И. Носова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2015. № 1 (14). С. 38–44.
3. Беспалова Е.А., Кондратьева Д.О. Структурные особенности публицистических текстов (на примере печатных изданий «Курская неделя» и «Ре-

гион 46») // Стратегия развития региональных СМИ: проблемы и перспективы: материалы I Всерос. науч.-практ. конф. Курск, 2015. С. 80–83.

4. Демьянков В.З. Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. трудов / РАН. Ин-т языкознания; Мин-во образ. и науки РФ; ТГУ им. Г.Р. Державина; редкол.: Е.С. Кубрякова (отв. ред.), Е.М. Позднякова (зам. отв. ред.) [и др.]. М., 2007. С. 26–33.

5. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка: ок. 160 000 статей. М., 2009. 1209 с.

6. Карданова К.С. Лингвopsихологическое исследование реструктуризации образа сознания империя/empire: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 21 с.

7. Малый академический словарь. URL: <http://onlineslovari.com/> (дата обращения: 22.12.2019).

8. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта; Наука, 2007. 293 с.

9. Мюллер В. К. Полный англо-русский русско-английский словарь. 300000 слов и выражений. Complete English-Russian Russian-English Dictionary: 300000 Complete. М.: Эксмо, 2014. 1328 с.

10. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 100 000 слов; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: Изд-во «Оникс»: Изд-во «Мир и Образование», 2012. 1376 с.

11. Пименова М.В. Язык. Текст. Дискурс: научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г. Н. Манаенко. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2007. Вып. 5. 312 с.

12. Рыжкина А.А. О методах анализа концепта // Вестник Оренбургского государственного университета, 2014. Вып. № 11 (172). С. 117–120.

13. Степыкин Н.И. Способы структурно-содержательного моделирования лингвокультурного концепта: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2011. 24 с.

14. Степыкин Н.И. Сравнительный анализ ассоциативных полей «вежливый»/«вежливая» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: «Лингвистика и педагогика». 2012. № 2. С. 17–22.

15. Степыкин Н. И. Типология реакций: в поисках путей решения проблемы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2017. Т. 7, № 2 (23). С. 70–79.

16. Тюрина А. В., Виноградова М. В. Национально-культурная специфика функционирования англицизмов в русском и итальянском языках // Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований: сборник материалов Междунар. науч. конф. Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2019. С. 466–472.

17. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов. М.: ЛадКом, 2012. 799 с.

18. Шеховцева Т.М. Вербализация концепта «сила» в современном английском языке. Белгород, 2011. 22 с.

19. Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 22.12.2019).

20. Macmillan English Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionaries.com/> (дата обращения: 22.12.2019).

21. Oxford Dictionary (US). URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения 22.12.2019).

УДК 81

Ахмед Саадун Джамил

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», Воронеж

ЭПИТЕТЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ПИСАТЕЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ К. Г. ПАУСТОВСКОГО)

Настоящая статья посвящена исследованию эпитетных моделей в художественных произведениях К.Г. Паустовского. Представлена структурно-грамматическая типология эпитетов, используемых в творчестве писателя, и выявлены частотные эпитетные модели. Проведен анализ сложных индивидуально-авторских эпитетов К.Г. Паустовского, которые играют большую роль в формировании языковой картины мира писателя.

Ключевые слова: языковая картина мира, эпитет, эпитетное единство, индивидуально-авторские эпитеты.

Исследование особенностей функционирования эпитетов в творчестве К.Г. Паустовского представляется весьма актуальным в аспекте определения авторского восприятия и интеллектуально-эмоционального осмысления окружающего мира.

Как показало исследование, эпитеты, встречающиеся в художественных произведениях К.Г. Паустовского, могут быть классифицированы с точки зрения структуры и грамматических особенностей и представлены, прежде всего, однословными прилагательными, не имеющими зависимых слов: *тоскливый день рождения, восхищенные курсанты, тихий рассвет, золотой свет, жалостливые старухи, жгучая вода, скрипучая калитка и др.* [1].

Сложные по структуре эпитеты-прилагательные в художественных произведениях К.Г. Паустовского представлены эпитетами, компоненты которых находятся в отношениях сочинения (ср.: *обаятельно-добрый, стандартно-примитивный* и др.) или подчинения (ср.: *канареечно-желтый* и др.) [2]. Поликорневые сложные индивидуально-авторские эпитеты состоят из трех и более компонентов («*Чачиков предпочитал объясняться с ними на смешанном русско-греческо-французско-грузинском диалекте...*») и раскрывают творческое мастерство писателя.

Как показало исследование, чрезвычайно многочисленными в идиостиле К.Г. Паустовского являются сложные эпитеты, формирующиеся на основе колоративных прилагательных [4], что объясняется стремлением писателя видеть мир в цвете и красках: *глаза синие-пресиние; кукла с водянисто-голубыми глазами, травы темно-зеленые, сизо-желтые листья акации и др.*

Весьма распространенной является также модель, в которой эпитет выражен особой глагольной формой – причастием (с зависимым словом или без него), указывающим, прежде всего, на состояние субъекта, его динамику или на психологическую соотнесенность его с качественной характеристикой: *удрученный несчастьем, старик послал Настю ухаживать за раненым; холод вздрогнувших милых губ; Катерина Петровна сидела, растерянная, с деньгами в руках.* Причастный эпитет способен передавать впечатление от увиденных персонажей произведения объектов внешнего мира, а также настроение природы в аспекте его соответствия душевному состоянию героя: *заглохшее русло Оки, застоявшийся воздух, растрепанные платаны в саду; опустошенные осенью огороды, золотеющий край неба* и др.

Достаточно распространенными в идиостиле писателя являются эпитеты-наречия, которые, как правило, являются мотивированными качественными прилагательными и придают художественной речи многообразные спектральные экспрессивные оттенки действия: *кричал пронзительно, дышал хрипло, вода тускло отсвечивала, беззвучно сорвалась птица.*

Излюбленным приемом К.Г. Паустовского является использование эпитетных единств, представленных сочетаниями прилагательных, смысловые отношения между которыми являются синонимическими (ср.: *сутулый и застенчивый мальчик, глубокая и величавая река, требовательный и беспокойный народ, бесчисленные и великолепные дни, смешные и милые имена* и др.) или антонимическими (ср.: *умная, но сухая жизнь; совсем не старинная, а очень современная шляпа*).

Эпитеты в текстах К.Г. Паустовского могут повторяться («*Насте было страшно говорить с женой Балашова. Ей было страшно в городской квартире, среди шелковых пыльных диванов, рассыпанной пудры, настойчивых телефонных звонков*»), что способствует усилению выразительности художественного повествования. Кроме того, писатель нередко в своих произведе-

дениях использует повторы эпитетов, свойственные народно-языковой традиции, что, несомненно, способствует эмоционально-экспрессивной, образной характеристике признаков изображаемых явлений окружающей действительности (ср.: *далекая-далекая, почти забытая страны; село широкое-широкое* и др.) [5].

Эпитеты в творчестве К. Паустовского могут находиться в препозиции по отношению к определяемому слову [*чужие равнодушные люди, звенящая томительная музыка, благородный измученный народ, неподвижные злые глаза* и др.] и быть постпозиционными [*городок маленький, тихий; дни мягкие, серые; тьма глухая, теплая* и др.].

К.Г. Паустовский использует также ряды эпитетов, включающие три и более компонента (ср.: *народ простой, бывает грубый, но душевный; день был темный, бурный, сырой*), которые дают целостные качественные характеристики предметов и объединяются общим смысловым или эмоционально-оценочным компонентом.

Неоднословные эпитеты чаще всего представляют собой имена прилагательные или причастия с зависимым компонентом: *прозрачные на свету желтые листья, совершенно заглохший сад, смертельно заманчивый мир* и др. При этом особую группу неоднословных эпитетов в идиостиле К.Г. Паустовского образуют сравнения, выполняющие в предложении функцию сказуемого [*характер – как из огурца штык; голоса, как обещание счастья*], и несогласованные определения [*изба вся в цветах*].

Неоднословные эпитеты в прозе К.Г. Паустовского могут входить в цепочечные эпитетные структуры и представлять собой распространенные определения, выраженные именами прилагательными с зависимыми словами и/ или причастными оборотами: *женщина шумная, решительная, презиравшая мужчин; конец весны был теплый и свежий от частых и коротких дождей; ночь, до самых краев налитая прохладным воздухом и запахом воды*.

Вторая группа неоднословных эпитетов, формирующих цепочки определений, – конструкции, включающие в свой состав компаративные конструкции, которые могут быть выражены:

а) сравнительными оборотами с союзами как, будто, как будто, чем [*черная, как деготь, прозрачная вода озера; свет фонаря сделался колючим, как сусальная елочная звезда*]; с прилагательными похожий, подобный [*цветы, похожие на розы*]; с полужнаменательными глаголами казаться, считаться [*берега казались черными*];

б) придаточными сравнительными частями: *воздух над землей такой ясный, будто его и нет совершенно*.

Еще одной разновидностью неоднословных эпитетов могут считаться конструкции, представленные определительной придаточной частью: *«Иногда поздней осенью выдаются такие дни – сонные, хмурые, когда теплый*

туман как залег с утра над рекой, так и лежит, не редая, до самого вечера» (Беспокойство).

Очевидно, что главную роль в отражении языковой картины мира К.Г. Паустовского играют неоднословные эпитеты, входящие в состав эпитетного единства, которые позволяют охарактеризовать объект эпитетации весьма многопланово и разносторонне.

Список литературы

1. Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Худ. лит., 1967–1970.
2. Фадеева Т.М. Сложный эпитет – ядерная единица художественного пространства в русском языке: дис ... д-ра филол. наук. М., 2014. 458 с.
3. Сивова Т.В. Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К.Г. Паустовского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2018. 31 с.
4. Филиппова Е.Н. Свет и цвет в повестях К. Паустовского (Опыт практического анализа) // Цвет и свет в художественном произведении. Сыктывкар, 1990. С. 104–110.
5. Словарь языка К.Г. Паустовского: в 8 т. / сост. Л.В. Судавичене. М., 2000.

УДК 81'25

О.Е. Денисова

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева», Орёл

ФОЛЬКЛОРНЫЙ КОМПОНЕНТ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ И ПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ СКАЗКИ «ГУСИ-ЛЕБЕДИ»)

В статье рассматривается народная сказка «Гуси-лебеди» как источник русского фольклора с его особенностями и как материал для изучения грамматических явлений глагола. Изучение текста сказки и предложенные задания знакомят учащихся с русским народным творчеством и позволяют развивать коммуникативные навыки у иностранных студентов.

Ключевые слова: фольклор, глаголы движения, коммуникативные навыки, гуманизация образования.

Фольклор – устное народное творчество – появился в процессе развития речи человека, ему свойственны простые и понятные формы, такие как потешки, скороговорки, загадки, считалки, сказки и т.д. Возникновение фольклора связано со способностью людей познавать окружающий мир и свое место в нем. Естественная разговорная речь, характерная для этого жанра, богата выразительными средствами, с помощью которых можно познать яркий динамичный мир и увидеть различные оттенки значений русских слов, в частности, глаголов.

Роль фольклора достаточно значительна в нравственном становлении учащихся. Фольклор имеет ярко выраженную эстетическую направленность и носит воспитательный характер. Таким образом, мы можем говорить о гуманизации образования – «ориентации процесса обучения на развитие и саморазвития личности, на приоритеты общечеловеческих ценностей, на оптимизацию взаимодействия личности и социума» [4]. Кроме того, организованная учебная деятельность с использованием русского фольклора рассматривается как возможность познакомить иностранных студентов с народным творчеством и как развитие коммуникативных навыков с применением одних из самых сложных тем русской грамматики – глаголов движения и приставочных глаголов.

Несмотря на множество форм фольклора, мы предпочли остановиться на сказке «Гуси-лебеди» [3, с. 19–22], потому что, на наш взгляд, в ней собраны часто употребляемые глаголы движения, иллюстрирующие картину жизни. С другой стороны, данная народная сказка органически вписывается в образовательную программу по русскому языку на подготовительном факультете для иностранных студентов. Предлагается работать со сказкой на базовом уровне с учебным комплексом «Дорога в Россию» (вторая часть) при изучении глаголов движения с приставками [1, с. 131–138]. Знакомство с русским народным творчеством обогащает чувства и речь учащихся, формирует отношение к окружающему миру, всестороннее развивает и учит определенным нравственным понятиям. С помощью русской народной сказки «Гуси-лебеди» проводится работа над использованием активного словаря, а также формируется грамматический строй речи.

Применение фольклора в речевом развитии учащихся дает колоссальную возможность на овладение русской речью. Следовательно, работая над ее правильностью и чистотой, иностранные студенты учатся выражать свои эмоции и впечатления. «Человек, обладающий коммуникативными навыками, больше адаптирован в социуме» [2, с. 155].

Подготовка к изучению глаголов движения и приставочных глаголов заключается в развитии у учащихся внимания к лексическому значению слова в целом. Глаголы движения характеризуют взаимоотношения и степень участия в действии субъекта и объекта движения. В свою очередь, приставки

обеспечивают разнообразие глагольной лексики в русском языке и выражают различные оттенки значения: значение направления, значение стадии развития действия, значение интенсивности перемещения. Благодаря использованию глаголов движения создается лексическое разнообразие как в тексте, так и в разговорной практике и раскрывается представление о динамической организации мира.

Глаголы движения представляют собой значительный пласт лексики русского языка. Движение для человека, прежде всего, связано с перемещением живых существ или предметов в пространстве. Кроме глаголов движения, имеющих одно направление или разное, в русской грамматике существует огромное количество глаголов движения с приставками, изучение которых вызывает большие трудности. К значениям глаголов прибавляются префиксы со своими значениями. Таким образом, иностранным учащимся необходимо освоить грамматические категории глагола в сочетании с приставками и их значениями, что оказывается сложным, а порой и непосильным заданием для иностранца.

Для решения такого сложного вопроса мы предлагаем использовать русскую народную сказку «Гуси-лебеди», в которой представлено большое количество глаголов с приставками и глаголов движения с приставками. Сюжетообразующий текст сказки позволяет рассмотреть данную тему в единстве и сочетании разговорных глаголов и грамматических явлений, связанных с глаголом.

Предтекстовая работа. Объясняя значения приставочных глаголов студентам-иностранцам, мы выделяем несколько групп:

Группа 1. Глаголы движения с приставками и их значения.

Идти: **пойти** – **уйти** – **войти** – **прийти** – **подойти**.

Бежать: **побежать** – **выбежать** – **добежать** – **прибежать**.

Лететь: **полететь** – **налететь** – **пролететь** (мимо) – **улететь**.

Значения, встречающихся приставок с вопросами и предлогами, с которыми они могут сочетаться:

по- – начало движения (куда? к кому?; в, на, к);

у- – удаление от объекта (откуда? от кого?; из, с, от);

вы- – движение, направленное изнутри наружу (откуда? от кого?; из, с, от);

во- – движение, направленное снаружи внутрь (куда? к кому?; в, на, к);

подо- – приближение к объекту (куда? к кому?; к);

при- – достижение цели (куда? к кому?; в, на, к);

про- – движение мимо, вдоль объекта (через что? мимо и вдоль чего? что? кого?; через, мимо, вдоль сквозь);

до- – достижение цели (до чего? до кого?; до);

на- – движение, направленное на объект (на кого? на что?; на).

Группа 2. Глаголы, образующие видовую пару с помощью приставки.

Бежать (НСВ) – **выбежать** (СВ);

забыть (НСВ) – **позабыть** (СВ);

нести (НСВ) – **унести** (СВ);

видеть (НСВ) – увидеть (в книге устаревшая форма – увидать) (СВ);

шалить (НСВ) – **пшалить** (СВ);

есть (НСВ) – **съесть, поесть** (СВ);

мочить (НСВ) – **измочить** (СВ);

греться (НСВ) – **погреться** (СВ);

мыть (НСВ) – **вымыть** (СВ);

парить (НСВ) – **выпарить** (СВ);

топить (НСВ) – **вытопить** (СВ);

прятать (НСВ) – **спрятать** (СВ);

кричать (НСВ) – **закричать, покричать** (СВ);

крыть (НСВ) – **укрыть, прикрыть** (СВ);

гоготать (НСВ) – **загоготать** (СВ);

жарить (НСВ) – **пожарить** (СВ).

Обращаем внимание на глаголы, видовая пара которых образуется как с помощью приставки, так и с помощью постфикса –ся:

ждать (НСВ) – **дождаться** (СВ) – получить результат ожидания;

играть (НСВ) – **заиграться** (СВ) – долго играть, забыть о времени;

гулять (НСВ) – **загуляться** (СВ) – долго гулять, забыть о времени.

Группа 3. Глаголы с разной степенью направленности.

Бежать/ **выбежать** – бегать/ **выбегать**;

летать/ **полетать** – лететь/ **полететь**;

нести/ **унести** – носить/ **уносить**.

Кроме грамматических понятий, связанных с глаголом, русская сказка дает возможность познакомить иностранных студентов с народным творчеством и его особенностями. Для русского фольклора характерно олицетворение – изображение неживых предметов как живых, при этом неживые предметы наделяются способностью говорить, мыслить и чувствовать как живые существа. Изучая сказку «Гуси-лебеди», мы знакомим учащихся с особенностями русского фольклора и показываем им образы, наделенные свойствами живых людей: печь (= печка) с устьищем, яблоня и река (= речка) с кисельными берегами (рис. 1). Обращаем внимание на «живые» элементы этих образов: глаза, нос, рот. Главная героиня сказки ведет с ними разговор как с людьми, а они, в свою очередь, отвечают ей и реагируют на ее слова. Одушевленные предметы (образы) воспитывают героиню, учат ее вежливому общению, показывают ей добрые поступки.

Рис. 1. Сказка «Гуси – лебеди»

Одними из самых распространенных персонажей и образов в русском народном творчестве являются Баба Яга и избушка на курьих ножках. Иностранному учащемуся предлагается показать изображения с ними для лучшего восприятия народной сказки перед чтением (рис. 2).

Рис. 2. Баба Яга и избушка на курьих ножках

Необходимо обратить внимание студентов на устаревшие слова, характерные для русского фольклорного творчества. Второстепенные герои сказки существуют и в современном мире, но имеют другие имена. По выделенным

частям старинных слов можно догадаться о современном значении этих слов: **братец** (= брат), **матушка** (= мать), **девица** (= девушка). Однако **батюшка** (= батя, разговорное) в сказке имеет значение «отец», но в современном толковании может иметь и другое значение – человек, который служит (= работает) в церкви.

Работа с текстом.

Иностранному учащемуся предлагается прочитать текст (сказку) по ролям: девица, печка, яблоня, речка, Баба Яга, мышка, автор. Такое чтение раскрывает возможности студентов к диалогической и связной речи.

Задание 1. Найти в тексте (сказке) предложения с приставочными глаголами движения, объяснить их значения.

Задание 2. Составить и записать свои предложения с приставочными глаголами движения, используя вопросы и предлоги к ним (см. *Группа 1*).

Задание 3. Выбрать 5 пар видовых глаголов из *Группы 2*, составить и записать с ними предложения в тетради.

Задание 4. Опираясь на изображения по сказке (рисунок 1 и 2), составить свой рассказ.

В завершении выполнения всех заданий иностранному учащемуся предоставляется возможность посмотреть русскую народную сказку «Гуси-лебеди».

Подводя итоги по работе с приставочными глаголами движения и видовыми парами, образующимися с помощью приставок, отмечаем, что данный вид занятия формирует умения различать значения приставок у глаголов движения, различать значения совершенного и несовершенного видов глагола. В тексте с единым интересным сюжетом, сказке «Гуси-лебеди», собраны часто употребляемые глаголы движения с приставками, а также видовые пары глаголов, образующиеся с помощью приставок. Это позволяет учащимся увидеть целостную картину: как применяются приставочные глаголы движения и видовые пары глаголов не только в письменном тексте, но и в разговорной практике. Кроме того, у иностранных студентов появляется представление о русском народном творчестве, о характерных особенностях такого творчества. На занятии по русскому языку как иностранному учащиеся знакомятся с русским фольклором, с типичным персонажем и образами народной сказки, таким образом, приобщаются к русским представлениям и русской культуре.

Список литературы

1. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Толстых А.А. Дорога в Россию: учебник русского языка (базовый уровень). М.: Златоуст, 2009. 256 с.

2. Кравцов Н. Н., Лазутин С. Т. Русское устное народное творчество. М., 2017. 448 с.
3. Полная хрестоматия для начальной школы. М.: Эксмо, 2019. 336 с.
4. Гуманизация образования. URL: https://pedagogical_dictionary.academic.ru/861/Гуманизация_образования.

УДК 070

Е.С. Дубинина, Е.А. Беспалова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

НОВЫЕ МЕДИА В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В данной статье рассматривается понятие «новых» и «традиционных» медиа, приводятся их различия. Проведено исследование предпочтительных источников получения информации аудиторией, описаны его результаты, сделаны выводы.

Ключевые слова: *средства массовой информации, новые медиа, традиционные медиа, онлайн-издания.*

Сегодня между представителями различных СМИ разворачивается колоссальное соперничество за внимание аудитории. Потребитель слабо реагирует на традиционные методы подачи контента, именно поэтому возникает необходимость изобретать новые.

Очень трудно провести границу между новыми и старыми медиа, потому что традиционные СМИ находят современные способы представления своего содержания в цифровых формах. Определение традиционных СМИ не вызывает затруднения. Robert K. Logan в своей книге «The Changing Figure/Ground Relation with the 'New Media'» определяет старые медиа следующим образом: это средства массовой информации, которые доминировали в медиапространстве до начала *информационной эры* [1, с. 8]. Примерами старых медиа являются печатные газеты и журналы, телевизионные программы, радиопередачи и т.д. Толкование же понятия «новые медиа» вызывает множество споров у зарубежных и отечественных исследователей, они еще не пришли к единому взгляду на это явление в современной журналистике.

Так, составители энциклопедии «Социология» А. Грицанов и В. Абушенко дают следующее определение: «новые медиа» – понятие, принадлежащее к серии концептуальных нововведений междисциплинарного анализа социокультурных изменений начала нового тысячелетия, связанных с появлением компьютерных сетей, Интернета, цифровых систем хранения и

передачи данных, конвергенции различных средств коммуникации». По мнению авторов, новые медиа дают возможность людям беспрепятственно взаимодействовать с помощью Интернета [2, с. 269]. Именно благодаря новым медиа общество получило неограниченный доступ к получению любой информации.

Автор книг по теории цифровой культуры и *новых медиа* профессор Л.З. Манович утверждает, что новые медиа – это любые технологии, которые можно использовать в качестве платформы для распространения информации [3].

Robert K. Logan в своей книге «The Changing Figure/ Ground Relation with the 'New Media'» пишет, что новые медиа – это универсальный термин, используемый для различных видов электронных коммуникаций, которые можно себе представить благодаря инновациям в компьютерной технологии. В отличие от “старых” медиа, которые включают газеты, журналы, книги, телевидение и другие неинтерактивные медиа, новые медиа состоят из веб-сайтов, онлайн-видео/аудио потоков, электронной почты, онлайн-социальных платформ, онлайн-сообществ, онлайн-форумов, блогов, веб-рекламы, онлайн-образования и т.д. [1].

Российские ученые также связывают возникновение новейших СМИ с началом развития Интернета и связанных с ним особенностей передачи информации [4].

На данном этапе традиционные медиа стремительно меняют свой вид и принципы работы [5, с. 83]. Большинство крупных печатных издательств вынуждены идти по пути преобразования, создавать и продвигать электронные версии своей медиапродукции. В настоящее время электронные версии имеют больше подписок, нежели бумажные аналоги. Такие изменения связаны с тем, что традиционные медиа потеряли монополию на информацию [6], в современных условиях любое частное лицо имеет возможность создавать и распространять контент.

Существуют некоторые принципиальные различия между двумя типами медиа:

- новые медиа значительно быстрее традиционных;
- новые медиа открыты по контенту, традиционные – закрыты;
- новые медиа ориентированы на отдельных потребителей, традиционные – на общество в целом, публику;
- новые медиа не многословны, предпочитают изображения и видео;
- новые медиа интерактивны, в них создается и распространяется пользовательский контент [7].

Названные характеристики объясняют предпочтительность новых медиа по сравнению с традиционными для аудитории. Вопрос о содержании конструкта и специфике его восприятия отсылает нас к методам исследования [8]. Нами был проведен опрос, в котором приняли участие 120 человек.

Среди участников опроса были лица от 17 до 30 лет: студенты нескольких вузов, работники сфер IT, маркетинга, рекламы, сферы услуг и неработающие граждане. Опрос показал, что сфера деятельности незначительно влияет на выбор источников информации.

Респондентам были заданы следующие вопросы: «Из каких источников вы узнаете новости, получаете информацию о любых событиях?», «Чем для Вас привлекательны эти источники?»

В результате исследования было выявлено, что 38 участников опроса предпочитают получать информацию из Интернет-ресурсов и телевидения (Россия 24, Первый, НТВ, РБК, Euronews, Рен-ТВ, Дождь).

20 опрошенных используют для получения новостей Интернет, телевидение и газеты, из них 8 человек отметили, что выбирают электронные версии печатных изданий (Коммерсантъ, Известия, Комсомольская правда, Российская газета, Новая газета).

18 респондентов выбирают Интернет-источники и печатные СМИ, из них 12 человек отдают предпочтение онлайн-версиям традиционных СМИ.

21 участник опроса ответил, что получает информацию из Интернета, от друзей и знакомых.

23 опрошенных используют только Интернетом.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что абсолютно каждый участник опроса в той или иной мере для получения каких-либо новостей выбирает Интернет-источники, самые популярные, по результатам анкетирования, ресурсы представлены на рисунке:

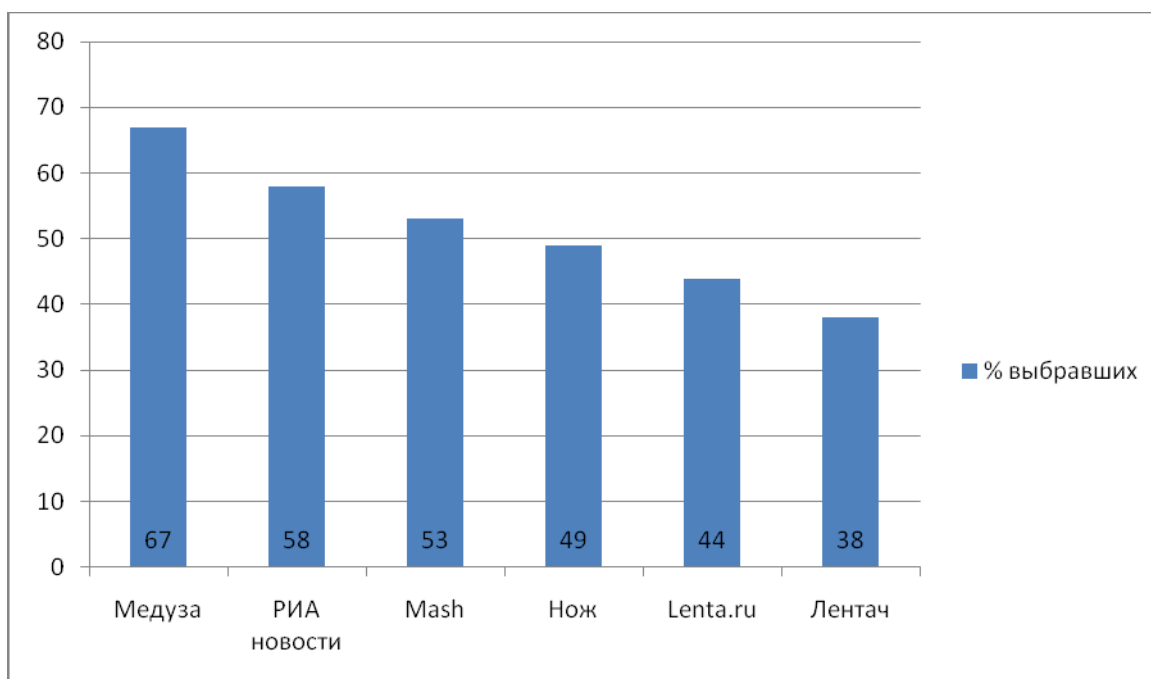

Рис. Интернет-ресурсы, используемые для получения новостей

При ответе на вопрос о привлекательности выбранных источников информации 54 % опрошенных одним из главных преимуществ Интернет-СМИ назвали интерактивность, т.е. возможность комментировать события. Основными преимуществами новых СМИ респонденты также считают независимость, удобство, доступность [9], альтернативность высказываемых точек зрения на события, достоверность, оперативность, информативность, возможность выбирать, либерализм, открытость, удобный формат информации, широкий спектр освещаемых тем, персонализацию новостей, постоянный поток информации.

Рассмотрим все эти преимущества на конкретном примере нового медиа – интеллектуального журнала о культуре и обществе «Нож». На сайте этого Интернет-издания говорится о том, что Интернет-журнал «Нож» – это русскоязычный проект, который не имеет печатного первоисточника [10]. Помимо новостей, Интернет-издание производит собственный контент. Формой предоставления информации являются информационные блоки, что делает сайт очень удобным и доступным для использования, как для мужчин, так и для женщин [11]. Рубрикатор хедера сайта включает несколько разделов: «Статьи» – большие публицистические, художественные, развлекательные работы, «Лучшее» – топ статей за прошедшую неделю, «Новости» – новостные заметки, «Тесты» – рубрика в интерактивной форме, которая знакомит читателя с новостями, так же существует еще плавающий раздел, он меняется в зависимости от ситуации в мире. Как видим, сайт имеет удобный формат и широкие возможности освещения тем, что для современного читателя очень важно. Фото-формат можно назвать вторым по значимости видом контента, представленным на сайте Интернет-проекта «Нож»: привлекает большое количество статичных фотоиллюстраций, графического материала, инфографики, фотолент и фотогалерея, представленные во всех разделах сайта (вспомним: в нашем исследовании респонденты отмечали, что наглядность материала играет для них важную роль). Кроме того, «Нож» дает своим пользователям возможность комментирования, что немаловажно для читателей.

Таким образом, новые медиа являются интерактивными, в то время как возможности традиционных СМИ в этом плане ограничены (рубрики газет, в которых помещают письма читателей, – исключение). Первые не толькоощряют отклик со стороны аудитории, но и требуют его, по-особенному структурируя коммуникационный процесс [12]. В формате новых медиа обеспечивать обратную связь и непрерывный поток информации очень легко. Стоит отметить, что традиционные и новые медиа выполняют схожие функции, но делают это разными способами. Они могут успешно сосуществовать, пока сохраняют свою аудиторию.

Список литературы

1. Robert K. Logan. The Changing Figure/Ground Relation with the 'New Media. NY: Peter Lang, 2010.
2. Социология: энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин [и др.]. Минск: Книжный Дом, 2003. 1312 с.
3. Манович Л. Язык новых медиа. М.: Ад Маргинем, 2018. 400 с.
4. Подкорытов Д.А. Новые медиа в контексте глобальных информационных процессов: дис. ... канд. полит. наук: 10.01.10 СПб., 2002. 179 с.
5. Беспалова Е. А., Кондратьева Д.О. Структурные особенности публицистических текстов (на примере печатных изданий «Курская неделя» и «Регион 46») // Стратегия развития региональных СМИ: проблемы и перспективы: материалы I Всерос. науч.-практ. конф. Курск, 2015. С. 80–83.
6. Беспалова Е.А., Карцева О.В. Влияние фактора профессиональной специализации радиожурналиста на его коммуникативную культуру // Новый взгляд на проблемы современного языкознания: материалы VII Междунар. науч. конф. школьников, студентов и аспирантов. Курск, 2016. С. 24–29.
7. Сакоян А. Новые медиа. Границы явлений. URL: https://polit.ru/article/2011/08/05/new_media/.
8. Степыкин Н. И. Ассоциативный эксперимент и метод концептуальных карт как инструменты исследования структуры и содержания концепта // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 4 (43), ч. 1. С. 248–251.
9. Виноградова М.В., Колосова М.А. Специфика использования устойчивых выражений в региональных печатных СМИ России и Великобритании // Стратегия развития региональных СМИ: проблемы и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курск, 2019. С. 48–55.
10. Knife.media. URL: <https://knife.media/>.
11. Виноградова М.В. Некоторые гендерные особенности идентификации слова (по результатам количественного анализа экспериментальных данных) // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2008. № 2 (4). С. 6–9.
12. Степыкин Н. И. Small talk: рекомендуемые и конвенционально запрещенные темы (на материале английского языка) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2014. № 4. С. 25–29.

УДК 811.111-26

А.И. Дыбченко, Е.Е. Сахарова

ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»,
Ростов-на-Дону

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ

В статье определяются характерные особенности синтаксиса рекламных слоганов в английском языке, рассматриваются синтаксические конструкции в англоязычных рекламных слоганах. Слоганы анализируются с точки зрения наличия и состава главных членов предложения, количества предикативных пар в их составе, типов связи между ними. Выделяются основные структурные и коммуникативные типы рекламных слоганов.

***Ключевые слова:** рекламный слоган, английский язык, предложение, структурный тип, коммуникативный тип.*

Реклама давно стала неотъемлемой частью информационного пространства современного общества. Различные виды и формы рекламных сообщений активно, а иногда навязчиво транслируются всеми средствами массовой информации. В связи с этим становятся актуальными исследования особенностей рекламы, связанных с эффективностью ее воздействия. Изучению различных аспектов специфики рекламных сообщений, и в том числе рекламных слоганов, посвящены работы таких лингвистов, как В.В. Ученова, И.Д. Морозова, С.С. Коровина, Е.В. Харькова, Ю.М. Сторожук и др.

Целью данной статьи является описание англоязычных рекламных слоганов с точки зрения их синтаксической структуры.

И.Д. Морозова понимает под слоганом короткое рекламное обращение, которое излагает основную рекламную идею в сжатом виде и является девизом рекламной компании отдельных фирм или товаров [1, с. 5]. Т.Н. Колокольцева подчеркивает, что слоган – это образное и эмоционально насыщенное высказывание, связанное с брендом, которое в краткой и афористической форме выражает основную рекламную идею [2, с. 148].

В большинстве случаев рекламный слоган располагается в конце рекламного сообщения, рядом с названием торговой марки или фирмы, для того чтобы выделить основное сообщение на фоне всего текста. Кроме того, он является итогом всего сказанного в рекламном обращении, поэтому так явно

выделяется из основного текста, тем самым привлекая внимание потенциальных покупателей. Отличительным признаком удачной рекламы является гармоничное сочетание основной идеи с правильно подобранной лексикой и специальными грамматическими конструкциями, которые помогают сделать правильные акценты на смысловых составляющих рекламных слоганов.

В рамках данной статьи мы рассматриваем синтаксические особенности англоязычных рекламных слоганов. Корпус материала исследования на данном этапе составляет 307 единиц, отобранных методом сплошной выборки из СМИ и Интернет-источников.

Слоганы были проанализированы с точки зрения наличия и состава главных членов, количества предикативных пар в составе предложения, типов связи между ними.

В результате анализа было установлено, что структура исследуемых слоганов представлена четырьмя большими группами:

- односоставные предложения;
- двусоставные простые полные предложения;
- двусоставные простые неполные предложения;
- сложноподчиненные предложения.

Наиболее частотным структурным типом рекламных слоганов является простое двусоставное полное предложение, имеющее в своей структуре и подлежащее, и сказуемое. Таких слоганов насчитывается 170 единиц, что составляет 55% от общего количества исследуемых слоганов. Приведем пример:

I'm loving it. (MacDonald's)

Данный слоган представляет собой двусоставное полное предложение: подлежащее *I*, сказуемое *am loving*. Форма сказуемого Present Continuous используется, чтобы подчеркнуть уверенность и степень того, насколько клиенты любят продукты MacDonalд's.

Следующей по частотности группой рекламных слоганов являются простые односоставные предложения, грамматическая основа которых представлена только одним главным членом предложения – подлежащим или сказуемым. Общее число таких конструкций составляет 65 единиц, или 22% от всех анализируемых слоганов-предложений. Например:

The Unkola. (7up)

В данном примере слоган представляет с собой простое односоставное назывное предложение с одним главным членом – подлежащим. Представители фирмы *7up* заявляют о своем продукте и подчеркивают его индивидуальность, противопоставляя его другой известной марке и при этом обыгрывая ее название.

Следующую группу рекламных слоганов составляют простые двусоставные неполные предложения – синтаксические конструкции с подлежащим и сказуемым, при этом их неполнота выражается в отсутствии некоторых членов предложения. Общее количество таких структур – 44 единицы, или 14% от всех слоганов-предложений. Например:

Experience amazing. (Lexus)

В данном примере слоган представляет собой простое двусоставное неполное предложение: *Experience* – это подлежащее, *amazing* – часть составного глагольного сказуемого. Предложение неполное, поскольку в нем пропущен глагол-связка *to be*: *Experience is amazing*. Отметим, что в данном случае синтаксическая неполнота, а именно пропуск глагола-связки, дает возможность адресату, исходя из контекста, по-разному трансформировать и интерпретировать это предложение, например, так: *Lexus is an amazing experience*.

Небольшую группу рекламных слоганов составляют сложноподчиненные предложения – 28 единиц, что соответствует 9% от всех слоганов. Например:

Good things come to those who wait. (Guinness)

В данном примере слоган представляет собой сложноподчиненное предложение с главным *Good things come to those* и придаточным дополнительным *who wait*. В предложении указывается на то, что потенциальные покупатели должны быть терпеливыми, чтобы насладиться свежим, только что приготовленным пивом марки Guinness.

Коммуникативная направленность рекламных слоганов как сообщений, адресованных массовой аудитории, проявляется в таких характеристиках, как цель высказывания и эмоциональная окрашенность. Так, в результате анализа было выделено шесть коммуникативных типов слоганов:

- повествовательное невосклицательное;
- повествовательное восклицательное;
- повелительное невосклицательное;
- повелительное восклицательное;
- вопросительное невосклицательное;
- вопросительное восклицательное.

Как показало исследование, большинство англоязычных рекламных слоганов, а именно 167 единиц, или 54%, имеют повествовательный невосклицательный характер. В таких слоганах содержатся утверждения о свойствах рекламируемого продукта либо о действиях, предпринятых его производителями с целью удовлетворить покупателя. Отсутствие эмоций при этом подчеркивает спокойный, деловой тон: авторы лишь констатируют факты о своем товаре или услуге. Например:

We bring good things to life. (Imagination at work)

В данном примере указанная компания заявляет, что она воплощает в жизнь хорошие идеи. Повествовательный и невосклицательный характер предложения подчеркивает уверенный тон слогана.

Следующим по частотности коммуникативным типом рекламных слоганов являются повелительные невосклицательные предложения. Они составляют 95 единиц, или 31% от всех анализируемых слоганов. В таких слоганах содержится призыв к осуществлению какого-либо действия, однако отсутствие восклицательного знака придает сообщению нейтральный характер: это скорее просьба, нежели указание, например:

Play Beyond. (Play station)

В представленном слогане производители побуждают обратить внимание на их новый продукт. Кроме того, здесь используется интересный прием, где буква “e” заменена цифрой 3, что позволяет выделить данный товар среди многих предложенных и привлечь потенциальных покупателей.

Следующей по частотности группой рекламных слоганов являются вопросительные невосклицательные предложения. В нашей подборке их 17 единиц, что составляет 6% от всех слоганов-предложений. В таких слоганах содержится вопрос, например:

And you, what would you do for love? (Miss Dior)

Цель данного слогана не сообщить информацию, а спровоцировать потребителей получить ее самим. Вопросительная форма подчеркивает непринужденный характер изложения, имитация же разговорной речи привлекает внимание потенциальных покупателей.

Другой коммуникативный тип слоганов – повествовательные восклицательные предложения. Они составляют 16 единиц, или 5% от всех слоганов в материале исследования. В таких слоганах содержится утверждение о свойствах либо качестве рекламируемого продукта с целью удовлетворить запросы покупателей. Например,

Probably the best beer in the world! (Carlsberg)

Здесь восклицательность, с одной стороны, акцентирует внимание на уверенности производителя в качестве своего товара как лучшего в мире, а с другой стороны, придает рекламному слогану эмоционально окрашенный оттенок.

Следующим по частотности коммуникативным типом рекламных слоганов являются повелительные восклицательные предложения. Их насчитывается 10 единиц, или 3% от общего количества слоганов. В таких слоганах содержится призыв выполнить какое-либо действие. Восклицательный ха-

рактор демонстрирует высокую степень эмоциональности: это не просьба, а указание, например:

Drive your dream! (Toyota)

Восклицательный характер данного слогана усиливается фонетически-стилистическим приемом аллитерации, а именно повторением в словах согласных букв и звуков [dr], что делает весь рекламный слоган ритмичным, ярким и запоминающимся.

Коммуникативный тип вопросительных восклицательных предложений самый малочисленный в материале исследования – всего 2 единицы, это меньше 1% от общего числа рекламных слоганов. В большинстве случаев вопросительные слоганы употребляются в начале рекламного сообщения. Такое расположение слогана призвано заинтересовать потенциального покупателя, побудить его к дальнейшему просмотру рекламы. Наличие восклицательного знака делает рекламный слоган эмоционально окрашенным, более ярким и запоминающимся. Например:

Whassup?! (Budweiser)

В данном рекламном слогане представители фирмы пива, для того, чтобы выделиться среди других компаний, используют разговорную фразу «*What's up?*», что в переводе означает «*Как дела?*». Тем самым производители не навязывают свой товар потенциальным покупателям, а просто иронически их приветствуют.

Подводя итог данной части исследования, отметим, что синтаксическое устройство англоязычных рекламных слоганов определено структурированностью, тенденцией к простым двусоставным повествовательным предложениям, что вполне согласуется с определением слогана как краткого, афористичного высказывания для рекламы товара. Простые конструкции позволяют сделать текст слогана легким и понятным для потенциальных потребителей, так чтобы не нарушать их привычной модели восприятия информации. Использование той или иной синтаксической конструкции определяется особенностями рекламируемого продукта, статусом и положением бренда, производящего данный продукт или услугу, а также намерением привлечь внимание потенциального покупателя и повлиять на его выбор в пользу представляемого товара.

Список литературы

1. Морозова И.Д. Слагая слоганы. Изд. 2-е. М.: РИП-холдинг, 2004. 172 с.

2. Колокольцева Т.Н. Слоган как ключевой компонент рекламного текста // Рекламный дискурс и рекламный текст: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. С. 147–171.

Список источников иллюстративного материала

3. McDonald's. URL: <https://www.mcdonalds.com/us/en-us.html> (дата обращения: 20.11.2019).

4. 7Up. URL: <https://www.7up.com/en> (дата обращения: 16.11.2019).

5. Lexus. URL: <https://www.lexus.eu/> (дата обращения: 17.11.2019).

6. Guinness. URL: <https://www.guinness.com/> (дата обращения: 17.11.2019).

7. Imagination at Work. URL: <https://www.imaginationatwork.com/> (дата обращения: 18.11.2019).

8. PlayStation. URL: <https://www.playstation.com/> (дата обращения: 22.11.2019).

9. Miss Dior. URL: https://www.dior.com/en_int (дата обращения: 17.12.2019).

10. Carlsberg. URL: <https://www.carlsberg.com/> (дата обращения: 15.12.2019).

11. Toyota. URL: <https://www.toyota.com/> (дата обращения: 04.12.2019).

12. Budweiser. URL: <https://www.budweiser.com/> (дата обращения: 17.11.2019).

УДК 80

Н.Л. Ермакова

*ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева», Орёл*

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РАССКАЗЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «БЕЖИН ЛУГ»

Статья является обобщением работы по анализу синтаксических средств выражения сравнительных отношений на материале рассказа И. С. Тургенева «Бежин луг». При описании синтаксических средств выражения компаративной семантики были выделены разнообразные конструкции, которые помогают выразить сравнительное значение не только через формальные, но и неформальные показатели, отражающие сравнительное значение.

Ключевые слова: сравнение, сравнительные конструкции, семантика, структура, сенкретизм, идеостиль.

Сравнение можно назвать феноменом человеческого сознания, который проявляется в том, что «одно явление или понятие постигается путём сопоставления его с другим явлением или понятием» [3, с. 102]. Этот феномен особенно ярко проявляется в идиостиле творческой личности.

Поэтому наиболее привлекательны сравнения различных типов в языке художественного текста, так как дают возможность определить природу явления, а также подчеркнуть характеристику (или действие) предмета, которая, с точки зрения автора, является наиболее важной [3, с. 102]. Сравнения не просто отражают определенную деталь (внешности, вещного или природного мира и т.д.) – они позволяют сделать это максимально индивидуально, образно, зримо.

Источником исследования является текст рассказа И.С. Тургенева «Бежин луг». При его прочтении нами были выбраны различные средства выражения компаративной семантики, представленные на разных уровнях языка.

Языковая конструкция, фиксирующая сравнение, представлена двумя членами, связанными компаративными отношениями. Это то, что сравнивается с предметом сравнения, с чем сравнивается (образ сравнения) и, конечно же, признак, лежащий в основе сравнения. Поэтому в сфере нашего внимания лежит определение того, какие объекты сравниваются автором, с помощью каких конструкций, а также какие средства языковой выразительности с семантикой сравнения при этом задействованы.

Текст И.С. Тургенева богат разнообразными средствами выражения сравнительных отношений. Это различные метафоры: *...утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем*; конструкции с кратким прилагательным **подобен**: *Верхний, тонкий край растянутого облачка засверкает змейками; блеск их подобен блеску кованого серебра* использование формы творительного падежа существительного: *Всюду лучистыми алмазами зарделись крупные капли росы* и т.д.

Цель данной статьи – рассмотреть синтаксические особенности сравнительных конструкций, используемых в рассказе И.С. Тургенева «Бежин луг».

Известно, что сравнение – это «стилистический приём, основанный на образной трансформации грамматически оформленного сопоставления» [3, с. 327]. М.И. Черемисина понимает под сравнением «особый синтаксический смысл, обусловленный спецификой синтаксической организации высказывания» [8, с. 4].

Компаративные отношения могут существовать как в простом, так и в сложном предложении. Основным средством грамматического оформления этих конструкций являются союзы реального сравнения **как** и нереального (гипотетического) сравнения **будто, как будто, словно, точно, что, как бы, как и, чем, нежели** и др. Близость сравнительных союзов друг к другу по значению подтверждается тем, что они могут, не изменяя смысла предложения в целом, взаимно заменять друг друга.

Частотнее всего семантика сравнения выражается через сравнительные обороты. Некоторые лингвисты считают, что он «представляет собой неполное придаточное предложение» [1, с. 451; 2, с. 108]. Однако мы вслед за А.К.Федоровым будем рассматривать эти конструкции как неполные придаточные предложения только в том случае, если возможно их преобразование в полное придаточное при сохранении синонимии трансформ и без нарушения норм литературного языка [7, с. 120]. Например: *Ничто так не волнует в природе, как весенний и осенний перелет диких гусей* (М. Пришвин). Ср.: *Ничто так не волнует в природе, как волнует весенний и осенний перелет диких гусей*. По мнению синтаксиста, неполные предложения имеют четко выраженное значение реального сравнения, полного уподобления двух фактов. Формальным показателем этих конструкций является союз **как**, который не допускает замены союзами нереального сравнения **будто, как будто, словно, точно** на тождества, т.е. предположительного приравнивания. «Предположительность может быть акцентирована, ослаблена, а в некоторых случаях преобразована. Эти различия связаны с распределением функций между главной придаточной частью сложного предложения» [4, с. 602].

Сравнительный оборот является членом простого предложения, который имеет значение приблизительного сходства или образного сравнения. И в простом предложении сравнительный оборот может выступать в качестве части сказуемого, обстоятельства образа действия, степени, обстоятельства времени, определения, приложения, дополнения.

Наши выборки показали, что в рассказе И.С. Тургенева «Бежин луг» встретились сравнительные конструкции с союзами **как, словно, точно, будто, как будто, как бы**. Наиболее частотны примеры с союзом **как**. Данные конструкции могут представлять собой как нераспространенные структуры, так и распространенные другими членами предложения. Например: *И Гаврила баил, что голосок, мол, у ней такой тоненький, жалобный, как у жабы. Покрытая лохмотьями, страшно худая, топчется она на одном месте..., словно дикий зверь в клетке.*

Преобладают конструкции со сравнительными оборотами, выступающими в качестве обстоятельства образа действия. В этих предложениях употребляются союзы **как, как бы, словно**. Например: *Все лицй его было неве-*

лико, худо, в веснушках, книзу заострено, как у белки. Ср.: ...заострено, (каким образом?) как у белки.

Союз как бы встретился в наших конструкциях в предложениях обособленными обстоятельствами, выраженными одиночными деепричастиями или деепричастными оборотами. Союз как бы употребляется в предложении для выражения условно-предположительных отношений. Например: *Прошло немного времени; мальчики с недоумением переглядывались, как бы выжидая, что-то будет. ... сам же он говорил мало....*

Сравнительный оборот – обстоятельство степени, поясняет качественное прилагательное и вводится в предложение при помощи союза как. Например *Облака ... они так же лазурны, как небо* (Ср.: лазурны в какой степени? как небо ... *Облака настолько лазурны, насколько лазурно небо*).

Встретился один пример, где сравнительный оборот выступает в качестве обстоятельства времени. Эта конструкция интересна тем, что здесь И.С.Тургенев употребляет отрицательное сравнение, при котором явления и предметы сопоставляются не прямо, а через отрицание их тождества. Например: *Солнце – не огнистое не раскаленное, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, не светлое и приветливо лучезарное – мирно всплывает под узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится в пыловый ее туман.* (Ср.: Солнце – не огнистое не раскаленное, (когда? В какое время?) как во время знойной засухи, не тускло-багровое, (когда? В какое время?) как перед бурей...).

В анализируемом тексте встретились предложения, в которых сравнительный оборот является частью сказуемого и вводится в предложение союзами **как, как будто, будто, словно, точно**. Например: *Камыши **точно**, раздвигаясь, «шуршали», как говорится у нас. Кто-то другой как будто отозвался ему в лесу тонким острым хохотом...*

В наших выборках встретилось по одному случаю, где составное именное сказуемое 1) приобретает смысл идиоматического наречного выражения: *рука просто как каменная, не ворочается*; 2) между подлежащим и сказуемым находится вводное сочетание с союзом как: *Вся голова огромная, как говорится, с пивной котел*.

Наши выборки показали, что в сложноподчиненных предложениях с придаточными сравнительными в качестве средств связи используются союзы **как, словно, точно**, причем оттенки значений придаточной части определяются лексическим значением союзов. Так, если союз как обычно указывает на реальное сравнение, то союзы словно и точно указывают на предположительный характер сравнения.

М.В. Ляпон пишет: «В предложениях, выражающих сравнительные отношения, уподобляются две ситуации, сближаемые на основании объектив-

ного сходства или тождества, либо на основании субъективных ассоциаций. В основе сравнительных отношений лежит значение условного тождества, т.е. предположительного приравнивания. Предположительность может быть акцентирована, ослаблена, а в некоторых случаях преобразована. Эти различия связаны с распределением функций между главной частью придаточной частью сложного предложения» [4, с. 602].

В рассказе И.С. Тургенева сравнительные отношения сложноподчиненном предложении (далее СПП) могут выражаться в чистом виде, без каких-либо дополнительных смысловых оттенков. Например: *Вдруг, глядь, у одного чана форма зашевелилась, поднялась, окунулась, походила **тип** по воздуху, словно кто ею полоскал, да и опять на место.*

В наших выборках встретились случаи, где на сравнительные отношения наслаиваются дополнительные оттенки: определительные, изъяснительные, меры и степени действия, причинные, то есть мы имеем дело с синктеричными случаями сравнения.

Так, например: предложение: *Меня охватила неприятная, неподвижная сырость, **точно я вошел в погреб*** – следует рассматривать как СПП с определительно-сравнительной придаточной частью, где где соотносятся два сравниваемых предмета, явления, одно из которых называется в главной части, а другое в придаточной (Ср.: *Меня охватит сырость* (какая?, охватила как?), *точно я вошел в погреб.*) Определительно-изъяснительные отношения наблюдаются в СПП: *Играл на берегу, и мать тут была, сено сгребала; вдруг слышит, словно кто пузыри по воде пускает.* (Ср.: слышит (что?) будто... – изъяснительные отношения осложняются сравнительной семантикой, которая выражается с помощью союза **будто**, указывающего и приближенность сравнения).

Придаточные меры и степени действия могут приобретать оттенок сравнения в предложениях с соотношением **так – как**: *... оно (солнце) закатилось **так же** спокойно, как спокойно вошло на небо.* Частица **же**, находящаяся после наречия **так**, усиливает оттенок сравнения, уподобления.

*Мне стало совестно перед ней, и я отчаянно устремился вперед, **словно вдруг догадался, куда следовало идти*** – в данном примере наблюдается синкретизм обстоятельственных отношений образа действия, сравнения и причины (Ср.: устремился вперед как? Каким образом? и устремился вперед (почему? По какой причине?) словно вдруг догадался...). А.К. Федоров отмечает в предложениях такого типа отсутствие реального уподобления сравниваемых фактов и указывает на образное сравнение, которое часто осложняется оттенком мнимой причины [7, с. 197].

Итак, наши примеры показали, что сравнительные отношения в рассказе И.С. Тургенева встречаются чаще в простом предложении, чем в сложно-

подчиненном (на 32 примера только 7 являются СПП с придаточными сравнительными). Сравнительные конструкции используются как в авторской речи, так и в речи персонажей. Самым частотным средством связи является союз **как**, который вносит в предложение значение тождества, соответствия сравниваемых предметов. В рассказе И.С. Тургенева не встретились примеры, где сравнительный оборот выступает в роли таких членов предложения, как подлежащее, определение и приложение. Автор не использует союзы **подобно тому как**, имеющий стилистический оттенок книжности, союзы **что, вроде того как**, употребляемые в сравнительных конструкциях в качестве разговорных, союз **как если бы**, который подчеркивает, что сравнение предположительно.

Таким образом, анализ синтаксических средств выражения компаративной семантики показал присутствие разнообразных конструкций, которые помогают выразить сравнительное значение не только через формальные, но и неформальные показатели, отражающие сравнительное значение. А присутствие синкретичных значений дает возможность представить и охарактеризовать все многообразие художественной языковой палитры, которой владел автор.

Список литературы

1. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э. Современный русский язык. М.: Высш. шк., 1966.
2. Крючков С.Е., Максимов, Л.Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М.: Просвещение, 1977.
3. Разуваева Л.В. Типы компаративных конструкций в художественном тексте с позиции их восприятия реципиентом // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2008. № 2. С. 102–104.
4. Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис. М.: Наука, 1980.
5. Русский язык. Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1979.
6. Тургенев И.С. Бежин луг. СПб.: Лениздат, 2014. URL: <http://www.litmir.me> (дата обращения: 06.07.2018)
7. Федоров А.К. Трудные вопросы синтаксиса. М.: Просвещение, 1972.
8. Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск, 1976.

УДК 811.11

В.И. Иванова, А.С. Опанасец

ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», Тула

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИРЛАНДСКОМ РАССКАЗЕ

В статье рассмотрено понятие интертекстуальности, отражающее диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования. Изложены некоторые подходы к проведению интертекстуального анализа как метода исследования текстов. На материале англоязычных ирландских рассказов посредством выделения интертекстуальных включений продемонстрировано отражение национального менталитета и культурно-исторического развития народа.

Ключевые слова: *интертекстуальность, интертекстуальный анализ, межтекстовые включения, средства художественной выразительности.*

Художественный текст является примером взаимодействия сложных систем связей, где для каждого элемента выделяется отдельное место. Кроме того, он выступает в роли хранилища культурного наследия на протяжении всей человеческой истории. Главной его чертой является способность к накоплению и хранению памяти о различных контекстах. Художественный текст можно рассматривать как единицу культуры, отличающуюся характерной спецификой. Целесообразно отметить, что данная разновидность текста зачастую представляет собой диалог автора и читателя. Художественный текст, как правило, отличается сосредоточением в нем большого количества примененных автором изобразительно-выразительных средств. С учётом вышперечисленных аспектов художественный текст представляет читателю множество посылов для его интерпретации. Так, Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарин отмечают возможность многочисленных интерпретаций одного и того же художественного текста, что обусловлено его уникальностью как феномена [1].

Исследованием тех или иных аспектов интертекстуальности занимались зарубежные и отечественные ученые: Ю. Кристева, И.В. Арнольд, Р. Барт, Б.М. Гаспаров, П.Х. Тороп, Ж. Деррида, Ж. Женетт, М. Риффатерр, В.П. Москвин и др. Основы теории интертекстуальности и межтекстовых связей были заложены М.М. Бахтиным (отмечал диалогический характер

связи одних текстов с другими, создал теорию полифонического романа) [3], Ю.Н. Тыняновым (представил учение о пародии в контексте интертекстуальности) [9], А.Н. Веселовским (отмечал диалогическую природу любого предмета изучения) [6].

Основоположником самого термина принято считать Ю. Кристеву, которая в 1967 году ввела понятие «интертекстуальность» в научный оборот, переосмыслив идею М.М. Бахтина о диалогической природе текста. Она считала, что любой текст является результатом осмысления и изменения другого текста и предложила под термином интертекстуальность понимать текстовое взаимодействие внутри конкретного текста [11]. В аспекте интертекстуальности каждый новый текст может рассматриваться как некая реакция на уже существующие тексты: последние, в свою очередь, могут использоваться в качестве элементов художественной структуры вновь создаваемых текстов.

Интертекстуальный анализ как метод исследования текстов способствует пониманию того источника, который вдохновил автора, послужил импульсом к созданию им собственного текста. При этом возможно проследить за трансформациями, которые отличают вновь созданный текст от первоисточника. Интересной в этом отношении представляется точка зрения Х. Блума, который считает, что писатель так или иначе вступает в некую борьбу с литературным предшественником. Это противоборство объяснимо, так как любой писатель стремится найти своё место в рамках уже существующей литературной традиции. Но литературная традиция, по мнению Х. Блума, начинается только тогда, когда автор «осознаёт одновременно не только то, что он борется против присутствия предшественника и его образов, но также и то, что он подчиняется чувству места предшественника по отношению к тому, что было до него» [4, с. 161].

М.М. Бахтин следующим образом рассуждает о миссии автора в создании литературного произведения. Автору в его творчестве приходится преодолевать «сопротивление чисто литературных старых форм, навыков, традиций». Но при этом целью автора является создание новой литературной комбинации. Таким образом, получается, что творческий акт автора должен восприниматься читателем «на фоне обычной литературной манеры» [2, с. 162–180].

Явление интертекстуальности как таковое означает смысловую открытость текста, его включение в широкое культурное пространство как один из аспектов его функционирования. Поэтому всесторонний анализ текста подразумевает установление его связи с теми или иными объектами духовного наследия. Под воздействием интертекстуальных связей в сознании читателя могут (и должны) по замыслу автора возникнуть те или иные ассоциации. Безусловно, это возможно при условии предыдущего знакомства читателей с прецедентными текстами. То есть, минимальным условием понимания ин-

тертекстуальных посылов является знание читателем прецедентных текстов, иначе невозможным будет полное понимание замысла автора. По мнению Г.В. Денисовой, существуют тексты, наиболее значимые в культурном, познавательном, этическом и эстетическом планах: исследователь определяет их как «сильные». Это «постоянно востребуемые тексты, получившие статус значимых в культуре в определенный исторический момент» [7, с. 128]. Конечно, знакомство с широкой палитрой подобных текстов является не только показателем читательской зрелости, но и признаком разносторонней образованности реципиента текста

Ключевым понятием, относящимся к теории интертекстуальности, является «интертекст». Под ним принято понимать фрагмент другого текста в исследуемом тексте.

В качестве материала исследования в нашей работе выступают англоязычные ирландские рассказы современных авторов, собранные в сборнике Энн Энрайт «The Granta Book of the Irish Short Story». Необходимо отметить перспективность англоязычного ирландского рассказа в роли объекта, исследуемого в целях эффективного изучения различных проявлений интертекстуальности.

Метод интертекстуального анализа был использован для выявления средств отражения национального менталитета и культурно языкового развития, в частности, посредством примененных автором изобразительно-выразительных средств. Целью осуществления интертекстуального анализа явилось выявление межтекстовых включений. К разнообразным языковым способам реализации интертекстуальности можно отнести цитирование, квазичитирование, текстовую аппликацию, текстовую аллюзию, парафраз и другие фигуры интертекстуальности.

Исходя из общей дефиниции в научном обиходе, термин «цитирование» принято трактовать как неизменное и точное воспроизведение текста. Когда цитирование претерпевает любую трансформацию, оно превращается в квазичитирование. Пример квазичитирования «A simple solution to a complex problem» [10, с.178] был идентифицирован в рассказе Филиппа Селлая (Philip Ó Ceallaigh) «Walking away». Данный афоризм, хотя и с явными признаками трансформации, принадлежит американскому журналисту Генри Луису Менкену и является известным представителям англоязычного лингвокультурного сообщества. Автор, посредством видоизменения цитаты, придает ей новый смысл – развивает тему ухода человека от окружающей его реальности, что также прослеживается в заглавии «Walking away». Заголовок рассказа находится в сильной позиции и является принципом выдвижения (формальной организации текста). Читатель, вступая в диалог с писателем, оценивает важность данных текстовых включений для понимания темы произведения. Возможность выделения и переосмысления интертекстуального

включения, в данном случае квазицитаты, говорит о богатом культурно-языковом развитии читателя.

Прибегая к использованию такой фигуры интертекстуальности как текстовая аллюзия, с помощью которой можно лишь частично намекнуть на некий образ, авторы художественного текста косвенно указывают на общеизвестное лицо, историческое событие, произведение искусства или факт. По мнению В.П. Москвина, данная интертекстуальная фигура может быть определена как «подразумеваемый, выводимый, вторичный смысл речи, т.е. намек» [8, с. 109].

Примеры текстовых аллюзий были отмечены в рассказе Энн Дэвлин (AnneDevlin) «Naming the Names». Опытный читатель обратит внимание на следующие элементы текста, содержащие исторические аллюзии: «local library had been petrol-bombed» [10, с. 102], «Gladstone» [10, с.104], «the Home Rule Bills» [10, с.104], «Ulster Volunteer» [10, с.104], «Protestant opposition» [10, с. 104], «de Valera» [10, с.105], «the Black and Tans» [10, с.105]. Кроме того упоминается название двух книг «Orangeism in Britain and Ireland» [10, с. 104], «Orangeism in Ireland and Throughout the Empire» [10, с. 104]. Все вышеупомянутые интертекстуальные включения связаны с историческими событиями, происходившими в начале XX века в Северной Ирландии и Республике Ирландии. Событием, объединяющим исторические аллюзии, является ирредентизм Ирландии, вызванный противостояниями между протестантами (сторонниками Британской короны) и католиками (приверженцами националистической организации ИРА).

Уже на первой странице рассказа автор оставляет подсказки в виде интертекстуальных включений. Слова «local library had been petrol-bombed» [10, с. 102] отправляют к событиям мая 1920 года, во время Войны за независимость Ирландии, когда были обстреляны и частично уничтожены местные достопримечательности Белфаста. Упоминание следующих элементов текста: «Gladstone» [10, с. 104] и «the Home Rule Bills» [10, с. 104], приводит читателя к такому историческому движению за автономию Ирландии как Гомруль или Хоумрул. Уильям Гладстон, в свою очередь, являлся лидером Либеральной партии, выдвигающим в парламенте законопроект Билль о Гомруле, согласно которому Ирландия получила свой собственный парламент. Движение за Гомруль привело к ожесточенным сопротивлениям, вызванных сторонниками сохранения Ирландии в составе Великобритании. Последние, в свою очередь, создали лоялистскую группировку «Ulster Volunteer» [10, с. 104], упоминание о которых также можно отследить на страницах рассказа. Деятельность данной группировки долгое время была связана с Оранжевым орденом. Эта связь в анализируемом рассказе видна благодаря перечислению автором книг по вопросу оранжизма: «Orangeism in Britain and Ireland» [10, с. 104], «Orangeism in Ireland and Throughout the Empire» [10, с. 104]. Вместе с тем, Энн Дэвлин упоминает «the Black and Tans»

[10, с. 105] или Черно-пегих, сражающихся на стороне Великобритании во время войны за независимость Ирландии.

Еще одной исторической личностью, аллюзия на которого употреблена автором на страницах своего произведения, является Имон де Валера. Энн Дэвлин использует всего лишь фамилию ирландского революционера. Отсутствие полного упоминания объясняется широкой известностью данной исторической личности среди носителей ирландской культуры.

Все данные подсказки, в виде исторических аллюзий, рассчитаны на опытного читателя или представителя ирландского лингвокультурного сообщества. С их помощью становится возможным определение места и времени повествования. В случае с рассказом Энн Дэвлин (Anne Devlin) «Naming the Names», исторические иллюзии используются с целью определения объединяющего их события – ирредентизма Ирландии. Автор косвенно указывает на это историческое событие посредством использования интертекстуальных включений как способа отражения развития национального менталитета представителей ирландской культуры. Важно отметить, что осознанное введение автором в текст аллюзий, является показателем того, что было лично когда-то познано Энн Дэвлин. Как упоминалось ранее, каждый художественный текст является единицей культуры. Перед автором произведения стоит задача создать в нем художественный мир. Богатый культурный, языковой и социальный опыт помогает справиться с ней. Связь автора рассказа «Naming the Names» с определенной культурой и эпохой прослеживается на речевом уровне.

В рассказе Энн Дэвлин (Anne Devlin) «Naming the Names» особое место отводится прецедентным феноменам (отсылкам к другим историческим событиям, художественным произведениям, известным личностям). Их включение в текст рассказа порождает различные интертекстуальные связи, проявляемые в виде фигур интертекстуальности, отличающихся от основных.

В данном рассказе использован прием перечисления имен собственных. А.Д. Васильев допускает, что этот прием может считаться интертекстуальностью, если перечисление связано темой или микротемой произведения [5]. В рассказе Энн Дэвлин (Anne Devlin) «Naming the Names» прием перечисления имен собственных употребляется 7 раз и связано с одной из тем произведения – потерей и сохранением культуры. Главная героиня использует перечисления названий улиц вместо имен соучастников террористической организации не только как отвлечение, но и как способ сохранения в ее памяти еще знакомого исчезающего мира.

Анализ материала исследования показывает, что интертекстуальные включения в анализируемых рассказах могут отличаться по сфере своего использования. В рассказе Патрика Бойла (Patrick Boyle) «Meles Vulgaris» были выявлены примеры интертекстуальных включений, принадлежащих иной сфере, а именно сфере научного цитирования: “The feet of the badger are plan-

tigrade: the animal walks on the flat of its feet, including the heel, in contrast to the Ungulates, which walk on their toes” [10, с. 218]. Определить включения в рассказе удалось благодаря намеренному выделению автором вкраплений курсивом. Кроме того, на структурном уровне были введены специальные отступления в тексте. Автор рассказа “*Meles Vulgaris*”, ссылаясь на источник цитируемого текста, учебник, маркируя его в тексте произведения также как само вкрапление – изменением шрифта: “‘*The Badger.*’ She leafed the pages rapidly. ‘It looks like some sort of a textbook’” [10, с. 213]. Научное цитирование как вид интертекстуального включения в этом случае используется с целью пояснения, которое помогает точнее раскрыть содержание художественного текста. С помощью таких вкраплений создается жанровая полифония как одно из стилистических особенностей материала исследования и говорит о богатом культурно-языковом развитии автора произведения.

Таким образом, в художественном тексте можно отметить отражение национального менталитета и культурно-языкового развития посредством выделения разнообразных интертекстуальных включений. Англоязычный ирландский рассказ является перспективным объектом, исследуемым в целях эффективного изучения различных проявлений интертекстуальности. Так как культура Ирландии, описываемая в этих произведениях, является динамичной и многообразной, она демонстрирует внимательному читателю огромное количество взаимосвязанных феноменов. Читатель может судить о многогранности социального опыта и культурно-языкового развития автора произведения как представителя определенного лингвокультурного сообщества.

Список литературы

1. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум. 3-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2005. 496 с.
2. Бахтин М.М. Проблема автора // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 162–180.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
4. Блум Х. Страх влияния. Карта перечитывания. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 352 с.
5. Васильев А.Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2015. 342 с.
6. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 405 с.
7. Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М.: Азбуковник, 2003. 298 с.
8. Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. М.: ЛИБРОКОМ, 2015. 168 с.

9. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. 574 с.
10. Enright A. The Granta Book of the Irish Short story. London: GRANTA, 2010. 442 p.
11. Kristeva J. Le texte du roman. Approche d'une structure transformationnelle. The Hague-Paris: Mouton, 1970. 209 p.

УДК 371.398

О.Н. Коломыцева, Ди Сяося

*Ланьчжоуский университет, Институт иностранных языков
и литературы, Ланьчжоу, КНР*

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА И ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ)

В статье дается характеристика современной ситуации общения, которая тесно связана с экономической и политической жизнью. Речевая деятельность становится ключевой в процессе изучения культуры и традиций других стран. Именно поэтому в современных социокультурных условиях становится более значимым поликультурное образование, что способствует осмыслению и изучению образа жизни, народных традиций, культуры и, конечно, речевого этикета.

***Ключевые слова:** речевая деятельность, речевой этикет, вербальные средства общения, невербальные средства общения, традиции, культура.*

Современный мир базируется на толерантных отношениях, которые основываются на изучении и познании культуры народов, на полилоге культур, принятии и осознании самобытности, универсальности языка, его уникальности на фоне сопоставления с другими языками и культурами.

Все это дало необходимость и возможность выстроить новую парадигму в изучении языка. Именно поэтому в современных социокультурных условиях становится более значимым поликультурное образование, что способствует осмыслению и изучению образа жизни, народных традиций, культуры и, конечно, речевого этикета.

Те политические и экономические процессы, которые происходят в современном мире, влияют на все сферы жизни, в том числе и на образование. Поэтому постоянно встает необходимость искать новую политику взаимодействия со студентами-иностранцами. Все мы знаем, что образование всех уровней, дошкольное образование, школа, средние специальные учебные заведения, институты и университеты проникнуто интернационализмом.

Е.Г. Леонтьева пишет: «Целью интернационализации университетского образования является подготовка студентов и специалистов к международному сотрудничеству и конкуренции, которые будут доминировать в новом тысячелетии во всех формах жизнедеятельности общества» [2, с. 4]. Процесс интернационализации образования сегодня тесно связан, с такой проблемой, как языковой барьер. Именно поэтому языковая подготовка становится основой продуктивного международного сотрудничества.

Изменение культурного опыта прямо отражается в языке и культурных традициях, которые определяют именно ту часть объектно-предметной области языка, которая связана с жизнью общества, а также со всей структурной организацией языковой картины мира. На протяжении столетий, в ходе эволюции культуры происходит анализ языковой вариативности, который отражает социальную дифференциацию общества и его развитие. Общение является основным средством достижения взаимопонимания в коммуникации людей, в результате чего люди раскрывают свои качества, проявляют себя. Именно в общении усваивается общечеловеческий опыт, исторически сложившиеся общественные нормы, знания, ценности, способы деятельности, что помогает человеку стать личностью, носителем культуры. Таким образом, в процессе коммуникации, человек становится носителем определенных социальных ролей. Общение людей развивается в русле общих социальных отношений, в котором отражаются личностные (психические и социальные) качества. Определенные социокультурные потребности и способы их удовлетворения, которые существуют в национально-культурных формах, свойственных для определенного этноса, формируются в процессе социализации.

Обращаясь к своему опыту работы в Китайской Народной Республике, можно сказать, что в последнее время изучение русского языка и русской культуры очень востребованы у китайских студентов. А изучение начинается с русского речевого этикета. Изучение особенностей русского речевого этикета – это необходимое условие для успешного преодоления языкового барьера» [1].

Известно много исследователей, которые занимались сопоставлением этикета, как отражения культуры русского и китайского народов. Это: К.А. Абульханова, В.И. Куйбарь, Ю.А. Абрамова, В.Ю. Апресян, Б.Г. Ананьев, М.А. Беребин, А.А. Брудный, В.Е. Бугер, И.И. Булычев, Е.М. Верещагин, Е.М. Вольф, Л.С. Выготский, Р.М. Габитова, И.Н. Горелов, К.Ф. Седов, В.В. Знаков, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, В.А. Маслова и другие авторы.

Н.Н. Формановская, говорила, что речевой этикет является важным элементом национальной культуры. Он представляет собой национально-специфические правила речевого поведения, применяемые в ситуациях вступления собеседников в контакт и поддержания общения в избранной тональности соответственно обстановке общения, социальным признакам коммуникантов и характеру их взаимоотношений [3, с. 5].

Рассмотрим некоторые особенности этикета двух культур, например, у русских (поцелуи, объятия, рукопожатия, похлопывания по плечу и другие тактильные проявления эмоций), у китайцев (поклон). Китайцы скрывают свои чувства, а русские, наоборот, с удовольствием демонстрируют их, прилюдно выражают. В русском языке, в устной речи предложение может быть построено без соблюдения правил, а вот у китайцев нет. Речевое поведение китайцев и не только речевое, в любой жизненной ситуации зависит от норм, которые базируются на заповедях древних философов, что составляет основу воспитания и сегодня. Личность получает и усваивает знания в процессе социализации, структурированным способом, общим для всех. И этот способ структурирования опыта – сетка, через которую человек видит, интерпретирует и познает мир.

Человечество напрямую зависит от конкретного языка, который становится проводником в отражении когнитивной картины мира в данном обществе. Следует понимать, что утверждение о том, что человек существует во внешнем мире без помощи языка, а язык – это средство мышления и коммуникации, является ошибкой, иллюзией. В жизни «реальный мир» держится на языковых стереотипах различных социальных групп. Два разных языка не могут быть похожими настолько, чтобы они могли одинаково выражать действительность. Из чего следует, что языковой стереотип – это совокупность закреплённых в значениях единиц языка представлений конкретного социума о действительности. Языковой стереотип появляется на определенном этапе и отражает специфику языкового членения мира, т.е. упорядочение предметов, окружающих явлений. Но языковой стереотип имеет ограничения, потому что он не может передавать полностью ту картину мира, которая существует в сознании отдельного социума.

Если мы говорим о речевом этикете в Китае, то его нельзя рассматривать в отрыве от традиций, от древней культуры народа.

«Тринадцатиканонье» – это собрание основополагающих текстов конфуцианства, в которое входит три произведения: «周礼»-Zhou li – этико-ритуальные нормы (эпохи) Чжоу; «仪礼»-Yi li – образцовые церемонии и этико-ритуальные нормы; «礼记»- Li ji – записки об этико-ритуальных нормах. В основе правил этико-ритуальных норм находятся умеренность, уважение к собеседнику, особенно к старшим, достоинство и чувство пристойности, добропорядочности и приличия. Речь человека, слова и поступки должны быть взвешены и соразмерны, соответствовать принятой для данной ситуации общению норме, они должны быть ориентированы на почитаемый и известный эталон [4].

Поэтому обучая китайских студентов русскому речевому этикету, надо учитывать все эти особенности их культуры и традиций.

Например, «你好» (nihao) – по-русски «привет», как мы привыкли воспринимать это слово. Это первое слово, с которого начинается знакомство с китайским этикетом. Но оказывается, что в реальной жизни употребление этого слова строго и социально ограничено. Эта форма приветствия относится к официальной и уважительной, ее используют представители интеллигенции. Рабочие и крестьяне не используют это приветствие. В русском языке «你好» (nihao) соответствует формуле «привет» – это стилистически сниженное выражение приветствия, которое используют при общении давно знакомые между собой люди, обычно молодого возраста. При официальном общении эта формула недопустима, люди старшего возраста или малознакомые его не используют. Она невозможна при общении людей разного возраста. С точки зрения китайцев, слово «привет» нельзя использовать и при встрече с близкими людьми, с родственниками. Поэтому при изучении формул приветствия следует обращать внимание на все формы, и особенно уделять внимание официальным формулам приветствия.

В речи китайских студентов, как и в речи русских студентов, часто используется заимствованная из английского языка формула «hi», которая сопровождается поднятой рукой в знак приветствия.

Очень часто в русском языке используется форма приветствия «как дела?», мы также ее предлагаем, как неофициальную формулу приветствия. Если обратиться к часто употребляемой китайской формуле приветствия, то это типичное для прошлых веков приветствие «你吃了吗?» (Ни чи (фань) ла ма? – «Вы поели?»). Его вариантом может быть выражение «你吃饭了吗?», что означает «Ты ел рис?»). Еда в Китае, а именно рис, это очень важно, ей придается особое значение, она является неотъемлемой частью жизни китайского народа. Следует отметить, что КНР – это сельскохозяйственная и густонаселенная страна, традиционно в жизни китайского народа «吃chi» (еда, пища) играет большую роль, которую они считают своим небом, главным элементом в жизни.

Если обратиться к истории Китая, то мы узнаем, что китайский народ голодал, поэтому приветствие «吃chi» (ты поел) прямо указывает на желание избавиться от голода. Еда – символ достатка, если есть еда, то семья счастливая и благополучная. Конечно, в русском языке нет похожей синонимичной конструкции, поэтому мы можем ошибочно подумать, что это приветствие приглашает нас поесть. Следовательно, следует учитывать все эти факторы, когда мы знакомим китайских студентов с формулами русского этикета «приветствия».

Рассмотрим еще одно этикетное выражение «Доброе утро. Добрый день. Добрый вечер». Все они ограничены временем употребления. В китайском языке zao shang hao /早上好 (Доброе утро), ri an/日安 (Добрый день), wan shang hao /晚上好 (Добрый Вечер) – это новые формулы, которые стали

использоваться только с приходом средств массовой информации (радио и телевидение), в повседневной жизни эти формулы речевого этикета почти не используются.

Итак, формулы речевого этикета являются отражением особенностей истории и культуры страны. Поэтому, когда мы говорим о качестве преподавания иностранного языка, необходимо учитывать лингвокультурологический и лингвострановедческий факторы, которые имеют филологическую природу, что проявляется в языковых единицах с национально-культурной семантикой, что и является единицами речевого этикета.

Список литературы

1. Вербицкая Л.А. Глобализация и интернационализация в образовании и важность изучения иностранных языков // ГРАМОТА.РУ – русский язык для всех: справочно-информационный портал. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/mrs/28_231.
2. Леонтьева Е.Г. Интернационализация университетского образования: социально-философский анализ: автореф дис. ... канд. философ. наук. Томск, 2002. 27 с.
3. Формановская Н.И. Употребление русского речевого этикета // Употребление русского речевого этикета. М.: Рус. язык. 1982. С. 3–192.
4. Этика и ритуал в традиционном Китае. М.: Наука, 1988. 331 с.

УДК 81'42

Е.Г. Колыханова

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева», Орёл

СИМВОЛИКА ЦВЕТА В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ТУРГЕНЕВА (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА «СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ»)

В данной статье рассматриваются особенности языковой колористики, используемой в цикле «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева, исследуется символика цветовых тонов и их семантическая многозначность. В работе обращается внимание на то, что в некоторых случаях автор намеренно отходит от традиционного восприятия цветовых оттенков, внося в контекст своё, индивидуальное, значение того или иного тона.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, текст, цвет, колоратив, символ, знак.

И.С. Тургенев по праву считается мастером использования цветообозначений в языке художественной литературы. Читая произведения писателя, мы невольно обращаем внимание на ту цветовую гамму, которую употребляет автор в своих творениях при описании природы, интерьера, портретной характеристики, внутреннего состояния героев. Так, С.Е. Шаталов отмечает, что колористка в прозе художника слова «это в полном смысле подобие палитры живописца – цвета, краски, переливы света и тени, доступные писателю и с помощью определенного круга словесно-речевых средств воспроизведенные им в своем творчестве» [8, с. 230].

Цель нашей статьи – рассмотреть особенности языковой колористики, используемой в цикле «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева, исследовать символику цветовых тонов и их семантическую многозначность. Эти произведения писатель создает в последние годы своей жизни, что объясняет мотивы неизбежной старости и болезни, одиночества, рока, неотвратимости смерти. Но нельзя говорить, что данная проблематика является определяющей для всего цикла, в «Стихотворениях...» звучит также идея «торжествующей любви», молодости, вечно обновляющейся жизни. Тематический контраст лирических миниатюр находит отражение в языковых средствах, и в частности в использовании колоративов. В некоторых случаях автор намеренно отходит от традиционного восприятия цветовых оттенков, внося в контекст свое, индивидуальное, значение того или иного тона. Как справедливо отмечает Т.Ю. Галянина, цветовые художественные образы в произведениях писателя характеризуются исключительным смысловым наполнением, поражая богатством цветовой гаммы. Каждая деталь у него имеет свое название, свою индивидуальную форму, свой цвет [5, с.14].

И.С. Тургенев в «Стихотворениях...» [7] использует спектр цветовой гаммы, который представлен разными колоратурами, обозначающими ахроматические: *белый, черный, серый*, и хроматические цвета: *зеленый, синий, желтый, красный, голубой*; а также оттенки цветов, связанные с большей или меньшей цветовой насыщенностью: *алый, пурпурный, багровый* и др. Встретилась группа прилагательных, отличающаяся своими словообразовательными возможностями, которая также указывает на цветовые оттенки: это простые и сложные прилагательные: *синеватый, беловатый, посинелый, белесый* и *бледно-зеленый, изжелта-серый, тускло-красный* и др. Также зафиксированы примеры, где цветовые значения представляют собой метафорические номинации: *золотой, перламутровый, посеребранный*.

Цветообозначение представлено лексемами разных частей речи, чаще всего в тексте стихотворений колоративы выражаются именами прилагательными, но наряду с этим для цветообозначения в тексте используются аб-

страктные существительные: *синева, желтизна, белизна, алость, зелень*; глаголы и глагольные формы: *чернеть, алеть*, причастия: *от мрака, чернеющего* впереди, деепричастия: *алея, белея*; слова категории состояния ... *езде стало бело* совсем.

Самым частотным в «Стихотворениях...» является указание на *белый* (19), *черный* (12) и *зеленый* (11) цвета.

Некоторые ученые, исследуя колористику в творчестве И.С. Тургенева, подчеркивают, что чаще всего писатель использует именно *белый* цвет [1, с. 6].

Этот колоратив употребляется автором в различных значениях. В.И. Даль определяет белый цвет как 1. бесцветный, противный черному. 2 Чистый, незамаранный, незапятнанный. [6, с. 152]. Если говорить о первом значении, то белый цвет используется И.С. Тургеневым для описания интерьера, портретной характеристики, природы. Например: *Комната большая, низкая, в три окна, стены вымазаны белой краской, мебели нет* («Конец света»). *Да я узнаю эти черты... в них уже нет ничего египетского. Белый низкий лоб, выдающиеся скулы, нос короткий и прямой, красивый белозубый рот...* («Сфинкс»). *Длинные прямые складки... бежали одна за другой от носа парохода.... Взбитая пена клубилась под однообразно топтавшими колесами; молочно белея и слабо шипя, разбивалась она на змеевидные струи...* («Морское плавание»).

Как символ чистоты и святости этот колоратив также используется автором в тексте. Например: *И вот по одноцветной ее синеве замелькало что-то ровно и плавно; ни дать ни взять белый платочек или снежный комок. То летел со стороны деревни белый голубь* («Голуби»).

Но *белый* цвет содержит в себе и отрицательный смысл, ассоциируясь у автора с уходом из жизни. Так, в стихотворении «Черепка» писатель использует словосочетание «мертвенная белизна» ... *и мгновенно выступила наружу мертвенная белизна черепов, зарябили синеватым оловом обнаженные десны и скулы* («Черепка»).

Образ «женщины в белом» как символ смерти присутствует в текстах несколько раз: *Я начал вглядываться: облачко стало женщиной, стройной и высокой, в белом платье, с узким светлым поясом вокруг стана* («Встреча»). *Мне почудилось, что между нами сидит высокая, тихая, белая женщина.... Эта женщина соединила наши руки... Она навсегда примирила нас. Да... Смерть нас примирила* («Последнее свидание»). В данном случае И.С. Тургенев, очевидно, опирается на народные приметы и поверья. Так, в энциклопедии русских суеверий сказано следующее: «Белая (баба, девка, женщина) – явление смерти в образе женщины, девушки, покойница, предвестница несчастья, водяной дух, видение, призрак, угрожающий жизни человека» [4, с. 11].

Черный цвет в цикле «Стихотворений...» – это знак надвигающейся безысходности, трагизма, смерти. Например: *Но вот впереди на самой моей дороге что-то чернеет и ширится... какая-то яма... «Могила!» («Старуха»).* *Я хотел было ухватиться за товарищey, но мы все уже раздавлены, погребены, потоплены, унесены той, как чернила, черной, льдистой, грохочущей волной! Темнота... темнота вечная! («Конец света»).* *Нет... мне кажется, я буду стараться не думать – и насильно займусь каким-нибудь вздором, чтобы только отвлечь собственное мое внимание от грозного мрака, чернеющего впереди («Что я буду думать?»).*

В этих предложениях состояние безнадежности и обреченности подчеркивают встретившиеся в контексте лексемы: ср.: *чернеет ... какая-то яма... «Могила!»*; как *чернила, черной волной! Темнота... темнота вечная от грозного мрака, чернеющего впереди!*

Общепринято, что *желтый* цвет ассоциируется с цветом солнца, теплоты, радости, жизни. Так, у В.И. Даля читаем, что желтый – это цвет «солнца или золота, различной яркости и оттенков» [6, с. 530]. А. Вежбицкая также отмечает, что прототипом для желтого цвета является солнце [3, с. 234]. Однако в стихотворениях великого писателя этот цвет используется в основном при портретной и пейзажной характеристике и соотносится с болезнью, безжизненностью и смертью, например, рисуя лицо старухи-смерти, автор пишет следующее: *Лицо старушки одно виднелось из-под них желтое, морщинистое, востроносое, беззубое лицо («Старуха»).* Изображая безнадежно больного человека, писатель дает следующую портретную характеристику: *Желтый, высохший, с лысиной во всю голову с узкой седой бородой, он сидел в одной, нарочно изрезанной рубахе («Последнее свидание»).*

Желтая палитра как символ не живого, мертвого, высохшего присутствует и в пейзажных зарисовках. Например: *Под нею желтая пустыня, безмолвная, недвижная, мертвая... Под нею море, желтое, мертвое, как пустыня («Без гнезда»).*

Мрачное, безрадостное настроение передает в тексте стихотворений и *серый* цвет, который присутствует при описании пасмурной погоды, передающей настроение героя, и при характеристике малообразованных людей. Например: *Перед домом голая равнина... серое одноцветное небо висит над нею как полог («Конец света»).* ... *я о вашем же добре заботился, хотел освободить вас, серых, темных людей, восстал против притеснителей ваших, бунтовал («Чернорабочий и белоручка»).* В стихотворении «Камень» этот колоратив символизирует старость: *Видали ли вы старый серый камень на морском побережье, когда в него, в час прилива, в солнечный веселый день, со всех сторон бьют живые волны («Камень»).*

Не несет в себе положительного начала и *красный* цвет, который воспринимается читателями как знак опасности и нездоровья. Например: *Лицо*

бабы осунулось и потемнело; глаза покраснели и опухли... («Щи»). Он протягивал мне красную, опухшую, грязную руку... («Нищий»).

Ярко-красный оттенок ассоциируется у автора с кровью. Так в стихотворении «Насекомое», описывая страшное существо, писатель дает такую характеристику: *Оно походило на муху или осу. Туловище грязно-бурого цвета; такого же цвету и плоские, жесткие крылья; растопыренные мохнатые лапки, да голова угловатая и крупная, как у коромыслов; и голова эта и лапки – ярко-красные, точно кровавые...*

Во всех нас оно возбуждало отвращение, страх, даже ужас... («Насекомое»).

А в лирической миниатюре «Два брата», изображая ангела, И. С. Тургенев пишет: *Перья крыльев отливают розовым цветом; концы их ярко-красны, точно омочены багряной, свежей кровью.* («Два брата»). Следует отметить, что в этом предложении автор использует три цветовых оттенка, представляющих некую градацию от нежного розового до ярко-красного, кровавого.

Если белый, черный и желтый цвет соотносятся в тексте с болезнью, неизбежностью смерти и фатума, то символом жизни у писателя выступают колоративы *зеленый, синий, голубой* (синонимичные ему *лазоревый, лазурный*), *синева, синеватый*, которые в основном встречаются для описания пейзажных зарисовок. Е.А. Бурштинская отмечает, что писатель, изображая природу, практически не использует белую краску. Преобладающими тонами тургеневских пейзажей являются *зеленый* и *синий* как цвета леса и неба [2, с.165].

У Тургенева это светлые тона, передающие живость природы, ведь зеленый цвет традиционно считается символом жизни: *зеленая лужайка, зеленый лес, зеленое небо* и др, а *голубой, лазоревый, синеватый* – это цвет небосвода, который олицетворяет безмятежность и умиротворение. Например: *По самой середине этого сада, на зеленой лужайке, росло дерево необычайного вида. Оно походило на кипарис; только листва на нем была лазоревого цвета* («Восточная легенда»). *Голубое небо, как пух легкие облака, запах цветов, сладкие звуки молодого голоса, лучезарная красота великих творений искусства, улыбка счастья на прелестном женском лице и эти волшебные глаза... к чему, к чему всё это? («Nessun maggior dolore»).*

Интересно отметить, что И.С. Тургенев в миниатюре «Разговор» отходит от традиционного голубого цвета для обозначения небосвода, заменяя его зеленым, тем самым подчеркивая жизненность окружающего мира: *Над горами бледно-зеленое, светлое, немое небо ...спит зеленое, светлое небо над навсегда замолкшей землей* («Разговор»). С.Е. Шаталов обратил внимание на то, что «свето-цветовые эпитеты в составе пейзажа определенным об-

разом отличаются от тех, которые входят в портрет и описание обстановки» [8, с. 262].

Итак, анализ цветообозначений в цикле «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева показал, что автор в качестве одного из средств художественной изобразительности активно использует широкий спектр цветовой гаммы, акцентируя внимание читателей на контрасте жизни и смерти, молодости и старости при помощи символики колоративов.

Список литературы

1. Алиомарова Д. М. Языковая картина мира в прозе И. С. Тургенева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2010. 24 с.
2. Бурштинская Е. А. Цвет как аспект литературного портрета в художественной прозе И. С. Тургенева: дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2000. 195 с.
3. Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 231–291.
4. Власова М.Н. Русские суеверия: энциклопедический словарь. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=231641&p=1> (дата обращения: 15.01.2020).
5. Галянина Т.Ю., Цветовой интертекст прозы И.С. Тургенева // Філологічні науки, Вісник Запорізького національного університету. 2010. № 1. С. 13-17.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1: А-З: словарь. М.: Рус. язык, 1978. 699 с.
7. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1982. Т. 10. 608 с.
8. Шаталов С.Е. Художественный мир И.С. Тургенева. М.: Наука, 1979. 312 с.

УДК 811.161.1

Т.А. Корнеева

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань

ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ ФУНКЦИИ ОБРАЗОВАНИЙ НУЛЕВОЙ СУФФИКСАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются особенности функционирования образований нулевой суффиксации как одного из средств текстовой когезии и когерентности, их роль в организации логических, образных,

ассоциативных, стилистических, ритмических связей на всех уровнях внутренней организации произведения. В качестве источников рассматриваются тексты разных жанров: пословицы и поговорки, поэтические тексты, прозаические произведения современных авторов. Отмечается частотность словообразовательных типов имён нулевой суффиксации в текстах, особенности художественных приёмов на их основе.

Ключевые слова: словообразование, нулевая суффиксация, текстообразующая функция, текст, когезия, когерентность.

Изучение текстообразующей функции языковых единиц предполагает определение их роли в создании многомерного целостного пространства художественного произведения. Как известно, целостность текста обеспечивается его содержательной и структурной связанностью (когерентностью и когезией соответственно). В работах, посвящённых анализу текста, отмечаются основные текстовые категории: информативность, членимость, внутритекстовые связи, континуум, автосемантия отрезков текста, ретроспекция, проспекция, модальность, интеграция и завершенность текста (И.Р. Гальперин), когерентность рассматривается как свойство текста, а когезия – как свойство элементов текста [5, с. 89], уточняются механизмы когезии: референция, эллипсис, субституция, прономинализация, лексическая изотопия, использование коннекторов для установления логических и временных связей между высказываниями (по: [8, с. 119]). «Формальная связность текста (когезия) достигается с помощью различных языковых средств: союзов, повторов, слов-заместителей, согласования временных и иных форм и т.п. Смысловое единство текста (когерентность) обеспечивается логической последовательностью и непротиворечивостью изложения, логическими связями <...>, использованием стереотипных формул, обозначающих начало и концовки повествования, анафорическими и катафорическими ссылками к другим частям» [5, с. 89]. При рассмотрении особенностей функционирования в тексте языковых единиц разного уровня обращается внимание на необходимость учёта «всей совокупности эксплицитных и имплицитных компонентов смысла текста», «многоплановость и «сверхсуммарность» смыслового содержания», конституентов, особенностей внутритекстовых связей, логические, ассоциативные, образные, композиционно-структурные, стилистические и ритмико-образующие средства [6, с. 5].

В литературоведении значимыми для понимания текста считаются: 1) детали, отражающие объектную тему произведения (название произведения, эпиграф, начало и конец произведения, общий конфликт, высказывания автора о творческом замысле, сведения о характере

отображаемой эпохи и т. д. [9, с. 7]), 2) хронотоп произведения, 3) детали, выражающие «взаимодействие всех уровней внутренней организации произведения: идейно-тематического, сюжетно-композиционного, ритмико-интонационного, знакового уровня (уровня художественной речи)» [Там же], в том числе: речевые повторы, степень слитности или расчлененности фразы, подчеркнутость звукового строя; символы, ключевые слова и фразы, внетекстовые культурно-исторические ассоциации, внутритекстовые связи (причинно-следственные и функциональные) и т. п. (по: [Там же, с. 8]). Изучение особенностей функционирования имён нулевой суффиксации в произведениях разных жанров обнаруживает их немаловажную роль в организации «континуума» художественного текста на формальном и семантическом уровнях.

Имена нулевой суффиксации представляют собой производные образования с имплицитным характером выражения словообразующей морфемы, значение которых включает свёрнутую ситуацию. Наиболее часто в художественных текстах используются девербативы, во-первых, как самая продуктивная группа подобных образований (в том числе исторически сформированные имена действия, образованные от бесприставочных глаголов), во-вторых, наряду с другими типами имён нулевой суффиксации, реализующая словообразовательные потенции языка (например, окказиональные образования нулевой суффиксации в поэтических текстах начала XX века, подробно описанные в научной литературе). Textoобразующую роль образований нулевой суффиксации можно проследить на примере анализа ряда произведений разных форм и жанров.

Прежде всего имена нулевой суффиксации служат средством организации художественного пространства малых фольклорных жанров. Так, в «Словаре русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова отмечаются народные афоризмы, построенные на основе повторов, антонимии, паронимической аттракции, рифмо-ритмических особенностях фразы: *Дела не делай, а от дела не бегай, Всякая вина виновата, От добра добра не ищут; Недосол на столе, а пересол на спине, Перерод хуже недороду, Делу время, а потехе час, Нет худа без добра; К обедне ходят по звону, а к обеду по зову, Не то забота, что много работы, а то забота, как её нет* и многие др. [3]. Всего рассмотрено свыше 100 суждений.

Богатый материал для исследования даёт лирика А.А. Ахматовой. В произведениях поэта отсутствуют характерные для современников эксперименты с окказиональным словом, однако частотность узуальных образований нулевой суффиксации в сильной позиции текста позволяет говорить о них как об одном из текстообразующих средств. Нередко имена нулевой суффиксации используются в названии стихотворений: «Сон», «Зов», «Обман», «Ответ» и др., в эпиграфе: *«Пала седьмая завеса тумана, - / Та, за которой приходит весна. Т.К.»* («Седьмая книга») [1, с. 222], в

стихотворных клаузулах (границах стиха), как, например, в цикле «Тайны ремесла» («1. Творчество»): *истома, грома, жалобы и стоны, шёпотов и звонов, звук* [1, с. 222]. Однако наибольшая приверженность к образованиям данного типа отмечается в ранних произведениях А.А. Ахматовой – сборниках «Вечер», «Чётки», и позже в «Белой стае».

В прозаических текстах имена нулевой суффиксации также играют немаловажную роль. В рассмотренном нами романе А.В. Иванова «Географ глобус пропил» (1995) девербативы используются для описания уроков молодого учителя географии: *«расправа, угроза, топот, гомон, шум, грохот, рёв, рокот, вопли, хохот, крики, взвизги, досада, ссора, просчёт, осада, месть, перемена»*, при описании картин природы: *«отвал, осыпь, круча, морось, прохлада, жуть, твердь, даль, мель, преграда, насыпь, закат, зелень, тьма, обрыв, сплав, рань, стужа, прилив, отлив, изломы, извив, синь, мрак, занавес, шум, отшиб, обрыв, рябь»* (по: [7, с. 134]. «Наиболее частотными являются слова *работа, затон, поход*. Слово *затон* ('часть акватории реки, защищённая от ледохода и течения', синоним *заводь*) как хронотоп произведения приобретает символическое содержание» [Там же].

Рассмотрим подробнее текстообразующие особенности имён нулевой суффиксации на примере одного из рассказов В.Г. Сорокина. Сатирическая антиутопия В.Г. Сорокина «День опричника» (2006) [10] представляет собой гротескное описание «прошлого, опрокинутого в будущее,» на примере одного дня из жизни опричника Андрея Даниловича Комяги. По замечанию Л.Данилкина, это «отменная комедия – весёлая история с сюжетом, остроумно высмеивающим человеческие слабости наших современников» [2].

Повесть «насыщена» именами нулевой суффиксации. Учитывая семантику слов в контексте и признавая условность классификации, отметим наиболее часто встречающиеся в произведении типы указанных образований. Прежде всего это девербативы со значением 1) отвлечённого действия (*сон, стон, хрип, приём, суд, смута, наезд, напуск, поворот, вой, слом, приказ, трепет, рёв, зачин, разговор, перебой, разлёт, визг, отдых, труд, поджог, вред, учёт, запуск, восход, защита, шум, запрет, закуп, отдача, откуп, блуд, угроза, перерыв, досмотр, дрожь, дрожь-зноба*); 2) единичного акта (*удар, вскрик, крик, поклон, всплеск, свист, замах, взрыв, рык, вопль, взгляд, взор, приступ*); 3) слова со значением отвлечённого понятия (*зарок, обряд, нужда, чувство, дело, срам, запах, слухи, гром, звук, указ, отбой, вера, а также тепло, воля; включение: психосома*); 4) результата действия (*ропись, победа, перелом, облом, договор, расходы, заклад, развод, донос*); 5) отвлечённого состояния (*гнев, восторг, лихо*); 6) лица (*воевода, посол, сторож, вор, расстрига, спас, слуга, в том числе сложные слова с нулевым суффиксальным элементом: Сиволай, душегуб, мордovorot, жидоед,*

рифмоплёт); 7) объекта действия (*постель, поднос, рассол, занавес, своды, орудия действия: насос, пила; а также включение: мобило*); 8) собирательным значением (*охрана, подмога, добро, чернь*); 9) места (*сад, пролом, прорезь, ход, выход, вход, запад, уезд, наделы, лесосека*); также сложные слова с нулевым суффиксальным элементом; 10) сложные имена существительные (*волкодав, звездопад, погрануправа, техосмотр, домострой, кровотвор*); 11) сложные имена прилагательные (*быстроног, сиволапый, косоглазый, златочубый* и др.); 12) наречия, образованные на основе имён нулевой суффиксации (*до упаду, без счёту, с трепетом, без упрёка*). Всего свыше 130 образований нулевой суффиксации без учёта повторов.

Имена нулевой суффиксации фиксируются в сильных позициях текста. Это начало произведения: первое слово – *сон* («*Сон все тот же: иду по полю бескрайнему, русскому, за горизонт уходящему, вижу белого коня впереди, иду к нему*»). Тема сна повторится в конце произведения, создавая кольцевое обрамление повести. Далее символическое описание начала дня и введение в повествование протагониста, включающее лексемы: *мобила* (мобильный телефон), трёхкратное повторение слова *удар*, слов: *вскрик, стон, хрип* («*Мое мобило будит меня: Удар кнута – вскрик. / Снова удар – стон. / Третий удар – хрип*» [10]). Ср.: «Будний день главного героя, Андрея Даниловича Комяги, начинается с того, что звонит его «мобило». Рингтон – три удара хлыста, стоны и всхлипы в промежутках – свидетельствует о наклонностях характера хозяина аппарата, которые и подтверждаются в хронике ближайших 24 часов в полной мере» [2].

Хронотоп повести также включает имена нулевой суффиксации наряду с другими суффиксальными производными: *Смута Красная, Смута Белая, Смута Серая, Возрождение Руси, Преображение* – названия исторических периодов в развитии государства; *Тайный Приказ, Посольский Приказ*.

Ключевая фраза повести – приветствие «*Слово и дело!*» – содержит наиболее частотное образование нулевой суффиксации в произведении – *дело*. В целом слово *дело* встречается в книге более десяти раз (*приступить к делам, сделал своё цирюльное дело, без этой молитвы я на дела не езжу, Но – дело поперву, на дело послал, дело государственное вершить, дела надобно делать, Стуком Тайных дел государственных* и др.). Кроме того, *Дело* – обозначение самой опричнины – с экспрессией прописной первой буквы (*Ему Государь первому доверил Дело*) приобретает сакральный смысл.

Помимо слова *дело*, частотными также являются девербативы *удар, крик, стон, вой, поклон, смута*. Будничность и повторяемость чередующихся действий отражена во фразе, содержащей назывные предложения с бытийной семантикой и выделенной в отдельный абзац: *Свист-удар-стон*.

Представляется, что в целом обилие имён нулевой суффиксации, с одной стороны, подчёркивает насыщенность и динамизм событий, описанных в повести, предельную «занятость» героя, с другой – создаёт атмосферу 2027 г. в России, а также является одним из средств передачи авторской иронии или сарказма по поводу возможного развития будущего страны.

На основе имён нулевой суффиксации в рассказе построены аллитерация (*рѐв Государев* (о сирене на «мерине»), *рѐв восторга*), повторы (*Каждый раз, когда захожу под своды его, <...> сердце **перебой** делает и стучит уже по-другому. Другим стуком, особым. Стуком Тайных Дел государственных; Приказ есть приказ*), стилизация деловой речи (*... после того, как наложил я указом своим запрет на переход тамошних волосей под заклад к уездам, дело вроде поправилось*). Нередко имена нулевой суффиксации расположены рядом в разнообразных синтаксических конструкциях (*помогают гражданам в труде и отдыхе, А расходов у нас, у слуг Государевых, без счёту*) [10].

Имена нулевой суффиксации в тексте играют важную роль в организации логических, образных, ассоциативных, стилистических, ритмических связей на всех уровнях внутренней организации произведения.

В целом изучение особенностей функционирования образований нулевой суффиксации в художественном произведении и рассмотрение их роли как одного из средств текстовой когезии и когерентности представляется значимым в рамках общей проблемы исследования единиц с нулевыми экспонентами и особенностей их репрезентации в явлениях языка и речи.

Список литературы

1. Ахматова А.А. Лирика. М.: Худож. лит., 1989. 415 с.
2. Данилкин Л. Владимир Сорокин «День опричника» // ВЛДМР СРКН: официальный сайт Владимира Сорокина. URL: <https://www.srkn.ru/criticism/ldanilkin.shtml> (дата обращения: 12.04.2020).
3. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус. яз., 2000. 544 с.
4. Иванов А.В. Географ глобус пропил. М., 2013. URL: <https://readbooks.me/books/?name=geograf-globus-propil> (дата обращения: 08.02.2020).
5. Казаченко О.В. Когерентность и когезия текста // Альманах современной науки и образования: в 2-х ч. 2009. № 8 (27). Ч. II. С. 88-90. URL: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/ (дата обращения: 12.04.2020).

6. Карпов В.И. Textoобразующие функции сложных слов и словосочетаний (на материале готских текстов) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 5–9.

7. Корнеева Т.А. Имена нулевой суффиксации в современной художественной литературе // Международный академический вестник: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. «Академическая наука в современных условиях», 10–11 февраля 2020 г. Уфа: Ника, 2020. № 2 (46). С. 133–135.

8. Литневская Е., Литневская О. К определению текстообразующих признаков когезии и когерентности // Вестник Московского университета (Moscow state University bulletin). Филология. 2015. 9 (6). С. 116-123. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02014937> (дата обращения: 12.04.2020).

9. Нигматуллина Ю.Г. Метод картографической аппроксимации в исследовании художественного произведения. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 32 с.

10. Сорокин В. День опричника // Литмир: электронная библиотека. Издательство «АСТ», Изд-во «CORPUS», 2017. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=25474> (дата обращения: 12.04.2020).

УДК 80.001.85

Н.В. Коробкова, Л.Г. Мирзоян

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

СЛОВАРЬ «НОВОЙ» РЕАЛЬНОСТИ: НЕОЛОГИЗМЫ, ВЫЗВАННЫЕ ПАНДЕМИЕЙ 2020

В статье рассматриваются различные подходы к определению неологизма, а также его параметры-определители. Статья посвящена изучению неологизмов, возникших в связи с распространением коронавирусной болезни в 2020 году. В период пандемии COVID-19 появилось несколько десятков слов, связанных с этим заболеванием.

Ключевые слова: *словообразование, неология, неологизм, пандемия, коронавирус.*

Возникновение новых технологий, появление явлений, охватывающих мир, становятся причиной появления новых лексических единиц. Одной из наиболее быстро развивающихся отраслей языкознания является неология, которая сейчас переживает «неологических бум». Несмотря на это, есть мно-

жество проблем этой отрасли, которые не решены до сих пор. Одной из проблем становится определение объекта неологии – неологизма.

Изучением неологизмов в русском языке занимались начиная с 60-х годов отечественные лингвисты и философы. Л.П. Катлинская отмечает, «вопрос о том, что такое неологизм остается открытым» [1]. В отрасли неологии множество терминов, обозначающих новые слова: новое наименование, неономинация, окказионализм, новшество, неологизм; наиболее распространенным среди обозначенных является термин «неологизм», заимствованный из французского языка в XIX веке.

Согласно Н.М. Шантанскому, неологизмы – это «новые лексические образования, которые возникают в силу общественной необходимости для обозначения нового предмета или явления, сохраняют ощущение новизны для носителей языка и которые еще не вошли или не входили в общелитературное употребление» [2].

К понятию неологизм есть два подхода: узкий и широкий. Сторонники первого подхода называют неологизмами слова, которые используются для обозначения новых явлений действительности (А.А. Брагина, О.И. Ахманова, М.И. Фомина). Другие же исследователи в качестве основного критерия определяют новизну (А.В. Калинин, Е.В. Розен). Некоторые лингвисты отмечают важность критерия «время» (В.В. Виноградов, Б.Н. Головин). Согласно данному подходу, неологизм – это слова, которые возникли на памяти использующих его поколений, то есть примерно в течение 30 лет.

Однако этот момент довольно спорный. Во-первых, споры вызывает определение периода поколения, слишком большой диапазон: от 15 до 35 лет. Во-вторых, период вторжения неологизма в литературный язык тоже может быть различным. Как отмечает Н.М. Шанский, «если слово успело, даже за очень небольшой срок, войти в повседневно используемую речь, оно перестает быть неологизмом» [2].

Наиболее разработанной является точка зрения Н.З. Котеловой, представителя второго подхода. Н.З. Котелова, изучая параметры определения неологизмов, разработала систему «параметров-конкретизаторов» [3].

По мнению исследователя, понятие неологизм необходимо рассматривать онтологически, то есть по основным, определяющим суть отличительным признакам. Наиболее важным она считает параметр времени. Неологизмами следует называть слова, появление которых ранее было невозможным в виду отсутствия нужды. То есть неологизмом следует считать «новые слова какого-либо периода по отношению к другому периоду, то есть слова, которых ранее не было». Вторым параметром автор называет «языковое пространство». По данному параметру можно выделить следующие конкретизаторы: 1) вообще в языках повсеместно, 2) в данном языке, 3) в литературном языке, 4) в данном подязыке. Еще одним параметром Котелова считает «вид

новизны». Данный параметр существенен для определения типа неологизма, а не его сути. Четвертым показателем называется установление структурных признаков новизны самого слова-неологизма.

Таким образом, исследователь, обобщая выделенные собой параметры, дает следующее определение неологизмам: «слова, значения слов, идиомы, узусально существующие в определенный период в определенном языке, подъязыке, языковой сфере и т.д. и не существовавшие в определенным образом ограниченный предшествующий период в том же языке, подъязыке» [3].

С.И. Алаторцева, опираясь на определение Котеловой, дает следующее определение неологизмам: новыми единицами «словарного состава N-ого времени могут быть признаны слова, значения слов и сочетания, представляющие собой как новообразования данного языка, так и внешне и внутренне заимствования в нем» [4].

В связи с отсутствием однозначности в определении «неологизмов» возникает проблема их классификации. С.И. Алаторцева выделяет 5 оснований для классификации «новых слов»: по форме языковой единицы, по степени новизны, по способу номинации, по отношению к языку-речи, по продолжительности существования [Там же].

По первому критерию выделяют следующие виды неологизмов: лексические, семантические и фразеологические. Лексические неологизмы – новообразования или заимствования из других языков. Семантические – это использование «старых» слов в новом для них значении. Фразеологические – устойчивые сочетания слов, а также идиомы.

Классификация по степени новизны включает сильные и слабые неологизмы. Наиболее высокая степень новизны у абсолютно новых слов, ранее не существующих. Слабые неологизмы возникают в результате придания нового значения известным используемым словам. Исследователь на основании критерия «способ новизны» выделяет новообразованные слова, значения, сочетания слов и вошедшие в литературный язык готовые единицы – внешние и внутренние заимствования.

По отношению к языку-речи неологизмы бывают: узусальные и неузуальные.

По продолжительности существования автор выделяет следующие группы неологизмов: 1) однократно используемые, 2) слова, появляющиеся и остающиеся в языке на длительное время, 3) новые слова, существующие в языке определенный период, а затем исчезающие за довольно быстрой промежуток времени.

Таким образом, основными показателями-определителями неологизмов в ходе осуществления нашей практической работы явились следующие критерии:

- 1) новизна

- 2) время
- 3) языковое пространство появления новых слов
- 4) необходимость обозначения нового явления.

Пандемия 2020 стала главным вызовом для XXI века. Распространение COVID-19 не только изменило привычный образ жизни миллиардов жителей планеты, но и нашло отражение в языках. На сегодняшний день ежедневная новостная сводка всех новостей начинается с данных о пандемии 2020.

На совещании по борьбе с коронавирусом президент РФ вспомнил историю России, а его речь разлетелась по Интернету буквально в считанные минуты. «Наша страна не раз проходила через серьезные испытания: и печенеги ее терзали, и половцы, – со всем справилась Россия. Победим и эту заразу коронавирусную». В данном отрывке мы видим обращение российского лидера к русским былинам и сказкам. Президент предпочел заменить заимствованные слова «эпидемия, инфекция» на русское слово «зараза». Также в данном отрывке использовано такое средство выразительности языка, как инверсия, более привычное для фольклора: «заразу коронавирусную». Такие обороты в речи Президента РФ позволяют снизить негативный оттенок в информационном поле и создать благоприятную информационную атмосферу, показав коронавирус как нечто, что можно легко преодолеть: «победим и эту заразу коронавирусную».

В период повсеместного распространения коронавируса появились «новые» слова, соответствующие «новой» реальности. Слово "корона" нельзя отнести к неологизмам, однако сейчас она, в первую очередь, ассоциируется с *coronavirus disease 2019*, а не с головным убором.

Понятие «коронавирус» является неологизмом и полностью соответствует перечисленным выше критериям. Интерес лингвистов к этому слову заключается в том, что оно не соответствует правилам русского языка. В словообразовании русского языка соединительной гласной могут быть следующие гласные: «е» (после шипящих, ц и мягких согласных) и «о» (после твердых согласных). То есть правильно писать «коронОвирус». Однако этимология этого слова объясняет такое написание: оно возникло от латинского *Coronaviridae*, а не путем сложения основ слов «корона» и «вирус». По форме языковой единицы данное понятие следует относить к семантическим новациям.

Некоторые исследователи понятие «самоизоляция» также относят к неологизмам. Данный термин заимствован из английского языка (*self-isolation*) и часто используется сейчас в силу распространения коронавируса. Важно отметить, что ранее у «самоизоляции» был более негативный оттенок, так как под самоизоляцией понималось отдаление государства, народа, людей от других. Однако сейчас в большей степени отмечается его максимально положительные стороны: самоизоляция стала показателем высокой социальной ответственности человека. В полном смысле слова «самоизоляцию»

нельзя относить к неологизмам, так как это слово не ново в русском языке. Однако мы столкнулись с понятием "обязательная самоизоляция", которая априори, исходя из значения самоизоляции как «добровольной изоляции себя от других» невозможна.

По новому осмысливаются знакомые всем понятия, к числу которых можно отнести «карантин». На их основе возник неологизм «карантикулы» путем способом сложения основы слова «карантин» и части основы «каникулы». Понятие появилось после объявления во всех учреждениях среднего и высшего образования карантина и отправки всех учащихся по домам. На наш взгляд, данный неологизм по продолжительности существования относится к «историзмам современности».

Популярность приобрело придуманное слово «карантье» по аналогии с «рантье». В условиях самоизоляции владельцам домашних животных (собак) разрешено выгуливание собак. А карантье начали называть людей, сдающих собак в аренду для прогулки. Мемы о владельцах собак разлетелись по всем социальным сетям.

Еще одно слово можно встретить в различных социальных сетях – корониалы. Так будут называть поколение детей, которые были зачаты в период пандемии.

Путем слияния двух слов «ковид» и «идиот» получился неологизм «ковидиот». Интересно, что данное слово используется в диаметрально противоположных значениях. Во-первых, ковидиотами стали называть людей, массово скупающих с прилавков гречку и туалетную бумагу, ежесекундно моющих руки санитайзерами, тем самым создающих панику. А во-вторых, ковидиоты – те, кто максимально игнорирует пандемию, нарушая режим самоизоляции. Близким к этому понятию является «макаронавирус», под которым понимают повышение спроса на продукты длительного хранения. Спор вырос не только на продукты данного типа. Появились такие фразеологические новации, как «курс лимона», «курс имбиря». Цены на эти продукты в период пандемии выросли в разы.

К семантическим новациям следует отнести фразеологический неологизм «социальная дистанция». Эта дефиниция взята из социологии, где под ней понимается дистанция между представителями различных слоев населения (например, между богатыми и бедными). Сейчас же «социальная дистанция» понимается буквально: дистанция между людьми, изменяемая в метрах.

Пандемия 2020 коснулась всех сфер жизни общества, в том числе профессиональной и образовательной деятельности. Если ранее фразы «работаю на удаленке» и «учусь дистанционно» воспринимались как нечто новое, современное, то сейчас с этим столкнулись все, и «удаленка/дистанционка» приобрели новый смысл. Изначально это был выбор человека – работать на так называемом «фрилансе» (неологизм, прочно вошедший в обиход современного человека).

Некоторые платформы для работы и обучения настолько пользуются спросом, что также стали причиной появления неологизмов. Например, число пользователей популярной платформы для онлайн-конференций Zoom выросло в несколько раз, в результате чего появилось выражение «зумиться». Однако высокий спрос на Zoom увеличил число злоумышленников, подключающихся к чужим конференциям (стоит отметить, что на данной платформе регистрация и пароли для участия в конференции необязательны, более того, каждый участник имеет право включать видео- и аудиосвязь, писать в чате, а также включать демонстрацию своего экрана) и демонстрировать неприемлемый контент. Для такого поведения также появилось новое название «зумбомбинг».

Самоизоляция изменила не только привычные формы работы и обучения, а также трансформировала формы интертеймента людей. Платформы, изначально появившиеся в образовательных целях, стали «местом встречи» друзей. Популярность так называемых онлайн-вечеринок, когда каждый участник готовит себе еду и садится общаться с друзьями, не могло остаться вне внимания. Карантини – алкогольный напиток («карнатин» и «мартини»), употребляемый во время онлайн-пати.

Постоянное нахождение с семьей имеет и негативные последствия. После нескольких месяцев изоляции число разводов в Китае увеличилось, данное явление получило название «ковидиворс» (английский неологизм). Под ним понимают разводы, вызванные невозможностью постоянно находиться в замкнутом пространстве совместно.

Инфодемия – новое понятие, буквально означающее «информационную эпидемию». Появление вызвано обилием информации в социальных сетях, в частности фейковой. Проблема усугубляется тем, что огромное число людей было вынуждено остаться дома, не имея доступа к первоисточникам, и обращаться к социальным сетям как единственному источнику информации. Данному поведению также дали название думскроллинг. Неологизм образовался путем слияния «погибель» и «листать» в переводе с английского. Под ним понимается «долговременное чтение негативных новостей».

Целый ряд понятий существовал и до коронавируса, однако их использование было ограничено профессиональным кругом. Сейчас же санитайзеры, тепловизоры, ИВЛ, инфекция, дезинфекция, пандемия знакомы всем, даже детям. Кроме того, появились специальные термины, например, человека, который не соблюдает изоляцию и заражает других, называют «суперспредер». Под «фомитом» понимают предметы, которые могут стать угрозой заражения (дверная ручка, поручень).

Можно предположить, что некоторые из обозначенных неологизмов останутся до окончания пандемии, некоторые исчезнут раньше, а другие войдут в обиход навсегда. Новые социальные явления определяют появление новых слов – неологизмов. На основе проведенного анализа можно заметить,

что существует несколько способов образования новых слов, вызванных пандемией, однако наиболее популярным способом словообразования является слияние или сложение двух слов, т.е. в основном образуются сложные слова.

Следует также указать, что большая часть неологизмов имеет ироничный оттенок. Юмор становится защитной реакцией на сложную ситуацию и позволяет легче воспринимать действительность. На наш взгляд, именно этим и обусловлено появление большого числа неологизмов и мемов в СМИ и социальных сетях.

Список литературы

1. Катлинская Л.П. Живые способы создания русских слов. М., 1995. 234 с.
2. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М., 1997. 159 с.
3. Котелова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. 1978. № 5. С. 10–34.
4. Алаторцева С.И. Проблемы неологии и русская неография. СПб., 1998. № 3. С. 37–59.
5. Шалина Л.В. К вопросу о сущности неологизма в современной лингвистике // Философские науки. Гуманитарные науки. 2007. № 4. С. 73–77.

УДК 81'26

А.О. Коршунов

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ИЗУЧЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В СОВРЕМЕННОМ СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматривается постепенное изменение роли гендера в интернет-коммуникации. Автор подчеркивает различие в представлении гендерных характеристик в речевом поведении современных пользователей форумов и социальных сетей, анализируя научный контекст проблемы и речевую коммуникацию на форумных площадках и выделяя гендерно чувствительный подход, как наиболее отвечающий запросам современного общества.

Ключевые слова: гендер, гендерная лингвистика, гендерный разрыв, идентичность, Интернет, коммуникация, сетевое неравенство,

социальная сеть, форум.

Проблема репрезентации гендерных различий в речевой деятельности актуализируется в отечественной и зарубежной лингвистике с начала XX в. Содержание понятия *гендер* и характер его представленности в речевой деятельности индивидов вызывает множество споров и определяется по-разному в зависимости от предметной области исследования и его целей.

Так, Т. де Лорети в ходе обзора словарей английского языка ссылается на Американский словарь наследия английского языка [19] и отмечает, что *гендер* определяется как классификационный термин, классификация пола или морфологическая характеристика человека, а также как принадлежность к классу, роду, группе, категории (что соответствует одному из значений слова *род* в русском языке) [21]. Гендер может рассматриваться как комплекс общественных соглашений, регулирующих биологический пол (Г. Рубин), как понятие, представляющее психологические, социальные, культурные особенности личности (Р. Столер), как осознанное значение пола, социокультурная манифестация биологического пола мужчины и женщины, освоенные характеристики, ожидания и модели поведения (А.А. Грицанов), как социокультурный конструкт, связанный с приписыванием индивиду определенных качеств и норм поведения на основе его биологического пола (А.В. Кирилина). В ходе данного исследования, за рабочее определение *гендера* примем данное А.В. Кирилиной [12, с.29], т.к. оно отражает принципиальное отличие от понятия *пол* и подчеркивает социальную природу феномена *гендера*.

Начало активного изучения проблемы проявления гендера в речи относится к 1960-ым гг.; что обусловлено, с одной стороны, активизацией общественных феминистских движений. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. гендерные исследования в лингвистике получили мощный импульс к развитию благодаря так называемому Новому женскому движению в США и Германии. В языкознании возникло своеобразное направление, названное феминистской лингвистикой, цель которой состояла в разоблачении патриархата – мужского доминирования в общественной и культурной жизни [17, с. 125]. С другой стороны, активное изучение феномена связывают с расширением проблематики социолингвистики (Ч. Фергусон, Д. Гамперц, Д. Фишман, Е.Д. Поливанов, Л.П. Крысин), прагматики (Р. Карнап, Ч. Моррис, Б. Расселл, А.С. Есенин-Вольпин, В.Н. Топоров) и коммуникативной семантики (Й. Трир, А.И. Кузнецова, И.А. Стернин, Л.М. Васильев). В это же время начинает активизироваться изучение отношений между языком и идеологией (Р. Барт и его *метаязык*) поднимаются различные вопросы лингвистических аспектов социальной психологии (И. Гердер). В частности, первые работы по системному изучению полового диморфизма в языке были осуществлены в рамках социолингвистики: данные о различиях мужской и женской речи были получены в исследованиях У. Лабова и П. Траджила. У. Лабов, рассмат-

ривая гендер жителей Нью-Йорка, установил, что женщины употребляют меньше осуждаемых словоформ, чем мужчины, и более склонны к престижным речевым моделям [20]. П. Траджил, исследуя проблемы пола и языковой вариативности в речи жителей Лондона с фонологической точки зрения, пришел к выводу, что женщины более склонны к употреблению более престижного носового звука *ng*, а мужчины – к стигматизированному *n*, а также выявил связь между типично женскими профессиями (учитель, медсестра, парикмахер) и употреблением ими языковых форм, обосновывая это коммуникацией с представителями различных социальных групп [23].

В прагматике необходимость учета гендерных характеристик речи ярко представлена в переводческой проблематике. С точки зрения прагматики, переводчику для достижения адекватности перевода исходному тексту необходимо не только передать смысл текста, но и учесть прагматическую интенцию автора текста оригинала. В качестве одного из основных отличий текста перевода, выполненного женщинами, от текста перевода мужчин отмечается более высокая концентрация эмоционально оценочных слов и конструкций в текстах; в мужской речи чаще присутствует стилистически нейтральная оценочная лексика [10].

Связь между коммуникативной семантикой и гендером затрагивается в работах О. Есперсена, который полагал, что два языка, мужской и женский, существуют потому, что для женщин наложен социальный запрет на произнесение определенных слов. Для женщин существовали правила речевого поведения, находившие отражение в книгах по этикету; так, они должны были говорить мягко, спокойно, тихо [2, с. 72].

Но, несмотря на разноаспектные исследования, стремившиеся установить сущностные признаки научного понятия гендера, он оставался сложным и слабо структурированным конструктом [5, с. 222], требующим более детального рассмотрения.

С конца XX в. создаются новые концепции гендера, которые могут стать теоретической основой эффективного описания гендерных практик в среде Интернет-коммуникации. К ним относятся: гендерно нейтральный подход (недопущение ценностных определений), гендерно чувствительный (акцент на индивидуальных различиях, равенство гендеров) и гендерно стереотипизированный (признание различий, но отрицание равенства между полами).

Намечая векторы современных исследований в области гендерной лингвистики, выделим, вслед за А.В. Кирилиной, два основных направления: теорию социокультурного детерминизма (интерпретация гендера как социально и культурно конструируемого феномена) и теорию биодетерминизма [13, с. 43]. По сути, эти подходы характеризуют два периода развития гендерных исследований. Признание культурной обусловленности пола ведет к признанию его конвенциональности, неодинаково проявляющейся в различ-

ных условиях. Это позволяет подойти к феноменам мужественности и женственности с позиции их восприятия как динамических продуктов развития человеческого общества, поддающихся социальному манипулированию и моделированию и подверженных сильнейшему влиянию культурной традиции [9]. Таким образом, в современной науке продолжается интенсивное развитие гендерной лингвистики, позволяющее взглянуть на феномен пола с различных позиций.

В исследовании связи гендера и коммуникации Е.И. Горошко условно выделяет несколько временных периодов [5, с. 220–222]: *гендерно нейтральный* (конец 1980-х – начало 1990-х гг.), возрастание интереса к рассмотрению связи гендера и коммуникации (середина 1990-х гг.) и новая методология изучения связи (начало XXI в.).

По аналогии можно представить постепенное усиление интереса к гендерной проблематике в Интернет-коммуникации. На первом этапе развития Интернета и Интернет-коммуникации (1980-е – 1990-е гг.) важное значение имело соблюдение принципов анонимности и максимальной демократичности. Е.С. Мышенкова подтверждает это, выделяя такие свойства Интернета, как анонимность, затрудненность эмоциональных компонентов и физическая непредставленность участников коммуникации [14, с. 18]. Согласно данным Nielsen/NetRatings (www.netratings.com), на которых основано исследование Х. Оно, женщины пользовались Интернетом намного меньше мужчин до середины 1990-ых гг., но это гендерное сетевое неравенство «исчезло» к 2000-ому году [22, с. 111].

Второй временной период (середина 1990-х гг.) характеризуется отсутствием гендерных различий в сфере Интернет-коммуникации [25]. На втором этапе исследователями феномена гендерного различия в коммуникации подчеркивается, во-первых, изменение социально-демографической специфики аудитории сети Интернет, во-вторых, несовпадение основных способов использования «всемирной паутины» мужчинами и женщинами [5, с. 221]. Связь Интернет-коммуникации с гендером подчеркивается А.Е. Войскунским: он отмечает, что во всем мире наблюдается неравный доступ полов к компьютерам и относительно низкая заинтересованность представительниц женского пола в работе с информационными технологиями [4, с. 2], связывая это с меньшим интересом женщин к точным наукам и технике сравнительно с мужчинами. А.Е. Войскунский определяет это как феномен *гендерного разрыва* и дает свое определение: это скромная (по сравнению с мужчинами) представленность женщин в Интернет-сообществе [Там же], ссылаясь на данные специалистов Фонда «Общественное мнение» 2003 г., где сообщается о 14% мужчин и 9% женщин, пользующихся Интернетом, из 21000 респондентов. (Интересно сопоставить данные 2003 г. с данными Т.А. Бокарева, который в исследовании 1998 г. отмечает еще большее различие [1]: из 2457 пользователей Интернетом 85% мужчин и только 15% женщин.)

Под гендерным разрывом также может пониматься то, что первоочередная цель использования Интернета женщинами – это создание, поддержка и управление собственными социальными связями, в то время как мужское население воспринимает Всемирную сеть преимущественно как инструмент поиска различной информации. Ш. Теркл приводит обобщенные сведения о приоритетных методах использования Интернета мужчинами и женщинами [24]. В процессе коммуникации (на форумных площадках, в сетевых чатах, групповых чат-конференциях, в общении в ходе массовых онлайн-игр и др.) женщины склонны исполнять роль во многом соглашательскую и подчиненную. Мужчины, напротив, склонны занимать доминирующую позицию в такой коммуникации, являясь инициаторами создания новых тем для обсуждения. Ш. Теркл также поясняет, что темы, создаваемые в сетевых сообществах женщинами, чаще остаются без ответа по сравнению с темами, созданными мужчинами; объясняется это тем, что обсуждения не находят поддержки и понимания среди иных участников коммуникации либо подвергаются прямой, иногда несправедливой, критике.

Для подтверждения тезиса Ш. Теркл о гендерном различии пользователей в интернет-среде выполним анализ сообщений форума научно-популярного журнала «Наука и жизнь» *nkj.ru* в период с 2005 по 2020 гг. Для анализа данных взята выборка из 50 пользователей форума: 25 мужчин и 25 женщин, являющихся самыми активными пользователями форума. В ходе исследования рассматриваются данные об абсолютном и среднем количестве тем на одного мужчину или женщину, а также количество сообщений. Результаты исследований приведены в таблице 1.

Таблица 1

Анализ сообщений и тем наиболее активных пользователей форума *nkj.ru*

Сообщения, темы	Пользователи	
	мужчины	женщины
1. Максимальное количество сообщений в одной теме	6921	581
2. Темы без ответа	4	204
3. Кол-во сообщений	248901	56471
4. Кол-во тем	230	1038
5. Кол-во сообщений на 1 тему	1088,2	54,4

Основываясь на полученных данных, выявлено, что женщины значительно более склонны к созданию новых тем для обсуждения, однако в связи с большим процентом «пустых» тем (в 51 раз больше, чем у мужчин по ана-

логичному показателю), среднее количество сообщений на тему в 20 раз ниже такового у мужчин. Темы, созданные на форуме мужчинами, более популярны: в 6,1% случаев количество сообщений в таких темах больше отмеченного нами максимума у женщин (581).

Говоря о различии гендерных ролей в пространстве социальных сетей, Е.А. Шайкина, основываясь на данных анализа 100 страниц пользователей в возрасте от 18 до 65 лет, ставит задачи по выявлению соответствия пользователя гендерной роли, особенностей общения, акцента своей гендерной роли, социального статуса, а также способов влияния на лица противоположного пола. Автор выделяет следующие особенности поведения мужчин и женщин в данном Интернет-пространстве [18, с. 157–158]:

- 67,4% мужчин не открывают информацию о себе, в то время как в 72,3% страниц женщин-пользователей содержится информация об интересах, жизненных ориентирах и увлечениях;
- 34,3% мужчин акцентируют свою успешность, 31,2% женщин обращают внимание на свою карьеру;
- 25,6% женщин делятся в социальных сетях мыслями о домашнем очаге и уюте;
- 72,8% мужчин подчеркивают свою гендерную роль в социальных сетях, выставляя фотографии соответствующего содержания (спорт, мотоциклы, отдых, рыбалка и др.).

В вопросе о распределении гендерных ролей автор ссылается на результаты опроса 200 респондентов: 74,5% опрошенных пользователей социальных сетей предпочитают традиционное их распределение, 5,5% говорят об их смещении и 20% принимают на себя не соответствующую гендеру роль [18, с. 160].

На третьем этапе разрабатываются принципиально новые концептуальные подходы, свойственные всей гендерной парадигме в сфере социальных наук. Е.И. Горошко [5] обобщает их следующим образом:

1) *дискурсивный подход*, предполагающий рассмотрение феномена гендера одновременно с двух позиций: конструируемый из различных текстов устной и письменной речи и самостоятельный концепт (система социальных смыслов);

2) *этнометодологический подход*, уделяющий особое внимание способам представления гендера как формирующее коммуникацию звено. Благодаря рутинному исполнению предписаний нормативных мужественности и женственности, формируются гендерные различия и гендерная идентичность, а преобладающим при сборе данных в рамках производства гендера является метод наблюдения [6];

3) *перформативный подход*, обозревающий феномен гендера как некоторый результат определенных перформативных действий, выполняемых в рамках одного или нескольких культурных контекстов;

4) *подход в рамках речевого анализа*, возникший на этнометодологической базе, главной задачей которого является изучение связи языка с социальным взаимодействием. Особое внимание уделяется понятию контекста; гендер, возраст и идентичность считаются ресурсными, проявляющимися при определенных обстоятельствах в рамках речевой коммуникации;

5) *подход в рамках теорий коммуникативной, или речевой аккомодации*: язык служит основным средством построения социальной идентичности. Согласно разработанной на базе этой концепции *теории речевого сообщества* общества, занимающиеся одинаковой практикой, в частности речевой, опосредуют отношения между социальной и гендерной идентичностью и речевыми особенностями индивидов.

Рассмотрим роль гендера в Интернет-коммуникации на третьем этапе в контексте социальных сетей и форумов, обладающих высокой популярностью в сети Интернет. Это подтверждается данными, отраженными в отчете 2019 г.: аудитория Рунета составляет более 93 млн пользователей, или 76% населения России (рост на 6% по сравнению с 2018 г.), а наиболее популярными видами Интернет-общения являются социальная сеть ВКонтакте (43%) и мессенджер WhatsApp (39%) [8, с. 23]. Изначальная функция Интернета – распространение и хранение информации, перестала быть основной. Актуализируется его роль как коммуникационного канала. Важность Интернет-коммуникации подчеркивается тем, что она реализуется в громадном разнообразии жанров, речевых практик, способов и форматов коммуникации [7, с. 791–793]. С возникновением принципиально новой сетевой коммуникации возникает и новая функциональная разновидность языка. Анализируя современное медийное пространство, А.В. Полонский даже говорит об особой форме национального языка, называемой *медиалектом*: это опосредованная медийной средой форма национального языка, которая обеспечивает полиформатное, многоцелевое, социально и личностно обусловленное информационное взаимодействие социальных субъектов в медийной среде, отмечая также, что это не просто доминирующая сегодня форма языка, а тот язык, без которого не обходится речевая практика современного человека [15, с. 236].

Говоря о характеристике языковых гендерных различий, будем опираться на отличительные черты мужской и женской речи, отмеченные А.В. Кирилиной и М.В. Томской [11]. Так, в качестве основных особенностей различий устной речи выделяются: терминологичность в речи мужчин и тенденция к намеренному использованию стилистически сниженных средств, гиперболизированная экспрессивность и значительно более частое использование междометий вида *ой!*; более легкое переключение тематики разговора у женщин и увлеченность одной темой у мужчин; различие в ассоциативных полях в мужской (спорт, военная сфера) и женской (природа, животные, повседневность) речи; тенденция к интенсификации положительной (женщины) и отрицательной (мужчины) оценки. В контексте связи Интернет-

коммуникации и гендера, следует отметить характерные черты мужской и женской письменной речи. В частности, авторы отмечают следующие признаки мужской письменной речи: использование армейского и тюремного жаргона, употребление вводных слов в качестве констатации (*конечно, безусловно, очевидно*), употребление абстрактных существительных, меньшая эмоциональная индексация речи, частое использование клише, сочетание эмоциональной и официально маркированной лексики в общении с близкими людьми, несоответствие знаков препинания эмоциональному накалу речи. Женская письменная речь определяется следующим образом: наличие множества вводных слов, определений, обстоятельств, выражающих неуверенность (*по-моему, возможно, может быть*), склонность к употреблению книжных форм, актуализация коннотативных значений слов и выражений, большая образность речи при описании чувств, частое использование знаков препинания и высокая степень эмоциональности речи в целом.

Проанализируем гендерные отличия в речевых характеристиках стартовых сообщений в 100 темах форума научно-популярного журнала «Наука и жизнь» *nkj.ru* в период с 2005 по 2020 гг., из которых 50 созданы мужчинами и 50 – женщинами. Результаты, подтверждающие выводы А.В. Кирилиной и М.В. Томской, приведены в таблице 2.

Таблица 2

Гендерная характеристика речевых единиц пользователей форума *nkj.ru*

Речевые единицы	Пользователи	
	мужчины	женщины
1. Армейские выражения	3	0
2. Терминологические средства	18	7
3. Вводные слова-констатации	17	1
4. Клише	26	3
5. Слова, написанные прописными буквами	12	4
6. Вводные слова-сомнения	4	8
7. Образные выражения	4	9
8. Высокая степень эмоциональности	2	4
9. Актуализация коннотативных значений слов	1	4

В ходе исследования было установлено, что в трех темах, созданных мужчинами на форуме, в описании встречается слово *рулить* в значении «управлять», 36% мужских тем содержат терминологические средства (аналогичный показатель у женщин составляет всего 14%), а наиболее часто употребляемыми мужчинами клише были: *как вы знаете* (4 вхождения), *и так далее* (4 вхождения), *начнем с того* (3 вхождения), *на повестке дня* (3 вхождения), *возьму на себя обязательство / смелость* (2 вхождения), *всем известный факт* (2 вхождения). В 12 мужских темах встречаются слова, полностью написанные прописными буквами в целях повышения эмоциональности сообщений (... *и я только хочу всем напомнить – откуда «ноги растут» у ПРОГРЕССА Человеческого общества* и др.). Вводные словосочетания *по моему мнению* и *вероятно* встречаются в текстах 6 раз у женщин и 3 раза у мужчин соответственно; формы *как следует* и *очень интересно* – по 3 раза у женщин и всего по 1 разу у мужчин. Наконец, коннотации вида *не очень хорошо* и *в неверном варианте* имеют 4 вхождения в женских текстах и только однократно – в мужской теме.

Таким образом, рассматривая способы проявления гендера в интернет-коммуникации, отметим факт различия мужской и женской речи в современном сетевом пространстве. Это косвенно подтверждается и масштабным исследованием Регионального центра ПРООН для Европы и Содружества Независимых Государств (СНГ) за 2017 г. [16], в ходе которого остро поднимается проблема внедрения гендерного подхода в страны России и СНГ. Учитывая современные направления развития гендерной лингвистики и результаты проведенных исследований, наиболее отвечающим запросам времени считаем гендерно чувствительный подход, акцентирующий представление людей обоих полов как равных участников коммуникации.

Список литературы

1. Бокарев Т.А. Количественный и качественный состав аудитории Интернета, тенденции развития и их значение для рекламодателя. URL: <http://citforum.ru/marketing/im98/bokarev1.shtml> [дата обращения: 21.03.2020].
2. Бурвикова Е.В. Язык мой – пол мой // Русская речь. 2012. № 3. С. 72–75.
3. Введение в гендерные исследования / под общ. ред. И.В. Костиковой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 9–13.
4. Войскунский А.Е. Пол. Гендер. Интернет // Вестник РГНФ. 2004. № 1. С. 1–6.
5. Горошко Е.И. Интернет-коммуникации в гендерном измерении // Вестник Пермского университета. 2006. Вып. 3. С. 219–229.

6. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 768 с.
7. Иванов Л.Ю. Язык в электронных средствах коммуникации // Культура русской речи. М.: Флинта. Наука, 2003. 800 с.
8. Интернет в России. Состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад / С.Г. Давыдов, И.В. Ишунькина, И.Ю. Левова [и др.]. Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. М., 2019. 109 с.
9. Кирилина А.В. Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации // Кавказоведение. Caucasiology. 2002. № 2. С. 134–141.
10. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 2003. 180 с.
11. Кирилина А.В., Томская М.В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2 (22). С. 22–43.
12. Кирилина А.В. О применении понятия «гендер» в русскоязычном лингвистическом описании // Филологические науки. 2000. № 3. С. 28–36.
13. Кожанова Н.В. Гендерные исследования в области языка и коммуникации // Вестник АлтГПА: гуманитарные науки. 2014. С. 40–43.
14. Мышенкова Е.С. Гендерный аспект коммуникации в интернет-среде. Дипломная работа. Минск, 2002. 134 с.
15. Полонский А.В. Язык в формате медиа // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. С. 230–240.
16. Практическое руководство по внедрению гендерного подхода: методология, обзор по секторам, сборник примеров из практики / отв. ред. Надя Долата. 3-е изд. Братислава: Регион. центр ПРООН для Европы и Содружества Независимых Государств (СНГ) в Братиславе, 2007. 171 с.
17. Скачкова И.И. Гендерная проблематика в зарубежном теоретическом языкознании: к истории вопроса // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2009. С. 119–132.
18. Шайкина Е.А. Гендерные особенности поведения пользователей социальных сетей // Духовність особистості: методологія, теорія і практика. 2014. № 4 (63). С. 156–162.
19. American Heritage Dictionary of the English Language, Fifth Edition // Houghton Mifflin Harcourt. 2015. 2112 p.
20. Labov W. The Study of Language in its Social Context // Studium Generale. 1970. P. 30–87.
21. Lauretis T. de. Technologies of Gender. Bloomington, 1987. 149 p.

22. Ono H. Gender and the Internet // Social Science Quarterly. Vol. 84. No. 1. P. 111–121.

23. Trudgill P. Sex, Covert Prestige, and Linguistic Change in the Urban British English of Norwich // Language in Society. 1972. P. 179–195.

24. Turkle Sh. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet. N.Y.: A Touchstone Book, 1995. 354 p.

25. Weatherall A. Gender, Language and Discourse. London: Routledge, 2002. 192 p.

УДК 81'27

Т.Н. Коршунова

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет
им. И.С.Тургенева», Орёл

ПОЭТИЧЕСКИЙ «ВЫДВИГ» ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА В КОНТЕКСТЕ «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья посвящена общей характеристике поэзии Игоря Северянина, его значительном и значимом вкладе в содержание модернистской поэзии «серебряного века». Включает информацию о миропонимании поэта, что нашло отражение в его лирике, целью которой было познание души, основным же средством художественного выражения были, в частности, индивидуально-авторские новообразования (оказионализмы).

Ключевые слова: «серебряный век», русская модернистская поэзия, словотворчество, особенности индивидуального языка поэта, «осмысленные неологизмы».

Забвение И. Северянина – одного из ярких, неповторимых русских поэтов «серебряного века» можно объяснить идеологическими обстоятельствами: И.Северянин был «не нашим поэтом», пользовался «репутацией салонно-мещанского менестреля с ограниченным диапазоном интересов, замкнутых на стремлении к буржуазному комфорту» [2, с. 5].

«Исследование его творчества хотя и не запрещалось напрямую, но, видимому, всё-таки не приветствовалось. Однако нельзя сказать, что его поэтическое творчество в целом и новые слова как важная составная часть, не рассматривались вовсе. Ещё до революции вышла книга о его творчестве «Критика о творчестве И. Северянина» (М., 1916), К.И. Чуковский в 1914 году детально-бегло проанализировал словоновшества поэта, отметив и поло-

жительную, и отрицательную стороны этого феномена. В 1975 году в Малой серии «Библиотеки поэта» увидел свет однотомник И. Северянина, который сопровождала вступительная статья Вс. Рождественского, «осторожно» оценившего творчество И. Северянина. В литературных журналах последних лет появились статьи о творчестве И. Северянина в связи со 100-летием со дня рождения поэта (Урбан, 1987; Кривошеев, 1987; Хургина, 1987; Лубянникова, Мнухин, 1988; Василевская, 1991; Шаповалов, 1992). В 1987 году состоялась научная конференция, посвящённая 100-летию со дня рождения И. Северянина, и опубликованы тезисы докладов. В 1997 году опубликована монография Ю.В. Кипко, Е.В. Михайличенко «Бессмертный огонь дарования», в которой рассмотрены вехи поэтического творчества И. Северянина, черты его личности и таланта, даны методические рекомендации изучения творчества И. Северянина» [7, с. 9].

И. Северянин – один из наиболее плодовитых словотворцев, им созданы сотни новых слов, и некоторые из них приняты языком. Прошло много лет со дня кончины поэта (1887–1941), ещё больше – с момента, когда его прижизненная слава достигла апогея, а он так и остался во многом непознанными и для поклонников поэзии, и для науки, осваивающей литературный процесс рубежа XIX–XX веков. Эпохальные перемены в нашем обществе вернули российскому читателю многих полузабытых кумиров прошлого. Б. Окуджава написал: «Нынче мне очень близок и дорог И. Северянин. Сущность этого большого поэта, как всякого большого поэта, – в первооткрывательстве. Он рассказал мне то, что ранее не было известно. Мой путь к нему был труден и тернист, ибо был засорён нашим общим невежеством, и я минутно спотыкался о ярылки, которыми поэт был в изобилии увешан. К счастью, во мне всё-таки нашлись силы, чтобы разобраться во всём этом. И я увидел, что пошлость, в которой его упрекали, есть не что иное, как стилистическое своеобразие и угол зрения, свойственные этому поэту. И. Северянин – мой поэт, поэт большой, яркий, обогативший нашу многострадальную поэзию, поэт, о котором ещё предстоит говорить, и у которого есть чему учиться» [11, с. 215].

И мы хотим говорить о И. Северянине, об особенностях его языка, «разобраться» в его словотворчестве: ведь негативные оценки творческой жизни поэта порождались, прежде всего, неприятием его как новатора языка. Однако именно «осмысленные неологизмы» и являются отличительной чертой идиолекта И. Северянина – замечательного поэта «серебряного века».

Впервые словосочетание «серебряный век» появилось в печати в 1933 году в одноимённой статье Н. Оцуца на страницах парижского эмигрантского журнала «Числа». Поэт-акмеист и критик предложил его для «характеристики русской модернистской поэзии». С середины 1930-х годов этот термин вошёл в обиход, в 60-е годы он был принят советским литературоведением.

Авторство этого определения приписывали философу и критику Н. Бердяеву, который пользовался им, характеризуя необыкновенный культурный и интеллектуальный подъём в России рубежа XIX–XX века, «одной из самых тончайших эпох в истории русской литературы» [4, с. 138–165]. Это было время бурного расцвета русского модернизма, так стали называть три новых поэтических направления, возникших в этот период: символизм, акмеизм и футуризм. Но дело не только в новизне поэтических приёмов, необычности литературных масок, новых философских ориентирах и устремлениях поэтов этого времени, «серебряный век» – это и свойственное всем его представителям внутреннее единство, выражающееся в нерасторжимой связи их творчества и личной судьбы: искусство для них было жизнью, а жизнь искусством. Это позволило им, несмотря на многочисленные принципиальные творческие и личные расхождения, а порой и вражду, несмотря на всю их разноликость и разноплановость, слиться в сознании потомков в единую плеяду «поэтов серебряного века» [10, с. 5].

Судьба И. Северянина напоминала судьбу героя из стихотворения Блока «Балаганчик» (1905), в котором смешно дёргается паяц и вдруг, перегнувшись за рампу, кричит: «Помогите! Истекаю я клюквенным соком». На самом деле это лилась кровь. За маской эпатажа, эксцесса, шокирующего публику, мечтателя-грезёра, иронизирующего лирика, точнее – «лирического ироника», страдало лицо поэта. Октябрьский переворот и гражданская война, знаменовавшая конец «серебряного века», в корне изменили его судьбу. Лишённый своей аудитории, «король поэтов» умер в полном забвении и нищете.

«Бессмертный огонь дарованья» отмечали все без исключения собратья по перу: от сдержанного А. Блока («Это – настоящий, свежий, детский талант») и О. Мандельштама («И всё-таки лёгкая восторженность и сухая жизнерадостность делают Северянина поэтом. Нельзя писать «просто хорошие» стихи. Если «я» Северянина трудно уловимо, это не значит, что его нет») до воспевшего его В. Брюсова («И ты стремишься ввысь, где солнце – вечно...») и Ф. Сологуба, написавшего восторженные рецензии.

«В поэзию И. Северянин пришёл не совсем обычным путём; стихи его были резко не похожи на то, что тогда писали и печатали. Едва ли он обратил бы на себя внимание, восстанавливая поэтический провинциализм, где «четверть века центрит Надсон», или придумывая курьёзные слова. Видимо, был в его поэзии живой нерв и потребность в том, что он делал. Имя И. Северянина тесно связано с модернистским направлением в русской поэзии, характеризующимся поиском новых форм, образов, ритмов. Он – поэт жизнерадостного мироощущения, созерцатель светлых и чистых сторон бытия, изобразитель интенсивных красочных видений. «Весна» и самое яркое и простое её обозначение «Сирень», как символы пробуждения человека и жизни, являются доминирующими понятиями всего творчества И. Северянина. Стихи о чистой и прекрасной любви, о преклонении перед женщиной, о

безудержной радости жизни, о природе во всех её проявлениях понятны всем и во все времена. Миропонимание И. Северянина опиралось на своеобразную «оптимистическую» творческую программу, которая одновременно являлась программой группы поэтов-футуристов. В начале 10-х годов совместно с К. Олимповым, Г. Ивановым и Граалем Арельским поэт создаёт группу эгофутуристов, которая возникла «как крайнее проявление субъективизма и новаторского произвола в литературе в ряду других подобных явлений, вставших в оппозицию символизму (с кубофутуристами эгофутуристов объединяло стремление к поиску новых языковых возможностей в поэтическом творчестве)» [1, с. 220–221].

В начале XX века чётко обозначилась общая тенденция обновления языка. Провозглашённый в 1911 году «Манифест эгофутуризма» гласил: 1. Душа – единственная истина. 2. Самоутверждение личности. 3. Поиски нового без отвергания старого (подчёркнуто И. Северяниным) [6, с. 125]. 4. Осмысленные неологизмы. 5. Смелые образы, эпитеты (ассонансы, диссонансы). 6. Борьба со «стереотипами» и «заставками». 7. Разнообразие метров. Спустя несколько месяцев, по воспоминаниям самого поэта [12, с. 384], в Москве родился «кубофутуризм» (В. Маяковский, Бурлюки, В. Хлебников и др.). «Кубисты» отвергали всё «старое», включая классическую литературу, «душа» для них была чуждым понятием. Целью же поэзии И. Северянина было познание души, эмоционально-духовное начало личности. Приём эпатажа, который модернисты считали едва ли не обязательным в наборе поэтических средств, в поэзах И. Северянина был оригинален и дерзок. Поэт шокировал, тем самым привлекая интерес.

И. Северянин принадлежит к числу активных словотворцев, им созданы сотни новых слов, он является экспериментатором в области стиха и терминотворчества. Новообразования И. Северянина – весьма существенная часть словесного богатства поэта.

Своё пристрастие к радости бытия, к предметам роскоши и свой эгоцентризм И. Северянин сумел обозначить оригинальной поэтикой, важной составной частью которой являются языковые новшества поэта, музыкально-ритмическое своеобразие стиха. Кубофутуристы «в своём словотворчестве достигали зачастую полнейшей нелепости и безвкусицы, в борьбе с канонами эстетики употребляли отвратные и просто неприличные выражения» [12, с. 384]. Его же неологизмы, построенные вполне «осмысленно», были красивы и экстравагантны.

Новообразования И. Северянина носят многофункциональный характер, большинство из них – полифункциональны. Отдавая предпочтение новообразованиям, «создающим» художественный образ, вбирающий в себя отношение автора к изображаемому, видение мира с его полутонами и тончайшими оттенками, поэт использует новообразование с целью номинации. Вновь созданные слова обозначают реалии, которым нет соответствующих

названий в словарном составе языка, или понятия, которые в общелитературном языке могут быть выражены описательно. Одним словом поэт выражает то, что является словосочетанием или предложением: скользит по *скатогориям* Алтая Победоносный *лыжеход*; выскочив из *ландолёта*... Я стремился на эстраду; *снегопыль* вздымив; она (жизнь. – Т.К.) жива тобой, мертвящею *поврагой*; Душой поэта и *апполонца* Всё ожидает литавров солнца; Костёр *ветреет*; *лунеет* мрамор; Опять звенит и *королеет* мой стих; *Бриллиантится* весёлая роса, *зальдись*, водопадное сердце; лёд *иззелено-посинел*, *Разокнился* весь полыньями; Теперь, *пролетив* четверть века, сменяет лирику сарказм; Где век, когда ты был гнездом пиратов, Певец, любовник, воин, *оргиаст?*; стихи *эксцессера*.

Как известно, И. Северянин занимался терминотворчеством. Изобретая стихотворные формы, поэт придумывал им названия: *рифмодиссо*, *кензелли*, *газелла*, *рондель*, *триодиссона*, *диссона*, *ассо-сонет*. Стремлением поэта к обновлению старых форм слова вызваны к жизни названия его стихов: *поэза*, *героиза*, *соловьиза*, *лириза*, *поэметта* и др.

Неисчислимое множество и разнообразие нюансов цвета, вкуса, настроения, характера, черт лица и многих других качественных сторон действительности И. Северянин выражает посредством сложных слов, которые в силу их особенностей являются органической принадлежностью художественного стиля и стиля этого поэта. Краткость (лаконизм) формы (развёрнутые значения сливаются в одно), ёмкость семантики (сложное соединение значений двух и более простых слов) характеризуют индивидуально-авторские сложные слова: *изрозо-телесный*, *музыкально-поэзо-вокальные* вечера, (оксюморон): *медвежьи-ловкий*, *пламно-ледяные* ночи, *печальноюный* ландыш; *утончённо-тонные* дыры. Сложные прилагательные И. Северянина своей необычностью, окказиональностью акцентируют на себе внимание, заставляя прислушаться к мелодике слова, вникнуть в его смысл, почувствовать индивидуальное восприятие автора. Эти слова экспрессивны, лаконичны, ёмки по содержанию.

Ярким стилеобразующим средством поэтического языка И. Северянина является метафоризация практически всех частей речи. Окказионализмы часто используются для выражения метафорических значений: *кружевеет*, *розовеет* утром лес, далёкая, смотрящая *мимозно*, *вуалит* негой фиордов сага, Фигурка *Юнии* *газелит* в сад, *Метелит* черёмуха нынче с утра Пахучею стужею в терем, главы ... *стрекозны* и *лукавы*, На *луноструне* пою...и др. Вот пример развёрнутой метафоры, построенной на ассоциации по сходству: «У *лесоозера*, в шале берёзовом, – *берёзозебреном*, – Над мёртвой лилией, над трупом юноши, самоуверенно, Плескалась девушка рыданья хохотом *темно-серебряным*... – И было гибельно. – И было *тундрово*. – И было *северно*». Состояние сумасшествия девушки, убившей юношу «в смущеньи ревности», поэт передаёт одной строкой, где доминантным являются слова:

«плескалась (в значении: «захлёбывалась») рыдания хохотом тёмно-серебряным». Некогда счастливый, звучащий подобно серебряному звону, мелодичный голос превратился в тёмно-серебряный хохот рыдания, в котором звучат гибельные нотки; первый компонент сложного прилагательного тёмный метафоричен, то есть мрачный, низкий, трагичный голос.

Окказионализмы-сложения являются своеобразными словами-образами, словами, создающими микрообраз: Бриллиантовый браслет, как *бракоцель*, повиснувший на кисти; Стрекот аэропланов! *беги* автомобилей! *Ветропроставист* экспрессов! *крылолёт* буеров!; *Примагничены* к бессмертью *цветоплетью* Сердца улыбные в медузовой алчбе; Я трагедию жизни претворю в *грёзофарс* и др. Выделенные слова являются средством создания художественного образа. Новое слово часто является плодом поэтического воображения, реалией, принадлежащей миру, который живёт в сознании поэта, а в действительности не имеет вербальных характеристик, например: На *луноструне* Пою чаруний – стрекоз ажурных; И шёл гонец, и шёл с гонцом сам *Гроз-Дух*; *эгополонез*.

С творческой программой поэта-эгофутуриста, с созерцанием внутреннего мира (как мира мечты и грёз), с представлением о недостижимости в жизни красоты, выросшей из глубокой безысходной тоски и неприятия обыденной действительности, с его миропониманием и мироотражением связана эстетическая функция новообразований. Соединение различных словообразовательных элементов в окказиональное слово на фоне нестандартного контекста рождает определенный неповторимый индивидуально-авторский художественный образ: В *златосне*, на жгучем побережье, Забываю свой высокий сан; Зовусь *Титанией*, царицей фей, Я, *лунокудрая нимфея-ночь!*; Захватывающая кутерьма трёх мушкетёров, участь *Монте-Кристья*; Неопытная в стиле *юнокудрость* Идеюную в нём отыскала мудрость, Его своим поэтом нарекла; Трижды *овесененный* ребёнок.

И. Северянин приучал к новизне: «*Снежеет снежно, снежеет нежно, Над ручейками хрусталит хрупь*»; «*День алосиз. Лимонолистый лес Драприт стволы в туманную тунику*». Сказано изысканно и необычно. Можно упрекнуть его за вычурность языка, непонятность, нелепость, абсурдность, красоту, выдуманность, примитив. Однако он отдавал себе отчёт в том, что именно делает, рисовал свою «утопию» сознательно. Если отнестись к стихам И. Северянина серьёзно, то мы получим, что он обещал: *мороженое из сирени, ананасы в шампанском, розовых слонов, ветропроставист экспрессов, страну голубых антилоп, русалок, лесофей, королев, окружённых благоуханием сирени, фиалок, ландышей, левкоев, роз, мимозы, жасмина, нарцисса, хризантем*. Поэт пишет откровенный лубок, но он сознательно наивен, красочен, примитивен, экзотично ярок. С помощью «лубочной наивности», красоты, «изысканного языка» И. Северянин пытался обновить поэзию.

Обращают внимание необычность словесных ударений, морфологических форм, словосочетаний, стилистические контрасты и, конечно, слова, созданные поэтом, стремившимся к обогащению языка на основе нового словотворчества. У И. Северянина *велосипедит* почталъон; он может *фантазно* лгать, вздыхать *элежно*; трагедию жизни претворить в *грезофарс*; весну *онашить*; написать о *девятнадцативешней*; *разлепесточить* апельсин; увидеть и рожицу *омарью*, и как *припятитрубился* «Аскольд», и как лёд *иззелено-посинел*, и как *ветрится* куст; назвать пустыню *золотой океаной*, ландыш *белонежным*; посмеяться над *утончённо-тонными* дурами; сказать *лиловеет, сиреневет, кружевет*; создать гнёзда авторских новообразований: Он – *чарователь, чаровальщик, чарун*, он – *чарник, чародей*; И в *чаровом* самоубийстве, Уста твои – *чаруйные* новеллы!

Неотъемлемой характерной чертой стиля является неподражаемая северянинская ирония, которая так восхищала В. Брюсова. «Ведь я лирический ироник», – написал поэт. Это важно: не иронический лирик, а именно «лирический ироник». Носитель иронии, который иронизирует над тем, что сам же воспекает. Ирония стала выражением всё того же поэтического «примитива»; усложняя и конкретизируя этот «примитив», она производила неожиданное действие, переводя глубокую поэзию в факт «массовой культуры» [8, с. 20].

Номинативно-оценочные новообразования служат средством выражения северянинской иронии: *утончённо-тонные* дуры Выдумывали новый стиль; *измызганно-плоские* фаты *Напакоститься* не могли; В смокингах в шик *опроборенные* великосветские олухи В князьей гостиной *наструнились*, лица свои *оглунив*; Её низы (об Отчизне) – *изморина* и *затерь*. Российский *бебеизм* – её верхи.

Известно увлечение поэта новообразованиями с иноязычными корнями и суффиксами, которые усиливали эпатаж экзальтированной публики, шокировали критику, обостряли интригу и «непонятность» И. Северянина. Его имя тесно связывалось с тем изысканно-экзотическим миром, в котором царят и чаруют своей экстравагантностью, грезят и *экстазят адъютантессы, демимонденки, оргиасты, кокеты, эмпиры, эксцессеры и эксцессерки, грезёры и грезёрки, горизонталки и сюрпризёрки авантажно* (привлекательно), *рокфорно и камамберно* льнут к *бедламству*, являясь «знатоками изысканнейших *эксцессерий*».

Творчество поэта в целом и его словотворчество всегда принималось неоднозначно. Уже при жизни поэта вышел сборник «Критика о творчестве И. Северянина (СПб, 1916), где оно оценивалось с разных позиций. С одной стороны, ему отдавали должное как даровитому поэту: «Да, И. Северянин – поэт в прекрасном, в лучшем смысле слова» [5, с. 25]. С другой стороны, он определён «выпадал из обоймы» «прогрессивной» реалистической литературы. Особенно оскорбительной для пролетарской критики была аполитичность поэта. «Наверное, действительно, – пишет Б. Окуджава, – с колокольни

этих критиков творчество И. Северянина казалось искажённым. В иронии и самоиронии поэта мерещилась им враждебная сила, в отсутствии злобы и агрессивности – слабость, и многочисленные почитатели стихов поэта именовались ими обывательской толпой, которой, естественно, противопоставлялись мифические «народные массы» [11, с. 215].

Эмоционально постигая дух личности, самоутверждаясь, поэт ищет «новое, не отвергая старого», пользуется «смелыми образами и эпитетами». Для И. Северянина в один поэтический смысловой ряд складываются: *Любовь! Россия! Солнце! Пушкин! Могущественные слова!* Несомненная связь и истоки северянинской поэзии – в русской классике, в её традициях. «Откинув маленькие экстравагантности, состоящие почти исключительно в употреблении новопридуманных слов или форм слова, мы в стихах И. Северянина увидим естественное продолжение того пути в нашей поэзии, по которому она шла со времён Пушкина или даже Державина» [5, с. 24].

Но если собратья по перу отдавали ему должное как поэту, то, как новатор языка, он почти не признавался ни своими современниками, ни последующей критикой. «Не думаем, чтобы надо было доказывать, что И. Северянин – истинный поэт», – написал В. Брюсов, заметивший позднее, что все его недостатки в безвкусице. Утверждая, что «нового» у И. Северянина не более чем приносит каждый истинный поэт», мэтр символизма всё же замечает: «...кое-какие права на звание новатора дают И. Северянину его неологизмы» [5, с. 13].

Для эпохи новаторства начала века, когда наблюдалась «возросшая активность обращения к индивидуальному словотворчеству» [3, с. 78], «словотворческий выдвиг» И. Северянина был весьма смел, даже на фоне В. Маяковского и В. Хлебникова.

Более четверти XX века И. Северянин был действующим лицом в русской литературе. Конечно, не все в его поэзии равноценно, далеко не всё совершенно и вызывает симпатии, но, несомненно, у него много достоинств и открытий как в поэтическом творчестве, так и в создании новых слов.

Список литературы

1. Авраменко А.П. Блок и русские поэты XIX века. М.: МГУ, 1990. 248 с.
2. Бабичева Ю.В. А ещё не умерет // И. Северянин. Ананасы в шампанском. М.: Книга, 1991. С. 5.
3. Бакина М.А. Словотворчество // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. М.: Наука, 1977. С. 78–128.
4. Бердяев Н.А. Русский культурный Ренессанс начала XX века. Встречи с людьми // Самопознание. Л.: Лениздат, 1991. С. 138–165.
5. Брюсов В.Я. Игорь Северянин // Критика о творчестве Игоря Северянина. М., СПб., 1916. С. 13–25.

6. Встречи с прошлым. Вып. 4. 2-е изд. М., 1987. С. 125.
7. Коршунова Т.Н. Семантико-деривационная структура и функционирование новообразований в художественных произведениях Игоря Северянина: дис. ... канд. филолог. наук. Орёл, 1999. 214 с.
8. Кошелев В.А. Поэт с открытой душой // И. Северянин. Стихотворения. М.: Советская Россия, 1988. С. 5–26.
9. Куклин Л. Заглянем за маску // И. Северянин. Лирика. Л.: Дет. лит., 1991. С. 8–18.
10. Мандельштам А.И. Игорь Северянин // Серебряный век: русские судьбы. СПб., 1996. С. 239–251.
11. Окуджава Б.Ш. Несколько слов об Игоре Северяnine // И. Северянин. Лирика. Л.: Дет. лит., 1991. С. 215.
12. Северянин И.В. «Уснувшие весны». Из книги воспоминаний // Стихотворения и поэмы. 1918–1941. М.: Современник, 1990. С. 380–430.

УДК 378.14:61

Т.А. Костромина, Т.А. Гладиллина, Н.И. Маркова

*ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет»,
Минздрава России, Курск*

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ОСНОВ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЯЗЫКУ ПРОФЕССИИ

В статье рассматривается проблема формирования основ профессиональной коммуникативной компетенции студентов-иностранцев при изучении латинской медицинской терминологии на английском языке в российском медицинском вузе. Сопоставительный анализ позволяет проследить закономерности перехода латинских терминов в медицинский английский язык, сделать вывод об идентичности словообразовательных элементов двух языков. Организация педагогических условий для изучения языка будущей профессии параллельно с изучением медицинского английского языка способствует формированию основ профессиональной коммуникативной компетенции студентов.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, медицинская терминология, латинский язык, английский язык, профессиональная коммуникативная компетенция.

Студенты-иностранцы, получающие медицинское образование в российском вузе на английском языке, оказываются в ситуации многоязычия, где неизбежно возникает потребность в средстве коммуникации, адекватно воспринимаемом всеми представителями языкового коллектива.

Медицинская терминология, включающая в план содержания изучение профессионально-ориентированной лексики трех подсистем медицинских знаний, является одним из коммуникативных компонентов профессии врача и основой языка международного профессионального общения.

Формирование основ профессионального языка в условиях многоязычия характеризуется рядом особенностей, проявляющихся во влиянии внутренней формы одного языка на активизацию процессов в другом.

В связи с этим, изучение медицинской терминологии на латинском языке студентами-иностранцами позволяет им с одной стороны, овладеть основами международного языка медицинской профессии, а с другой – сформировать основы медицинского английского языка. Известно, что при словообразовательном анализе латинских терминов наиболее четко проявляется связь между языками, а при сопоставительном анализе двух языковых систем язык воспринимается наиболее глубоко [5, с. 137].

«Изучение студентами-иностранцами курса латинского языка делает возможной для преподавателей специальных дисциплин актуализацию знаний иностранных студентов в области английской медицинской терминологии с опорой на латинские термины, т.к. они могут легко служить терминами-посредниками, позволяющими сделать максимально близкий перевод с одного языка на другой» [Там же, с. 138].

Следует особо отметить, что в медицинском вузе среди предметов гуманитарной направленности дисциплина «Латинский язык», являясь профессионально-ориентированной дисциплиной, формирует общепрофессиональные компетенции на основе изучения *международных научных номенклатур, использующих латинский язык*.

Параллельное изучение основ грамматики латинского языка и медицинского английского языка на основе изучения международных научных номенклатур помогает студентам определить выбор коммуникативных стратегий при реализации учебной деятельности в условиях полиэтнического образовательного пространства.

Одним из условий успешной межкультурной коммуникации в медицинской профессии является соответствующий уровень коммуникативной компетенции в области медицинского английского языка, который в значительной степени зависит от того, насколько успешно студенты-иностранцы владеют базовыми основами медицинской терминологии.

В процессе изучения дисциплины «Латинский язык» медицинская терминология рассматривается как комплексная лингвистическая система, которая предусматривает несколько языковых уровней: фонетический, морфологический, словообразовательный, лексический, синтаксический и семантический, на основе которых медицинские термины группируются в три подсистемы медицинских знаний.

Следовательно, терминосистема является понятийной моделью языка медицины. Такой системно-терминологический подход помогает студентам осваивать медицинскую терминологию на профессиональном уровне: от понимания к владению.

Тем не менее, при изучении основ медицинской терминологии на первом курсе, студенты сталкиваются с определёнными трудностями, в том числе, языковыми, затрудняющими формирование профессиональной коммуникативной компетенции.

В этой связи целесообразно затронуть проблему сопоставительного (или сравнительного) анализа медицинской терминологии, который осуществляется через возможность использования системного характера двух языков.

Какие же меры по преодолению коммуникативных затруднений и формированию профессиональной коммуникативной компетенции можно предложить, исходя из накопленного опыта работы с иностранными студентами, обучающимися в российском медицинском вузе на английском языке?

На кафедре латинского языка и основ терминологии Курского государственного медицинского университета создан и успешно внедрен в учебный процесс на международном факультете комплекс учебно-методических материалов на английском языке:

– “The Language of Medicine as a Means of Professional Communication. Guide in the Latin Language for Foreign Students of the Medical Department” («Язык медицины как средство профессионального общения». Учебное пособие по латинскому языку для студентов международного факультета (специальность «Лечебное дело») – на английском языке) [3].

– Collected Tests in Latin Medical Terminology for Foreign Students of the Medical Department (Сборник тестовых заданий по латинскому языку и основам медицинской терминологии для иностранных студентов лечебного факультета – на английском языке) [4].

– Guidelines in the Independent Work for foreign students of the Medical Department studying Latin Medical Terminology (Методические рекомендации для студентов-иностранцев 1 курса по самоподготовке к практическим занятиям по дисциплине «Латинский язык» - на английском языке) [1].

– Medical Vocabulary: English – Latin / Latin – English – for Foreign Students of the Medical Department (Медицинский словарь –англо-латинский/ ла-

тинско-английский к курсу латинского языка для иностранных студентов лечебного факультета) [2].

Такое оснащение учебного процесса позволяет создать педагогические условия для формирования межкультурной компетенции в области профессионального языка у студентов международного факультета. Работая с данными источниками информации, студенты осваивают основы медицинского английского языка параллельно с изучением основ латинского языка.

Сопоставительный анализ медицинских терминов трех подсистем (анатомическая, клиническая, фармацевтическая) на латинском и английском языках позволяет проследивать закономерности перехода латинских и греческих терминов и терминологических элементов, а также частотных отрезков в английский язык.

Определяющую роль в наличии огромного количества прямых заимствований из латинского в медицинский английский язык играет тождество графики исходного – латинского и заимствующего – английского языка.

Практически во всех разделах медицинской терминологии находятся как лексические, так и грамматические прямые заимствования.

Сравним:

1) анатомическая терминология:

лат. cortex, apex, nucleus, vertebra;

англ. cortex, apex, nucleus, vertebra, etc.;

2) клиническая терминология:

лат. nephropathia, pathologia, osteochondrosis;

англ. nephropathy, pathology, osteochondrosis;

3) номенклатура лекарственных средств:

лат. Cefalexinum;

англ. cefalexin;

При морфологической передаче наблюдается огромное количество терминов-существительных, английские эквиваленты которых соответствуют грамматическим основам латинских терминов. Сравним:

лат. ligamentum – англ. ligament,

лат. palatum – англ. palate,

лат. processus – англ. process,

лат. ductus – англ. duct, etc.

Наиболее ярко этот процесс проявляется при заимствовании английским языком латинских имен существительных третьего склонения, например:

лат. pars, **partis** f – англ. part,

лат. **ulcus**, **eris** n – англ. ulcer,

лат. **margo**, **inis** m – англ. margin,

лат. **articulatio**, **onis** f – англ. articulation, etc.

Интересно отметить, что при образовании форм множественного числа имен существительных, грамматика английского языка сохраняет правила латинской грамматики. Учитывая этот факт, студенты понимают, что в английском языке, так же, как и в латыни, *nuclei* – это соответственно форма множественного числа от *nucleus*, *retinacula* – от *retinaculum*, *foramina* – от *foramen*, *vertebrae* – от *vertebra* и т.д.

Формирование профессионально-коммуникативной компетенции студентов в процессе изучения медицинской терминологии на основе сопоставительного анализа терминов очевидна на словообразовательном уровне, в котором латинская аффиксальная система полностью совпадает по графике и деривационным значениям с соответствующей английской системой. Сравним:

лат. **dystonia** – англ. **dystonia** (difficulty or trouble in a tone);

лат. **amnesia** – англ. **amnesia** (total inability to recall past experiences);

лат. **paranephritis** – англ. **paranephritis** (inflammation of the tissue, adjacent to the kidney) и т.д.

В ракурсе сопоставительного анализа необходимо обращать внимание на анализ терминов–имен существительных и прилагательных, образованных от основ латинских глаголов и существительных при помощи *суффиксов*, которые стали продуктивными при образовании соответствующих имен существительных и прилагательных в английской медицинской терминологии, и которые соответствуют латинским суффиксам, сохраняя не только их графику, но и семантику.

Необходимо обращать внимание и на тот факт, что знание латинских суффиксов и их английских эквивалентов позволяет студентам различать части речи не только в латинском, но и в английском языке, что является слабым местом во владении английским языком выходцами из Азиатских стран дальнего зарубежья.

Примерами могут служить суффиксы прилагательных **-al**, **-ar**, **-ic**, обозначающие «принадлежность к тому, что названо основой» как в латинском, так и в английском языке. Сравним:

лат. **cervicalis** – англ. **cervical**;

лат. **alaris** – англ. **alar**;

лат. **chronicus** – англ. **chronic**.

Частотным является суффикс прилагательных **-os-** с английским эквивалентом **-ous/-ose**, обозначающий "обилие признака":

лат. **nervosus** – англ. **nervous**,

лат. **gangraenosus** – англ. **gangrenous**,

лат. **acidum nitrosus** – англ. **nitrous acid**, etc.

В учебном процессе важно обращать внимание и на латинские отглагольные существительные, образованные при помощи суффиксов:

-or (-er) (лицо или предмет, выполняющий действие),

-io (-ion) (процесс или результат действия),
-ura (ure) (результат действия), поскольку их английские эквиваленты идентичны по графике и семантике. Сравним:

лат. **flexor** - англ. **flexor** (сгибатель),
лат. **extractio** – англ. **extraction** (извлечение),
лат. **commissura** – англ. **commissure** (спайка).

Идентичность терминологических суффиксов имен существительных в клинической терминологии позволяет преподавателю сделать опору не только на сопоставительный анализ латинских и английских терминов, но и обратиться к русскому языку, который также является языком коммуникации в профессиональном полиэтническом пространстве. Сравним:

<u>лат.</u>	<u>англ.</u>	<u>русск.</u>
-osis	-osis	-оз
-itis	-itis	-ит
-oma	-oma	-ома
-ismus	-ism	-изм

При этом семантика терминологических суффиксов в трех языках полностью совпадает. Данный факт в очередной раз подтверждает интернациональный характер медицинской терминологии.

Роль суффиксов велика и при анализе терминов-словосочетаний, которые в названиях медицинских диагнозов определяют морфологический статус термина (часть речи) в обоих языках. При этом разница между латинским и соответствующим английским диагнозом заключается лишь в порядке слов, что изначально известно студентам. Сравним:

лат. **mastoiditis necrotica** – англ. **necrotic mastoiditis**;
лат. **empyema tuberculosum** – англ. **tuberculous empyema**;
лат. **spondylosis cervicalis** – англ. **cervical spondylosis**;
лат. **alcoholismus chronicus** – англ. **chronic alcoholism**.

Представленные в исследовании блоки сравнительного анализа не исчерпывают всего многообразия возможностей сопоставления латинских и английских терминов.

Преодоление студентами перечисленных языковых затруднений создаёт огромные возможности для коррекции английского языка, на котором осуществляется учебный процесс.

Таким образом, изучение медицинской терминологии на основе сопоставительного анализа с опорой на системно-уровневый характер языка позволяет студентам-иностранцам наглядно и рационально использовать информацию о влиянии одного изучаемого языка на другой с целью формирования основ профессиональной коммуникативной компетенции.

Список литературы

1. Гладилина Т.А. Методические рекомендации для студентов-иностранцев 1 курса по самоподготовке к практическим занятиям по дисциплине «Латинский язык» – на английском языке (Guidelines in the Independent Work for foreign students of the Medical Department studying Latin Medical Terminology). Курск, 2014. 119 с.
2. Гладилина Т.А., Золотухина А.Н., Костромина Т.А. Медицинский словарь (англо-латинский/ латинско-английский) к курсу латинского языка для иностранных студентов лечебного факультета (Medical Vocabulary: English – Latin / Latin – English for Foreign Students of the Medical Department). Курск, 2012. 59 с.
3. Костромина Т.А. Язык медицины как средство профессионального общения: учеб. пособие по латинскому языку для студентов международного факультета (специальность «Лечебное дело») (на английском языке). Изд. 5-е, испр. и доп. Курск: КГМУ, 2018. 280 с.
4. Костромина Т.А., Гладилина Т.А. Сборник тестовых заданий по латинскому языку и основам медицинской терминологии для иностранных студентов лечебного факультета – на английском языке (Collected Tests in Latin Medical Terminology for Foreign Students of the Medical Department). Курск, 2012. 100 с.
5. Костромина Т.А., Степашов Н.С. Социокультурная детерминация билингвальных коммуникативных затруднений: монография. Курск, КГМУ, 2007. 176 с.

УДК 81'36

С.В. Кошелева

*ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева», Орёл*

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДИКАТА СОСТОЯНИЯ В УЧЕБНОМ КОМПЛЕКСЕ «ДОРОГА В РОССИЮ»

В статье дается общее представление о предикативности как ключевом признаке предложения, на основе анализа материала из учебного комплекса «Дорога в Россию», раскрывается понятие «предикат» в его соотношении с понятием «сказуемое», а также предлагается описание предикатов состояния.

Ключевые слова: *предикативность, предикат, сказуемое, предикаты состояния.*

Как известно, предикативность – это ключевой признак предложения, относящий информацию к действительности и тем самым формирующий единицу, предназначенную для сообщения. В логическом аспекте под предикативностью понимаются отношения между субъектом и предикатом, в коммуникативном аспекте – между темой и ремой, а в грамматическом аспекте – это связь между подлежащим и сказуемым.

В западноевропейских лингвистических системах термин «предикат» используется при обозначении состава предложения, соответствующего сообщаемому, а также «ядерного» компонента этого состава (англ. *predicate*, франц. *predicat*, исп. *predicado*, итал. *predicate*). Вследствие того что приезжающие в Россию иностранные студенты, как правило, владеют английским или французским языком, то понятие «субъект» и «предикат», разумеется, им знакомо. Следовательно, большая часть пособий по русскому языку, например, учебный комплекс «Дорога в Россию», при объяснении структуры предложения использует именно эти термины, которые полностью соотносит с грамматическим субъектом и грамматическим предикатом. Так, при изучении темы «Полная и краткая форма прилагательных» предлагается сравнение роли этих форм в предложении. Для этого авторы прибегают к известной иностранным обучающимся терминологии для обозначения подлежащего и сказуемого: S – субъект, P – предикат. *Вечером этот город(S) очень красив (P)* [2, с. 104].

В данной ситуации, как и в других, где говорится о структуре предложения, субъект и предикат следует понимать как подлежащее и сказуемое, то есть в грамматическом аспекте. «В двусоставных предложениях выделяются два главных члена – подлежащее и сказуемое: *Андрей гуляет; Рассказ длинный и скучный*. В современной лингводидактической литературе по РКИ вместо терминов «подлежащее» и «сказуемое» используются также термины «субъект» и «предикат» [3, с. 25].

Следует сказать, в современном русском языке термин «предикат» был заменен термином «сказуемое», однако отнюдь не исключен из лингвистического обихода. Это позволило избежать терминологического смешения логических и грамматических категорий. Так, с термином «сказуемое», как правило, прежде всего, связан формальный аспект этого члена предложения, с термином «предикат» – его содержательный аспект. Поэтому принято говорить о формальных типах сказуемого (глагольное, именное сказуемое), но о семантических типах предиката.

Важно отметить, что семантические типы предикатов получили на сегодняшний день довольно широкое и всестороннее освещение в современной отечественной и зарубежной лингвистической литературе. Существует несколько классификаций типов предикатов по их семантике (Л.В. Щербы, Н.Д. Арутюновой, Н.С. Авиловой, О.Н. Селиверстовой и др.). Практически в каждой из них выделяется *предикат состояния*.

Для выражения предиката состояния могут быть использованы как глаголы, так и другие части речи: прилагательное (*рад, готов*), причастие (*раздражён, возмущён*), категория состояния (*грустно, холодно*). При таком предикате субъектный актант – пациенс, объектный актант необязателен. Однако если говорить о грамматическом субъекте, то он может отсутствовать (*Мне грустно и легко*), а может находиться в предложении (*Я очень рад нашей встрече*).

Предикаты состояния можно классифицировать на основе соотношения внешних и внутренних факторов, определяющих субъект. По этому основанию можно выделить следующие типы состояний: внутреннее состояние (душевное или телесное) и внешнее состояние, локализованное за пределами тела предмета и присущее объекту действительности как целому.

Предикаты внутреннего состояния – это большая группа предикатов, которую по ряду семантических критериев можно разделить на несколько подгрупп. Прежде всего, это отмеченное Ю.С. Степановым [6] противопоставление предикатов физического и духовного состояния. Первые обозначают физические ощущения субъекта: *Я болен/здоров, мне холодно/тепло/жарко*. В учебнике русского языка «Дорога в Россию»¹ с такими предикатами иностранные обучающиеся знакомятся в самом начале курса на элементарном уровне. Например: *Когда холодно, плохо* – для выражения предиката используется категория состояния. *Я не был в университете, потому что я был болен* – предикат выражен краткой формой прилагательного, то есть представляет собой составное именное сказуемое.

Состояние сна выражает глагол *спать*. Например: *Я спал долго, два часа*. Состояние жизни и смерти выражается глаголами *родиться, жить, умереть*. Например: *Я узнал, что М.В. Ломоносов родился в 1711 году, а умер в 1765 году (2:27)*. В качестве предиката может выступать имя существительное как именная часть составного именного сказуемого, например: *У него был грипп* (то есть он был болен гриппом).

Чувственное восприятие также можно отнести к физическому состоянию субъекта. Восприятие субъективно, но оно всегда соотносится с воспринимаемыми предметами, с существующей вне нас действительностью. В отличие от ощущений, которые находятся в нас самих, восприятие направлено на объект, поэтому ситуация физического восприятия включает в себя, с одной стороны, одушевленного субъекта, а с другой, – объект восприятия, который может быть как одушевленным, так и неодушевленным. Такой предикат состояния выражен видовыми парами: *видеть – увидеть, слышать – услышать, чувствовать – почувствовать*. Например: *Летом Джон был во*

¹ Учебный комплекс «Дорога в Россию» состоит из трёх книг, причём третья книга имеет две части. Далее в своей работе, приводя примеры, мы примем нумерацию этих частей 1, 2, 3, 4 с указанием соответствующей страницы. Например: *Всю жизнь люди дарят и получают подарки (2:87)*. Пример взят из второй книги со страницы 87.

Франции и видел Париж (1:182). Предикат может быть в виде составного именного сказуемого и выражен категорией состояния *видно, слышно*. Например: *Вас плохо слышно. Ничего не видно*.

Предикаты духовного состояния, которые сочетаются только с одушевленными субъектами, обозначают духовные, т.е. существующие только в сознании субъекта субстанции: *(мне) весело/грустно* (категория состояния), *я рад* (краткое прилагательное). Богатую палитру различных эмоциональных состояний, которые способен переживать субъект, можно распределить на настроения и чувства. Настроение – это общее внутреннее душевное состояние, которое окрашивает все другие переживания, восприятие, мыслительные процессы и деятельность человека и является их фоном (настроение поэтому подобно общей тональности в музыке). Настроение характеризуется слабой интенсивностью, значительной длительностью, неясностью и «безотчетностью» переживаний [4, с. 106].

На базовом уровне изучения русского языка студенты знакомятся с предикатами состояния, выраженными категорией состояния *легко – трудно, весело – грустно, интересно – скучно (неинтересно)*. Например: *Мне было легко* (2:129), *Этой девушке весело* (2:128). В качестве дополнения при употреблении этих предикатов может быть использован инфинитив. Например: *Мне весело смотреть комедии* (2:130).

Чувства в отличие от эмоций характеризуются большей длительностью, устойчивостью, осознанностью и предметностью, т.е. связываются с представлением или идеей о некотором объекте. Чувства охватывают широкий спектр явлений, психических феноменов, отличающихся друг от друга по характеру и содержанию. В качестве предиката состояния могут выступать глаголы, например, *Мама будет волноваться. Он грустил о том, что лето кончилось* (3:33). В качестве предиката может выступать имя существительное как именная часть составного именного сказуемого, например: *Этот человек – всегда оптимист* (1:252). Также именная часть составного сказуемого может быть выражена кратким прилагательным, выражающим чувства человека. Например: *Он был очень рад. Этот юноша всегда весел*.

Состояние эмоционального отношения представляет собой как чувство, испытываемое субъектом, так и его отношение к другому объекту (окружающему миру) посредством этого чувства. Такие положения вещей, как и предикаты, которые их выражают, относят к классу эмоциональной «связи» [Селиверстова, 1982, с. 143]. Ещё на элементарном уровне иностранные обучающиеся знакомятся с глаголами *любить* и *нравиться* и моделями предложений, включающими их в качестве предиката. Например: *Мне нравится этот новый фильм* (1:108), *Я хорошо знаю Москву и люблю её* (1: 153), *Жан любит Клару* (1:158). *Пушкин и его жена любили друг друга и были счастливы* (1:192). Второй предикат представляет собой краткое прилагательное *счастлив*.

Интеллектуальные чувства – это такие умственные состояния, которые являются неотъемлемой стороной познавательной деятельности, затрагивают ментальную сферу человека, его отношение к жизни и в которых немаловажную роль играют эмоциональные компоненты. Предикат может быть выражен кратким прилагательным, например: *Преподаватель был доволен ответами своих студентов* (3:105). В качестве дополнения при употреблении составного именного сказуемого может быть использован инфинитив. Например: *Этому талантливому программисту интересно создавать новые программы* (2:128). *Мне интересно смотреть фильмы о любви. Мне скучно слушать оперу* (2:130). Традиционно предикат выражается глаголом: *Я интересуюсь музыкой. Люди всегда удивляются красоте природы. Люди всегда восхищаются произведениями искусства* (3:33).

К волевым состояниям, на наш взгляд, можно отнести состояния психики одушевленного субъекта, которые связаны с осознанным стремлением к осуществлению чего-либо, со способностью или неспособностью осуществить свои цели и желания. Это глаголы *хотеть* и *желать*. Например: *Я хочу мороженое. Я хочу прочитать этот роман* (1:217), *Я желаю большой любви* (2:121). Модальный глагол *хотеть* часто употребляется как вспомогательный в составном именном сказуемом.

Предикаты внутреннего состояния играют совершенно особую роль в грамматической системе языка. С одной стороны, они легко образуют безличные предложения, тем самым выявляя на грамматическом уровне семантическое расхождение субъекта и предиката. С другой стороны, предложения с этими предикатами во многом являются переходными от именных к глагольным, поскольку в них предикат может быть выражен не только глаголом, но и именем, при этом такая перестановка может не изменить синтаксическую конструкцию или смысл предложения. Например, высказывание *Я болен* отличается от *Я болен* только тем, что глагол указывает на отношение события к моменту речи, а прилагательное – нет. Но это различие исчезает при введении наречия со значением времени, и высказывания *Я сейчас болен* и *Я сейчас болен* отличаются друг от друга только морфологической формой предиката.

Предикаты внешнего состояния также предполагают дальнейшую дифференциацию в связи с тем, что в центре внимания оказывается статичная манифестация того или иного одушевленного или неодушевленного предмета в пространстве или особых отношениях этого предмета с другими предметами. Так, к внешним состояниям мы, вслед за Ф.Ш. Акмаловой, предлагаем относить состояние обладания, положение предмета в пространстве, локативное состояние (местонахождение предмета), социальное состояние, амбиентное состояние (состояние среды) и ряд других более мелких и разнородных состояний, которые можно объединить в группу ситуационных состояний [1, 2005, с. 88].

Бенефактивное состояние представляет собой состояние субъекта, при котором он обладает, владеет чем-либо, имеет что-то в собственности, поскольку это состояние статично и не подразумевает изменения, оно длится и при этом является временным, непостоянным. Состояние обладания выражается глаголом-предикатом *есть*. Например: *У меня есть брат (1:234), У Андрея есть новая машина (1:235)*. Отсутствие чего-либо или кого-либо выражается словом *нет*. Например: *У меня нет сестры. У него нет машины. (1:234)*.

Положение предмета в пространстве трактуется нами как состояние, потому что оно не характеризуется фазовостью осуществления и изменением во времени, а значит, не может быть отнесено к динамическим. Оно характеризуется статичностью, отсутствием передвижения субъекта, состоянием его покоя. Кроме того, положение в пространстве ориентировано на субъекта, находящегося в нем. Позицию предиката занимают глаголы *стоять, лежать, сидеть, висеть*. Например: *Поезд стоял там только пять минут (2:34). Антон лежит в кровати, потому что он болен.*

Близким по значению к положению предмета в пространстве является локативное состояние, в котором имеется связь предмета с тем или иным пространством [5, с. 151]. Прежде всего, предикат выражается глаголами *быть* и *находиться*. Например, *Суздаль находится в центре России (1:294). Мы были в театре. Книга лежит на столе. Кремль находится в центре Москвы (1:141)*.

Особо выделяемые социальные состояния затрагивают социально-экономический статус лица или неличного предмета, семейный статус человека. В отличие от качеств, являющихся постоянными характеристиками, социальные состояния имеют преходящий характер, ограничены во времени и не являются неотъемлемыми характеристиками носителя состояния. Например: *Но жила она небогато (2:137)* – предикат выражен сочетанием глагола и наречия. *Молодой писатель с трудом сводил концы с концами (2:67)* – в этом предложении предикат выражен устойчивым сочетанием. *Она вышла замуж. Она была замужем. Он богат/беден. Молодые люди приходили сюда, чтобы зарегистрировать брак, стать мужем и женой (2:177). Многие уже на пенсии...(2:91)*. Как видно из примеров, такие предикаты, являясь составным именным сказуемым, выражены глагольной связкой и именной частью – кратким прилагательным или наречием.

Окружение, пространство, в котором протекает деятельность субъекта, находится в каком-либо состоянии. Это состояние окружающей среды передается с помощью категории состояния, выражающей предикат. Например: *Сегодня холодно / жарко. Там очень шумно (2:78), Осенью холодно (1:191)*

Ситуационные состояния объединяют состояния покоя, готовности, занятости, порядка и беспорядка, опасности и безопасности и другие. Например: *Фотографии прекрасной незнакомки были готовы через два дня (2:110)*.

Виктор занят, поэтому он не идёт на концерт (1:198). В этих примерах предикат выражен краткими прилагательными в сочетании с глагольной связкой. В русском языке результативное составное сказуемое строится при помощи кратких страдательных причастий на -т, -н/-ен, образованных, в основном, от переходных глаголов совершенного вида. *Библиотека была закрыта* (3:16), *Фотографии были сделаны моим другом в студенческом лагере* (3:15), *Эти стихи переведены на русский язык* (3:77). При изучении русского языка подобные синтаксические конструкции, которые принято называть пассивными, вызывают у иностранных обучающихся наибольшее затруднение. Активные и пассивные структуры, обозначая одну и ту же ситуацию, различаются способом её представления. Например, предложения *Студент написал интересную курсовую работу* и *Студентом написана интересная курсовая работа* описывают одну и ту же ситуацию, но с разной ориентацией. В активной форме за отправную точку берётся субъект действия (*студент*), а в пассивной – объект (*курсовая работа*), который переходит в позицию грамматического субъекта (подлежащего). В зависимости от задач, которые стоят перед говорящим, он выдвигает в позицию подлежащего то тот, то другой компонент. Употребление трёхчленных пассивных структур стилистически обусловлено. В живой разговорной речи они встречаются нечасто, главным образом в «книжном» языке – языке средств массовой информации (радио, газеты, телевидение), научной и официально-деловой речи. И иностранные учащиеся, осваивающие новую языковую систему, должны уяснить для себя эту особенность функционирования трёхчленного пассива. Важно также принять во внимание и то, что трёхчленные агентивные пассивные предложения есть не во всех языках. Это создаёт определённую трудность для учащихся.

Список литературы

1. Акмалова Ф.Ш. Семантическая и формально-структурная репрезентация категории «состояние»: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2005.
2. Антонова В.Е. Дорога в Россию: в 2 т. / М.М. Нахабина, А.А. Толстых. 4-е изд. СПб.: Златоуст, 2011. Т. 1. 200 с.
3. Книга о грамматике: для преподавателей русского языка как иностранного / под ред. А.В. Величко. СПб.: Златоуст, 2018. 752 с.
4. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. М.: Просвещение, 1964. 344 с.
5. Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов / АН СССР, Ин-т языкознания. М., 1982. С. 86–157.
6. Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. М., 1989. 250 с.

УДК 811.161.1

А.А. Кравцова, Т.П. Пегина

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева», Орёл

ПРОБЛЕМЫ УСВОЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

В данной статье рассматривается актуальная проблема усвоения лексического материала студентами, изучающими русский язык как иностранный. Описываются сложности разного характера, с которыми может столкнуться студент при изучении лексических единиц. Особое внимание уделяется многозначным словам, окказиональному и «узкому» значению слова, фразеологизмам, понимание которых наиболее часто вызывает затруднения у иностранных студентов.

Ключевые слова: лексика, трудности усвоения лексики, значение слова, фразеологические единицы, иностранные студенты.

В последние годы как в результате миграции, так и по другим причинам, таким как учеба или работа в России, знакомство с научными трудами на языке нашей страны, русский язык приобрел особое значение для граждан, приехавших в Российскую Федерацию на длительный срок. Большая ответственность ложится на преподавателя русского языка как иностранного, так как язык – это целый комплекс взаимосвязанных лексических, грамматических, фонетических особенностей, объединенных в одной культуре и традициях определенной страны. Попадая в чужую языковую среду, иностранец должен интегрироваться в нее, но без необходимого запаса слов и правил языка, вербальное общение становится невозможным. На первый план для преподавателя выходит задача помочь студенту правильно сориентироваться в богатстве и многообразии словарного состава русского языка.

В процессе обучения иностранных студентов русскому языку наибольшие трудности усвоения языковой системы иностранного языка неизменно возникают в том случае, когда родной язык студента относится к другой языковой группе. Устанавливая ложные соответствия между двумя системами языков, русского и своего родного, студенты допускают так называемые интерферентные ошибки. Говоря об ошибках такого характера, в своих лингвистических трудах Л.В. Щерба подчеркивал, что родной язык всегда будет преобладать в головах учащихся, которые для того, чтобы понять смысл сказанного, должны будут найти соответствие данному высказы-

ванию в своем языке [5, с. 56–57]. Такие же ошибки неизбежны и тогда, когда одинаковые явления существуют в двух языках, но имеют существенные отличия. Например, в арабском языке отсутствует средний род существительных, многие существительные, относящиеся к женскому или мужскому роду в русском, относятся к противоположному роду в арабском (существительные «боль», «болезнь» относятся к женскому роду в русском, но к мужскому роду в арабском языке; профессии, относящиеся в равной степени, как к лицам мужского, так и женского рода, такие, как врач, педагог, филолог и др., в арабском языке четко разграничены по родам). Особую сложность представляют случаи, когда определенное языковое явление отсутствует в родном, или изучаемом языке. Так, в арабском языке, в отличие от русского существительные изменяются по 3 числам – единственному, множественному и двойственному, последний отсутствует в русском.

Говоря об обучении иностранных студентов лексическому аспекту русского языка, нельзя не подчеркнуть изменчивость словарного состава языка. Не всегда бывает возможным объяснить студенту семантическую характеристику слова, объем и содержание его значения. Такое понятие, как комбинаторное, или контекстное, значение слов, которое становится понятным лишь при определенном сочетании данных единиц в речи, также представляет сложность для студента, изучающего иностранный язык. Например, глагол «защитить» приобретает разные значения в зависимости от того контекста, в котором появляется: защитить кого-то от угрозы или защитить диссертацию. Это также потребует от преподавателя дополнительных объяснений.

Введение в учебный процесс произведений русской классической литературы имеет очень важное значение для усвоения русского языка, так как данные произведения «повышают речевую культуру, развивают чувство языка, делают ...речь ярче, образнее...» [4, с. 5]. Но здесь студента подстерегают очередные сложности усвоения иноязычной лексики, связанные с пониманием значений слов. Когда значение узуально, понимание облегчается, в том же случае, когда значение окказионально, такой контекст необходимо разбирать со студентом тщательным образом. Особенно актуальным становится понимание окказионального значения слова в литературных источниках, где автор намеренно нарушает определенные ограничения, которые были наложены самим языком, что, естественно, вызовет большие трудности при переводе у студентов-иностранцев. Например, у А. Ахматовой в строке: «*А под ним тот профиль горбатый...*» присутствует лишь ей характерное высказывание, что потребует от читателя большой сосредоточенности и глубоких знаний, ведь под горбатым здесь подразумевается нос с горбинкой (А. Ахматова «Рисунок на книге стихов», 1958) [2, с. 203].

Учебный комплекс «Дорога в Россию» содержит большое количество текстов различной тематики, они изобилуют новой лексикой. Некоторые

уроки содержат пословицы и поговорки, перевод и понимание которых представляет особую сложность для иностранных студентов. Как и русская классическая литература, пословицы и поговорки живо описывают быт, нравы, обычаи и культуру страны изучаемого языка, но бывают трудны для интерпретации. Работа с подобными лексическими единицами требует от преподавателя тщательной подготовки к занятию и составлению предтекстовых упражнений для лучшего понимания и усвоения данных лексических сочетаний. Пословицы, слова в которых имеют узуальное значение, усвоятся студентами легче, например, «нет друга – ищи, а нашел – береги» [1, с. 32].

Слова, обладающие узким объемом значения, должны запоминаться студентом отдельно. В данном случае необходимо, чтобы студент знал эквивалентную лексику в родном языке. Например, такие словосочетания, как закадычный друг, заклятый враг, карие глаза или перочинный нож могут иметь или не иметь свои соответствия в том языке, на котором говорит студент.

Еще одну сложность в усвоении лексики русского языка представляют собой многозначные слова. Основной задачей педагога является объяснение того факта, что в данном случае разграничению определенных значений одного и того же слова способствует тот контекст, в котором данное слово находится, его лексическое окружение, а также ситуация, в которой слово употреблено. Здесь необходимо помнить о том, что в своем прямом значении слова будут сочетаться с одним набором лексических единиц, а в переносном – с кардинально другим составом лексики. Например, глагол «снять» имеет несколько значений. В случае, когда речь идет об одежде, он будет сочетаться с предметами одежды – снять пальто. «Снять жилье или фильм» – также возможное лексическое окружение глагола. В родном языке студента, изучающего русский как иностранный, данный глагол может не иметь того или иного лексического значения или, наоборот, иметь более расширенный спектр значений. Чтобы избежать возможных ошибок, целесообразным было бы заучивание лексических единиц именно в наиболее частотном и устойчивом их сочетании, так как стремление выучить только изолированное лексическое значение слова неизбежно приведет к неправильному его употреблению.

Необходимо помнить о том, что преобладающая часть активно усваиваемого студентами лексического минимума состоит из слов, обладающих прямым и номинативным значением и лишь незначительная часть лексики имеет фразеологически связанное лексическое значение, что автоматически ставит перед преподавателем русского языка актуальный вопрос о лексической сочетаемости определенных слов.

В силу того, что иностранные обучающиеся на начальном этапе обучения овладевают лишь ограниченным словарем, состоящим в первую очередь из стилистически нейтральных слов, то расширение словарного запаса за счет введения в речь синонимов, обладающих эмоциональной окраской, от-

личающихся некоторыми оттенками значений, должно происходить постепенно. Так, прилагательное «большой» обрастает синонимами «огромный», «великий», «громадный», «гигантский» и др. В этой связи студенты должны обязательно учитывать и тот факт, что в синонимический ряд могут быть включены не только слова в своем прямом значении, но и так же в переносном, когда они будут являться контекстуальными синонимами. Например, свежий хлеб, свежий ветер, свежая новость и т.д. В данном случае многозначное слово попадает сразу в несколько синонимических рядов. В данном контексте особое внимание стоит уделить такому понятию, как ложные синонимы. Именно они могут представлять собой большую сложность для студентов, изучающих русский язык. В отличие от настоящих синонимов, данные однополевые слова являются категориально идентичными, но называют абсолютно разные классы предметов. Например, при подборе синонимов к слову «жилище» важно разграничивать синонимы «дом», «изба», «шале», «вилла» и др., так как их объемы совпадают лишь частично, и они не всегда могут служить заменой друг другу, обладая более общим или более частным значением.

На более продвинутом уровне изучения русского языка как иностранного появляется новый вид деятельности – работа с фразеологизмами, что в значительной мере способствует формированию лингвокультурологической компетенции студентов. Язык должен осознаваться как феномен культуры страны изучаемого языка, культурно-историческая среда, в которой сосредоточена история, культура, традиции и обычаи народа, населяющего данную страну. Трудности усвоения фразеологизмов связаны с особенностями восприятия данных единиц речи иностранными студентами и обусловлены тем, что изучающие русский язык студенты обладают отличным от русского человека менталитетом, исповедуют другую религию, имеют совершенно не схожий с нашим уклад жизни. Словарный состав языка постоянно пополняется новыми фразеологическими единицами в силу того, что происходящие в жизни общества изменения диктуют условия ввода данных единиц в речь. Особую сложность здесь будут представлять так называемые семантические блоки, при образовании которых может иметь место либо метафорический, либо метонимический перенос. Так, например, фразеологизмы «темная лошадка», «зализывать раны», «карточный домик» и др. могут не иметь соответствующих эквивалентов в родном языке студента или же иметь отличные по набору лексики фразеологизмы со схожим значением. Сложнее обстоит дело с идиомами, составляющими еще один пласт лексики. В данных лексических единицах значение всего фразеологизма не соотносится со значением ни его ведущего компонента, ни его отдельных компонентов. Такие единицы могут носить национальный характер и быть соотнесенными с определенными историческими событиями, фактами, обычаями народа страны изучаемого

языка. В таких случаях без знания подтекста данного фразеологизма перевод для иностранного студента будет сильно затруднен. Примером таких единиц могут служить следующие выражения: «сирота казанская», «как швед под Полтавой» и другие. Необходимо заметить, что осваивая такую лексику в контексте, понимая ее перевод, студент учится отграничивать ее от других свободных сочетаний слов и устанавливать нормативные связи между непосредственно словом и фразеологизмом, чтобы не допустить неправильной интерпретации при переводе текстов в будущем и избежать дословного перевода определенных контекстуальных сочетаний [3, с. 78].

Список литературы

1. Антонова В., Нахабина М., Толстых А. Дорога в Россию: учебник русского языка (базовый уровень). СПб.: Златоуст, 2015. 256 с.
2. Ахматова А.А. Я – голос Ваш. М.: Книжная палата, 1989. 381 с.
3. Баско Н.В. Русские фразеологизмы легко и интересно: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2003. 152 с.
4. Журавлёва Л.С., Зиновьева М.Д. Обучение чтению (на материале художественных текстов). М.: Рус. яз., 1984. 96 с.
5. Щерба Л. В. О частях речи на русском языке (Избранные произведения по русскому языку). М., 1957. С. 56–57.

УДК 81-25

Н.А. Кретьова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

СЛЕНГ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ЛЕКСИКИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕЛЕСЕРИАЛОВ

В данной статье автор анализирует сленговые слова, использующиеся в телесериале «Друзья». Дает определение понятию «сленг», рассматривает его особенности и подчёркивает необходимость изучения сленговых единиц для эффективного освоения иностранного языка.

Ключевые слова: сленг, американский английский, телесериал.

Язык всегда приспосабливается ко всем изменениям в жизни общества. Его главная функция – служить средством общения. Люди используют язык во всех сферах своей жизни: профессиональной, бытовой, религиозной и

других. Он также помогает людям выразить свои чувства и эмоции, делает их речь уникальной и необычной.

Сленг является важной частью любого языка. Новые сленговые слова постоянно появляются в повседневной жизни. Некоторые слова не задерживаются надолго в языке. Они могут функционировать день, неделю, месяц, а затем становятся устаревшими или полностью исчезают из языка. Другие слова становятся незаменимыми и прочно укореняются в речи людей. Сленг также может быть отражением моды, музыки, литературы, политики и истории. Сохраняя первоначальные маргинальные функции, сленг сохраняет «известную привлекательность в восприятии некоторыми субъектами русского языкового пространства» [1, с. 39]. При этом правильное его использование выступает проявлением коммуникативной культуры носителя языка [2, с. 24].

Сленг – это способ укрепить сообщество, определить, кто к нему относится, и отделить одну группу от другой. Он позволяет людям быть творческими и шутливыми, заставляет их смеяться, быть солидарными с кем-то или, наоборот, обижать [3]. Все мы постоянно придумываем что-то новое в языке, а сленг – это самый творческий вид языка.

Сленг может возникнуть в виде:

- абсолютно нового слова, например, *for good* – *навсегда*, *to have a hunch* – *предчувствовать*;
- нового смысла уже существующего слова, например, *to crush* – *давить, крушить (разг.)* и *to crush* – *убеждать (сленг.)*;
- профессионализмов, например, *a cue* – *текст для репортажа (радио сфера)*; *to dog a watch* – *быть в карауле (армия)*;
- Аббревиатуры, например, *IDK* – *I don't know* (*я не знаю*); *ASAP* – *as soon as possible* (*как можно скорее*).
- конверсии, например, прилагательное “*ancient*” (*старинный, древний*) стилистически нейтральное, никакой пометки в словарях не имеет. Но образованное от него путем конверсии существительное “*ancient*” в значении «*старожил*» имеет помету «сленг».

Едва ли есть ещё один настолько неоднозначный и непонятный термин, как сленг, так что дискуссии по поводу его определения, классификации и лингвистической значимости до сих пор не утихают.

Webster's "Third New International Dictionary" дает следующие определения понятия сленга [11, с. 1354]:

1. Язык определенной группы людей:

- специальный и часто секретный список слов, использующийся определенной социальной группой (чаще ворами и нищими) и обычно считающийся грубым и неприличным;

• жаргон, использующийся и ассоциирующийся с определенной профессией или сферой деятельности.

2. Нестандартный словарь, состоящий, как правило, из неологизмов, произвольно измененных слов и экстравагантных и шуточных фигур речи [11, с. 1355].

Согласно "New Oxford English Dictionary" сленг – это:

- специальный словарь, используемый любыми группами людей с сомнительной репутацией; язык вульгарного и грубого типа;
- вид жаргона определенного класса людей или периода времени;
- разговорный язык, рассматриваемый как язык низкой образованности и содержащий неологизмы или старые слова с новыми значениями [11, с. 1601].

Дэвид Кристал, британский лингвист, определяет сленг как разговорное ответвление языка от стандартного использования; он очень креативный, неординарный и колоритный в образовании [12, с. 103].

Профессор Энн Курзан считает, что сленгу очень сложно дать определение [14]. Джонатан Лайтер, ведущий специалист по сленгу, описывает его как «намеренно грубый, ошеломляющий или развлекательный» [13, с. 307].

Иногда достаточно сложно понять разницу между обычными разговорными словами и сленгом, поэтому в словарях делают двойные пометки: (разг.) или (сленг). Например, *crab* – *краб (разг.)* и *crab* – *ворчать, брюзга (сленг)* [6, с. 84].

В наши дни английский язык стал мировым языком, и его американский вариант сильно влияет на международную норму. Чтобы правильно использовать и понимать язык, необходимо не забывать и о сленге, так как он является важной частью языка. Изменяясь со временем, сленг отражает культуру и историю народа.

Во всех языках есть сленг, но английский язык считается одним из самых лексически богатых и разнообразных в мире, просто потому, что на нем говорят во многих странах. В рифмованном сленге кокни в Великобритании так же, как и в сленге малонаселенных районов в Австралии, часто есть слова, понятные только тем людям, которые выросли в этой местности и говорят на её диалектах [9, с. 164]. Но американский английский язык и, соответственно, сленг, немного отличается от них из-за его значимости в мировом масштабе, главным образом благодаря выходу американского кино, телевидения и музыкальной индустрии на мировой рынок. Примерно для 64% людей американский английский является родным языком. Это больше, чем количество людей, говорящих на вариантах английского языка во всех остальных англоязычных странах вместе взятых, что делает его самой распространенной версией английского языка. Поэтому неудивительно, что люди, изу-

чающие английский язык, находят его американскую версию более легкой для понимания и изучения.

Крупнейший британский сленголог Эрик Партридж говорит о том, что американский сленг является компонентом разговорной речи и просторечия. И литературный (Standard English) язык не может существовать без сленга, так же как и сленг без литературного языка [4, с. 127].

Некоторые сленговые слова используются по всей стране и появляются в телевидении, прессе и музыкальной индустрии. Другие же слова не становятся популярными и используются только в определенных частях США.

Многие сленговые слова становятся неотъемлемой частью английского языка, другие же используются только в определенный период времени, а затем исчезают [5, с. 289].

Большинство сленговых слов недолговечны и быстро дают начало новым словам, так как они теряют свою оригинальность, а вместе с ней и способность удивлять. Например, сленговое слово *“yolo”* (*you only live once*) – *«ты живешь только раз»*, неожиданно стало популярным в 2011 году, но уже в 2012 году утратило свою оригинальность. Широкое распространение аббревиатура получила после того, как ее использовал в своей песне *“The Motto”* рэпер Дрейк, но с течением времени песня перестала быть популярной, как и само сленговое выражение. Некоторые слова становятся общепринятыми, как *banter* – *добродушное подшуточивание*, *tribe* – *группа людей*, *bubble* – *душевное убежище*. Другие сленговые слова остаются в сленге на долгое время, как, например, слово *cool* – *клевый*.

Стоит проанализировать английский сленг через повседневные бытовые фразы, без которых язык был бы не полным и не имел бы развития. Настоящий живой язык можно узнать через бытовые разговорные фразы, которые носители употребляют в своей повседневной жизни. Сленговые слова помогают языку развиваться. Сленг необходимо изучать, чтобы правильно понимать людей и общаться с ними. Раскрыть весь колорит английского, погружая нас в мир живой речи, как она есть, помогают, например, телесериалы. Одним из таких ярких и показательных в этом отношении сериалов является телевизионное комедийное шоу (ситком) «Друзья».

«Друзья» – возможно одно из самых популярных ТВ шоу в США. Его показывали на канале NBC с 1995 по 2004 год. В нем 10 сезонов, и сейчас его также можно увидеть на еще нескольких каналах, как в США, так и в других странах.

Как и подразумевает название, «Друзья» это шоу о шести друзьях, которым слегка за 20 и которые живут в Нью-Йорке. Сюжет вращается вокруг трех парней и трех девушек, каждодневно проводящих свое время в кофейне “Central Perk”. У каждого из персонажей своя история жизни, но каким-то образом они встретились и подружились. Обстоятельства их дружбы показа-

ны в шоу через флэшбеки. Главная притягательность шоу – это то, что оно о людях, которые пытаются выяснить, что делать с их жизнью: какие отношения у них будут, на какую работу они устроятся, с какими сложностями при переезде они столкнутся. Зрители увлечены всеми этими вопросами о переезде от родителей, становлении взрослым и выяснением, кем они хотят быть в будущем, так как сами столкнутся или сталкиваются с этим в реальной жизни.

В то время как другие ситкомы строили свой сюжет вокруг семейной жизни, «Друзья» стал первым ситкомом, который изменил направление и поставил во главу угла дружбу, которая является важнейшей частью жизни подростков и взрослых. Все шесть персонажей уникальны, но в то же время их характеристики знакомы зрителю, потому что у каждого есть друг, схожий по характеру с персонажем из «Друзей». Более того и сам зритель сможет увидеть какие-то свои черты в одном из главных героев ситкома:

- Рейчел Грин – девушка, выросшая в богатой семье и имеющая слабое представление о взрослой и самостоятельной жизни.
- Моника Геллер – перфекционистка, властная, амбициозная, с навязчивыми идеями, которые периодически дают о себе знать.
- Фиби Буффе – странная, эксцентричная, с мягким характером девушка-музыкант с тяжелым прошлым.
- Джоуи Триббиани – обаятельный, наивный парень, мечтающий стать актером и пользующийся вниманием у девушек.
- Чендлер Бинг – парень, который часто подшучивает над своими друзьями, но в то же время довольно несчастный персонаж из-за своего тяжелого прошлого.
- Росс Геллер – самый умный из шести друзей, но в то же время причудливый и немного неуклюжий парень.

Но не только узнаваемость персонажей сделало это шоу популярным, а также комбинация понятного юмора и отсылки к общественным темам. «Друзья» это смесь наблюдательной комедии, кажущихся неуместными неожиданных элементов, сарказма и спланированной кульминации.

Этот сериал идеально подходит для изучения живого английского языка и вариативности речевого поведения [8]. Каждая серия «Друзей» наполнена смешными искрометными шутками, некоторые из которых настолько яркие и запоминающиеся, что быстро откладываются в памяти. А интересный, легкий сюжет и желание узнать, что же будет происходить дальше с персонажами, делает процесс обучения незаметным и увлекательным.

Так, например, заметив выражение “*Grab a spoon*”, не спишите переводить его, как «*схватить ложку*», ведь у него есть совсем другое значение. В сленговом словаре оно переводится как «*не отчаивайся и возвращайся в игру*».

Данная фраза употребляется в ситуации, когда кто-то расстался со своей второй половинкой и ему советуют не расстраиваться и найти кого-то нового.

Простое и легко запоминающееся выражение *“Fixate on somebody or something”* означает *«заикливаться на ком-либо или чем-либо»*. Эту фразу мы можем слышать от Росса, когда его друзья постоянно вспоминают причину развода Росса и его жены, и он с экспрессией спрашивает у них: *“Why does everyone keep fixating on that?”*.

В сериале можно также услышать выражение *“Hit on somebody”*. Отдельно слово *“hit”* переводится, как *«ударить»*, но в данном выражении оно означает *«флиртовать с кем-то»* или *«клеиться к кому-то»*. Мы слышим эту фразу в реплике Моники, когда она обращается к Джоуи: *“Joey, stop hitting on her”*.

Если переводить дословно выражение *“Buzz somebody in”*, то оно не имеет никакого смысла, поскольку *“to buzz”* переводится как *«звонить, сигналить»*, *“in”* – предлог *«в, внутри»*. Но в сленговом варианте данное выражение означает *«впустить кого-то в дом»* с помощью домофона. В сериале мы слышим это выражение от Моники, просящей Чендлера впустить ее парня: *“Buzz him in”*. В повседневной жизни данная фраза очень полезна, так как большинство домов оснащены домофонами.

Очень полезное и бытовое выражение *“Roll with the punches”*. Фразовый глагол *“to roll with”* переводится как *«смириться с чем-то»*, а слово *“punch”* означает *«удар»*. Оно описывает ситуацию, когда все в жизни идет не по плану и приходится адаптироваться к новому порядку вещей и двигаться вперед, а не жаловаться на то, как все плохо. Данную фразу мы слышим в разговоре между Россом и его бывшей женой:

– *It’s funny, um, uh, we agreed we’d spend the rest of our lives together.*
– *Things change, roll with the punches”*.

Также стоит отметить выражение *“Well up”*, что в переводе означает *«слезы на глазах»* или *«слезы наворачиваются»*. Очень употребительное выражение в ситуациях, когда происходит что-то очень хорошее или, наоборот, что-то грустное. В сериале эта фраза употребляется в моменте, когда Росс рассказывает Моники, что она скоро станет тетей:

– *Wh... are you welling up?*

– *No.*

– *You are, you’re welling up. You’re gonna be an aunt”*.

Еще одна находка – это выражение *“Freak out”*. Оно является довольно распространенным в устной речи. Вообще слово *“freak”* переводится как *«уродец»*, *«чудак»*. В сериале Рейчел произносит фразу: *“I like I really freaked out and that’s when it hit me: how much Barry looks like Mr. Potato Head”*, где *“freak out”* переводится как *«офигеть»* или *«обалдеть»*, а в других случаях можно и как *«выход из зоны комфорта»*, или *«быть в бешенстве»* [9, с. 132].

Интересное сленговое слово “*Flupie*” употребляется в значении: «когда жизнь становится совершенно непредсказуемой, и ты не имеешь ни малейшего представления о том пути, по которому идешь». Это прилагательное было изобретено главной героиней Фиби, и оно является антонимом к словам «спланированный», «понятный». В сериале мы можем услышать это слово в диалоге между Фиби и Рейчел, когда они разговаривали о прошлой и настоящей жизни Рейчел:

“– *Everything was figured out and now everything's like. . . .*
– *Flupie?*”

Простое и легко запоминающееся слово “*Cheesy*” не имеет ничего общего со словом “*cheese*” – сыр. Оно используется для обозначения чего-то или кого-то очень милого, сладкого, как будто специально старающегося быть таким. В сериале мы слышим это слово в данном предложении: “*I don't really like Joe. There's something a little bit cheesy about his personality. He never really acts like himself. He's a little bit too nice if you ask me*”.

Еще одной находкой, раскрывающей нам культуру американцев, является фраза: “*If you can finish a 32-ounce steak, it's free*”. Дело в том, что в некоторых американских заведениях существует традиция: тот, кто съедает самый большой стейк весом почти в 1кг за определенное время, тот за него не платит [9, с. 196].

Таким образом, в сериале «Друзья» приведены фразы, которыми пользуются носители языка в реальной жизни. Этот сериал является очень полезным для изучения языка и помогает зрителям окунуться в атмосферу и культуру американцев.

Изучение американского уличного сленга необходимо для понимания роста и эволюции английского языка. Забавные американские сленговые слова состоят из придуманных слов и старых слов с новым, расширенным значением. Сленг развивается благодаря попыткам найти новые, свежие, энергичные, яркие, язвительные или смешные выражения.

Сленг – это не только способ выразить свои эмоции, но и также возможность отнести себя к определенной социальной, возрастной, профессиональной группе, ведь «неприятие или неодобрение стереотипов коммуникативного поведения, характерных для представителей другой культуры, создает трудности в общении, значительно снижая его эффективность» [7, с. 25]. Для изучающих иностранный язык это инструмент познания картины мира изучаемого языка, приобщения к традициям иностранной культуры, приобретения навыков эффективной межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Беспалова Е.А. Леонова О.С. Русский молодежный сленг в ракурсе современного языкового развития // Стратегия развития региональных СМИ: проблемы и перспективы: материалы Всерос. заочной науч.-практ. конф. школьников, студентов и аспирантов. Курск, 2017. С. 37–43.
2. Беспалова Е.А., Карцева О.В. Влияние фактора профессиональной специализации радиожурналиста на его коммуникативную культуру // Новый взгляд на проблемы современного языкознания: материалы VII Междунар. науч. конф. школьников, студентов и аспирантов. Курск, 2016. С. 24–29.
3. Виноградова М.В., Леонова О.А. Специфика функционирования сленга в молодёжных интернет-изданиях (на материале отечественных и зарубежных медиа) // Стратегия развития региональных СМИ: проблемы и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Н.И. Степыкин (отв. ред.) [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2020. С. 30–38.
4. Волошин Ю.К. Общий американский сленг: состав, деривация и функция. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2000. 341 с.
5. Орлов Г.А. Современная английская речь. 2-е изд. М.: Изд-во «Мир», 2012. 306 с.
6. Саляев В.А. Лексика арготического и жаргонного происхождения в толковых словарях современного русского языка: дис. канд. филол. наук. М.: Изд-во МГУ, 2001. 195 с.
7. Степыкин Н.И. Small talk: рекомендуемые и конвенционально запрещенные темы (на материале английского языка) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2014. № 4. С. 25–29.
8. Степыкин Н.И., Полхова Ю.А. Анализ коммуникативных стратегий и тактик в ситуации конфликта (на материале телесериала Scrubs) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 37, № 3. С. 442–450.
9. Burke D. Street Talk. How to Speak & Understand American Slang. Los Angeles: Optima Books, 2010. 270 p.
10. David Crystal, English as a Global Language. Canto Classics 2nd Edition, 2012. 224 p.
11. Lighter J.E. Random House Historical Dictionary of American Slang. N.Y.: 5th ed. N.Y.: Educational Series, Inc., 2000. 695 p.
12. New Oxford English Dictionary, 3 edition. Oxford University Press, 2010. 2112 p.
13. Webster's "Third New International Dictionary". Publisher: Merriam-Webster, 1993. 2662 p.
14. URL: https://www.ted.com/talks/anne_curzan_what_makes_a_word_real.

УДК 1751

Лео Федерика

*Университет «Альма Матер Студиорум», Болонья, Италия;
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», Белгород*

ОБИДНЫЙ ДИСКУРС В ТЕЛЕДЕБАТАХ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ЕВРОПЕЙСКИМИ СТРАНАМИ

Данная работа выполнена в рамках теории речевого воздействия и теории дискурса. В статье даётся общая характеристика политического дискурса в теледебатах. Актуальность рассматриваемой проблемы определяется важностью изучения политического дискурса и его жанров, а также недостаточностью освещения жанра политического дискурса в теледебатах в лингвистической литературе.

Ключевые слова: *политический дискурс, теледебаты, виды масс-медийного дискурса, средства речевого воздействия.*

Статья посвящена теме политического дискурса в теледебатах, сущность работы заключается в описании стратегий речевого воздействия, реализуемых политиками при участии в теледебатах. Настоящее время отличается растущей значимостью масс-медиа. Каждый год возникают новые форматы телевизионных передач: ток-шоу, реалити-шоу и т. п. Теледебаты всегда привлекали огромное внимание исследователей. Причина заключается в том, что они являются смежным объектом исследования для целого ряда гуманитарных дисциплин: политологии, социологии, психологии и, конечно же, лингвистики.

Исследования языка масс-медиа в наши дни весьма актуальны, поэтому описание лингвистических воздействий масс-медийного дискурса на человеческое сознание является важным вопросом. Теледебаты представляют собой жанр политической речи, обладающий сильным воздействующим эффектом. Считается, что именно успешное вступление политика на теледебатах влияет на голосование.

В статье проводится анализ основных речевых стратегий, используемых участниками теледебатов. Политический дискурс в теледебатах имеет свои типичные особенности и может быть рассмотрен как проявление стратегической коммуникации. По мнению автора, в нашей эпохе, когда медиатизация личной жизни человека растёт день ото дня, несомненный интерес

представляет умение народа декодировать стратегии и тактики, используемые политиками в речи.

Теледебаты – самый использованный политиками жанр масс-медиа, благодаря своим важнейшим особенностям: диалогичность и зрелище. Дускаева называет диалогичность – выражение в речи взаимодействия двух или нескольких смысловых позиций – фундаментальным свойством всех публицистических текстов [2, с. 3]. Теледебаты привлекают внимание, потому что их участники воспринимаются как два соперника, обсуждение темы в рамках теледебатов становится соревнованием, и самые дебаты – борьба двух соперников. По словам исследователя М. Сороченко, зрители с удовольствием переключаются на теледебаты – которые являются жанром дискурса – поскольку они сохраняют главную черту, присущую спортивным состязаниям – соревновательность [5]. Теледебаты внесли политическому дискурсу привлекательную и захватывающую окраску особенно для тех, кто не интересуется политикой. Специалисты, пенсионеры и даже студенты, в целом не проявляющие значительного интереса к политике, вдруг начинают задаваться вопросом: а кто же победит? Так как дебаты воспринимаются как соревнование, следовательно, сам результат дебатов воздействует на слушателей. Победителя они считают правым независимо от правоты его утверждений. Эмоциональная борьба является свидетельством соревновательности политического дискурса, она идёт на пользу и политикам и самой программе. Например, ссора Собчак с Жизновским, которая произошла в 01 марта 2018 увеличила аудиторию программы на 50%. Дискуссию посмотрели в два раза больше зрителей, чем обычно собирали в программе, об этом свидетельствуют данные исследовательской компании MEDIASCOPE. Эти данные также свидетельствуют о важности, которую теледебаты приобрели в современном обществе. Как утверждает Шейнов в своей работе, чтобы быть избранным политик должен решить следующие задачи:

- 1) стать известным, то есть стать публичным политиком;
- 2) сформировать свой политический имидж;
- 3) сделать этот образ более привлекательным, чем у конкурентов.

При этом теледебаты, гарантируя максимальный уровень видимости, содействуют успеху политика.

Технически теледебаты должны отвечать жестокому регламенту, однако современные теледебаты лишь частично соответствуют традиционному формату, и наблюдаются частные нарушения правил со стороны политиков. «Представленный публике диалог политиков почти всегда менее формальным, чем принято: участники часто перебивают друг друга, вступая в словесную ссору. В результате дебаты превращаются на перепалки кандидатов, хотя обычно, процедура должна быть более формализованной» [6, с. 8]. Сегодня самый массовый «потребитель споров» – телезрители. Тем не менее мно-

гие из них не понимают словесные ссоры политиков, поэтому зритель определяет на чьей стороне победа, опираясь на внешних признаках. «Кто больше всех производит впечатление убежденного в своей правоте человека, тому и больше верят» [8, с. 125]. Из этого следует тот факт, что все политики перед тем, как приняли участие в теледебатах, тщательно подготовили не только свои выступления, но и свой личный имидж. Особое значение в восприятии образа кандидата, который участвует в теледебатах, отведено визуальному компоненту. Этот компонент включает в себе, в первую очередь, одежду. Например, итальянский бывший министр внутренних дел Маттео Сальвини при участиях в каких-либо теледебатах, вместо костюма, который все участники носят согласно правилам дресс-кода политиков, носил куртку формы карабинеров. Он не имел право её носить, потому что никогда не был членом армии, но этот выбор не случаен. Поскольку полицейское насилие на улицах был ключевой темой всех его выступлений (в связи с безопасностью) выбор носить эту куртку является доказательством двух фактов: 1. он хотел завоевать расположение публики. Нося куртку, он выдавал себя за члена армии, за человека, который всегда будет на стороне членов армии, милиции, полиции и т. п. Выбор надеть куртку также можно считать стратегической коммуникацией, поскольку, как утверждает Шейнов в своей книге, «одинокий человек чувствует себя незащищенным. Отсюда потребность принадлежать общности. Мы лучше относимся к своим землякам, людям своей национальности и самого вероисповедания, потому что мы боимся выпасть из общности, из группы к которой принадлежим» [Там же, с. 9]. Всеми этими потребностями ловко пользуются все политики, если Сальвини считают членом армии, то он достоин её поддержки. 2. Представившись как член полиции, в то же время он приписывает себе право править ей.

Речевое поведение политиков имеет свои особенности: у каждого политик есть свои публичные речевые характеристики, которые отражают свою личность, именно от выбранных политическим штабом речевых стратегий часто зависит политическое будущее кандидатов. «Разница в образе политиков, созданная на экране, является ярким примером персонификации политических вопросов – ещё одной характерной чертой теледебатов» [3]. Тем не менее, когда политики участвуют в теледебатах, наблюдаются некоторые сходства в их речевых поведении: во время теледебатов речь политиков войдет в рамку ряда коммуникативных стратегий и тактик, которые являются стандартными для всех участников. На основе этих особенностей можно определить общие коммуникативные стратегии и указать сходства и различия между политиками.

Существует несколько тактик, способных достичь победы в публичных дебатах, однако описывать все тактики, или просто перечислить их в настоя-

щее время невозможно. Тем не менее, считаем необходимым анализировать наиболее важные, чтобы узнавать их в теледебатах.

1. Простые слова: чем меньше заумных слов, тем лучше. Нужно использовать повседневный язык своей аудитории.

Надо подчёркивать, что во время теледебатов диалог осуществляется на двух уровнях: диалог с ведущим или оппонентом и диалог со зрителями. Как выделяет Рассинская «масс-медийный политический дискурс всегда направлен на зрителя, создается для него и на него же воздействует. Все, что говорит кандидат, адресовано уже не его политическому оппоненту, а аудитории в целом. Именно на нее он хочет воздействовать своими речевыми стратегиями, именно ею пытается манипулировать». Именно на телеаудиторию адресован диалог политика, и, следовательно, именно по этой причине он употребляет очень простой стиль речи. Как прекрасно подчеркивает Шейнов в своей работе «у толпы много голос, но мало мозгов» [8, с. 10] поэтому речь, обращенная к массам, всегда имеет характеристики присущие речи, адресованной детям школьного возраста. В большинстве пропагандистских выступлений, осуществляющих во время теледебатов отсутствуют сложные предложения, вычурные выражения, и вообще длинные слова. «Использование существительных и глаголов повышает убедительность выступления, прилагательные и наречия наоборот загромождают текст и делают его малопонятным» [3, с. 113]. Иными словами, тем меньше малопонятных слов, тем лучше. Существуют яркие причины, которые определяют использование такого стиля речи. В своём работе Шейнов уделяет внимание на тот факт, что «у массы нет антенны для тонкой логической проблемы. Она хочет слышать ясные мнения и сильные суждения. Человек в массе уменьшает его способность к критике» [8, с. 10] Телезрители, которые можно считать массой легче реагируют на эмоции, из этого происходит большой успех теледебатов. В своих выступлениях политики часто формулируют легко запоминающиеся слоганы, такие как «America First», созданный Дональдом Трампом, или «Prima gli italiani», созданный министром Маттео Сальвини. Вместе с этими слоганами они часто приводят упрощенческие, но сильные суждения, такие как «мигранты отбивают хлеб у нас» или «Европейский Союз украдёт наши деньги». Даже если эти утверждения оказываются полными лжами, они быстро распространяются и сразу становятся чистой правдой для многих.

Как мы уже отмечали, политик должен использовать повседневный язык своей аудитории, он должен быть как можно ближе к своей аудитории. Людям нравится, когда видимое и слышное отвечает их взглядам. Соответствие образа политика представлениям публики также является внеязыковой стратегией политического дискурса. Карьера многих политических деятелей состоялась благодаря тому, что они смогли выглядеть как обычный человек народа. Например, лидер правой партии Fratelli d'Italia Джорджа Мелони во

время избирательной кампании начала своё выступление известной фразой «я – женщина, я – мама, я – христианская». Подобным образом кандидат на пост президента США Хиллари Клинтон в своей избирательной кампании начала своё выступление фразой «я такая же, как все женщины». Они стараются выгладить похожим на народу настолько это возможно, ведь в конечном счете избиратель отдает свой голос не за бумажную программу партии или кандидата, а за человека, ее представляющего.

При этом для того, чтобы декодировать посылаемые сигналы, сохранять приверженность собственному мнению и не поддаваться манипулированию зрителям надо проводить адекватный анализ, но не у всех есть возможность, умение и даже желание его проводить. Кроме того, как мы уже утвердили, политики стараются во что бы то ни стало избегать критического анализа. В их дискурсах нет обсуждений, размышлений, нет соотнесений высказываний с контекстом. Мнения поддаются как прогнозы, как апелляции к будущему страны. Углубление темы и популяризация являются скучным для телезрителей, поэтому политикам надо распространять сложные вопросы самым простым образом. Вся информация поддается стереотипами, чтобы человек воспринимал информацию без усилий и внутреннего анализа. Как специально акцентирует Шейнов в своей работе, в массе способность человека к различению и размышлению ограничена. «Он склонен к черно-белым краскам. На первое место выступает инстинктивное и иррациональное» [Шейнов 2006:10]. Поэтому вторым тактиком достижения победы в теледебатах является концепция «свой-чужой». Политики специально создают образ какого-либо врага, с целью на него направить все страхи и всю ярость народа. Потом, отождествляя себя с народом они отвечают на все критические замечания фразой «кто не с нами – тот против нас». Создание образа врага пригодится и для того, чтобы отвлекать внимание людей от важных проблем и решений, принимаемых политиками. Культивируя чувство страха этой прозрачной опасности политики отвлекают внимание граждан от настоящих социальных проблем, переключая его на темы, не имеющие особого значения.

Третий способ достижения победы в теледебатах является манипулированием информацией. Существует ряд способов манипулирования информацией с целью скрытого управления адресатом, которые Шейнов в своей работе кратко излагает по трём направлениям:

- искажение информации: варьирует от откровенной лжи до частных деформаций, таких как подтасовка фактов. Когда, допустим, борьба за право какого-либо меньшинства подается как борьба против интересов большинства. Самым известным примером является борьба за права ЛГБТ-сообщества, которую в теледебатах многие политики представляют как угроза для христианского общества;

- способ передачи информации: играет важнейшую роль поскольку позволяет сообщить содержание необходимым его отправителю образом. Самым распространённым способом является одновременная передача двух разных проблем. Например, политики часто соединяют два разных вопроса в один, найдя одну общую причину для обеих. Таким образом политик наводит получателя информации на вполне однозначные выводы;

- гораздо чаще используется метод частичного освещения или избирательной подачи материала, таким образом, что на самом деле присутствует лишь сущность проблем и видимость передачи её, а она не передаётся вовсе.

Таким образом, участие в теледебатах позволяет кандидатам достичь огромной известности, поэтому самое важное для них является возможностью появиться на телевидении, а не победить в споре с оппонентом. Козырная карта кандидата находится в возможности высказывать свои мнения перед широкой аудиторией таким образом, чтобы они были услышаны многими людьми. Сегодняшние политики стараются принять участие как можно больше в теледебатах, чтобы их вездесущность становилась знаком их успеха. Кроме того, постоянное повторение мнения одного и то же политика во многих теледебатах позволяет данному сообщению укрепиться в массовом сознании. Эта схема даёт хорошие результаты во всех странах, поэтому можно утверждать, что теледебаты – безусловный способ неосознаваемого воздействия на гражданина.

Список литературы

1. Алёшина Е.Ю. Публичный политический дискурс конфликтной ситуации: монография. М.: Прометей, 2015. 220 с.
2. Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных жанров. СПб., 2012.
3. Лагутина О.В. Избирательные кампании и СМИ: учеб. пособие; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2014.
4. Павлова Н.Д. Средства воздействия в масс-медийном дискурсе: сравнительный анализ теледебатов, телебесед и ток-шоу // Мир Науки, Культуры, Образования. 2012. № 2 (33).
5. Сороченко В.В. Теледебаты как избирательная технология. 2002. URL: <https://psyfactor.org/debaty.html> (дата обращения: 18.04.2020).
6. Тымбай А.А. Коммуникативные стратегии американских политологов // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9, № 1. С. 105–123.
7. Усманова С.Р. Влияние предвыборной агитации на выбор избирателей: на примере федеральных выборов 2007–2008 гг. // Мониторинг общественного мнения. 2008. № 1 (85). Январь – март.
8. Шейнов В.П. Скрытое управление человека АСТ. Харвест, 2006.

УДК 378.02:372.881.1

О.А. Леонова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

СПЕЦИФИКА ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РАМКАХ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

В статье проанализированы специфические особенности дистанционного обучения, разработаны методические указания для дистанционного преподавания английского языка.

Ключевые слова: лингводидактика, теория и методика преподавания языков, дистанционное обучение, иностранный язык, английский язык.

Пандемия коронавирусной инфекции наложила свой отпечаток на все общественные процессы, и образование не стало исключением. Образовательный процесс теперь приходится подстраивать под новые реалии, поскольку школы, колледжи и вузы перешли на современную форму обучения – дистанционное образование. Дистанционное образование (далее ДО) было введено в России в середине марта 2020 года для предотвращения развития COVID-2019. Из-за режима самоизоляции в стране и перехода обучения в «онлайн» данная тема исследования является актуальной, поскольку в рамках ДО обмен учебной информацией происходит при помощи технических средств на расстоянии, что является важным при сложившейся ситуации в мире. Данная проблематика актуализировала необходимость развивать ДО и внедрять данную форму образования в учебные заведения. Однако не стоит забывать, что какая бы форма обучения не использовалась, она должна соответствовать и отражать общие закономерности науки педагогики, педагогической психологии, закономерности дидактики и частных методик.

Дистанционное обучение – это единое информационно-образовательное пространство, основу которого составляют информационно-коммуникационные технологии. Современные информационно-коммуникационные технологии представляют собой целый комплекс средств обучения иностранным языкам: мультимедийные обучающие программы и словари, прикладные и специализированные лингвистические программы, огромное разнообразие ресурсов Интернета – учебные и методические пособия, наглядные аутентичные материалы на иностранных языках, образовательные веб-сайты, аудио- и видеоресурсы [1]. Как и в классической системе образования, так и в дистанционной, функционируют основные роли участников образова-

тельного процесса – учитель, ученик и учебные материалы. Все роли образовательного процесса находятся в непрерывном взаимодействии друг с другом.

ДО с каждым годом становится все популярнее. Это связано с тем, что Россия – страна с обширной территорией и с неравномерной плотностью населения. Однако применение ДО в учебном процессе без соответствующей методической подготовки может привести к дискредитации ДО как формы обучения. Отсутствие единой концепции, недостаточность информации о специфике ДО, малое количество практического применения может привести к тому, что многие люди будут скептически относиться к подобной форме обучения. Поэтому в России мало учебных заведений, которые предоставляют возможность получения образования таким способом.

ДО, как и традиционное образование, имеет свои специфические цели:

- введение и использование в учебном процессе современных технологий, и создание, посредством этого, образовательного пространства;
- стимулирование самостоятельной работы учащихся;
- переход от репродуктивного обучения к креативному [2, с. 92].

Опираясь на поставленные цели, ДО решает следующие задачи:

- сертификация знаний – проверка знаний учащихся с помощью контрольных и итоговых заданий/тестов;
- создание обратной связи с учащимся – контроль освоения учебной программы учащимся.

ДО, с учетом использованных технологий, может быть синхронным и асинхронным. Особенность синхронного обучения заключается в том, что учебный процесс происходит в режиме реального времени на базе виртуальных аудиторий. Асинхронное обучение предназначено для тех, кто работает или совмещает работу и учебу, кто способен самостоятельно проанализировать требуемую информацию, разобраться в ней и освоить.

В современном информационном обществе существует несколько видов дистанционных образовательных программ. Все имеющиеся образовательные ресурсы, например, образовательные курсы по какой либо дисциплине, языковые курсы и пр., условно делятся на две категории:

- первая группа: учебные курсы, которые приравниваются к полноценному образованию, после завершения которых обучающийся получает диплом государственного образца;
- вторая группа: образовательные курсы, предоставляющие желающим подробную информацию для освоения какой либо дисциплины или предмета [3, с.14].

В настоящее время существуют разные модели ДО. В зависимости от выбранной модели, разработка учебных программ строиться по разному.

Выделяют четыре модели дистанционного обучения:

– интеграция очных и дистанционных форм обучения;
– сетевое обучение;
– кейс-технологии [3, с.16];
– обучение на основе видеосвязи (интерактивное телевидение – Two-way TV, компьютерные видеоконференции, спутниковая связь) [4, с. 233].

Как и очная форма обучения, в ДО ключевой составляющей является взаимодействие/обратная связь обучающегося и преподавателя. Данный элемент невозможно исключить даже в ДО, поскольку взаимодействие способно формировать коммуникативную компетенцию. Поэтому первоначальным этапом разработки методики преподавания является постановка целей обучения. Если перед преподавателем не стоит задача развить речевые навыки, то используется сетевая модель обучения. В данном случае имеется в виду обучение таким видам речевой деятельности, как: чтение, письмо, аудирование, электронные курсы и т.п.

Разработка учебных программ по изучению иностранных языков может строиться на основе сетевой модели или сетевом обучение + кейс-технологий. Кейс-технология часто используется тогда, когда обучение основывается на традиционных учебниках, CD, дополнительных пособий, подобранных организаторами кейс-курса, которые рассылаются по электронной почте или же их можно самостоятельно найти на сайте кейс-курса. Сайт кейс-курса предоставляет возможность не только получить нужные материалы, но и ознакомиться с административным блоком и блоком коммуникации (форумы, чаты, веб-квесты) [5, с. 85].

Методика ДО является одной из самых молодых, поскольку ДО развивается и внедряется в учебный процесс довольно медленно. Данная форма образования, до недавнего времени, не применялась в изучении иностранных языков. Несмотря на то, что функционировали заочные курсы изучения языков, которые сопровождалась печатным материалом, аудио- и видеоматериалом, обучающимся было тяжело овладеть иностранным языком без помощи преподавателя. Между тем велись постоянные поиски обучения иностранным языкам на расстоянии. С появлением сети Internet возможности изучать иностранные языки стала более реализуемой. Но даже с увеличением количества подручных технических средств, в современном обществе нет дистанционной методики обучения иностранному языку с учетом всех специфических особенностей овладения языком [6].

Прежде чем говорить о методике ДО, следует разобраться с содержательной и методологической частью программы. При составлении программы по дистанционному изучению английского языка учитывается то, что обучение строить на специфической основе – обучающийся получает уже готовые задания, которые в дальнейшем должны стимулировать его на поиск

новых дополнительных материалов для самостоятельного ознакомления с языком [7, с. 274]. При этом не стоит забывать о принципе новизны выбираемого материала, которые будут способствовать не простому заучиванию, а развитию речевых навыков [8].

Методика преподавания имеет свои характерные черты, но все же она схожа с принципами других методик, поскольку принцип коммуникативности является базовым [9, с.133].

Основным аспектом изучения английского языка по средствам ДО является установление цели и задач, с помощью которых составляется учебная программа, которая направлена на результативное овладение языком. Целью изучения английского языка посредством ДО является ознакомление с основами культуры иноязычной речи на иностранном языке, формирование устойчивого представления об иностранном языке как инструменте эффективного межкультурного общения в повседневной жизни и средстве профессионального совершенствования [8].

Занятия организовываются следующим образом – аудиторные занятия, самостоятельная работа студентов. Курс английского языка был направлен на освоения языка за короткий период времени.

Задачами данного курса являются:

- усовершенствование навыков и умений грамотного письма и говорения на английском языке;
- формирование и отработка навыков и умений ведения переписки, телефонных разговоров, личного общения в неформальной обстановке;
- содействие воспитанию культуры общения;
- расширение эрудицию, лингвистического и общего кругозора обучающихся [10, с. 10].

При дистанционном овладении английским языком чаще всего используется коммуникативно-деятельностный подход, который является базовым методом при изучении иностранных языков. Данному методу присущи следующие характерные черты:

- субъектом учебной деятельности является обучающийся;
- максимальный учет индивидуальных черт обучающегося;
- организация занятий как учебной деятельности, направленной на постановку и решение учащимися конкретной учебной задачи.

Поскольку овладение английским языком по средствам ДО направлено на освоение материала за короткий период времени, то целесообразно говорить о комбинированном методе, который включает в себя:

- метод активизации;
- суггестопедический метод;
- эмоционально смысловой [11, с. 135].

В ДО существует два пути овладения языком:

– словесные: лекции, беседа, монолог, интервью и пр.;

– практические: выполнение устных и письменных тренировочных упражнений.

К использованным средствам обучения относятся: слайды, презентации, конспекты лекций, электронные источники, мультимедийное оборудование, учебники и учебные пособия, методические разработки, Интернет-ресурсы, видеоматериалы и мультимедийное оборудование.

По своей структуре ДО является модульной системой, поэтому обучающийся может сам корректировать объем материала, которым он хочет овладеть [12, с. 78].

Учебный материал дисциплины должны быть составлены доступным языком, четко и последовательно, каждую часть программы стоит сопровождать пояснительной запиской, в которой необходимо доступно и поэтапно описать то, как обучающийся должен работать с полученным материалом. После знакомства с пояснительной запиской, обучающийся может приступить к освоению английского языка в удобное для него время, в удобном месте, и в том темпе, в котором он может результативно усваивать новый материал. Пояснительная записка является неотъемлемой частью любой учебной программы, поскольку с помощью данной инструкции преподаватель оказывает помощь обучающемуся, направляя его работу в нужное русло.

От организации и изложения учебного материала зависит успех освоения языком. По мнению многих исследователей учебная программа должна включать в себя:

- учебные тексты со списком слов;
- лексические упражнения в тестовой форме;
- грамматические упражнения с ключами в тестовой форме;
- упражнения на понимание содержания прочитанного;
- тренировочный тест, направленный на проверку пройденного материала;
- итоговый тест;
- дополнительный материал по изучаемой тематике.

Отбирая учебный материал преподаватель должен ориентировать насколько активно данные задания вовлекают учащегося в аутентичную и осмысленную коммуникацию [13]. Учебные тексты должны быть оригинальными и разнообразными, содержать полезную информацию по языку. Тексты не должны быть перегружены незнакомой лексикой (не более 20%), должен соблюдаться принцип доступности и посильности. До начала знакомства с учебными текстами, предоставляется список ключевых слов с переводом, чтобы избежать непонимания прочитанного материала. С помощью подобного приема расширяется лексический минимум обучающегося [14, с. 47].

Для закрепления лексического минимума и тренировки используются задания в текстовой форме с обратной связью, чтобы обучающийся сразу мог проанализировать допущенные ошибки. Чаще всего для подобной проверки используются компьютерные тесты. Но у компьютерных тестом есть свои особенности, которые стоит учитывать при внедрении подобного вида контроля:

– ограничения по способам ввода ответной информации при тестировании (ввод слова, символа);

– трудности анализа и оценки нестандартных ответов, использования вопросов творческого характера.

В методике преподавания английского языка в основном используются следующие задания: «В каждой строчке найдите слово, которое не является синонимом», «Соотнесите перевод слов с английским вариантом», «Заполните пропуски в предложениях (1-10) подходящими по смыслу словами (a-i)», «Соотнесите списки слов и найдите синонимы», «Заполните пропуски в предложениях, выбрав правильный вариант из предложенных».

При изучении английского языка большое значение отводится заданиям закрытого типа. Эти задания могут иметь два, три и большее число ответов. В закрытой форме предоставляются готовые ответы, из которых один или несколько правильных. Так же в качестве задания используются вопросы со множественным выбором ответа, заполнение пропусков в тексте, установление соответствий между словами, частями предложений, восстановление последовательности предложений [15, с. 195].

При введении грамматического материала, занятие делится на две части – вначале дается правило с объяснением и примерами, после усвоения теоретической базы, учащийся приступает к тренировочным упражнениям в текстовой форме с ключами. С помощью ключей обучающийся имеет возможность проверить свои ответы. Например, упражнения, требующие перевода с английского на русский язык всегда предлагаются с ключами.

После завершения тренировочных упражнений обучающийся проходит тренировочный тест для фиксации полученных результатов. Если тренировочный тест был пройден меньше чем на 75%, то обучающемуся предлагается изучить материал заново и выполнить тренировочные задания повторно. После чего тренировочный тест решается еще раз. В основном при изучении английского языка используется клоуз-тест. Особенностью данной теста является то, что материал предоставляется в виде связного текста. Успешность выполнения клоуз-теста находится в прямой зависимости от того, насколько быстро испытуемый может понять весь текст и восстановить связи между событиями или состояниями персонажей, описанными в тексте.

В основу клоуз-теста берется связный текст размером 100-150 слов с пропущенными словами. Пропущенные слова представлены перед текстом,

которые необходимо вставить в текст в нужной грамматической форме. При усвоении новой лексики особый акцент делается на то, чтобы учащийся не только запомнил значения слов, но и связывал их с культурно-национальными особенностями народа, поскольку углубляясь в лексическую составляющую языка мы не только изучаем слова, но и исторически сложившуюся систему понятий данного народа, сквозь которые он выражает действительность [16].

Следующее задание – выполнение упражнения на понимание содержания текста. После того, как обучающийся освоил лексико-грамматический аспект английского языка, ему будет легко понять содержание прочитанного. На этом этапе чаще всего используются задания: «Просмотрите и выберите вопросы, рассматриваемые в тексте», «Расположите пункты плана в соответствии с содержанием текста», «Заполните схему», «Заполните пропуски в предложениях, выбрав правильный вариант из предложенных», «Укажите высказывания, которые (не)соответствуют содержанию текста», «Соотнесите тип системы с ее характеристиками» и т.д.) [17, с. 59].

Освоение английского языка заканчивается итоговым тестированием, который включается в себя клоуз-тест и задание по нахождению слов из текста по двум параметрам – количеству букв и их толкованию.

Особую важность в освоении английского языка играет дополнительный материал, который предоставляется со всей учебной программой. В дополнительные материалы могут содержать в себе грамматические справочники, учебники с заданиями, топики на различные темы и пр. Грамматические справочники необходимы, поскольку в них содержится более полное объяснение грамматического строя языка [14, с. 75].

При составлении рабочих программ выделяются следующие требования к результатам освоения дисциплины [8].

Обучающиеся обязаны знать:

- грамматические структуры устной и письменной английской речи;
- лексику национально-культурного общения;
- устойчивые выражения и разговорные глаголы;
- орфоэпические, лексические, стилистические, грамматические нормы и нормы правописания на английском языке.

Обучающиеся обязаны уметь:

- понимать на слух английскую речь;
- воспринимать на слух и анализировать английский текст, содержащий незнакомые слова, в целях извлечения из текста ключевой информации;
- репродуктивно воспроизводить образцы речи;
- развертывать диалоги по фразам-клише;
- синтезировать собственные варианты монолога, диалога или полилога в заданной коммуникативной ситуации;

– участвовать в диалоге в связи с обсуждением содержания текста и аргументировать свою точку зрения;

– работать с профессиональной английской литературой в печатном и электронном виде.

В результате изучения дисциплины обучающийся должен освоить:

Общекультурные компетенции

– способность к абстрактному мышлению, анализу, синтезу;

– готовность к саморазвитию, самореализации, использованию творческого потенциала.

Общепрофессиональную компетенцию

– готовность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и английском языках для решения задач.

Профессиональную компетенцию

– способность обобщать и критически оценивать результаты, полученные отечественными и зарубежными исследователями, выявлять перспективные направления, составлять программу исследований [8].

Таким образом, может сделать следующие выводы:

– ДО – обучение, получаемое людьми на расстоянии, которое происходит посредством технических средств;

– ДО предполагает непрерывное взаимодействие преподавателя с обучающимся, несмотря на то что их может разделять большое расстояние;

– изучение английского языка посредством ДО возможно и актуально;

– благодаря ДО изучать английский язык может любой желающий [17, с. 175].

Таким образом, дистанционное обучение является современным способом получения образования, которое способствует не только изучению многих дисциплин, но и развивает способность самостоятельно анализировать и синтезировать тот материал, который в какой-либо мере интересует обучающегося. Факторы и примеры, приведенные выше, показывают необходимость создания и внедрения дистанционной формы обучения в России и регионах. Это необходимо для развития квалифицированного, интеллектуального, высокопрофессионального и просто здорового общества. Поскольку современная социокультурная ситуация в стране в период пандемии характеризуется ограничением передвижения, то развитие и функционирование ДО позволило населению нашей страны не только обеспечить доступ к качественному образованию, но и дало России возможность завоевать определенное место на мировом рынке образовательных услуг.

Список литературы

1. Полякова Г.Б., Дудина Е.О. Специфика изучения иностранного языка в рамках телевизионного проекта // Стратегия развития региональных СМИ:

проблемы и перспективы: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. школьников, студентов и аспирантов / отв. ред. Н.А. Боженкова. Курск, 2016. С. 135–142.

2. Дмитренко Т.А. Методика преподавания английского языка в ВУЗе. М.: МЭЛИ, 2016. 92 с.

3. Подопригорова Л.А. Использование Интернета в обучении иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2017. № 5. С. 14–19.

4. Денисова Л.Г. Интенсивная методика на внеклассных занятиях в школе // Иностранные языки в школе. 2016. № 4. С. 6.

5. Раппорт И.А., Сельг Р., Соттер И. Тесты в обучении иностранным языкам: итоги двадцатилетнего эксперимента // Иностранные языки в школе. 2016. № 6.

6. Полат Е.С., Петров А.Е. Общие требования к электронному учебнику, созданному на базе интернет технологий. URL: <http://www.ioso.ru/distant/library/publication/5.htm>.

7. Полат Е.С. Организация дистанционного обучения иностранному языку на базе компьютерных телекоммуникаций: учеб. пособие для вузов // Теория и практика дистанционного обучения / под ред. Е.С. Полат. М.: Академия, 2004. 412 с.

8. Виноградова М.В. Учебно-методические материалы по дисциплине «Английский язык в деловом общении. Курск, 2015.

9. Полат Е.С. Теория и практика дистанционного образования. М.: Академия, 2004. 416 с.

10. Кривошеев А.О. Методология разработки компьютерного учебного пособия // Дистанционное образование. 1998. № 2. С. 265.

11. Акишина А.А., Каган О.Е. Учимся учить: для преподавателя русского языка как иностранного. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз. Курсы, 2017. 256 с.

12. Болотов В.А., Сериков В.В. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе // Педагогика. 2018. № 10. С. 8–14.

13. Полякова Г.Б., Гукова М.О. Реализация коммуникативного подхода на уроках английского языка в концепции иноязычного образования // Сборник материалов VI Международной научной конференции. 2018. С. 267–273.

14. Бутенкова Е.В. Интеграция очной и дистанционной форм обучения иностранному языку в старших классах общеобразовательной школы дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. М., 2017. 270 с.

15. Лапчик Д.М. Дистанционный учебно-методический комплекс// Пед. информатика. 2016. № 4. С. 32–34.

16. Полякова Г.Б., Кулешова С.В. Особенности изучения лексики в межкультурном образовании (на примере русского языка как иностранного) // Сборник материалов VI Международной научной конференции. 2018. С. 273–239.

17. Раппорт И.А., Сельг Р., Соттер И. Тесты в обучении иностранным языкам: итоги двадцатилетнего эксперимента // Иностранные языки в школе. 2016. № 6. 433 с.

УДК 070.31

Т.В. Летапурс, О.А. Леонова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ЯЗЫКОВОЙ ФЕНОМЕН FASHION-ЖУРНАЛИСТИКИ: СПЕЦИФИКА СЛЕНГА В ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ

В статье рассматриваются особенности fashion-журналистики, в частности языковая подача материала; исследуется специфика употребления сленга в статьях англоязычных глянцевого журналов, представленных в интернет-версиях; выявляется специфика реализации трех функций сленга в текстах.

Ключевые слова: язык СМИ; феномен fashion-журналистики; интернет-издания, англоязычные глянцевые журналы, специфика сленга, реализация трех функций сленга.

Современный мир моды изобилует большим количеством событий и мероприятий, которые требуют немедленного освещения в СМИ. В связи с бурным развитием данной индустрии, с ростом потребности общества в новостях, касающихся мира моды, многие исследователи стали говорить о выделении отдельного направления – fashion-журналистики. Наряду с этим термином употребляется и отечественный синонимичный вариант – «модная журналистика».

В.К. Маркелов отмечает, что существенные характеристики, механизмы и закономерности функционирования моды как культурного феномена распространяют свое влияние и на модную журналистику. Им выделены три специфических черты моды как культурного явления:

1. мода – явление *тотальное*; каждый человек имеет отношение к моде;
2. мода – явление *кратковременное*: модные явления со временем меняются или исчезают;
3. мода – явление *доминантное*; в моде всегда возможно выделить ту или иную идею, транслируемую на уровне визуальной коммуникации. Идея

является ядром, вокруг которого возникают различные вариации модных стандартов [1, с. 45].

Следовательно, fashion-журналистика принимает такие характеристики, как тотальность, то есть распространяет свое влияние на общество в целом и отражает все культурные процессы жизнедеятельности человека. «Fashion-журналистика – направление масштабное, функционирующее в различных культурных проявлениях, но вместе с этим и кратковременное явление, являющееся актуальным здесь и сейчас» [2]. И наконец, мода – явление-идея, а журналистика – канал внедрения и распространения этой идеи в жизнь.

К.Ю. Чепурова в статье «Актуальные проблемы становления fashion-журналистики» дает следующее определение: «Модная журналистика – термин, используемый для описания всех аспектов СМИ в сфере моды» [3].

Наиболее яркими примерами fashion-журналистики являются различные статьи в глянцевых изданиях. Правильно выбранная целевая аудитория играет немаловажную роль в выборе подачи информации.

Аудиторию, которой может быть интересно данное направление журналистики, можно разделить на две категории:

- профессионалы, которые занимаются изучением моды;
- простые потребители, которые в какой либо степени заинтересованы модной индустрией.

Самым важным аспектом fashion-журналистики является выявление ее целей и задач.

Для *материалов, нацеленных на профессионалов*, характерны следующие задачи:

- информирование;
- выработка оценок и мнений;
- аналитика рынка;
- решение трудных ситуаций и спорных вопросов;
- поддержка предприятий и создание благоприятного общения участников процесса, которые в дальнейшем могут влиять на развитие и функционирование отрасли.

Для *изданий, ориентированных на обычного потребителя*, характерны рыночные цели, т.е. информирование аудитории о том, что и как носить и где это «что» купить. Именно это и привлекает аудиторию, поскольку для того, чтобы следовать трендам модной индустрии, необходимо знать, что сейчас является актуальным [4].

Fashion-журналистика завоевывает доверие своей целевой аудитории созданием правильных ориентиров в индустрии [5 с. 147].

Тематика fashion-изданий напрямую зависит оттого, как оно себя позиционирует и кто является ее аудиторией. Согласно Г.И. Даниловой, *среди глянцевого изданий* можно выделить две категории:

- *отображение актуального и модного стиля, имиджа* (обычно данная тематика проявляется в стиле текста и сопутствующих фотографиях);
- *акцент на утилитарную сторону жизни* (издания стремятся быть полезными читателям, и содержание их текстов носит содержательный характер) [6].

На российском рынке модной периодики представлено огромное типологическое разнообразие: журналы, газеты, их интернет-версии, еженедельники, вестники, бюллетени, материалы информационных агентств и пр. Вместе с тем, в теории журналистики не существует единственного мнения, что следует точно называть fashion-журналами, а что – нет. Например, традиционно глянцевый журнал «Cosmopolitan» многие считают журналом мод, хотя по тематике это типичное женское издание, в котором представлена модная рубрика. На рынке fashion-изданий есть журналы *только о моде*, к ним можно отнести – «Glamour», «Vogue», «Harper's Bazaar».

Современная пресса, отражающая темы модного мира (подразумевается вся совокупность газетно-журнальной периодики и интернет-источников), делится на *оффлайновую (печатные издания)* и *онлайновую (интернет-издания)*.

Эти два типа прессы имеют свои специфические особенности:

- *издания* являются более оперативным каналом, изобилуют большим количеством информации, материалы подчас содержат информацию провокационную или скандальную;
- *интернет-издания* менее эксклюзивны в сравнении с оффлайновыми, поскольку в них представлена в большинстве вторичная информация, которая либо выдается за первичную, либо перефразируется по-новому.

Журналистика моды имеет достаточно *ограниченный набор жанров*: чаще представлены *корреспонденция, комментарии и интервью*, реже используются *аналитические статьи, обзоры, репортажи*.

Отсутствует художественно-публицистический раздел. Сегодня актуальным становится новое понятие «фикшн» (от англ. «чтово»), представленное эпатажными, наполовину вымышленными историями из жизни и творчества модельеров, топ-моделей и других представителей мира моды» [1, с.33].

Зеркалом моды, проводником модных явлений и трендов в одежде являются популярные глянцевые журналы Glamour, Vogue, Harper's, Bazaar, Cosmopolitan, Elle, которые не только показывают орбиту событий fashion-индустрии, но и создают спрос, побуждают людей желать и покупать те или иные продукты. К особенностям изданий можно отнести изобилие красивых

и красочных фотоматериалов, рекламных акций; оригинальность заголовков; злободневность и актуальность материалов о модных тенденциях.

Именно благодаря таким изданиям в русский язык проникают новые слова и словосочетания, которые быстро становятся часто употребляемыми и звучат у всех на устах.

Количественный анализ лексики моды fashion-изданий показал значительное число сленговых единиц, появление которых связано со стремительным развитием технологий и появлением новых продуктов в данной сфере. Тексты глянцевого журнала, посвященного моде, их интернет-версии позволяют сделать вывод о том, что практически в каждом вышедшем номере появляются значимые разработки, которые при дальнейшем их функционировании получают новое номинирование. Русские специалисты вынуждены использовать оригинальную терминологию, заимствованную из английского языка, для заполнения так называемой культурологической лакуны.

Модный сленг – это наименования предметов модной индустрии, созданные журналистами, редакторами, стилистами и модельерами для обозначения новых или старых понятий в моде [7].

Сленгизмы – это эмоционально-экспрессивные слова, которые молодежь использует для выражения своих мыслей и идей. Эмоционально-экспрессивная составляющая сленговых единиц является важной функцией, позволяющая проанализировать использование сленга представителями разных сфер деятельности для более яркого выражения определенных чувств и переживаний [4]. Модная индустрия является довольно эксцентричной сферой, где каждый день создается и продвигается множество ярких, своеобразных и «будоражающих фантазию» продуктов творческой деятельности. Fashion-события отличаются масштабностью, фееричностью и довольно сложно, а порой и невозможно при описании модных мероприятий обойтись без сленга.

В современном мире есть специальные англоязычные словари, в которых можно найти перевод подобной лексики, например:

- *body-con* – *body conscious dress* – облегчающее платье/платье-футляр;
- *fashionista* – человек, одержимый модой;
- *пальто из TV static твида* – пальто из твида, с узором муар, т.е. ткани с чёрно-белым узором, при котором начинает рябить в глазах [8].

Модный язык, или модный сленг, модельеров и дизайнеров отличается разнообразием и фантазией. Модная индустрия быстро меняется, модные тенденции приходят и уходят, а слова, которые были специально разработаны в качестве новых терминов, продолжают функционировать в языке. Часть этих наименований остаются в использовании и фиксируются в специальных словарях. Другая часть fashion-сленга забывается, поскольку предметы, для которых были заимствованы данные слова, «выходят» из моды. Согласно

британскому изданию «The Telegraph», «по оценке британской сети универмагов «Debenhams», среди обычных людей только один человек из 20 понимает «секретный» язык fashion-мира» [4].

Поскольку модный сленг стремительно развивается и пополняется новыми понятиями, то они не всегда могут быть понятны даже носителям языка. Использование такого сленга может ввести в заблуждение читателя, не понимающего нюансы смысла журналистского текста. В таком случае требуется расшифровка, объяснение значения. Несмотря на данную трудность, глянцево-журналы все равно используют модный сленг в тексте, поскольку в речи он выполняет довольно важные функции: *опознавательную, мировоззренческую и эмоционально-экспрессивную*.

Опознавательная функция проявляется в сокращении некой дистанции между читателем и изданием: «разговор» на молодежном языке позволяет не только заинтересовывать, привлекать внимание молодежи, но и в некотором роде воздействовать. Данная функция проявляется в том, что ее элементы способны служить своеобразным индикатором вовлеченности использующих их людей в коммуникативное сообщество. Поскольку журналисту, работающему в fashion-журналистике, предстоит присутствовать лично на многих модных мероприятиях, то для написания текста стоит знать некоторые сленговые единицы модного мира, например [9]:

1. *Grab a little «me-time» with ELLE Macpherson`s body range* [12].

Me-time – означает время, выделенное для себя, своих хобби или для ухода за собой. Журналисты Glamour употребляют данное сленговое выражение намеренно, поскольку в современном мире, с его загруженным и быстрым ритмом жизни, порой сложно найти время для себя.

2. *Kylie Jenner Doesn't Know What FOMO Is Because She's Never Had It* [11].

FOMO – аббревиатура, образованная от английского выражения – *fear of missing out* – постоянная боязнь пропустить какое-нибудь актуальное и светское мероприятие в данный момент. Это связанное с постоянным желанием просматривать социальные сети и раздражаться из-за невозможности находиться в разных местах, чтобы ничего не пропустить [13].

3. *Rihanna's Instagram Embraces JOMO, Not FOMO* [14].

Противоположный сленгизм *FOMO – JOMO* – аббревиатура от «*joy of missing out*». Означает наслаждение от отказа от социальных сетей и светских мероприятий, человек, наслаждающийся присутствием здесь и сейчас и не задумывающийся о том, что происходит в другом месте [13].

4. *This Is the Most Joyful Wedding Photobomb of All Time* [11].

Photobomb означает появление на заднем плане неожиданных персонажей. В мире моды данный термин используется для снимков, на которых

нужно сделать акцент не только на первом плане, но и на элементах, которые находятся позади.

5. *Watch Barack Obama Do «Shake It Off» in This Lip-Dub* [16].

Lip-Dub – современное направление в создании рекламы и видеоклипов. Суть направления заключается в том, что 42 участника видео шевелят губами, якобы напевая строчку из песни. Спев одну строчку, участник уходит с экрана. Данное направление широко применяется и в мире моды при создании вирусной рекламы, используя при этом в качестве участников видео обыкновенных женщин, а не моделей, чтобы показать, что все женщины прекрасны.

6. *He may be a bit of a geek, but the guy you've always thought of as just a friend could be the best boyfriend you've ever had* [17].

Geek с английского языка переводится как «*ярмарочный урод*». Первоначально данное слово использовалось для обозначения людей, которые увлечены компьютерными технологиями и носило отрицательную коннотацию. Теперь же данное слово приобрело положительный смысл и используется для обозначения эксцентричных людей, которые являются фанатами своего дела. Подобным определением гляцевые журналы могут называть модельеров и дизайнеров, которые «живут» своей работой.

7. *This Hip Santa Doesn't Wear a Suit and Has a Man Bun* [16].

Сленгизм «**Hip**» образован от английского слова «*hipster*» и обозначает человека, находящегося всегда в курсе всех модных и популярных тенденциях среди молодежи.

Следующей функцией сленга в гляцевых журналах является *мировоззренческая*. Она проявляется в том, что на язык оказывают влияние как возрастные особенности представителей модного бизнеса, так и профессиональные, социальные различия, связанные со степенью культуры и образования, например [15]:

1. «**Plus-size**» – данный термин используется для обозначения *моделей «в теле»*. Сленгизм уже долгое время функционирует в языке, многие читатели издания не нуждаются в объяснении данного термина [12].

2. «**Curvy**» – с английского языка переводится как «*изогнутый, соблазнительный*». Данный сленгизм употребляется для обозначения моделей, которые не соответствуют стандартам 90-60-90 и не являются моделями Plus-size [14].

3. «**Upcycling**» с английского языка переводится «*вторичное использование*», «*переработка*». Апсайклин – это «*новая*» жизнь старых вещей, вторичное их использование на показах или в коллекциях [11].

4. «**Bespoken**» – данный термин популярен в англоязычных странах, происходит от английского выражения «*заранее оговоренный*», т.е. сделанный/созданный на заказ, выполненная в единственном экземпляре [13].

5. «**Campaign**» – рекламная съемка новой коллекции, фотографии которой в дальнейшем будут использоваться для рекламных материалов. Целью кампайнга является передать главную концепцию нового товара, показать его оригинальность и специфику [17].

6. «**Capsule collection**» – мини-коллекция, созданная в рамках основной коллекции бренда или модного дома. Обычно товары мини-коллекции объединяются одной общей идеей – цветовой гаммой, элементами дизайна или фурнитурой [16].

7. «**Collab**» – данный термин родом из английского языка и является сокращением от слова «*collaboration*» – сотрудничество. «Коллаб» означает совместное производство нескольких дизайнеров или модельеров коллекции или единичного продукта модной индустрии [16].

Употребление сленговых единиц связано также с эмоционально-экспрессивной функцией. Англоязычные гляцевые издания содержат большое количество подобных слов, например:

1. All the audience **were full of beans** at the fashion show – Все зрители на показе мод просто *кайфовали* от увиденного [11].

2. I was trying to organise a fashion show, but it's all gone **pear shaped!** – Я пытался организовать показ мод, но все прошло *фигово!* [14].

3. The design did a terrible job. He just **botched it up!** – Дизайнер ужасно сделал свою работу. Сделал её *на отвали!* [12].

4. I was **chuffed** to bits! – Я *просто обалдел!* «To chuff» – от англ. пыхтеть, ободрять, воодушевлять. [16].

5. **Nice one!** You're doing really well. – *Неплохо!* Хорошая работа! «Nice one» – от англ. *хороший, милый*. Данный сленгизм используется, когда говорящий хочет сказать о человеке, который делает что-то особо впечатляющее [17].

В журнальном тексте очень часто взаимодействуют литературная и не-литературная лексика. Это связано с тем, что печатный дискурс находится в постоянной динамике, развивается и совершенствуется, а литературный язык не всегда способен за короткий период времени подстроиться под современные реалии и вынужден заимствовать определенные понятия из сленга и жаргона. Поскольку современные журналисты – молодые и активные люди, принадлежащие к узкой социальной группе, в которой распространен сленг, то их материалы изобилуют сленговыми единицами. В этой тенденции можно проследить положительное влияние, поскольку современный язык СМИ стремиться быть адекватным и понятным большинству молодежи [18].

«Vogue» – представитель элитарной прессы, флагман современной модной индустрии, отражающий все черты гендерной специфики, который опирается на знание своей аудитории и является одним из самых авторитетных журналов в мире моды. Данное издание является неким стилевым инди-

катором, в котором заключается самый экстравагантный и смелый выбор языковых единиц – сленга. Нами в данном издании было проанализировано 20 статей и выявлены сленговые единицы, которые можно классифицировать следующим образом [16]:

Наименование косметических средств:

- **бронзатоп** - косметическое средство для придания коже загара;
- **хайлайтер** – косметическое средство, создающее на коже эффект свечения.

Описание внешности:

- **to slay** – от англ. сразить наповал, произвести впечатление своим образом на светском мероприятии;
- **fierce** – блистательный и совершенный, в последнее время данный сленг употребляется вместо «сексуальный»;
- **lit** – сверкать; чаще используется для описания свечения хайлайтера на коже, но с употреблением этого сленга стоит быть осторожным, поскольку он также означает – употреблять наркотики;
- **on fleek** – быть при полном параде, быть совершенством.

Современные модные феномены:

- **shoefie** – селфи своих ног в «лабутенах» или обуви других известных брендов;
- **lewk** – наряд дня, соответствующий настроению или теме мероприятия;
- **beauty shot** – фотография человека с легкой укладкой и минимальным количеством макияжа;
- **chicken cutlets** – силиконовые прокладки, заменяющие бюстгальтер на пока мод.

Наименование трендов:

- **sock boots** – туфли-носки, одна из популярных тенденций современности. Многие дизайнеры создают туфли/сапоги, которые действительно напоминают носки на подошве. В русском языке не нашлось наименования для данного модного явления, поэтому для наименования используется английский эквивалент «сокс-бутс»;
- **ootd/ootn (Outfit of the day/night)** – наряд дня, который идеально сидит на фигуре и вызывает зависть окружающих;
- **ttitem** – самая трендовая вещь сезона; все, что находится на пике популярности помечают сленгом – it;

Наименование представителей модной индустрии:

- **buns** – профессиональная болезнь моделей – воспаление и смещение большого пальца ноги из-за постоянного ношения каблуков;
- **commercial model** – коммерческие модели;

– **editorial model** – модели, которые появляются на страницах «Vogue», «Elle», «Harper's Bazaar», «GQ», «Details», «Numero», и сотрудничают с «Armani», «Gucci», «Prada», «Valentino», «Louis Vuitton».

Данный анализ показал, что употребление сленга в языке СМИ не единственный случай, а является некой тенденцией, поскольку, как отмечал американский лингвист Ф. Секрист, употребление нелитературной лексики открывает неограниченные возможности обогащения языка СМИ более богатым и «энергичным» лексиконом [19].

Сленговые единицы используются для

– создания комического эффекта:

«*She named me **Zazzles** because he's so **zazzy***» – «Она назвала меня Пузик, потому что он такой лапусик», с английского «zazzy» – «привлекательный») [14];

– придания атмосферы непринужденности общения, ради новизны: «оттягиваться», «краш» – возлюбленный [14];

– желания быть остроумным, реалистичным, естественным, принимающим жизнь как она есть: «современная мода **чеканулась**» [14];

– эффекта негативной («новый тренд – дно и провал») или позитивной авторской оценки («Это мероприятие просто бомба»), реалистичности изображаемых явлений или передать авторскую иронию, негодование, сарказм («по мнению дизайнера модели выглядели **улетно**, однако, со стороны, они похожи на большие мотки ткани») [14].

Таким образом, современные СМИ ориентированы и на интеллектуально развитую аудиторию, и на массовую. Благодаря этой трансформации стилистические особенности языка и тематическое разнообразие журналистских текстов значительно расширились. материалы стали изобиловать не только классической литературной лексикой, но и нелитературной. Современный журналист обладает достаточным багажом знаний в культуре речи и в современном русском и английском литературных языках, что позволяет ему стилистически грамотно оформлять текст, использовать изобразительно-выразительные средства языка для экспрессивности, для эстетического эффекта. Однако для усиления воздействия и привлечения аудитории журналисты используют прием соединения графических элементов и единиц разговорной речи, в частности сленгизмов.

Сленг является неотъемлемой частью любой сферы человеческой деятельности, и модная индустрия не стала исключением. Благодаря проведенному анализу текстов выбранных модных изданий, было установлено, что и в fashion-журналистике, новом сегменте российских СМИ, изобилует fashion-сленг, призванный не только обозначать новые понятия, которые не номинированы в русском языке, но и придать fashion-текстам эмоционально-экспрессивной окраску, сделать их более доступными, оригинальными, демократичными, «продвинутыми» с точки зрения молодежной аудитории.

Список литературы

1. Маркелов К.В. Мода и журналистика: программа, учеб. пособие. М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2002. 386 с.
2. Harvey S. Fashion lingo/S. Harvey. URL: http://virtuallinguist.typepad.com/the_virtual_linguist/2011/09/fashion-lingo.html.
3. Чепурова К.Ю. Актуальные проблемы становления fashion-журналистики как научной дисциплины // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: Всерос. науч.-метод. конф. URL: http://conference.osu.ru/assets/files/conf_info/conf8/s23.pdf#page=68.
4. Азизбекова Н.С. Женская пресса: типология, становление развитие // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33).
5. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. 2-е изд. М.: Наука, 1994. С. 160.
6. ОриентМикс. Особенности журналистики моды как отдельного направления в российской журналистике // Государственный университет. Высшая школа экономики. URL: <http://pandia.ru/text/78/131/42674.php>.
7. Данилова Г.И. Мода, дизайн, стиль жизни // Fashionista.ru. URL: http://www.fashionista.ru/lifestyle/culture/women_glossy.htm.
8. Примеры фэшн-сленга. URL: <http://lesita.com.ua/?p=3872>.
9. Fashionistas leave shoppers baffled with growing design dictionary. URL: <http://fashion.telegraph.co.uk/news-features/TMG8778528/Fashionistas-leave-shoppers-baffled-with-growing-design-dictionary.html>.
10. Гуслякова А.В. Особенности современного американского сленга: автореферат. М., 2008. 19 с.
11. Glamour. URL: <https://www.glamour.ru/>.
12. ELLE. URL: <https://www.elle.ru/>.
13. Urban Dictionary. Californian University. URL: <http://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 18.02.2016).
14. Cosmopolitan. URL: <https://www.cosmo.ru/>.
15. Равиндер Натх Менон. Англицизмы в русском молодёжном сленге // Русский язык за рубежом. 2012. № 4. С. 62–67.
16. Vogue. URL: <https://www.vogue.ru/>.
17. Harper's Bazaar. URL: <https://bazaar.ru/lifestyle/>.
18. Современный русский язык: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Филология» / П.А. Лекант, Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин [и др.]; под ред. А. Леканта. 3-е изд., стер. М.: Дрофа, 2002. 560 с.
19. Sechrist F. The Psychology of Unconventional Language // The Pedagogical Seminary. 1913. V. 20, № 4. P. 415.

УДК 8.81'2-42

А.А. Логачева

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева», Орёл

О СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: КОГНИТИВНЫЙ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ

В статье рассматриваются структурные и семантические особенности поэтического текста с учетом когнитивного и психолингвистического подходов. В этой связи описываются особенности стихотворного произведения, его структурные и семантические элементы, маркирующие элементарные формы деятельности сознания лирического героя, а также указывающие на его внутреннее состояние. Мыслительные операции составляют основу медитативного текста, в котором союзы и актуализаторы сигнализируют о состоянии субъекта, а энтимема передает яркие моменты состояния его психики.

Ключевые слова: поэтический текст, структура и семантика поэтического текста, энтимема, когнитивный подход, психолингвистический подход.

В лингвистической и литературоведческой науке, а также в практике преподавания русского языка объектом постоянного изучения является художественный текст. Художественный текст – это особая форма выражения мысли человека, которая отвечает коммуникативной цели и реализуется в художественной речи. Художественная речь, как известно, относится к «правильной» речи, литературной. Она является «хранителем» национальной культуры и традиций русского народа, представляет собой отражение грамматических, лексических и стилистических особенностей русского языка. Художественная речь находит выражение в языке прозы и в языке поэзии. Об отличительных особенностях прозаической и поэтической речи написано значительное количество работ в области литературоведения и лингвистики. В дальнейшем эти идеи внедряются в практику преподавания русского языка и используются в ходе языкового анализа художественного текста и выявлении основных особенностей языковой системы.

В данной научной работе наши интересы сосредоточены на изучении художественного текста, в частности, поэтического, на описании его структурных и семантических особенностей с точки зрения когнитивного и психо-

лингвистического подходов. Прежде чем рассмотрим некоторые примеры, обратимся к истории изучения художественного текста.

Изучение художественного текста имеет очень глубокие корни. В частности, об особенностях поэтической речи писал ещё древнегреческий философ Аристотель. Он указывал на то, что поэт и историк не могут одинаково описать одну и ту же картину действительности, т.к., по мнению Аристотеля, поэзия «философичнее и серьезнее истории» [1, с. 32]. Это объясняется тем, что поэтический текст, наряду с описанием действительности, включает субъективную оценку автора. Позже эти идеи развивал В. фон Гумбольдт, подчеркивая важность особой структуры, т.е. поэтической формы для стихотворного текста: «поэтическое содержание властно требует для себя и поэтического одеяния...» [6, с. 183]. А познание действительности представляет некое зеркало, в котором отражаются уже имеющиеся у человека знания [7, с. 144]. Иначе говоря, познание осуществляется на основе соотнесения новых образов с теми, которые уже имеются в сознании человека. Развивая высказывания В. фон Гумбольдта о знаковой природе языка, А.А. Потебня утверждал, что познание осуществляется посредством знака [11, с. 16–18; 168].

Следует отметить, что впоследствии идеи Аристотеля, В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни нашли отражение в трудах многих известных лингвистов и литературоведов, что имело большое значение для развития когнитивной лингвистики, исследующей соотношение языка и сознания человека, и психолингвистики, изучающей язык как отражение психики человека.

По нашему мнению, соотношение языка, сознания и психологических особенностей человека очень ярко проявляется в языке художественного произведения, в особенности, поэтического. Стихотворный текст адресован читателю, а автор в особой поэтической форме передает свои мысли, своё душевное состояние. В поэтической речи пристальное внимание уделено структуре, т.е. форме выражения авторской мысли. Под влиянием поэтической формы структура предложения «меняется», «разрывается», однако информативность поэтического текста значительно возрастает. Это обусловлено тем, что поэтическое произведение представляет собой «совокупность кодовых систем» [9, с. 77]. По мнению Ю.М. Лотмана, для поэтического текста характерен особый «поэтический шифр» (Ю.М. Лотман). Информация в поэтическом тексте закодирована, а читателю необходимо её расшифровать, причем каждый читатель сделает это по-разному.

Интересной в этом отношении представляется точка зрения И.А. Мельчук, согласно которой в сознании человека закодирована модель «смысл-текст», позволяющая интерпретировать тексты, на основе соотнесения языка и сознания [10, с. 12]. Заметим, что в когнитивной лингвистике, как особой области языкознания, передача информации ориентирована на моделирование деятельности сознания. Однако большое значение здесь имеет субъективизм. И тогда содержание поэтического произведения станет предметом изу-

чения психологии. «Самый субъективный род литературы, – писала о лирике Л.Я. Гинзбург, – она, как никакой другой, устремлена к общему, к изображению душевной жизни как всеобщей» [3, с. 7].

Итак, исследования авторов, описанные нами выше, позволяют говорить о том, что поэтический текст еще со времен античности был предметом глубокого изучения. В поле зрения авторов были структурные, семантические, стилистические и психологические особенности произведений. Отметим, что разные направления лингвистики как науки позволяют интерпретировать текст с разных сторон. Так, с точки зрения традиционного языкознания под структурными особенностями художественного текста понимают построение предложения, форму обращений, повторы, переносы, риторические вопросы и восклицания.

С точки зрения семантики важным представляется смысловое содержание синтаксических конструкций, союзов и междометий. Семантический компонент включает общее значение союзов, т.е. формальных показателей; смысловую полноту словоформ; экспрессию; эмоциональность; прием умолчания, недосказанности - энтимему [2, с. 369], выраженную маркерами, словами *да, нет, увы*.

Говоря о структурных и семантических особенностях поэтического текста важно подчеркнуть, что скрытый авторский замысел не имеет прямого выражения, а реализуется в сложной форме, указывая лишь на возможное направление. Художественный текст – это единство формы и содержания. Особая поэтическая форма; нелинейность; закодированная информация, т.е. наличие скрытого смысла; эмоциональность – всё это признаки поэтического произведения.

Если структурно-семантическое направление ориентировано на описание структуры членов предложения и выражаемый ими семантический аспект, то область когнитивной лингвистики сосредоточена на моделировании деятельности сознания субъекта, на соотношении модели «язык-текст-сознание». В когнитивной лингвистике важным является то, как происходит выражение сознания посредством языка. И это направление, по нашему мнению, вторгается в область психологии, что особенно ярко проявляется в поэтическом языке. В стихотворном тексте невозможно описать мысли лирического героя без опоры на его внутренне состояние.

Рассмотрим некоторые примеры, а именно: поэтические произведения З. Гиппиус «Поверьте, нет, меня не соблазнит...» и В. Тушновой «Ночь».

*Поверьте, **нет**, меня не соблазнит
Печалей прежних путь давно пройденный.
Увы! Душа покорная хранит*

*Их горький след, ничем не истребленный.
Года идут, **но** сердце вечно то же.*

*Ничто для нас не возвратится вновь,
И ныне мне всех радостей дороже
Моя неразделенная любовь.*

*Ни счастья в ней, ни страха, ни стыда,
Куда ведет она меня – не знаю...
И лишь в одном душа моя тверда:
Я изменяюсь, – **но** не изменяю.*

3. Гиппиус «Поверьте, нет, меня не соблазнит...» [4, с. 29].

Данное стихотворение структурно оформлено как текст-рассуждение. Традиционно текст-рассуждение наряду с текстом-повествованием и текстом-описанием принято выделять в прозе. Это обусловлено тем, что текст-рассуждение имеет строгую схему, состоящую из таких компонентов, как тезис, аргументы и вывод. Однако тексты-рассуждения встречаются и в поэтическом тексте, передающем внутреннее состояние автора. Поэтический текст-рассуждение имеет аналогичную структуру и строится по традиционной схеме.

В стихотворении 3. Гиппиус «Поверьте, нет, меня не соблазнит...» в первой части содержится тезис-утверждение. В центре лирическая героиня, которая предается грустным воспоминаниям. На раздумья автора указывает слово *нет*, а маркер энтимемы *увы* вносит настроение сожаления и грусти. Слово *нет* и энтимема *увы* являются сигналами, передающими состояние лирического героя. Это явные сигналы, которые не контролируются сознанием лирической героини и хорошо замечаются читателем. Мыслительные операции, описанные в стихотворении, указывают на то, что это медитативный текст [5, с. 64], т.е. текст-рассуждение, в котором ярко представлены размышления лирической героини.

Во второй строфе на мыслительные операции лирической героини указывают сочинительные союзы *и*, *но*. Интересной в этом отношении представляется точка зрения Е.В. Урысон, согласно которой «...союзы обозначают не яркие состояния, которые хорошо ощущаются и замечаются субъектом, а какие-то неконтролируемые элементарные операции сознания» [13, с. 40]. Так, союз *и*, являясь по своей «природе» соединительным, маркирует однотипные ситуации. Однако в семантике союза *и* можно выделить различные семантические группы.

Приведем в качестве примера стихотворную строку: «*Ничто для нас не возвратится вновь, И ныне мне всех радостей дороже Моя неразделенная любовь*». Здесь союз *и* выражает не «непрерывность и аналогию» [8, с. 131], как это чаще бывает, а несоответствие ситуаций. Порядок следования частей в предложениях подобного типа закреплён. Союз *и* передает информацию о деятельности сознания, которая семантически близка союзу *но*, т.е. здесь описываются ситуации, противоречащие друг другу. Союз *но* во второй строфе ассоциируется с «обманутым ожиданием» [13, с. 23]. Иначе говоря,

вторая часть предложения передает принципиально новую информацию: «года идут, **но** сердце вечно то же». Первый компонент включает информацию о годах, второй - о сердце.

В третьей строфе стихотворения подводится итог. Союз *и* указывает на отношения ограничения, о чем свидетельствует актуализатор с ограничительным значением *лишь*. В предложениях подобного типа закреплённый порядок частей. В данном предложении на фоне общей мыслительной операции соединения формируется ограничительное значение. Союз *но*, как и во второй строфе, маркирует смену ситуации: «я изменяюсь, - **но** не изменяю».

Медитативный текст, на наш взгляд, является ярким примером, иллюстрирующим психологическое и эмоциональное состояние субъекта с опорой на языковые средства выражения. Изучение художественного текста в этом аспекте позволяет говорить о реализации психолингвистического подхода. В то же время психолингвистический подход основан на элементарной деятельности сознания, что относится к области когнитивной лингвистики. Суть когнитивного подхода состоит в том, что языковые средства указывают на элементарную мыслительную деятельность человека.

Сочинительные союзы *и*, *но* выражают общие сочинительные отношения в сложносочинённых предложениях, а дополнительная семантика и множественные смыслы формируются морфолого-лексическим наполнением частей-компонентов сложного предложения, а также порядком следования частей предложения.

Следует отметить, что сочинительные союзы маркируют элементарные формы сознания человека, а именно: союз *и* – идею объединения мира в понимании человеком (соединительная семантика), а союз *но* – знание противодействия (семантика противопоставления). В центре – выражение энтимемы, обозначающей «настроенность» сознания и указывающей на раздумья лирической героини.

Связь «язык-текст-сознание» проявляется в следующем стихотворении.

*Ночь, как быть мне и как рассчитаться с тобой
за холодный закат, за асфальт голубой,
за огни, за твое колдовство молодое
над речной, смоляной, шелестящей водой?*

*Набегающий дождь, фонари и скользеньё
маслянистых разводов по руслу реки...
Ты пришла, как внезапное опроверженье
всех сомнений моих, всей тоске вопреки.
Глухо плещет вода о бетонное ложе.
Дождь рванулся по крышам. Уныло, темно...
Да... **И** все-таки так ты на счастье похожа,
что мне кажется – может быть, это оно.
В. Тушнова «Ночь» [12, с. 94].*

По структуре стихотворение В. Тушновой, как и произведение З. Гиппиус, представляет собой текст-рассуждение. Первая строфа стихотворения – это риторический вопрос. Лирическая героиня с грустью и смятением обращается к ночи. Во второй строфе большое значение имеют аргументы, высказанные лирической героиней: «Ты пришла, как внезапное опровержение всех сомнений моих, всей тоске вопреки». Хаотичность образов (*набегающий дождь, фонари и скольжение маслянистых разводов по руслу реки, вода и т.д.*) отражают поиски ответов на жизненно важный вопрос: что такое счастье? Художественные образы создаются при помощи средств дескриптивной семантики (свет, звуки на основе сенсорного восприятия): шелестящая вода, глухо плещет вода.

В третьей строфе маркер энтимемы *да* позволяет говорить, что это медитативный текст, т.е. текст, указывающий на раздумья лирической героини. Сочинительный союз *и*, отображая мысли лирической героини, вносит в контекст семантику присоединения. Здесь сознание продолжает воспринимать информацию, однотипную предыдущей. Структурно данное предложение оформлено как сложносочиненное предложение с присоединением. В конце первой части ставится многоточие, что указывает на прием умолчания, недосказанности.

В данном стихотворении сочинительные союзы и энтимема являются средством передачи психологического состояния субъекта с помощью языка и его грамматических средств.

Элементарные операции деятельности сознания, передаваемые сочинительными союзами, энтимемой, актуализаторами различной семантики являются предметом изучения когнитивной лингвистики и тесным образом связаны с психологическими аспектами. Иначе говоря, окружающий мир всегда интересовал человека, а средства языка сделали возможным его описание. Сочинительные союзы являются универсальным средством, маркирующим языковую семантику в общем виде: союз *и* выражает идею соединения, объединения мира в сознании человека, союз *но* – «перестроенность» сознания, получение иной информации.

В данной статье мы предприняли попытку рассмотреть художественный (поэтический) текст с точки зрения двух подходов: когнитивного и психолингвистического. Область когнитивной лингвистики ориентирована на связь «язык-сознание». Наиболее ярко эта связь реализуется в сложносочиненном предложении, где сочинительная семантика, имеющая, на первый взгляд, элементарное значение, предоставляет множественные смыслы для прочтения художественного произведения. Это обусловлено тем, что сочинительные союзы маркируют общие мыслительные формы деятельности сознания, незамеченные лирическим героем и направленные на понимание мира и окружающей действительности. А особенности структуры сложносочиненного предложения, порядок следования частей, их лексическое наполне-

ние позволяют «расширить» общую семантику и смысл высказывания. В результате стихотворение, стремящееся к строгой поэтической форме, передает максимум информации. Маркеры энтимемы *да, нет, увы* передают эмоциональное состояние субъекта. И здесь мы говорим о психологическом аспекте художественного произведения, направленном на передачу внутренних переживаний лирического героя. Глубокие размышления, раздумья автора позволяют рассматривать поэтический текст как медитативный, т.е. текст-рассуждение. Психологический аспект тесным образом связан с лингвистическим, поскольку авторская мысль опирается на языковые средства. При этом большое значение имеет экспрессия художественного текста. Семантический и экспрессивный аспекты в своей связи способны создавать особый поэтический шифр, который позволяет читателю вступить в диалог с автором и с самим собой.

Список литературы

1. Аристотель. Поэтика. Риторика. О душе // пер. с древнегреч. В. Аппельрота, Н. Платоновой, М.П. Попова. М.: Мир книги, Литература, 2007. 400 с.
2. Бабайцева В.В. Энтимема в поэтическом тексте. // Избранное. 1955–2005: сб. науч. и науч.-метод. статей. М.: Ставрополь: СГУ, 2005. 520 с.
3. Гинзбург Л.Я. О лирике. 2-е изд., доп. Л.: Сов. писатель, 1974. 408 с.
4. Гиппиус З. Лирика. Мн.: Харвест, 1999. 416 с.
5. Гладкая Е.Ф. Интонация как сигнал невысказанного (на материале лирических текстов) // Русская словесность. 2007. № 2. С. 62–66.
6. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию // пер. с нем.; под ред. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
7. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры // пер. с нем. М.И. Левиной, О.А. Гулыга, А.В. Михайлова. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
8. Карцевский С.О. Бессоюзие и подчинение в русском языке // Вопросы языкознания. 1961. № 2. С. 125–131.
9. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПБ, 1996. 848 с.
10. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл–Текст»: Семантика. Синтаксис. М.: Наука, 1974. 315 с.
11. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике // под общ. ред. В.И. Борковского. М.: Гос. учебно-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958. Т. I-II. 536 с.
12. Тушнова В.М. Избранное. М.: Худ. лит., 1988. 543 с.
13. Урысон Е.В. Семантика союза *но*: данные языка о деятельности сознания // Вопросы языкознания. 2006. № 5. С. 22–42.

УДК 811.161.1

А.Н. Лотфуллина

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С ПОТЕНЦИАЛЬНО ПОЛНОЙ ПАРАДИГМОЙ В НКРЯ

В статье анализируются абстрактные, вещественные и собирательные существительные, их способность переходить в разряд конкретных существительных, рассматриваются причины перехода, дается классификация примеров конкретизации значений данных существительных на основе материалов сайта НКРЯ. В ходе анализа рассматриваются критерии разграничения лексико-грамматических разрядов, выделяется ключевой критерий.

Ключевые слова: абстрактные, вещественные, собирательные, конкретные имена существительные, парадигма, конкретизация, лексико-грамматические разряды.

Согласно зафиксированной в учебниках языкознания точки зрения, абстрактные, вещественные и собирательные существительные могут употребляться только в форме единственного числа, другими словами, имеют неполную парадигму, так как не соединяются с представлениями о счете [3, с. 99]. Подобное суждение поддерживается многими авторами. Так, например, А.В. Бондарко полагает, что этот разряд слов можно охарактеризовать по их несочетательности по числу [1, с. 134]. Этой же идеи придерживается Л.В. Калинина, которая считает, что абстрактные, вещественные и собирательные существительные образуют разряд *singularia tantum*, которому свойственна анумеральная семантика [5, с. 56]. Соответственно, традиционно полной парадигмой форм множественного и единственного числа могут обладать только конкретные существительные.

Тем не менее, абстрактные, вещественные и собирательные существительные могут преодолеть свою грамматическую норму и переходить в разряд конкретных существительных. То есть они утрачивают такие грамматические признаки, как наличие одной числовой парадигмы, несочетаемость с количественными числительными, употребление со словами *много* и *мало* в единственном числе и перенимают признаки конкретных существительных.

Однако форма множественного числа существительных разряда *singularia tantum* отличается от формы множественного числа конкретных

существительных ввиду специфики своего значения. Существительным типа ручка, стакан, рюкзак и т.п. присуще качественная и количественная функциональность, а словам со значением вещества, качества, деятельности и состояния значима только качественная характеристика. К примеру, карандаш в сумке и карандаш на столе – это карандаши, а морс в одной чашке и морс в другой чашке – это морс. Иначе говоря, слова типа сок лишены возможности выражения значения множества одинаковых предметов и могут обозначать только некоторое количество разных объектов. Например, *В сфере производства нефтепродуктов и химического производства осуществляется крупный проект Ангарской нефтехимической компании по модернизации предприятия, цель которого – производство бензинов в соответствии с требованиями технического регламента* [Сергей Чернышов. Двойной удар // Эксперт. 2014].

Рассмотрим более детальные случаи конкретизации значений абстрактных, вещественных и собирательных существительных на основе примеров, взятых из Национального корпуса русского языка.

Существительные с абстрактной семантикой во множественном числе называют проявления различных качеств, свойств, эмоциональных состояний:

*Тогда, в неполных одиннадцать лет, я прочитала его "Фро" и почувствовала этот рассказ так полно, так сильно, как никогда потом ни в какие времена своих взрослых **любовей** и взрослых мучительных ожиданий* [Марина Палей. Поминование (1987)].

*Так и поступали горе-педагоги всех стран в течение многих веков: они ревностно искореняли из обихода детей эти «**сумбуры и вздоры**»* [К.И. Чуковский. От двух до пяти (1933-1965)].

Также множественное число абстрактных существительных может отражать интенсивность проявления чего-либо:

*Известно, что поэтов рождает несчастье и душевные **муки**, а муки у Мамурина были острее, чем у какого-нибудь другого арестанта* [Александр Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 1–25 (1968) // Новый Мир. 1990].

*И так ей стало все противно – она сама, этот будуар, весь дом, целый ряд дней, сулящих ей какую-нибудь тайную, неизлечимую болезнь, медленную потерю сил, нескончаемые **боли**, кто знает: душевный недуг...* [П.Д. Боборыкин. Китай-город (1882)].

Вещественные существительные во множественном числе употребляются в следующих значениях:

1. 'сорта или виды вещества':

*А причина в качестве воды в водоемах, и в том числе и в фосфатах, которые содержатся в сточных **водах*** [Коллективный. Форум: Моющие средства (альтернатива) (2010)].

Но с приходом на почту Верки Рахманихи связь посылочная стончилась, а потом и вовсе на нет сошла. Васька Рахман курил ростовские да киевские **табаки** [Борис Екимов. На хуторе // Новый Мир, 2002].

2. 'изделия из данного вещества':

Эх, какое богатое убранство! Какие зеркала и **фарфоры**! [Н. В. Гоголь. Записки сумасшедшего (1835)].

Картины, мраморные статуи, **бронзы**, дорогие игрушки, расставленные на готических этажерках, — поразили его [А.С. Пушкин. Египетские ночи (1837)].

3. 'большое пространство, покрытое веществом':

Любо было смотреть на полосатую стену, засеянную **хлебами**: рожь сияла, как золото, а подымалась в рост человеческий; ячмени же ещё зелёные, но такие тучные, что в иных местах полегли от тяжести колосьев [И.И. Панаев. Раздел имения (1850–1860)].

Табуняются и ласточки. Скосили **овсы**. Пожелтели сверху донизу липы, а в болотах – осины и берёзы. Было уже два лёгких морозца [М.М. Пришвин. Кэт (1925)].

Собирательные существительные проявили себя как самые стойкие среди разряда *singularia tantum* [2, с. 22]. Данному лексико-грамматическому разряду свойственна конкретизация значения в случаях метонимии. Например: *Шинель* (прославленная в литературе уже Гоголем), надевавшаяся в холодные сезоны поверх вышеперечисленных **одежд**, *ох, шинель достойна отдельной песни в "Одиссее"* [Эдуард Лимонов. У нас была Великая Эпоха (1987)] – имеется в виду предметы одежды.

Для того чтобы понять, что же повлияло на изменение лексико-грамматической характеристики существительных и как их разграничивать, нужно проанализировать 4 особо важных критерия, а именно: морфологический, словообразовательный, синтаксический и семантический.

В ходе исследования морфологического критерия выяснилось, что сложности в построении словоформы множественного числа нет, и наша речь с легкостью позволяет образовывать такие слова с помощью окончаний, используемых для образования множественного числа конкретных существительных. *Уроки – ревности* (окончание -и), *сугробы – сахара* (окончание – ы) и т.п.

При изучении синтаксического критерия стало ясно, что конкретные и абстрактные существительные не имеют существенных различий в употреблении в предложении. Обычно конкретные существительные соотносятся с предметной лексикой и в предложениях выступают в роли подлежащего или дополнения, а абстрактные обычно берут роль сказуемого, так как принадлежат к предикатной лексике. Тем не менее, существует большое количество примеров употребления абстрактных существительных

в роли подлежащего или дополнения. Например, *Я узнавал в ней себя, свои страхи, стыды, тревоги, свою боль. А что может быть роднее, чем собственная боль, угаданная в другом?* [Игорь Ефимов. Суд да дело // Звезда. 2001]. Это показывает, что синтаксический критерий тоже не является ключевым при разграничении ЛГР.

Словообразовательный критерий, как и предшествующие критерии, не является разграничительным ввиду большой омонимии суффиксов имен существительных. Например, суффикс *-ость-* обычно используется для образования абстрактных существительных (*справедливость, душевность*), однако такой же суффикс мы можем наблюдать и у конкретных существительных (*сладость, местность*).

Ключевым критерием при разграничении лексико-грамматических рядов можно назвать семантический критерий, ведь именно семантический сдвиг влияет на изменение лексико-грамматической характеристики существительного [5, с. 59].

Таким образом, на основе проведенного анализа примеров из Национального корпуса русского языка выяснилось, что абстрактные, вещественные и собирательные существительные, относящиеся к разряду *singularia tantum*, могут свободно переходить в разряд конкретных существительных в результате семантического сдвига. Они меняют свою грамматическую норму и употребляются во множественном числе, другими словами *singularia tantum* – это слова с потенциально полной парадигмой [4, с. 58].

Список литературы

1. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: Языки славянских культур, 2005. 624 с.
2. Брусенская Л.А. Семантический и функциональный аспекты интерпретации категории числа в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1994. 43 с.
3. Виноградов В.В. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Гос. учебно-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1938. 719 с.
4. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение: с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. 760 с.
5. Калинина Л.В. К вопросу о критериях выделения и отличительных приметах лексико-грамматических рядов имён существительных // Вопросы языкознания. 2007. № 3. С. 55–70.
6. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 15.03.2020).

УДК 81'27

Е.В. Мамонтова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

СПЕЦИФИКА КОМПЛИМЕНТА В РУССКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье на основе разговорной речи юмористических русского и американского телешоу рассматривается специфика комплимента. Был произведен сопоставительный анализ комплиментов в обоих языках на базе выявленных тактик комплиментов.

***Ключевые слова:** комплимент, юмористический дискурс, тактика комплимента.*

Следует отметить, что в каждой лингвокультуре существуют свои нормы и обычаи, формирующие тактики и стратегии общения в данной общности. Из этого следует, что знать язык и соблюдать нормы грамотности недостаточно для совершения акта успешной коммуникации. Из-за непонимания друг друга между адресатом и адресантом может возникнуть культурный барьер, что особенно опасно в рамках межкультурного взаимодействия. Для успешной коммуникации кроме языкового кода необходимо знать её лингвокультурологическую составляющую, которая «не ограничивается сферой обряда и обычая» [11, с. 209].

Комплименты способствуют оптимизации межличностного и межкультурного общения. Очевидно, что существование различных видов этикетных норм и, как следствие этого, неприятие или неодобрение стереотипов коммуникативного поведения, характерных для представителей другой культуры, создает трудности в общении [там же]. Знание этикета, в свою очередь, вносит вклад в установление контакта между представителями различных лингвокультур, которые «корректируют свои коммуникативные ходы в зависимости от ситуации» [10, с. 443].

Комплимент используется в повседневной жизни людей не только ради похвалы, но и для достижения определенных целей; его можно считать одним из средств построения успешной коммуникации в массмедиа [2, с. 82]. Благодаря тому, что комплимент сделан уместно и искренне, беседа может принять совершенно иной оборот, помочь установить контакт и, кроме того, создать позитивный настрой.

Согласно «Большому толковому словарю русского языка», слово «комплимент» было взято из французского языка (фр. compliment) и означает «любезность, лестные слова, содержащие похвалу» [1].

Целью комплимента можно назвать стремление доставить удовольствие собеседнику, поощрения, поднятия настроения [6, с. 42].

Комплимент является самостоятельным жанром речевого этикета и подразделяется по объектам восхваления, или по так называемым комплиментирующим признакам, а, именно, по внешним качествам человека, к которым можно отнести внешность, состояние одежды и прически, и внутренние свойства человека, к которым относятся характер, ум, душевные качества личности [Там же].

Е.В. Мудрова полагает, что «комплимент относится к первичным речевым жанрам и включает в себя такие компоненты, объединяющие все другие речевые жанры, как:

- коммуникативная цель;
- позиция автора;
- позиция адресата;
- событийное содержание;
- языковое воплощение;
- эмоциональная окраска» [9, с. 189].

Любой комплимент реализует две основные функции – контактоустанавливающую (фатическую) и прагматическую. В современном общении, особенно среди молодого поколения, все чаще встречаются комплименты прагматического типа, что, подчас, может вызвать негативную реакцию адресата. Молодежь, в попытке показать свою индивидуальность и эмоциональность, часто превращают свои «комплименты» в лесть или, даже, издевательство. Так, злоупотребление преувеличениями и усилениями при попытке сделать комплимент может вызвать негативную реакцию со стороны собеседника [Там же, с. 192].

Н.В. Капура и С.Д. Грибакина отмечают, что повышение значимости выражения благодарности, похвалы, выражение высокого уровня доброжелательности к адресату, используют две основные тактики общения – усиление значимости высказывания и подчеркнутого преувеличения (гиперболизации) [7, с. 2]. Понятие «тактика» предполагает определенные речевые приемы, позволяющие достичь целей в определенной ситуации [4, с. 14].

Термин «тактики комплимента» в лингвистике связан с психологическим понятием «пристройки» (социально-психологический прием, заключающийся в активном и неординарном навязывании отношений) [5]. Принято выделять «пристройку сверху» (в данном типе общения происходит навязывание своей доминантной роли), «пристройку снизу» (происходит навязывание своей подчиненной роли) и «пристройку на равных» (навязывание определенного сотрудничества, «диалога на равных»). На основе данного понятия рассматриваются тактики общения и комплиментов.

Рассмотрим некоторые тактики комплиментов, характерные для русской и английской лингвокультур [12], на основе примеров комплиментов из

ток-шоу «Вечерний Ургант» и «Вечернее Шоу Джимми Фэллона». Рассматриваемые телевизионные программы обладают большой популярностью среди зрителей, а также имеют большой потенциал для исследования, так как все выпуски программ проходят в доверительной и приятной обстановке, что способствует непринуждённой беседе коммуникантов, во многом благодаря правильно выбранному регистру общения [3, с. 25].

Тактика «Преувеличение» используется для повышения значимости выражения благодарности, похвалы или доброжелательности коммуниканта. Существует несколько способов её реализации, среди которых можно отметить усиление значимости высказывания с помощью гиперболизации. В английском языке это выражается с помощью слов *so, how, very, most, extremely, absolutely* и мн. др. Существуют так называемые усилители и в русском языке, например, *премногу благодарен, чрезвычайно, вы очень добры* и мн. др.

Некоторые ученые полагают, что среди комплиментов данной категории существует огромная разница. Можно с уверенностью сказать, что английский язык отличается определенной однообразностью, и даже «штамповостью», в отличие от русского языка, в котором можно заметить наличие эпитетов и образных выражений.

В интервью с Марго Робби Джимми Фэллон спросил актрису и номинантку на премию Оскар о ее предстоящем фильме «Хищные птицы: потрясающая история Харли Квинн».

– Have you started filming this yet?

– No, that`s early next year.

– Hey! Congrats on that! Cool! I didn't know if it's real. I love long titles.

В данном диалоге Джимми восторгается длинным названием фильма.

Приведем пример из шоу «Вечерний Ургант»

– Добрый вечер, уважаемые телезрители! Это передача “Вечерний Ургант. Сегодня у нас в гостях самая стройная, талантливая и прекрасная участница судейской бригады шоу «Голос» Пелагея.

В данном примере мы видим, что комплимент русскоязычного ведущего стилистически окрашен и наполнен эпитетами.

При использовании тактики самопохвалы можно отметить характер общения на основе пристройки «сверху», тактика самоуничижения подразумевает использование пристройки «снизу». Самоуничижение в общении вербализуется речевыми инструментами, описывающими эмоциональное состояние говорящего, поведение или раскаяние, что может быть выражено семантически совершенно различно (стыдно, оробел и др.) [8, с. 223].

В другом выпуске с Марго Робби ведущий восторгается очень правдоподобным образом актрисы,

– I`m so glad and proud of you. This new movie «Mary, Queen of Scots» congrats on this memo. And you look fantastic!

- Hot, right?
- You`re really hot!
- Lizzy has her best.

В данном диалоге мы можем отметить небольшую «издевку» Марго над собой, хотя ведущий в действительности восхищается игрой и образом королевы Елизаветы.

Рассмотрим пример из выпусков шоу «Вечерний Ургант» с Ольгой Бузовой в гостях.

- Я пошла открывать мир.
- И как реагировали на тебя? Я пытаюсь понять...
- Самое интересное, что я узнала, сколько стоит проезд в метро.
- Так?
- Теперь я могу сказать, что я знаю всё.
- То есть из всей информации мира вот этого не хватало пазла, да?

В данном диалоге можно уловить некоторую самоиронию Бузовой по отношению к себе.

Если коммуникант использует тактику оскорбления, то он желает обидеть собеседника. В юмористических программах смешение тактик комплимента и оскорбления происходит довольно часто. Ведущие выстраивают свою речь так, чтобы гость программы попал «ловушку» для создания комического эффекта. В таком случае, оппоненты не настроены негативно по отношению друг к другу, а напротив, доброжелательно [8, с. 225].

Джимми Фэллон пригласил к себе на выпуск известную актрису Нину Добрев, которая решила в течение одного года практически на все предложения отвечать «да». В интервью она говорила, что много путешествовала.

- I`ve been to Europe and Asia by myself.
- That`s not an easy thing...
- No, it was actually the funniest thing I have ever done. I mean never to travel with another human being again.
- Let's change it then to the “Year of selfishness”. You have to be socially.

В представленном диалоге Джимми намекает на эгоистичность актрисы.

В гостях у телеведущего русскоязычной программы оказались иллюзионисты Сафроновы, которые рассказали о своем новом шоу на канале ТНТ.

Вы можете рассказать про горящего Киркорова? Во-первых, все ли с ним хорошо?

- Конечно! Филипп Бедросович, как феникс после огня, возродился снова.
- Да что вы говорите! То есть вообще ни следа не осталось?

Посмотрите! И только одна девушка зааплодировала в центре, только ее обрадовала эта новость.

Вы знаете, у этого фокуса не может быть плохого исхода. Даже если что-то пойдет не так, все равно люди порадуются.

Проанализировав примеры комплиментов на материале юмористического дискурса, можно прийти к выводу, что специфику русскоязычных комплиментов в сопоставлении с англоязычными определяет большее разнообразие лексических единиц и образных выражений. Проведённое исследование демонстрирует различия коммуникативного поведения представителей исследуемых лингвокультур в определённой коммуникативной ситуации. Однако сделанный вывод подлежит дальнейшей верификации на более разнообразном языковом материале.

Список литературы

1. Большой современный толковый словарь русского языка. URL: <https://slovar.cc/enc/bolshoy-rus.html> (дата обращения: 13.03.2020).
2. Беспалова Е. А., Кондратьева Д.О. Структурные особенности публицистических текстов (на примере печатных изданий «Курская неделя» и «Регион 46») // Стратегия развития региональных СМИ: проблемы и перспективы: материалы I Всерос. науч.-практ. конф. Курск, 2015. С. 80–83.
3. Беспалова Е.А., Карцева О.В. Влияние фактора профессиональной специализации радиожурналиста на его коммуникативную культуру // Новый взгляд на проблемы современного языкознания: материалы VII Междунар. науч. конф. школьников, студентов и аспирантов. Курск, 2016. С. 24–29.
4. Галимова З.Ф. Тактика комплимента и похвалы в ток-шоу «Без комплексов» и ток-шоу «The Oprah Winfrey Show» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. №. 1. С. 13–14.
5. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 1997.
6. Дьякова К.Ю. Комплимент как элемент речевого этикета в аспекте межкультурной коммуникации // Русистика. 2015. №. 1. С. 41–46.
7. Капура Н.В., Грибакина С.Д. Стратегии формирования комплиментов в русскоязычной и англоязычной культуре // Концепт. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-formirovaniya-komplimentov-v-russkojazychnoy-i-angloyazychnoy-kulture> (дата обращения: 10.02.2020).
8. Комарова Е. А. Анализ тактик демагогического речевого воздействия (на материале произведений Ф. М. Достоевского) // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Общество. Коммуникация. Образование. 2012. № 143. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-taktik-demagogicheskogo-rechevogo-vozdeystviya-na-materiale-proizvedeniy-f-m-dostoevskogo> (дата обращения: 13.03.2020).

9. Мудрова Е. В. Комплимент в наши дни (на материале из Интернета) // Наука. Инновации. Технологии. 2007. №. 50. С. 188–192.

10. Степыкин Н. И., Полхова Ю. А. Анализ коммуникативных стратегий и тактик в ситуации конфликта (на материале телесериала "Scrubs") // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 37, № 3. С. 442–450.

11. Степыкин Н.И. Small talk как стереотип вербального поведения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Выпуск 584: Языкознание: Языковое существование человека и этноса. М.: Рема, 2010. С. 207–217.

12. Тюрина А. В., Виноградова М. В. Национально-культурная специфика функционирования англицизмов в русском и итальянском языках // Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований: сборник материалов Междунар. науч. конф.; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2019. С. 466–472.

УДК 81-22

Е.А. Манвалерова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (НА ПРИМЕРЕ КНИГИ Р. ЖЕЛЯЗНЫ «ДЕВЯТЬ ПРИНЦЕВ АМБЕРА»)

В предлагаемой статье рассматриваются особенности перевода фразеологических единиц с английского на русский язык: исследуется вопрос о возможности точного перевода фразеологизмов, анализируются синонимические конструкции в русском и английском языках.

Ключевые слова: *фразеологизм, перевод, межкультурная коммуникация, языковая картина мира.*

В современном мире очень остро стоит вопрос о любом взаимодействии культур и межкультурной коммуникации. Это обусловлено тем, что мир стал очень открытым: государства стремятся наладить отношения друг с другом, обмениваются рабочими и студентами, стремясь перенять новые технологии и методики, простые граждане совершают частые туристические поездки по всем странам мира.

По этой причине современному человеку для успешного обустройства своей жизни в обществе просто необходимы достоверные знания не только о своей культуре, но и о культурах других стран. Однако современный мир очень быстро и стремительно развивается, поэтому не у каждого человека есть время на полное и доскональное изучение иностранной культуры.

Возникает разумный вопрос: «Где человек может быстро почерпнуть качественные знания о культурах других стран?»

Одним из возможных решений данной проблемы являются фразеологические единицы, которые способны аккумулировать культурную информацию [2, с. 51]. Мы уже давали им определение в своей прошлой статье [9]. Согласно утверждению Т.Н. Федуленковой: «Фразеология языка – это зеркало истории и культуры его носителя» [12]. С этой точки зрения, устойчивые выражения представляются весьма удобным способом достижения поставленной цели. Они емкие, состоят из малого количества слов, и, следовательно, просты в запоминании и написании. При этом в них заключены основные концепты языковой картины мира определенного народа. Языковая картина мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ восприятия и устройства мира, концептуализация действительности [10].

Богатым источником достоверных сведений о языковой картине мира носителей языка является художественная литература. Литературное произведение, независимо от сюжета, персонажей и т.д., отражает личность автора как носителя языка, в том числе особенности его фразеопотребления [1, с. 14], следовательно, читая и изучая такие произведения, можно выявить характерные особенности языковой картины мира определенного народа.

Для исследования мы сделали выборку фразеологических единиц из произведения американского писателя-фантаста Роджера Джозефа Желязны (13 мая 1937 – 14 июня 1995 гг.) «Девять принцев Амбера» [3]. В данной статье мы сравним перевод английских фразеологизмов с их оригиналом, попытаемся выяснить, есть ли синонимичные фразеологизмы в русском и английском языках и сравним некоторые аспекты русской и американской картин мира.

Для того, чтобы сравнить переводы выбранных устойчивых фраз с их оригиналами, необходимо иметь представление о понятии «перевод» и о способах перевода иностранных фразеологизмов на русский язык. Однако, стоит заметить, что понятие «перевод» многозначно и имеет огромное количество толкований. Для исследования мы возьмем два наиболее часто используемые толкования:

1. Под словом перевод обычно подразумевается либо сам процесс перевода, либо результат деятельности переводчика – устный или письменный текст, высказывание.

2. Перевод как один из видов языковой деятельности представляет собой процесс адекватной и полноценной передачи мыслей, высказанных на одном языке, средствами другого языка [10].

Сталкиваясь с фразеологическими единицами, профессиональный переводчик должен обладать не только знанием родного и иностранного языка, но и уметь анализировать стилистические и культурно-исторические аспекты исходного текста, знать особенности перевода и смысл фразеологизмов.

Существуют различные приемы перевода фразеологических единиц. Однако большинство современных отечественных лингвистов, в том числе Л.Ф. Дмитриева, выделяют четыре основных способа перевода фразеологизмов:

- фразеологический эквивалент – это фразеологизм на родном языке, который полностью соответствует переводимому фразеологизму;
- фразеологический аналог – это фразеологизм со сходным значением, но основанный на другом образе;
- описательный метод – перевод не самого фразеологизма, а его объяснения;
- калькирование [14].

Основываясь на данной классификации, сравним перевод английских фразеологизмов с их оригиналом.

1) Эквивалентный перевод:

«*I'd play on that – Надо сыграть именно на этом*». Английский фразеологизм «*play on it*» имеет эквивалент в русском языке «*сыграть на этом*» [5], [10], [16], [17].

«*So cocky little Random was in trouble – Итак, нахальный малыш Рэндом попал в беду*». И в русском, и в английском языках присутствует фразеологизм «*попасть в беду*» («*to be in trouble*») [5], [10], [16], [17].

«*I followed, and from the corner of my eye I saw the horseman – Так что я просто последовал за ней и тут же краешком глаза увидел всадников*». Фразеологизм «*from the corner of my eye*» аналогичен русскому «*краем глаза*» [5], [6], [15], [17].

«*“Word of honor”, I said, for whatever that was worth – Слово чести, - произнес я торжественно, к чему бы это не относилось*». Русский фразеологизм «*слово чести*» имеет аналог в английском языке «*word of honor*» [5], [6], [15], [17].

2) Перевод с помощью фразеологизма-аналога:

«*I'd have to be on my toes – Надо быть на чеку*». Дословно английский фразеологизм «*to be on toe*» переводился бы как «*стоять на пальцах ног*», од-

нако в русском языке имеется схожий фразеологизм, но основанный на другом образе: «*быть на чеку*» [5], [9], [11], [17].

«*And the key to it, I knew in a flash, was in remembering Amber – И когда-то знал все ключи к решению задачи, связанной с янтарным королевством*». В этом фрагменте мы видим интересный феномен, связанный с эквивалентностью перевода. Оригинальное предложение и его перевод имеют одинаковый смысл, но передача этого смысла различна. Изначально фразеологизм «*in a flash*» имеет аналог в русском языке и переводится как «*в мгновение ока*». Но переводчик решил изменить данное предложение, чтобы лучше передать его смысл для русского читателя [4], [5], [10], [17].

«*So long as you're here and he's there, why bother sticking his neck out? – Пока ты здесь, а он там, зачем ему совать голову в петлю?*». Английский фразеологизм «*to stick the neck out*» дословно переводится как «*высовывать шею*», однако в русском языке имеется аналог «*совать шею в петлю*» [5], [6], [15], [17].

«*I think we've been pretty lucky so far, and I want to push it for all it's worth – get as close as we can, as quickly as we can – До сих пор на поразительно везло! Я хочу, пока возможно попользоваться этим везением. Следует спешить: может быть, удастся выиграть время*». Так же как и в предыдущем примере, переводчик изменил структуру переведенного предложения, сохраняя смысл оригинала. Английский фразеологизм «*to push smth for all smth is worth*» не имеет эквивалента в русском языке, но существует фразеологизм с аналогичным значением «*делать все возможное*» [5], [6], [15], [17].

«*It was a very foul blow. About four inches below the belt buckle, I'd say, and it left him on his knees – Это был исключительно подлый удар, дюйма на четыре ниже пояса. Дитина рухнул на колени*». Фразеологизм «*foul blow*» имеет аналог в русском языке, основанный на другом образе: «*подлый удар*», «*удар ниже пояса*» [5], [6], [15], [17].

3) Описательный перевод:

«*I almost hit a deer at one point, but we made it around the beast without cracking up or slowing – Один раз я чуть не сбил оленя, но удачно избежал столкновения, даже не замедлив хода*». «*Make it around*» - «*сделать это вокруг*» английский фразеологизм, который не имеет никаких аналогов в русском языке и переводится методом описания «*избегать столкновения*» [5], [6], [15], [17].

«*I'll be glad to stay right here, where you can keep an eye on me – Буду рад, если ты здесь за мной присмотришь*». Данный фразеологизм так же не имеет аналогов в русском языке, поэтому автор переводит его описательно [5], [10], [11], [17].

«*He named it, and I checked it in the phone book, which told me that I was upstate – Он дал мне название компании и телефон. Я проверил по телефон-*

ной книге: *мы находились где-то на севере штата Нью-Йорк*». Фразеологизм «*to be upstate*» не имеет аналогов в русском языке, и перевести его дословно невозможно, т.к. слово «upstate» означает «верху штата», что по-русски смысла не имеет, поэтому автор использует описательный метод [5], [10], [16], [17].

«*Well, what do you propose doing? She finally asked, and being on the spot I replied, "Of course, you don't trust me..."* – Ну хорошо. А что ты намерен делать теперь? – спросила она наконец. Я был к этому вопросу готов и ту же ответил: - Ты, конечно, мне не поверишь...». В данном примере присутствует фразеологизм «*to be on the spot*», который дословно переводится как «находится на точке», поэтому чтобы правильно передать его смысл переводчик прибегает к описательному методу перевода – «*быть готовым*» [5], [6], [15], [17].

Стоит отметить, что в книге Р. Желязны «Девять принцев Амбера» нам не встретилось ни одного примера калькирования англоязычных фразеологизмов. На наш взгляд, это можно объяснить богатством англоязычной и русскоязычной лексики и сходством исходных мировоззренческих установок, формирующих картины мира обоих языков, благодаря чему необходимости в калькировании не возникает, поскольку средства языка-реципиента позволяют адекватно перевести любое образное выражение одним из трёх других способов перевода.

В современном мире нередки конфликты культур. Люди часто не осознают важнейших различий между культурой своего народа и иностранного. А результаты подобных исследований помогут людям различать и понимать нюансы иноязычных конструкций, в свою очередь, позволяет лучше усвоить как минимум языковую картину мира, избегать коммуникативных неудач в процессе общения с носителями языка и расширить свой кругозор за счёт лучшего понимания иноязычной культуры.

Фразеология представляет огромный исследовательский интерес и обширный материал для исследований, но, к сожалению, из-за определённых барьеров мы имеем ограниченный доступ к богатствам изучаемого языка (словарям, статьям, посвященным лексикографии и т.д.), в связи с чем не можем привлекать к исследованию все языковые единицы. В исследуемом произведении мы встретили несколько занимательных конструкций:

«*It's true that uneasy-lies-the-head-bit. – Дурная голова ногам покоя не даёт!*» [5], [17].

«*We talked the moon out of the heavens before either of us grew tired. – Мы предавались воспоминаниям, пока у обоих не стали слипаться глаза от усталости*» [Там же].

Данные предложения очень образны и имеют русскоязычные эквиваленты, но учесть их при обработке материала мы не можем, так как они не

включены ни в один лексикографический источник идиом и фразеологизмов из тех, которыми мы имели возможность воспользоваться.

В заключение мы хотели бы подчеркнуть, что необходимо проводить подобные исследования, так как изучение и сравнение лексических особенностей языка художественной литературы иностранного и родного способствует пополнению словарного запаса не только иностранного языка, но и родного, что в свою очередь позволит обучающемуся научиться наиболее точно передавать смысловые оттенки изучаемого языка.

Список литературы

1. Беспалова Е.А. Фразеология в художественном дискурсе Е.И. Носова: монография. Курск, 2007. 148 с.
2. Беспалова Е.А. Фразеология публицистического дискурса Е. И. Носова: общая характеристика // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2015. № 1. С. 51–55.
3. Биография Роджера Желязны. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Желязны,_Роджер.
4. Веб-ресурс для изучения английского языка. URL: <http://www.english-easy.info>.
5. Желязны Роджер. Хроники Амбера. М.: Эксмо, 2006.
6. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / лит. ред. М.Д. Литвинова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1984. 944 с.
7. Ларионова Ю.А. Фразеологический словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 512 с.
8. CyberLeninka: научная электронная библиотека URL: <https://cyberleninka.ru/>.
9. Манвалерова Е.А. Функциональные особенности употребления устойчивых выражений в англоязычных и русскоязычных СМИ // Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований: материалы междунар. науч. конф. / Н. И. Степыкин (отв. ред.) [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2019. С. 270–276. URL: <https://swsu.ru/structura/up/flmk/main/structura/tpkl/sborniki.php>.
10. Сервис для поиска по базе словарей, энциклопедий, книжных магазинов и фильмов «Академик». URL: <https://translate.academic.ru>.
11. The Free Dictionary by Farlex: словарь английского языка от компании Farlex Inc. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/>.
12. Современная фразеология: тенденции и инновации: монография / Н.Ф. Алефиренко, В.И. Зимин, А.П. Василенко [и др.]; отв. ред. А.П. Василенко. М., СПб., Брянск: Новый проект, 2016. 200 с.
13. Студопедия: электронная база данных. URL: <https://studopedia.ru/>.

14. Международный студенческий научный вестник: электронный научный журнал. URL: <https://eduherald.ru/ru>.

15. Lingvo Live: электронный онлайн-словарь. URL: <https://www.lingvolive.com/ru-ru>.

16. Correct English.ru: изучение английского языка онлайн. URL: <http://www.correctenglish.ru/>.

17. Roger Zelazny. Nine Princes Of Amber. URL: <https://liteka.ru/english/library/175-nine-princes-in-amber>.

УДК 81'42

Д.Д. Марченяк, А.А. Рачёва

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Иркутск

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ ИТАК, ПОЛУЧАЕТСЯ, ЗНАЧИТ В УСТНОМ ДИСКУРСЕ

*Статья посвящена изучению функционирования дискурсивных слов **итак**, **получается**, **значит** в устной речи. Установлено, что в естественной устной речи данные единицы зачастую используются не в соответствии со своим словарным значением. В рамках статьи представлен более подробный анализ слова **итак**. На основе анализа определена частотность использования заявленных слов. Установлено, что подобные употребления характерны как для неофициальных, как и для официальных сфер использования языка.*

Ключевые слова: дискурсивные слова, устная речь, семантика, устный дискурс.

В настоящее время активно изучаются различные явления, характерные для устной речи, в особенности функционирование в ней дискурсивных маркеров, позволяющих говорящему организовать, структурировать порождаемый им дискурс (см, например, [1, 3, 4, 5] и др). Кроме маркеров, характерных только для устного дискурса, таких как *ну*, *вот*, есть ещё ряд единиц, которые используются как в устной, так и письменной речи. К их числу относятся слова *итак*, *значит*, *получается*. Традиционно данные языковые единицы используются для указания на некое следствие, вывод. Однако во многих случаях в естественной устной речи эти слова используются не в соответствии со своим словарным толкованием. См. примеры.

(1) Это уже семейная сцена, **получается**, начинается. И последнее, какие ваши хозяйские маневры выглядят в глазах Тани причудой?¹

(2) Ну вот, коллеги, **итак**, двадцать пять лет в эти дни исполняется событиям.

(3) На утро нас перевезли, **значит**, на этот... на материк сюда через Малое Море.

В рамках нашего исследования мы хотели бы рассмотреть специфику использования данных единиц в подобных не зафиксированных в словарях значениях. Прежде всего рассмотрим лексикографические толкования каждого слова.

ЗНАЧИТ

1. Вводн. сл. разг. Следовательно, стало быть.

2. Употребляется в значении связки это, это есть при сказуемом, выраженном неопределенной формой глагола [7].

ЗНАЧИТ

1. Вводн. сл. Следовательно, стало быть, выходит

2. Значит (значило, значило бы, будет значить). Употр. В знач. связки «это», «это есть».

3. Союз. И поэтому, следовательно [6].

Рассмотрим, как представлены лексические значения *получается* в данных толковых словарях. Следует отметить, что в рамках этого исследования нас интересуют употребления *получается* в качестве вводного слова, синонимичного слову *следовательно*, а глагольные употребления данной единицы не рассматриваются. В словарной статье в [7] представлены только дефиниции глагола *получаться*.

ПОЛУЧАТЬСЯ, – ается; несов.

1. Несов. к получитья;

2. Страд. к получать.

В отличие от [7], [6] описывает употребление *получается* в качестве вводного слова.

ПОЛУЧАТЬСЯ, несов.

1. См. получитья;

2. Получается, вводн. сл. Выходит, следовательно (разг.).

Рассмотрим словарную статью *итак* в [7].

ИТАК

1. В начале предложения в знач. союза. Следовательно, таким образом. Идентичное значение *итак* представлено в [6].

¹ Примеры из устного подкорпуса «Национального корпуса русского языка».

ИТАК

1. Союз. Употребляется в начале предложения, содержащего вывод из предыдущего, близок по значению к словам: таким образом, следовательно.

Таким образом, для анализируемых слов толковые словари описывают функцию маркирования вывода, следствия (рассматривая их употребления в качестве вводного слова).

Однако, как отмечено выше, словарные толкования не позволяют интерпретировать ряд употреблений единиц *итак*, *значит*, *получается* в естественной устной речи. Безусловно, в данном случае можно говорить об ошибочном употреблении данных слов, однако частотная ошибка может уже рассматриваться как закономерность, потенциальное новое значение или функция. Кроме того, важно обратить внимание на то, в какой сфере возникают употребления такого типа: характерны ли они исключительно для неофициального общения или встречаются в официальных формах коммуникации.

Для того чтобы ответить на эти вопросы, проанализируем примеры из устного подкорпуса «Национального корпуса русского языка». В рамках данной статьи подробно остановимся только на рассмотрении функционирования слова *итак*.

Нами было рассмотрено 150 контекстов со словом *итак*, из них в 94 контекстах эта единица имеет зафиксированное в словарях значение (в этом случае возможна замена *итак* на синонимичные единицы *таким образом*, *следовательно*). См. примеры.

(1) **Итак**, конечно, сегодняшняя ситуация спровоцирована внешними факторами прежде всего.

(2) **Итак**, объединение демократической оппозиции произошло.

Однако в 56 примерах значение *итак* вряд ли можно истолковать с помощью представленных в словарях дефиниций.

(1) **Итак**, представьтесь, пожалуйста, откуда вы, и задавайте вопрос.

(2) **Итак**, участники представлены, и мы переходим к первому этапу наших дебатов.

(3) **Итак**, мы начинаем в алфавитном порядке.

Проанализировав данные высказывания, можно прийти к выводу, что слово *итак* используется в этих случаях специфически. Обращая внимание на лексику, представленную в данных примерах, заметим, что в потоке речи говорящий использует *итак* наряду с такими единицами, как *представьтесь*, *переходим к первому этапу*, *начинаем*, *для начала*. Значение этих слов и словосочетаний позволяет заключить, что *итак* используется в начале коммуникативной ситуации. Следовательно, *итак* в подобных контекстах не может указывать на переход к обобщению, итогу. Таким образом, мы наблюдаем из-

менение функции и значения данного слова. По всей видимости, в таких контекстах говорящий использует *итак* для того, чтобы структурировать повествование или чтобы перейти к новой мысли, а также установить связь с предыдущим фрагментом речи. См. примеры.

(1) *Итак, сегодня в этой студии развернется довольно-таки необычная дискуссия, мы будем говорить о возможных сценариях развития общественной жизни*

(2) *Итак! Начнём с того, что мы с вами обсуждали.*

Заметим, что в последнем примере говорящий сосредоточивает внимание на определенной фазе обсуждения: «начнём с того, что...обсуждали», предлагая продолжить дискуссию в заданной последовательности. Таким образом, можно предполагать, что *итак* в подобных примерах «связывает важные структурные узлы текста, обеспечивает сюжетные переходы: от экспозиции к завязке, от завязки к кульминации, от посылок к умозаключению и т.п.» [Дараган, 2000]. Часто это происходит в момент взаимодействия ведущего с участниками какой-либо организованной встречи, например, объявление участников или передача микрофона от одного участника к другому. См. примеры: (1) *Итак, сначала руководство команды. Пресс-атташе Сергей Королев!* (2) *Итак, Егор, вам слово.* Следовательно, происходит расширение значения дискурсивного маркера: *итак* в этом случае маркирует не только переход к выводу, обобщение, а любой структурно значимый узел текста.

Проанализировав данные примеры, можно прийти к выводу, что употребления такого типа довольно частотны: они составляют 37,7% от общего числа рассмотренных вхождений.

Как позволяют заключить данные НКРЯ, такого рода употребления *итак* вышли за пределы разговорной речи и активно функционируют в тех формах коммуникации, которые предполагают использование кодифицированной формы литературного языка: извлечённые из НКРЯ высказывания были произнесены в эфире следующих телевизионных программ: «Правда на ОТР», «Прямой разговор» на т/к «Дождь», «Проект «Academia» (ГТРК «Культура») и др.

Безусловно, сейчас подобные употребления слова *итак* являются ошибочными, но вместе с тем количественные данные и данные о сферах использования *итак* в подобном значении позволяют заключить, что эта ошибка претендует на статус закономерности. Она является частотной, последовательно встречается в речи представителей средств массовой информации. Всё это позволяет предполагать, что мы наблюдаем процесс расширения значения слова *итак* и формирование у него новой функции – структурирования повествования и установления связи с предыдущим фрагментом речи – функции, пока характерной исключительно для устной речи.

Список литературы

1. Викторова Е.Ю. Функционирование дискурсивных слов с диффузным значением // Вестник ТГУ. 2014. № 383. С. 27–34.
2. Дараган Ю.В. Функции слов-«паразитов» в спонтанной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог 2000». URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogue%202000-1/67.htm>.
3. Кибрик А.А., Подлесская В.И. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог 2009». М.: Изд-во РГГУ, 2009. С. 390–395.
4. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.
5. Кобозева И.М., Захаров Л.М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог 2005». М.: Изд-во РГГУ, 2005. С. 292–297.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 908 с.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981–1984.

УДК 81-25

А.А. Медведева, М.В. Виноградова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ВОСПРИЯТИЯ ФЕМИНИТИВОВ

В статье представлены некоторые результаты экспериментального исследования восприятия русских феминитивов носителями языка мужского и женского полов, проведённого несколькими методами, включая метод ассоциативной реакции.

Ключевые слова: *феминитивы, гендер, гендерный подход, ассоциативная реакция, экспериментальное исследование.*

Язык отражает культуру и окружающий нас мир, и в то же время создает у человека определенное видение того, как этот мир устроен [1, с. 65]. Психологически реальное значение слова трудно поддается определению и

анализу, поскольку зависит от практически неопределимого количества разнородных факторов, легко подвергается разнообразным изменениям как в синхроническом, так и в диахроническом планах [9, с. 27]. Изменения, которые происходят в обществе, неизбежно находят отражение в языке, что приводит, например, к появлению новых языковых единиц и форм. На сегодняшний день, когда женщины занимают позиции, ранее доступные только мужчинам, проблема обозначения лиц женского пола по социальной и профессиональной принадлежности очень актуальна. В связи с этим в последнее время наблюдается интерес к словам, которые обозначают лиц женского пола по профессиональной, социальной, религиозной принадлежности и месту жительства. Такие слова называются феминитивами.

Феминитивы (от лат. *femina* – «женщина»); также используется вариант феминативы) – имена существительные женского рода, которые обозначают женщин, образованы от однокоренных существительных мужского рода, обозначающих мужчин, и являются парными к ним [2, с. 90]. Для образования слов женского рода от мужского используют суффиксы -иц(а), -к(а), -овк(а), -чиц(а), -щиц(а), -есс(а), -ин(а), -ин(я), -ис(а), -ш(а), -их(а). В русском языке феминитивы уже закреплены в словарях и периодически встречаются в письменной и устной речи.

Дихотомия мужского и женского для языка не нова, как не новы и её исследования в языкознании. Ещё в конце XX века в лингвистике появилось новое направление – гендерная лингвистика. Изначально термин «gender» существовал только в лингвистике и обозначал грамматическую категорию рода, однако, в конце 60-х – начале 70-х г. XX в. начал использоваться и в других гуманитарных областях науки, чтобы провести различие с термином «sexus» (биологический пол), который подразумевает, что различия тел мужчин и женщин, их роль в обществе и труде обусловлены природной детерминированностью. В отличие от категории *sexus*, гендер не создается природой, а «создается» обществом (*doinggender*), предписывается социальными институтами и культурными традициями [8, с. 16–17]. В современной лингвистике гендерный аспект породил множество лингвистических исследований, многие из которых ориентированы на изучение средств, способов и коммуникативных ситуаций выражения гендерных особенностей в языке и речи.

Гендер и социокультурные стереотипы, безусловно, влияют на поведение и речь человека. Именно в таком значении термин «гендер» и вернулся в лингвистику, которая начала изучать антропоориентированную природу языка [10, с. 59].

В связи с тем, что в современном мире уже давно происходит более активный пересмотр позиций по отношению к распределению социальных ролей в обществе, гендерные исследования получают широкое распространение. Гендерные исследования – это новейшая формирующаяся в России об-

ласть знания, которая еще не имеет устоявшегося понятийного аппарата. Представители и последователи Московской школы гендерной лингвистики (А.В. Кирилина, И.А. Гусейнова, М.В. Томская и т.д.) считают, что гендер – это социокультурный конструкт, связанный с предписыванием индивиду определенных качеств и норм поведения на основе его биологического пола [6, с. 32].

Возникновение любого нового феномена в языке всегда возбуждает интерес лингвистов, тем более это актуально в рамках антропологической парадигмы современного языкознания [3, с. 28]. А возникновение новых феминитивов, на наш взгляд, должно привлечь внимание и исследователей из других гуманитарных наук, поскольку свидетельствует, по меньшей мере, о начале значительных изменений языковой картины мира носителей русского языка, которые, как известно, отражают изменения картины мира индивида в частности и социума в целом.

Поскольку язык формирует у людей определённое видение того, как устроен окружающий мир, усваивая существующие языковые нормы и практики, носители языка усваивают, в том числе, и представления о том, какими должны быть мужчина и женщина, какими должны быть их роли в социуме. Эти представления находят отражение как в речи отдельных носителей языка, так и в медиаречи, выступая одним из проявлений коммуникативной культуры работников массмедиа [4, с. 29]. Естественно, возникновение новых феминитивов не может не навести на мысль о том, что в существующей на сегодняшний день в языке и обществе ситуации гендерной асимметрии наметились перемены.

Рассмотреть многие проблемы и взглянуть по-другому на знакомый феномен пола позволяет применение гендерного подхода. Если категория *sexus* значима для анализа ряда лексических единиц, где пол является компонентом значения, то гендерные исследования в языкознании охватывают более широкий круг вопросов, рассматривая все способы языкового конструирования мужской или женской идентичности. Так, например, внимание когнитивной лингвистики и психолингвистики, широко использующих этот подход, направлено не на языковые единицы сами по себе, а на их психологическую реальность для говорящего человека, на их использование в актах порождения и понимания высказываний, а также в усвоении языка. Это и обусловило наш выбор подхода для исследования феномена феминитивов.

Нас интересовало, насколько широко используются феминитивы в речевой практике носителей языка, а именно: насколько привычным и осознанным является этот феномен для русскоговорящих. Для достижения этой цели мы провели экспериментальное исследование, включавшее в себя сбор и анализ данных, полученных от русскоговорящих информантов. Сбор данных проводился в форме тестирования методами определения, встречалось/ не

встречалось испытуемым (далее – ии.) слово-стимул, понятно/ не понятно значение слова-стимула, и приведения ассоциативной реакции на каждое слово-стимул. Исследование по критериям «встречалось – не встречалось» и «понятно – не понятно» мы предприняли для получения представления о том, насколько частотно употребление феминитивов в речи носителей языка. Метод свободной ассоциации, который является одной из наиболее разработанных техник психолингвистического анализа семантики [11], был призван продемонстрировать сформированность специфической внутренней структуры слов-стимулов и глубинных моделей интеграции выражаемых ими понятий в картину мира [7].

В экспериментальном исследовании приняли участие 168 человек: 105 русскоговорящих информантов женского пола и 63 русскоговорящих информанта мужского пола. Контингент ии. составили студенты 1 и 2 курсов экономического и юридического факультетов Юго-Западного государственного университета (г. Курск), т.е. молодые люди в возрасте от 17 до 20 лет. Такая выборка информантов была обусловлена предположением о том, что молодые люди более восприимчивы ко всему новому, в том числе к новым явлениям в языке.

В качестве стимулов нами были отобраны 19 феминитивов. Критерием отбора была предполагаемая понятность значения слова. В результате в список вошли слова с предположительно максимально понятным значением (бортпроводница, абитуриентка, единомышленница, лауреатка, железнодорожница, гардеробщица), слова с предположительно непонятным значением (юзерка, ваятельница, жирондистка, квакерша, электрикесса, якобитка, назначенка) и слова, которые можно отнести к многозначным (держательница, выходица, инородка, жертвенница, полярница, чаевница).

Для чистоты эксперимента, т.е. чтобы не позволить информантам догадаться, что материалом нашего исследования являются именно феминитивы (женский род отобранных нами для исследования существительных легко определяется по формальным показателям – суффиксам и окончаниям женского рода), что могло оказать влияние на приводимые ии. ассоциативные реакции, в список слов-стимулов были включены существительные, не являющиеся феминитивами, а также прилагательные и глаголы, взятые нами из словарей неологизмов (Новое в русской лексике: Словарные материалы-82, 83 и 84).

В результате проведения эксперимента было получено 168 комплектов анкет от 168 испытуемых.

В ходе обработки данных, собранных методом распознавания испытуемыми слов-стимулов как встречавшихся (+)/не встречавшихся (-), мы выделили 4 условные группы стимулов: 1) часто встречающиеся (идентифицированные как встречавшиеся 97%–100% ии.-женщинами и 94%–97% ии.-

мужчинами), 2) регулярно встречающиеся (идентифицированные как встречавшиеся 61% – 94% ии.-женщинами и 60% – 86% ии.-мужчинами), 3) редко встречающиеся (идентифицированные как встречавшиеся 21% – 51% ии.-женщинами и 27% – 37% ии.-мужчинами) и 4) крайне редко встречающиеся (идентифицированные как встречавшиеся 4% – 14% ии.-женщинами и 8% – 13% ии.-мужчинами).

Таким образом, наиболее часто встречающимися словами, по мнению как ии. мужского пола, так и ии. женского пола, являются слова «гардеробщица», «бортпроводница», «абитуриентка» и «единомышленница». К самым редко встречающимся словам ии. обоих полов отнесли слова «якобитка», «квкерша», «жирондистка» и «электрикесса». Стоит отметить, что среди предъявленных испытуемым феминитивов нет слов, которые не встречались бы им вообще.

В результате анализа данных, собранных методом определения степени понятности значения слова, мы так же выделили 4 условные группы стимулов: 1) понятные слова, 2) практически понятные слова, 3) скорее непонятные слова, 4) непонятные слова. Сопоставив данные по группам, выделенным в ходе обработки анкет ии. мужского пола, с аналогичными данными, полученными от респондентов женского пола, мы выяснили, что испытуемые обоих полов отнесли к максимально понятным и максимально не понятным одни и те же стимулы, а именно: «бортпроводница», «абитуриентка», «единомышленница», «железнодорожница», «гардеробщица» были оценены как понятные 76%–89% мужчин и 78%–100% женщин, а «жирондистка», «квкерша», «электрикесса», «якобитка» – как не понятные 78%–92% мужчин и 78%–84% женщин. К практически понятным и скорее не понятным словам ии. обоих полов так же отнесли одни и те же стимулы. Единственным отличием является тот факт, что слово «лауреатка» попало в группу практически понятных ии.-мужчинам и абсолютно понятных ии.-женщинам, но, наш взгляд, эта разница не является существенной, поскольку может быть обусловлена простым стечением обстоятельств. Стоит отметить, что стимул «гардеробщица» был оценён как максимально понятный 100% ии. женского пола. 100% ии.-мужчин не отнесли ни один стимул к максимально понятным. Стимулов, максимально не понятных всем 100% ии.-мужчин или ии.-женщин, так же нет.

Кроме того, сравнив группы, выделенные по критерию «встречалось/ не встречалось», с группами, выделенными по критерию понятности значения, мы обнаружили, что по составу группа понятных слов совпадает с группой часто встречающихся, а группа не понятных слов совпадает с группой крайне редко встречающихся у ии. обоих полов.

Безусловный интерес, с точки зрения оценки степени понимания значения слова и протекания процесса идентификации значения слова у мужчин

и у женщин, представляет свободный ассоциативный эксперимент. Данные о количестве полученных от ии. реакций представлены в таблице.

Количество ассоциативных реакций

Слово-стимул	Количество полученных реакций		Количество совпавших ассоциативных реакций
	муж.	жен.	
<i>Единомышленница</i>	29	37	7
Держательница	27	35	6
Лауреатка	26	36	12
Полярница	23	29	9
Выходица	23	25	6
<i>Бортпроводница</i>	22	28	9
<i>Гардеробщица</i>	22	26	10
Инородка	20	33	9
<i>Абитуриентка</i>	19	24	10
Чаевница	18	27	6
Назначенка	18	18	2
Жертвенница	16	29	5
<i>Железнодорожница</i>	16	18	6
Ваятельница	13	31	7
Юзерка	13	20	5
Квакерша	11	12	2
Якобитка	8	16	2
Электрикесса	7	12	4
Жирондистка	7	11	2

Анализ данных, собранных методом приведения ассоциативной реакции, дал результаты, несколько отличные от результатов анализа данных, полученных двумя другими методами. Наименьшее количество ассоциативных реакций от ии. обоих полов ожидаемо получено на стимулы «квакерша», «якобитка», «электрикесса», «жирондистка». А наибольшее – только на один феминитив из отнесённых нами к группам часто встречающихся и понятных слов – «единомышленница». Кроме того, ии.-мужчины активно приводили ассоциативные реакции на стимулы «держательница», «лауреатка», «полярница», «выходица», а ии.-женщины – на феминитивы «лауреатка», «держательница», «инородка», «выходица». Стоит отметить, что наибольшее количество одинаковых ассоциаций ии. обоих полов привели на слова «лауре-

атка», «гардеробщица», «абитуриентка», «бортпроводница», «полярница», «иногородка», из которых только три входят в группы часто встречающихся и понятных. Внимания заслуживает тот факт, что ии. женского пола давали большее количество ассоциативных реакций практически на все стимулы.

Результаты анализа данных об отказе от приведения ассоциативной реакции демонстрируют обратную тенденцию: ии.-женщины склонны реже, чем ии.-мужчины отказываться от приведения ассоциации на крайне редко встречающиеся и не понятные стимулы, притом, что количество отказов от приведения ассоциации на слова из групп часто встречающихся и понятных приблизительно одинаковое у ии. обоих полов.

Наибольшее и наименьшее количество отказов от реакции у ии. обоих полов так же вызвали одни и те же стимулы. Максимальное количество нулевых реакций, полученное от ии. женского пола на слова «электрикесса», «квакерша», «жирондистка» и «якобитка», составляет 74%–83% от полученных ассоциативных реакций, а у ии.-мужчин – 73%–87%. Минимальное количество нулевых реакций, полученное на слова «бортпроводница», «абитуриентка», «железнодорожница», «гардеробщица» составляет 5%–7% от полученных ассоциативных реакций у ии.-женщины 13%–20% у ии. мужского пола.

Таким образом, сопоставив результаты обработки данных экспериментального исследования, мы обнаружили некоторые различия между количественными показателями, характеризующими процесс идентификации значения нового слова испытуемыми противоположных полов. Так, информанты женского пола склонны приводить больше ассоциативных реакций на понятные и не понятные стимулы и реже отказываться от них, если стимул им не знаком. Однако, такие закономерности, как идентификация одних и тех же слов ии. обоих полов как встречавшихся и не встречавшихся, понятных и не понятных, проявленная и мужчинами, и женщинами склонность к приведению меньшего количества ассоциативных реакций на не понятные стимулы характерная для информантов и мужского, и женского пола тенденция к отказу от приведения ассоциации на не понятное слово свидетельствуют в пользу схожести когнитивных процессов мужчин и женщин. Выявленные нами различия говорят скорее о наличии гендерных воспитывающих в мужчинах больший, по сравнению с женщинами, страх совершить ошибку. Вследствие этого мужчины предпочитают отказаться от приведения ассоциации, если значение слова-стимула представляется им затруднительным для понимания. И, наоборот, в силу того, что общественные стереотипы не требуют от женщины обязательной демонстрации ума в любой ситуации, информанты женского пола не боялись «не угадать» значение, в результате чего мы получили более вариативные женские ассоциации практически на все

стимулы и меньший процент нулевых реакций по сравнению с показателями по этим параметрам у мужчин.

Кроме того, сопоставив результаты обработки данных по феминитивам с результатами анализа данных по использованным нами словам-дистракторам, мы выявили одни и те же тенденции и, соответственно, пришли к выводу о том, что гендерный фактор не оказывает значительного влияния ни на механизмы идентификации значений незнакомых носителями языка слов в целом (что совпадает с результатами подобных исследований, проведённых ранее другими исследователями [5]), ни на способность представителей одного или другого пола понимать значение не встретившихся феминитивов.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.

2. Баданина И.В. Функционирование феминитивов в языке Интернета // Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей I Междунар. науч.-практ. конф. М., РУДН, 2017. С. 89–94.

3. Беспалова Е.А. Прецедентные феномены в газетном тексте (на примере названий литературных произведений) // Известия ЮГО-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 1 (30). С. 28–36.

4. Беспалова Е.А., Карцева О.В. Влияние фактора профессиональной специализации радиожурналиста на его коммуникативную культуру // Новый взгляд на проблемы современного языкознания: материалы VII Междунар. науч. конф. школьников, студентов и аспирантов. Курск, 2016. С. 24–29.

5. Виноградова М.В. Некоторые гендерные особенности идентификации слова (по результатам количественного анализа экспериментальных данных) // Теория языка и межкультурная коммуникация: межвуз. сборник науч. трудов. Вып. 7 / Курск. гос. ун-т. Курск, 2008. № 2(4). С. 6–9.

6. Гриценко Е.С. Язык как средство конструирования гендера: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2005. 48 с.

7. Залевская А.А. Значение слова и возможности его описания. URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1998/articles/2_1.htm (дата обращения: 05.04.2020).

8. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: учебное пособие для студентов высших учебных заведений // М.: РОССПЭН, 2004. 252 с.

9. Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики: монография / В.А. Пищальникова, К.С. Карданова-Бирюкова, Н.С. Панарина [и др.]. М.: Р. Валент, 2019. 200 с.

10. Прудникова Е.С. Категория гендера как объект изучения лингвистики // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (23). С. 59–61.

11. Степыкин Н.И. Сравнительный анализ ассоциативных полей «вежливый»/«вежливая» // Известия Юго-Зап. гос. ун-та. Серия «Лингвистика и педагогика». 2012. № 2. С. 17-22.

УДК 811.161.1072.8

Г.В. Новикова

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева, Орёл

УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С УСЛОВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В РАМКАХ НАУЧНОГО ТЕКСТА В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

В статье с учетом материала пособия по научному стилю речи (технический профиль) рассматриваются особенности изучения и употребления сложных конструкций со значением условия в научных текстах, а также умение использовать их в языке специальности, то есть при работе с различными заданиями, при подготовке самостоятельного сообщения и т.д.

Ключевые слова: коммуникативность, сложные предложения со значением условия, реальное условие, нереальное условие, научный стиль, научный текст, научная речь, язык специальности.

Важной составляющей процесса обучения русскому языку как иностранному является обучение научному стилю речи. Освоение курса «Научный стиль речи» иностранные учащиеся отделения предвузовской подготовки начинают уже на базовом уровне ТРКИ. Данный курс предполагает прежде всего развитие научного мышления иностранцев, умение строить высказывание на русском языке в научном русле. В процессе изучения данной дисциплины необходимо познакомить иностранных студентов с особенностями научной речи, так как ее точность предполагает отбор языковых средств, «обладающих качеством однозначности и способностью наилучшим образом выразить сущность понятий» [6, с. 184], подготовить их к чтению

учебной литературы, к участию в практических занятиях по специальности, к слушанию и записи лекций.

Главная задача вводной части курса – освоить ограниченный объем лексики и синтаксических конструкций (определенных образцов) для включения их в сферу общения на занятиях по общеобразовательным дисциплинам, а также для последующего изучения языка специальности.

Поскольку речь пойдет о сложноподчиненных предложениях с условной семантикой (далее СПП), стоит отметить, что «Синтаксис – это та ступень грамматического строя языка, на которой формируется связная речь. Соответственно, синтаксис как наука изучает средства и способы построения связной речи и прежде всего ее коммуникативных единиц – предложений» [3, с. 37].

Основная функция языка, как известно, коммуникативная, и она реализуется прежде всего через синтаксис. Нельзя не согласиться с точкой зрения, что коммуникативность – одно из основополагающих свойств синтаксиса, из чего вытекает вывод о том, что синтаксису принадлежит особая роль в обучении иностранным языкам [7, с. 72].

В процессе работы с научным текстом лексико-грамматический материал вводится преподавателем на синтаксической основе, поскольку важен тот факт, что «смысловая структура предложения представляет собой вырезанный и обработанный мыслью и языком фрагмент действительности, который можно назвать ситуацией или событием» [8, с. 5].

На начальном этапе студенты осваивают такие простые конструкции, как: **Если $a > b$, то $b < a$; Если $a > 0$, то a – положительное число** и т.д.

Что касается основной части курса, которая является логическим продолжением вводной части, то она включает более сложный и расширенный материал, а именно: усложняется лексико-грамматическое наполнение; тексты, с которыми работают иностранные учащиеся, достаточно объемны по форме и сложны по содержанию.

В статье мы подробно остановимся на изучении и употреблении сложноподчиненных предложений со значением условия в научных текстах для студентов технического профиля, поскольку детальное изучение этих конструкций начинается на базовом уровне и продолжается на 1-ом сертификационном ТРКИ. На этих этапах учащиеся абсолютно готовы использовать в речевой практике более сложные структуры, нежели простые предложения. Более того, большое количество сложноподчиненных предложений с различными значениями, в частности с условным значением, используются в научных текстах, материал которых соотнесен с программным материалом по физике, математике, химии и другим предметам: 1. **Если** траектория тела – прямая линия, **то** движение называется прямолинейным; 3. **Если** нагреть алюминий до определенной температуры, **то** он становится жидким и т.п.

Но, к сожалению, при изучении и употреблении сложных предложений с придаточными условия студенты испытывают некоторые трудности. В чем же они заключаются?

Прежде всего следует начать с того, что существуют такие понятия, как реальное и нереальное условие. Иностранцу, в отличие от носителя языка, необходимо понять, в какой речевой ситуации он может применить конструкции со значением реального и нереального условия.

Преподавателю необходимо объяснить, что такое «условие» как лексическая единица и что такое ситуация условия, которая состоит из двух компонентов: условия и следствия. Событие-условие – это гипотетическое событие, из которого вытекает следствие, кроме того, событие-условие несет в себе альтернативное начало. Событие-условие может быть (стать) реальным, то есть речь идет о реальном условии: **Если** тело за любые равные промежутки времени проходит равные отрезки пути, **то** такое движение называется равномерным. И может не быть (не стать) реальным – это нереальное условие: **Если бы** температуру повысили до 90 градусов, **то** вода начала бы кипеть. Что касается предложений с нереальным условием, то они практически не употребляются в научных текстах и редко в научной речи, поскольку это связано с особенностями научного стиля речи, о которых шла речь выше.

Но тем не менее иностранцу очень важно понять, что главное в условной ситуации – это альтернативная оппозиция, то есть наличие совершения события при условии и события-следствия. Ср.: **Если** человек толкает тележку, но она остается в покое, **то** человек не совершает работу. **Если** человек толкает тележку и она движется, **то** он совершает работу (реальное условие). **Если бы** человек совершал работу, **то** тележка двигалась **бы**. Но она в покое (нереальное условие).

Анализируя условные СПП, следует акцентировать внимание на том, как формируется условное значение. В связи с этим нужно обратить внимание на союзы: **если, если..то, если ..бы**, чтобы выявить реальное и нереальное условие, затем поставить вопрос: при каком условии?, чтобы выяснить условия действий или событий.

Поскольку условные отношения формируют модально-временные формы глаголов-сказуемых и инфинитивы, обращается внимание студентов на следующие формы глаголов, которые используются в условных конструкциях: **буд. – буд., наст. – наст., буд. – наст., инф. – буд., прош. – повел.н., повел.н. – буд., повел.н. – инф.** В научных текстах используются практически все формы, кроме, пожалуй, форм глаголов повелительного наклонения.

Кроме того, стоит особенно подчеркнуть, что при выражении нереального условия условные отношения формируют глаголы-сказуемые, имеющие формы глаголов прошедшего времени (суффикс –л, иногда он отсутствует), указать на обязательное употребление частицы – **бы** – и затем продемонстри-

ровать формулу: **Если бы...S1+ P1- л (-а, -и), то S2+P2 – л (-а, - и) + бы:**
Если бы я хотел стать врачом, **то** я поступал **бы** в медицинский институт.

Любой грамматический материал требует обработки и усвоения. И прежде чем приступить к работе с научным текстом, иностранцу нужно иметь четкое представление о структуре и смысловой стороне сложных конструкций, узнавать их в тексте, а затем правильно использовать в речи, поэтому необходим тренинг, то есть выполнение различных упражнений и тестов.

Так как текст является центром, вокруг которого выстраивается система языковых и речевых заданий, преподавателю необходимо внимательно подходить к выбору как текстов, так и упражнений, чтобы активизировать работу студентов и подвести их к выходу в речевую коммуникацию, поскольку это главная и конечная цель в работе с иностранными учащимися. Необходимо, чтобы тексты были направлены на развитие навыков чтения с последующим построением монологического высказывания по тексту, поэтому можно использовать традиционную схему работы с научным текстом, которая применительна к работе с текстами любой стилистической направленности. Речь идет о выполнении предтекстовых, притекстовых и послетекстовых заданий.

Перед тем как приступить к работе с текстом, конечно же, нужно уделить внимание работе с лексикой (терминами и т.д.), которая нацелена на понимание содержания текста, важно обратить внимание на грамматические конструкции, то есть выполнить ряд упражнений, которые помогут глубже и правильнее понять текст. Относительно СПП условия, которые очень часто используются в научных текстах, можно выполнить следующие задания:

1. Вместо точек вставьте слова.

Если скорость тела изменяется, **то** это ...движение. Тело движется ... (неравномерно, неравномерное); **Если** скорость тела – постоянная величина, **то** это движение. Тело движется ... (равномерно, равномерное).

2. Закончите предложения.

Если охладить ртуть до определенной температуры, **то** она становится **Если** охладить кислород до определенной температуры, **то** он становится... и т.д.

Притекстовые упражнения ориентируют студентов на чтение текста, его смысловую сторону. Активно можно использовать условные конструкции в послетекстовых упражнениях, которые нацелены на проверку понимания содержания текста, на подготовку студентов к речевой коммуникации. Предлагаются следующие задания:

1. Ответы на вопросы, нахождение информации в качестве ответов:

При каких условия любая жидкость кипит? При какой температуре плавится алюминий?

Выполняя задание, можно использовать метод трансформации, то есть студенты могут по-другому построить предложение: с условным союзом **если**. Ср.: При определенной температуре алюминий плавится. **Если** алюминий нагреть до определенной температуры, **то** алюминий начнет плавиться и т.д.

2. Постановка вопросов на развитие логического мышления.

Если человек толкает тележку и она движется, человек производит работу?

Если человек толкает тележку, действует ли он на нее с некоторой силой?

Можно использовать задания, связанные с расположением частей текста в правильной последовательности.

Или составить план, затем кратко передать содержание текста и т.д.

Также можно использовать пересказ текста, опираясь на рисунки и таблицы. Сжатый пересказ и т.д.

Выполняя различные упражнения, у студентов автоматизируются навыки правильного употребления не только лексики, но и любых сложных конструкций, которые являются единицей текста: «сложное предложение есть феномен, воспроизводящий существенные характеристики текста» [5, с. 4].

Любой текст (в том числе и научный) реализует индивидуальные способности говорящего и приводит язык в действие, следовательно, выстраивая высказывания, иностранец, приводя язык в действие, создает речевой акт, опираясь на лексику и грамматические формы (образцы) изучаемого языка.

Список литературы

1. Аросева Т.Е., Рогова Л.Г., Сафьянова Н.Ф. Научный стиль речи: технический профиль: пособие по русскому языку для иностранных студентов. М.: Русский язык. Курсы, 2012. 312 с.

2. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа // Новое в лингвистике. Вып. 4. М.: Прогресс, 1965. С. 434–449.

3. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

4. Лингводидактическая программа по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень. М.: РУДН, 2010. 184 с.

5. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст: к типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. 200 с.

6. Солганик Г.Я. Стилистика текста: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2002. 256 с.

7. Степаненко В.А. Сложно ли обучать сложному предложению? / Лингводидактические проблемы преподаванию русского языка как иностранного: монография. М.: Изд-во «Качество жизни», 2008. 280 с.

8. Храковский В.С. Проблемы деривационной синтаксической теории: автореф. дис ... д-ра филол. наук. Тбилиси, 1972. 51 с.

УДК 811.161.1

М.В. Орехова

ФГБОУ ВО «Орловский государственный аграрный университет
имени Н.В. Парахина», Орёл

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА АРБАТА В РАССКАЗЕ Б.К. ЗАЙЦЕВА «УЛИЦА СВЯТОГО НИКОЛАЯ»

Статья посвящена анализу фразеологических единиц, которые были использованы в тексте рассказа Б.К. Зайцева «Улица Святого Николая» для раскрытия образа Арбата, и оценке их роли в воплощении авторской идеи. Проанализирована частота употребления средств фразеологии. Фразеологические единицы рассмотрены в их соотносительности с частями речи.

Ключевые слова: Б.К. Зайцев, рассказ «Улица Святого Николая», образ Арбата, фразеологическая единица, фразеограмматическая группа.

Борис Константинович Зайцев – писатель эпохи Серебряного века, чьи произведения отличаются необыкновенным лиризмом. Автор мастерски описывает чувства своих героев, их переживания, эмоциональное состояние, настроение, раскрывает их внутренний мир, демонстрируя его сложность и многогранность. Действия и события при этом отходят на второй план, становясь неким фоном, с помощью которого автор раскрывает чувства и эмоции своих героев и подчеркивает их глубину. Такая особенность свойственна и рассказу «Улица Святого Николая» (1921), где автор уделяет внимание не столько историческим событиям, ставшим переломными для России, сколько тому, какие последствия они имели для людей, как изменили их жизнь, эмоциональное состояние, мировосприятие. Отличие этого рассказа в том, что главным его героем становится московский Арбат, который автор благодаря трем построенным там православным храмам – «Никола Плотник, Никола на Песках и Никола Явленный» [1, с. 276], – называет улицей Святого Николая.

Рассказ «Улица Святого Николая» высоко оценивали многие исследователи литературного творчества Б. Зайцева. Так, А.В. Курочкина считает его «лирическим откликом на современную жизнь, проникнутым мистицизмом и острой эмоциональной реакцией» [2, с. 37], а А.И. Минаева называет этот рассказ «лирическим памятником ушедшей России» [3, с. 49]. Арбат же как «особую страницу жизни и писания Бориса Зайцева» [Там же] литературоведы воспринимают как «аналог его души, отражающий субъективные переживания» [2, с. 37]. «С картинами жизни Арбата в рассказ входит эпическое начало, однако оно подчиняется субъективной тенденции, которая господствует в сюжете», – отмечает А.В. Курочкина [Там же]. В рамках данной статьи предпринята попытка рассмотреть, какие языковые средства использовал Б. Зайцев, создавая образ Арбата, а именно – какие фразеологические единицы (далее – ФЕ) были отобраны автором, как и насколько они способствовали раскрытию данного художественного образа.

Применив широкий подход к пониманию объема фразеологии, мы выделили в тексте рассказа 31 ФЕ в 42 употреблении. Частота применения составила 3,5 ФЕ на страницу текста, что ниже, чем в других произведениях Б. Зайцева. Например, степень фразеологической насыщенности повести «Голубая звезда» (1918) составляет 4,5 ФЕ/стр., рассказа «Авдотья-смерть» (1927) – 6,7, а в текстах романов писателя этот показатель варьируется от 5 в романе «Заря» (1936), открывающем тетralогию «Путешествие Глеба», до 5,9 в романе «Дальний край» (1912) [5, с. 20]. Следовательно, можно предположить, что, работая над текстом рассказа «Улица Святого Николая», Б. Зайцев намеренно отказывается от большого количества фразеологических средств художественной выразительности, избегая тем самым внешней яркости и экспрессии. В то же время с помощью ФЕ автор привлекает внимание к своим мыслям, чувствам, переживаниям. Он не говорит прямо о своем отношении к описываемым событиям, но дает читателю возможность его понять и прочувствовать, и ФЕ играют в этом важную роль. Интересно, что только в 12 случаях из 42 автор применяет ФЕ собственно для создания и раскрытия образа Арбата. Относительно редко обращаясь к фразеологии, Б. Зайцев тем самым подчеркивает значимость каждой ФЕ для создания необходимого настроения и воплощения идеи рассказа в целом. Рассмотрим конкретные примеры использования ФЕ различных фразеогрупп и их роль в раскрытии образа улицы Святого Николая.

Создавая образ Арбата, Б. Зайцев применяет ФЕ, соотносящиеся с пятью различными частями речи: существительным (2), прилагательным (1), наречием (2), междометием (1), частицей (6).

Наиболее употребительной оказывается ФЕ-частица (*как*) *будто* (*бы*), которая «выражает сомнение, неуверенность» [4, с. 62]. Всего эта ФЕ используется 7 раз, в 6 случаях – для описания Арбата. Это самая частотная ФЕ в тексте рассказа, следовательно, можно рассматривать ее как ключевую, чье

значение реализуется не только в конкретном контексте, но и важно для раскрытия смысла художественного произведения в целом. В начале рассказа Б. Зайцев так описывает атмосферу, царящую на Арбате: «*И жизнь прядет, и все как будто чинно, все так крепко, и серьезно, и зажиточно, благонамеренно*» [1, с. 276]. В данном случае ФЕ нужна, чтобы показать, что внешнее благополучие – это только видимость, подчеркнуть, насколько хрупок мир, который может быть разрушен в один миг и в котором то, что казалось неизблемым, стабильным, очень быстро меняется с началом революционных событий 1905-го года. Проходит время, жизнь начинает налаживаться, но с помощью той же ФЕ автор вновь привносит в ее описание значение сомнения и неуверенности: «*И снова – строятся дома, фабрики, возрастают, везут зерно на вывоз и приходят в порты русские из дальних странствий корабли с товарами: как будто крепнет, богатеет Русь. Как будто процветает и Арбат. (...) И как будто весело, благополучно*» [1, с. 278]. В одном абзаце данная ФЕ употребляется трижды, подчеркивая тем самым иллюзию благополучия и процветания, тревогу, которая скрывается за внешним весельем, отсутствие уверенности завтрашнем дне. С помощью ФЕ описание жизни Арбата наполняется эмоциональным напряжением, ожиданием чего-то страшного, что вновь разрушит мир его обитателей. И следующее событие, которое перевернуло жизнь Арбата, Москвы и России в целом, – первая мировая война. Поистине страшные события переживали жители Арбата в ту эпоху, и все их чаяния, связанные с переменами к лучшему, могли найти опору только в вере. Потому собираются люди в арбатских храмах, вознося молитвы своему святому покровителю: «*И будто бы Никола сам, помощник страждущим, ближе сошел в жизнь страшную*» [1, с. 284]. В этом предложении ФЕ, помимо неуверенности, означает и хрупкую надежду, которая дает людям силы перенести выпавшие на их долю испытания.

Таким образом, ФЕ, соотносящаяся с незначительной частью речи и потому не имеющая самостоятельного значения, играет немаловажную роль в тексте рассказа. С ее помощью Б. Зайцев создает нужный эмоциональный настрой и помогает читателю понять и прочувствовать ту атмосферу, которую он воспроизводит в своем рассказе.

Мировоззрение автора, глубина его веры и убежденность, что спасение можно найти только в ней, искреннее переживание трагических событий, которые происходили в те страшные годы, помогает понять и субстантивная ФЕ *сорок сороков* «бесчисленное множество, большое количество чего-либо» [6, с. 416]. Писатель использует эту ФЕ, говоря о великом множестве московских храмов. Описывая арбатскую жизнь, автор размышляет: «*Средь горечи ее, стонов отчаяния, среди крови, крика, низости, среди порывов, деятельности, силы и ничтожества, среди всех образов и человека, и животного – всегда, в субботний день пред вечером, в воскресный – утром, гудят спокойные и важные колокола Трех Никол, вливаясь в сорок сороков церквей*

Москвы» [1, с. 284]. Таким образом Б. Зайцев вновь подводит читателя к мысли о вечных ценностях, о том, что может дать успокоение и надежду людям, доведенным до отчаяния и впавшим в уныние. Грязи и суете земной жизни автор противопоставляет спокойствие и величие церквей, и с помощью ФЕ подчеркивает, сколь много храмов даже в самые тяжелые времена продолжают службы, сохраняя православные традиции, и сколь много людей стремится туда в поисках утешения и облегчения страданий. Вспыхивают революции, меняется политический строй, начинаются и заканчиваются войны, а вера, потребность людей в посещении храмов, стремление к воссоединению с Богом остаются, по мнению Б. Зайцева, неизблемыми.

ФЕ *сходится в могилу* «умирать» [6, с. 432] может быть рассмотрена как адъективная, поскольку глагольный компонент использован в форме причастия, следовательно, ФЕ, помимо значения действия, приобретает значение признака. Кроме того, узуальная ФЕ подвергается индивидуально-авторскому преобразованию и редуцируется до одного компонента: «*В цветах и в музыке, бокалах и сиянье жемчугов, под звон ножей, тарелок веселится шумная Москва, ни о чем не гадающая, нынче живущая, завтра сходящая, полумиллионная, полубогемская, сытая и ветром подбитая, и талантливая и распушенная*» [1, с. 275]. Таков центр Москвы в начале рассказа: Арбат весел, беззаботен, живет полной и богатой жизнью. Трансформированная ФЕ подчеркивает, что эта жизнь может закончиться в один миг. Как жизнь человека может мгновенно прерваться, так и жизнь целого города. Москва в целом и Арбат как ее часть вновь рассматривается как нечто одушевленное, а значит, способное не только жить, но и умереть, и с помощью ФЕ автор словно предсказывает грядущие изменения.

Для описания Арбата, который возвращается к нормальной жизни после революционных событий 1905-го года, используется адвербиальная ФЕ *не нынче завтра* «очень скоро, в ближайшие дни» [4, с. 423]: «*Не нынче завтра весь он будет вымощен гранитом, как в Европе; и кафе его сияют, и огромный дом воздвигнется на углу Калошина, с бронзовым рыцарем в нише*» [1, с. 278]. В данном предложении с помощью ФЕ автор подчеркивает, как близко было светлое будущее, какие перспективы открывались перед Арбатом, как он должен был преобразиться в самое ближайшее время. Позиция ФЕ в начале предложения усиливает это значение и в то же время наводит на мысль о том, как быстро и легко все эти блестящие планы были разрушены реальными событиями мировой истории. Так Б. Зайцев вновь подчеркивает зыбкость бытия, где весь жизненный уклад в одночасье может резко измениться.

Отношение к переменам в российской и мировой истории, их эмоциональное восприятие автор передает с помощью единственной в тексте рассказа междометной ФЕ *не может быть*, содержащей «восклицание, выражающее удивление и недоверие, сомнение в чем-нибудь» [4, с. 368]. Обраща-

ясь к Арбату, Б. Зайцев говорит: «Неделю ты прислушивался, как громили бомбами – ныне не Пресню уж, а самый Кремль. И за дверьми, за ставнями шептал: “**Не может быть, нет, невозможно!**”» [1, с. 281]. В данном случае речь идет уже о событиях октября 1917-го года и последовавшей за ними гражданской войне, и с помощью ФЕ автор передает страх, отчаяние людей, ужас от происходящего, невозможность поверить в то, что это могло случиться на самом деле, непонимание того, как жить дальше, нежелание принять реальную действительность, ее отрицание, попытку спрятаться от нее «за дверьми, за ставнями» [1, с. 281] арбатских домов. Арбат, по словам Б. Зайцева, прислушивался, шептал, боясь говорить в полный голос, и не мог поверить в то, что все происходящее совсем рядом с ним – правда.

Таким образом, ФЕ оказываются важным художественным средством, способствующим раскрытию образа Арбата и, следовательно, воплощению идеи рассказа «Улица Святого Николая» в целом. Используя ФЕ, соотносящиеся с различными частями речи, как самостоятельными, так и служебными, Б. Зайцев тем самым привлекает к реализации своего замысла языковые средства, различающиеся не только фразеологическим, но и грамматическим значением. ФЕ, используемые в тексте, помогают автору создать нужное настроение и соответствующий эмоциональный фон, а читателю – понять позицию автора, его мировоззрение, прочувствовать его отношение к воссоздаваемым на страницах рассказа событиям.

Список литературы

1. Зайцев Б.К. Улица Святого Николая // Зайцев Б.К. Дальний край. Повести. Рассказы. М.: Дрофа, 2003. С. 275–286.
2. Курочкина А.В. Сюжетно-композиционное своеобразие лирической прозы Б. Зайцева // Творчество Б.К. Зайцева и мировая культура: сборник статей: материалы Всерос. науч. конф., посвященной 135-летию со дня рождения писателя. Орел, 2016. С. 36–39.
3. Минаева И.А. Москва в жизни и творчестве Б.К. Зайцева // Творчество Б.К. Зайцева и мировая культура: сборник статей: материалы Всерос. науч. конф., посвященной 135-летию со дня рождения писателя. Орел, 2016. С. 49–53.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
5. Орехова М.В. Фразеологические единицы как элемент идиостиля Б. Зайцева (на материале романов): дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2009. 235 с.
6. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М.: Изд-во «АСТ»: «Астрель», 2001. 512 с.

Г.Б. Полякова, С.В. Кулешова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ПРОБЛЕМА ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ НЕВЕРБАЛЬНЫМ КОМПОНЕНТАМ РЕЧЕВОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

В статье рассматриваются особенности невербальной коммуникации в сфере иноязычного межкультурного образования. Целью данной статьи является рассмотрение проблемы обучения будущих специалистов невербальным компонентам речевого общения (языка жестов, мимики, коммуникативного поведения). Одной из ключевых проблем в программе обучения специалистов, чья профессия предполагает в дальнейшем межкультурное общение, является незначительное внимание к особенностям невербального общения, присущего представителям разных культур, что часто становится причиной коммуникативных барьеров между обеими сторонами.

Ключевые слова: *невербальная коммуникация, межкультурная коммуникация, межкультурный подход, методика преподавания языка, межкультурное образование.*

В эпоху глобализации, расширяющей социальное и культурное пространство жизни индивида, всё чаще происходят изменения в структуре образовательного пространства, что вызвано внедрением в культуру новых процессов, ценностей и особенностей учащихся, способов измерения результатов образования, систем взаимодействия субъектов образовательной деятельности. В настоящее время в сфере преподавания иностранных языков происходит постепенный переход от коммуникативного этапа в методике преподавания к посткоммуникативному (межкультурному), т.е. происходит отказ от привычных методов преподавания в пользу методов, где ключевым понятием является культура. В связи с этим происходит расширение целей обучения. Результатом такого перехода должна являться межкультурная компетенция, а не коммуникативная, как это было ранее. Формирование межкультурной компетенции в таком случае осуществляется в учебном процессе через *межкультурное образование* – «индивидуальный процесс развития личности, ведущий к изменению поведения индивидуума, связанного с

пониманием и принятием культурно-специфических форм поведения представителей других культур» [1].

Такие изменения ведут к повышенным требованиям к будущему специалисту. Особенно такие завышенные требования применимы к специалистам в области иностранных языков, так как для них существует профессиональная необходимость общения с представителями разных культур. При этом считается, что чем больше культур знает специалист, тем выше его конкурентоспособность в будущей профессиональной деятельности. Общение с представителями разных культур называется *межкультурной коммуникацией*.

Межкультурная коммуникация – особая форма коммуникации двух или более представителей различных культур, в ходе которой происходит обмен информацией и культурными ценностями взаимодействующих культур. Процесс межкультурной коммуникации есть специфическая форма деятельности, которая не ограничивается только знаниями иностранных языков, а требует знания также материальной и духовной культуры народа, религии, ценностей, нравственных установок, мировоззренческих представлений и т.д. в совокупности определяющих модель поведения партнеров по коммуникации [2, с. 95].

Соответственно, на занятиях иностранным языком следует уделять внимание не только лексической стороне изучаемого языка, но и рассмотрению культурного контекста, включающего мировоззрение представителя иной культуры, его коммуникативное поведение, а также жесты и мимику, возникающие в рамках той или иной языковой ситуации, т.е. невербальную сторону изучаемого языка. Таким образом, в современной лингводидактике формируется *межкультурный подход*.

Межкультурный подход – аспект в методике преподавания иностранных языков, в котором главную роль в обучении играет культура изучаемого языка. Данный подход указывает на то, что язык не существует отдельно от культуры, и в первую очередь учить нужно культуре, а не языку, а также формировать в сознании студентов межкультурную компетенцию, позволяющую узнать не только чужую культуру, но и переосмыслить свою, формируя тем самым в сознании обучающихся «третью культуру». Межкультурный подход рассматривает язык во всех его аспектах, чем и привлекает к себе внимание многих исследователей [3]. Применение данного подхода подразумевает обучение студентов межкультурной *невербальной коммуникации*.

Невербальная коммуникация – это целенаправленный процесс информационного обмена, знаковыми системами которого могут быть биологически целесообразные поведенческие сигналы животных или людей, направленные на совместную адаптацию к окружающей среде [4, с. 124].

Аспектами невербальной коммуникации являются: зрительный контакт, голос, осанка, жесты и движения, телесный контакт и прикосновения, запах, цвет и т.д. В отличие от вербальной коммуникации невербальная коммуникация не имеет определенной ясности в ситуациях межкультурного диалога, так как разные невербальные знаки имеют разные значения для разных представителей культур, а также зависит от индивидуальности говорящего. К примеру, жест, который европейцы показывают руками как «*пройдёмте*» и сопровождается повторяющимся взмахом рук в сторону нужного места в ситуации коммуникации с носителями корейского языка может неправильно интерпретироваться, поскольку в культурной картине мира корейцев этим жестом подзывают собаку.

Невербальная коммуникация по большей своей части универсальна, к примеру, представитель любой культуры имеет в своем понимании общие правила этикета и стандартные навыки поведения, такие как *привлечение внимания, обращение, знакомство, приветствие, прощание, извинение, комплимент, разговор по телефону, письменное сообщение, поздравление, благодарность, пожелание, утешение, сочувствие, соболезнование и др.* Однако общекультурные невербальные нормы общения обладают определенной национальной спецификой. Так, у немцев и американцев при приветствии обязательна улыбка, а у русских - нет. Благодарность за услугу обязательна у русских, но не нужна в китайском общении, если собеседник - ваш друг или родственник. При приветствии коллег у немцев принято рукопожатие, а у русских оно не обязательно и т.д. [5, с. 36]

Говоря о важности изучения невербальной коммуникации в межкультурном образовании, стоит отметить, что владеть иностранным языком еще не означает, что специалист достигнет успехов в межкультурном общении. При обучении специалистов следует делать упор на особенности поведения представителей иной культуры во избежание в дальнейшем культурного недопонимания обеими сторонами. Так, будущий специалист должен знать, что в современном мире существуют общества с открытыми и замкнутыми формами делового общения, традиционными и более светскими укладами и т.д. Одним из ярких примеров замкнутого общества с традиционными укладами является арабское общество.

Вышеуказанные особенности проявляются во всем: в обычаях, менталитете, языке. В арабских странах большое значение придается исламским традициям, при этом большой интерес создает тот факт, что данных традиций придерживаются все представители арабской культуры, независимо от религиозной принадлежности.

В. Э. Матвеевко приводит следующие особенности невербального общения в арабской культуре:

1) культурная дистанция между беседующими арабами обычно короче, чем принято у европейцев. Беседующие почти касаются друг друга, что свидетельствует о взаимном доверии, но строго соблюдается расстояние, основанное на гендерном различии;

2) первыми представляются мужчины, независимо от возраста и положения, – женщине; младшие по возрасту или служебному положению – старшим; один человек – группе;

3) При обмене рукопожатиями важно помнить, что в соответствии с мусульманскими обычаями следует избегать протягивать руку женщине, если только она не подала свою руку первой, и уж тем более нельзя целовать женщине руку. Приветствовать полагается каждого из коллег. Для рукопожатия, как и вручения визитных карточек, документов и подарков, следует подавать только правую руку. Левая рука в исламских странах считается «нечистой» – представление о связи левой руки с неудачей;

4) в мусульманском мире иностранец не может обращаться с вопросами или просьбами к женщине, это считается неприличным, все контакты, обсуждения возможны только с мужчинами [6, с. 87-88].

Чтобы в будущем достичь максимального успеха в межкультурном деловом общении, студенты должны понимать, что неверная мимика, жест или даже интонация могут привести к провалу.

Так, для европейца считается вежливым контакт глаз, однако для представителя восточной культуры зрительный контакт считается дурным тоном: глаза в глаза смотрят только враги. Японец, китаец или кореец в ходе коммуникации может держать свой взор только на уровне плеча своего собеседника [7].

Говоря о личном пространстве, следует отметить следующие особенности представителей разных культур: в восточных культурах коммуниканты одного пола находятся ближе друг к другу, нежели в европейских. В лифте или в общественном транспорте, представители западных культур по возможности соблюдают дистанцию, в восточных культурах бытует тенденция к экономии места: например, житель ОАЭ скорее всего займет соседнее с Вами место в пустом автобусе [8, с. 97].

Жестовые обозначения также имеют свои особенности. Так, жест «большой палец вверх» для представителей русской и американской культур означает «все хорошо», однако для австралийской культуры этот жест имеет нецензурное значение, в японской культуре он означает «деньги», а для итальянской культуры он несет негативное значение слова «козел» (рогоносец) и является обидным для итальянских мужчин. Далее, в Албании и Болгарии жесты согласия-несогласия имеют противоположное общепринятому значение: кивание головой означает «нет», покачивание из стороны в сторону – «да». В Германии приветственное мужское рукопожатие

должно быть твердым, во Франции – легким и быстрым касанием [8, с. 97–98].

Таким образом, на занятиях по иностранному языку должны применяться упражнения, которые помогут развить навыки стереотипизированного межкультурного общения и помогут изучить ту или иную культуру [9]. Примером таких упражнений могут служить следующие:

Упражнение №1

Студенты разбиваются на пары и получают карточки, на которых написаны действия, которые студенты должны продемонстрировать в ситуации межкультурного диалога. Примеры карточек:

1) *продемонстрируйте рукопожатие своему собеседнику, представителю немецкой (арабской, американской, французской) культуры;*

2) *продемонстрируйте корректное прикосновение к своему собеседнику, представителю немецкой (арабской, американской, французской) культуры;*

3) *установите дистанцию в разговоре с представителем немецкой (арабской, американской, французской) культуры.*

Упражнение 2

Студенты получают карточки с изображением той или иной эмоции, которые следует объяснить с точки зрения принадлежности данной эмоции носителю той или иной культуры.

Упражнение 3

Преподаватель показывает студентам тот или иной жест, который студенты должны описать с точки зрения представителя разных культур.

Упражнение 4

Студентам предлагается разыграть ситуацию деловых переговоров между представителями американской и китайской культур. В рамках ролевой игры студентам следует изобразить невербальное межкультурное поведение представителей обеих сторон с момента встречи до момента прощания. Стоит отметить, что особенно успешно данная методика хорошо себя зарекомендовала в сфере дополнительного иноязычного образования [10].

Таким образом, в процессе становления студента как будущего специалиста, профессиональная деятельность которого предполагает межкультурное общение, важно обучить его особенностям межкультурного общения, в частности, его невербальным особенностям. Такие особенности составляют основную массу смысла, который хотят передать представители той или иной культуры. В противном случае неверное использование невербальных кодов может привести к недопониманию и в особенности провалу в ходе делового общения.

Список литературы

1. Рот Ю., Коптельцева Г. Межкультурная коммуникация. Теория и тренинг: учебно-методическое пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 223 с.
2. Садохин А.П. Введение в межкультурную коммуникацию. М.: Высш. шк., 2005. 310 с.
3. Полякова Г.Б., Кулешова С.В. Роль освоения межкультурного подхода в лингвадидактической подготовке будущего лингвиста // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика, 2019. № 3. С. 124–132.
4. Петрикова А., Куприна Т., Галло Я. Основы межкультурной дидактики. М.: Русский язык. Курсы, 2015. 376 с.
5. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. СПб.: Златоуст, 2000. 170 с.
6. Матвеев В.Э. Национально-культурные особенности вербальных и невербальных средств аргументации в арабском официально-деловом стиле общения // Вестник РУДН. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2012. № 4. С. 85–90.
7. Ким Мён Хи. Значение невербальных средств общения в межкультурной коммуникации русских и корейцев / Вестник ИГЛУ. Язык. Культура. Коммуникация. 2009. С. 16–20.
8. Добрикова К.А. Невербальные коды в межкультурной коммуникации // Сопоставительные исследования языковой картины мира. Метафорическая картина мира. Перевод и сопоставительная лингвистика. 2013. Вып. № 11. С. 97–100.
9. Полякова Г.Б., Ермакова И.А. К вопросу о роли стереотипов речевого общения в обеспечении межкультурной коммуникации // Язык и межкультурная коммуникация в современном информационном пространстве: материалы VI Всерос. науч. конф. школьников, студентов и аспирантов. Курск, 2015. С. 157–163.
10. Полякова Г.Б., Гукова М.О. Профессиональная подготовка будущих лингвистов к педагогической деятельности в сфере дополнительного иноязычного образования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 4 (33). С. 124–134.

УДК 81.42

С.В. Потёмкина, А.А. Рачёва

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Иркутск

ДИСКУРСИВНЫЕ И ПРОСОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВА НУ В УСТНОЙ РЕЧИ

Статья посвящена изучению функционирования слова НУ в неподготовленном устном монологическом дискурсе. Описываются основные функции, которые выполняет данная единица. Рассматриваются просодические особенности НУ, используемого в определённой функции. В качестве материала был использован текст глубинного интервью, записанный в рамках проекта «Устная история Иркутска».

Ключевые слова: *дискурс, дискурсивные слова, дискурсивные маркеры, устная неподготовленная речь, просодия.*

В последние десятилетия особое внимание в лингвистике уделяется исследованию устного дискурса. Одним из важнейших средств его организации являются дискурсивные маркеры, среди которых частотным является слово *НУ*. Его исследованию посвящено значительное количество научных работ [1, 2, 7, 8, 7]. Однако, несмотря на большое количество исследований, по-прежнему остаётся ряд вопросов, связанных с функционированием этой единицы: так, до сих пор не описаны просодические характеристики определённых типов употреблений *НУ*. Кроме того, даже предварительный анализ материала позволяет увидеть противоречия и несоответствия в описании функций этой единицы (например, выделение выражения негативной оценки (1) и выражения экспрессии (2) как двух различных функций, хотя, как представляется, эти употребления очень похожи).

- 1) – *Мясо ещё не разморозилось.*
– *Да ну его! Давай рыбу жарить...*
- 2) *Ну и сюжет, хм...*¹

Это обуславливает необходимость дальнейшего анализа функционирования данного дискурсивного маркера.

¹ Примеры взяты из [7].

В рамках исследования мы хотели бы сосредоточиться на выявлении роли слова *НУ* в структуре и организации устного рассказа, а также определить просодические особенности его использования в различных функциях.

В качестве материала исследования мы использовали текст глубинного интервью, записанного в рамках проекта «Устная история Иркутска», представляющий собой особый тип устного дискурса. В результате анализа выявлено 139 случаев употребления слова *НУ*. Кроме того, в исследование были вовлечены иллюстрации, имеющиеся в научных источниках по разрабатываемой теме.

Изучать функционирование слова *НУ* именно в контексте глубинного интервью важно потому, что это неподготовленное развёрнутое монологическое повествование. Можно предположить, что в этом случае *НУ* становится одним из средств его организации.

Прежде всего рассмотрим, какие функции *НУ* выделяют в научных и лексикографических источниках. Следует отметить, что в рамках данной статьи рассматриваются только функции, которые можно встретить в монологическом повествовании. Были систематизированы и выявлены наиболее значимые функции слова *НУ*.

1. Функция уточнения (данная функция отмечена у [5, 8]). В этом случае говорящий, используя *НУ*, добавляет какую-либо деталь к предыдущему фрагменту текста, дополняет описание. *НУ* помогает ему ввести фрагмент текста, содержащий поправки, которые он, очевидно, считает необходимыми для того, чтобы слушающий понял его адекватным образом. В анализируемом нами тексте встретилось 37 случаев употребления *НУ* в этой функции.

1) *А вот вы знаете, когда Женя кончал, ему в Подольск давали один раз направление. Ну когда познакомились с его, видимо, делами, и ему почему-то туда направление не дали... ну он же тоже был сыном врага народа.*

2) *И вот в этот вечер мы с ним вот познакомились тогда. В 46-ом году на Первомайском вечере. Ну Первомайские праздники отмечались всегда...*

3) *И меня не взяли, а некоторые девушки ушли. Ну кто медсестрами там или курсы, конечно¹.*

2. Функция перехода от одного фрагмента дискурса к другому ([5, 8]). *НУ* также может выступать в качестве средства связи фрагментов дискурса, маркируя связь двух относительно самостоятельных элементов повествования. В тексте интервью встретился 31 случай подобного употребления *НУ*.

4) *Меня взяли, можно сказать, арестовали, повели меня, значит, вот этот длинный был дом по Дзержинского-то стоит, вот в этот дом. Ну, я с*

¹ Примеры отобраны из анализируемого текста интервью.

чистой открытой душой – студент бедный – пришел продать булку, чтобы на эти деньги потом отоваривать эти карточки, а меня, значит, решили, что я спекулянтка, выходит. Да!

5) Тогда были какие? Церковноприходские школы. Ну вот что-то он, наверное, получил все-таки, потому что у того и другого почерки были каллиграфические.

6) ...в сравнении с ними, конечно, они такого впечатления на преп... на учеников не производили, надо сказать. Ну, все равно мы учились, сдавали им экзамены так же ...¹

3. Функция маркирования хезитации ([8], [Путина, Шустова 2019]). При хезитации – ситуации речевого затруднения, в которой говорящему требуется пауза – *НУ* чаще всего используется для заполнения паузы; это дает коммуниканту дополнительное время для обдумывания следующей реплики. Чаще всего *НУ*, маркирующее хезитацию, употребляется в начале незапланированных вставок либо плохо подготовленной речи. В тексте встретилось 32 случая употребления *НУ* в данной функции.

7) *Ну... мы еще не решили до конца...*

8) *В общем, куда-то на такие... ну... там же люди не ра... не... не сидели, их заставляли в жестких условиях работать...*

9) *Он действительно очень сильное влияние оказал на моих детей. Ну... а, в общем-то, надо сказать, конечно, я небезучастна была, естественно, для своих детей*².

4. Функция согласия (*НУ*-6 в [6, 7, 8]). Слово *НУ* может использоваться для выражения согласия. Как правило, его употребляют с последующими словами, определяющими значение высказывания. При этом реплика имеет какую-либо эмоциональную окраску:

10) *Ну, да*³

11) *Ну, конечно*

12) *Ну, серьезно!*

Иногда *НУ* используется изолированно и произносится с утвердительной интонацией.

13) *Это у тебя справка из того отдела? – Ну.*

14) *Привет! – Брат дома? – Ну*⁴.

В таком случае *НУ* выполняет функцию прямого ответа.

В тексте *НУ* в функции согласия употребляется четыре раза.

¹ Примеры взяты из анализируемого текста интервью.

² Примеры взяты из анализируемого текста интервью, а также из [7].

³ Примеры отобраны из [5, 7].

⁴ Примеры отобраны из [7].

5. Функция усиления / экспрессии (НУ-1 в [6, 8, 7]). НУ в этом случае употребляется для придания высказыванию большей силы, выразительности, подчёркивает значение того или иного слова. Обычно встречается в сочетании с *И, УЖ, Ж* и позволяет выразить удивление, восхищение или недовольство, негодование, иронию и другие чувства. В анализируемом тексте употребляется 13 раз.

15) *Ну и сюжет, хм...*

16) *Он ошибся, ну так что же?*

17) *Позовём Лену с собой?*

– *А ну её! Пошли одни.*

18) *Ну да, так я вам и поверил!*¹

6. Функция призыва или побуждения к действию (НУ-1 в [Там же]). НУ может выступать в составе реплики, выражающей призыв к чему-либо. Однако это значение «выражает конструкция в целом – при том, что в её составе нет никаких специализированных грамматических форм. НУ только усиливает идею побуждения» [8, с.15].

19) *Ну, рассказывай!*

20) *Ну, и? Дальше-то что?*

21) *Ну дед, ну пожалуйста!*

22) *Ну-ну, покажи, на что ты способен.*

23) *Ну-ка спой нам!*²

В тексте употребляется один раз.

7. Функция сомнения [1, 8, 7]. НУ может выступать в составе реплики, выражающей сомнения говорящего, неопределённость. В тексте встречается пять раз.

24) *Ой... я даже не знаю... ну она наверное где-то в восемьдесят каком-то закончила...*

25) *Ну я вот даже не знаю... сразу после войны-то. Я-то попала сюда, видите, как раз после войны, 45-й год фактически*³.

8. Функция указания на начало реплики [Там же].

НУ в неподготовленной речи может выступать в качестве маркера начала реплики.

26) *Ну что ж, знаете...*

27) *Ну что ж, дорогие друзья!*

28) *Ну, знакомые все лица!*⁴

¹ Примеры взяты из [7].

² Примеры отобраны из [7]

³ Примеры из анализируемого текста.

⁴ Примеры из [5].

Стартовое *НУ* встречается прежде всего в тех случаях, когда текст оказывается неполно спланирован говорящим. Особенно часто это происходит, если коммуникант является недостаточно опытным оратором [1, с.12].

29) *Ну еще мы п... посмотрели разные там панорамы... всякие*¹.

В контексте монологического повествования мы выделяем стартовое *НУ* в случае, если говорящий в предыдущей реплике подошел к завершению эпизода дискурса и в данный момент начал новую реплику. В тексте встречается три раза.

30) *Поэтому все включались в работу, все были тружениками до единого в семье. Ну и вот уже третья сестра из старших сестер в мое время как раз вышла тоже замуж*².

9. Функция маркирования завершения фрагмента дискурса (НУ-3 в [6, 8, 7]). *НУ* может выступать в составе фразы, маркирующей завершение какой-либо мысли. Чаще всего встречается в конструкциях *НУ И*, *НУ ВОТ*, которые указывают на закономерный вывод. В тексте встречается двенадцать раз.

31) *Так я приехала сюда. Ну вот*³

Противительно-выделительная функция [3]. При употреблении в данном случае *НУ* выступает в качестве синонима союза *НО*:

32) *некоторые <...> кончали эээ... в Красноярске учительский институт и приезжали. Ну в сравнении с ними, конечно, они такого впечатления на учеников не производили, надо сказать...*⁴

В анализируемом тексте встречается один раз.

Как можно предположить, в рассматриваемом типе дискурса функции уточнения, маркирования гезитации и перехода от одного фрагмента дискурса к другому являются наиболее частотными вследствие того, что говорящий с помощью таких употреблений *НУ* организует повествование о своём прошлом. Это неподготовленный рассказ, поэтому в процессе порождения дискурса коммуникант может посчитать необходимым маркировать продолжение повествования, ему может казаться, что он о чём-то недостаточно полно сказал. Кроме того, для устного спонтанного дискурса характерна ситуация речевого затруднения, и тогда говорящий может использовать *НУ* для заполнения паузы. Как представляется, остальные функции встречаются в тексте не так часто по той причине, что в развёрнутом монологическом повествовании первоочередной задачей для говорящего является обеспечение связности, а выражение экспрессии в этом случае вторично.

Как уже было отмечено выше, к проблемам, связанным с исследованием функционирования *НУ*, относится и отсутствие описания просодических

¹ Пример из [1].

² Пример из анализируемого текста интервью.

³ Примеры из анализируемого текста интервью.

⁴ Пример из анализируемого текста интервью.

характеристик данного слова. Между тем изучение просодии очень важно именно для дискурсивных слов, так как, в отличие от полнозначных слов, дискурсивные маркеры «имеют фиксированное отношение к фразовой просодии» [4, с. 293].

С помощью программы Speech Analyzer мы попытались выявить просодические характеристики *HУ*, используемого в функциях уточнения, маркирования хезитации, а также перехода от одного фрагмента дискурса к другому. Анализ записи интервью позволил заключить, что, выполняя функцию уточнения, *HУ* имеет самостоятельное ударение (см. осциллограмму рис. 1).

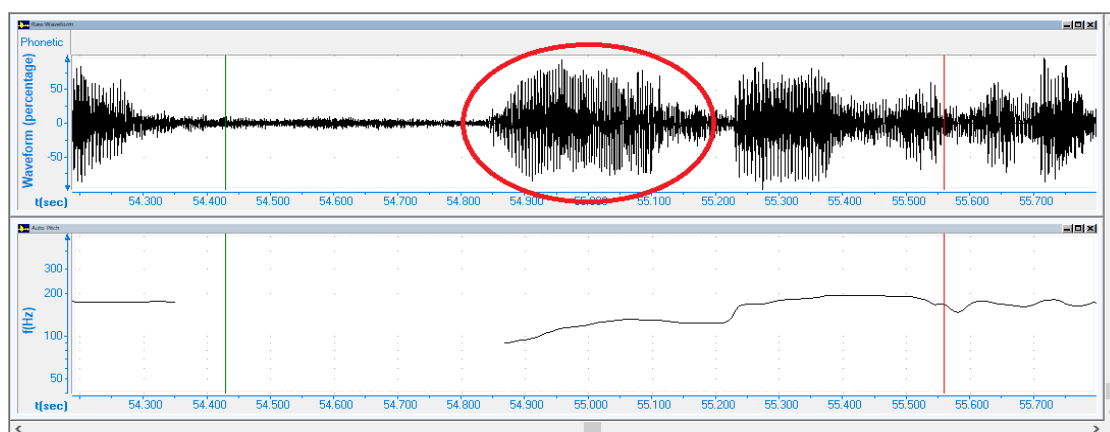

Рис. 1. ...пришла власть советская, ну он, в общем-то, нейтральным как-то был совершенно к этому...

HУ, выполняющее функцию маркирования хезитации, тоже имеет самостоятельное ударение (рис. 2).

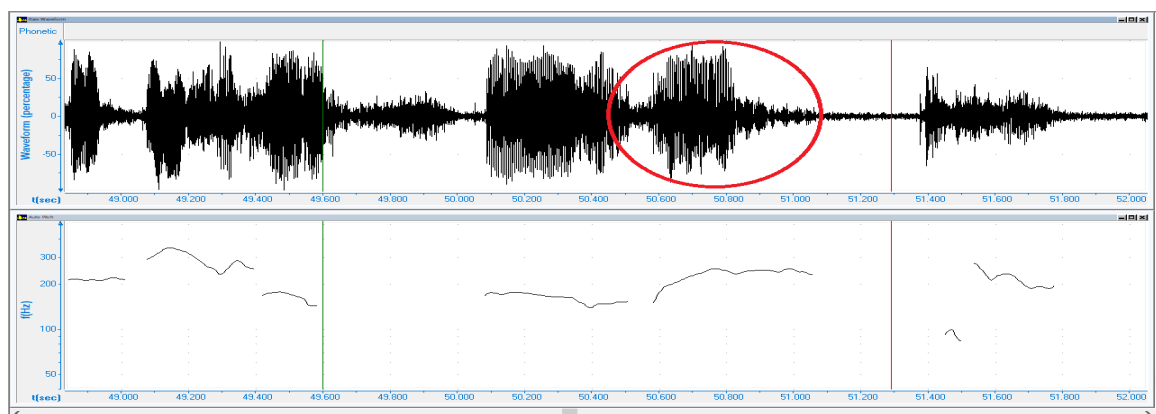

Рис. 2. ... а потом уже, ну... пришла власть советская...

Анализ случаев использования *HУ* в функции маркирования перехода от одного фрагмента дискурса к другому показал, что в большинстве случаев в этой функции *HУ* является ударным, однако встречаются и безударные случаи употребления (см. осциллограмму рис. 3).

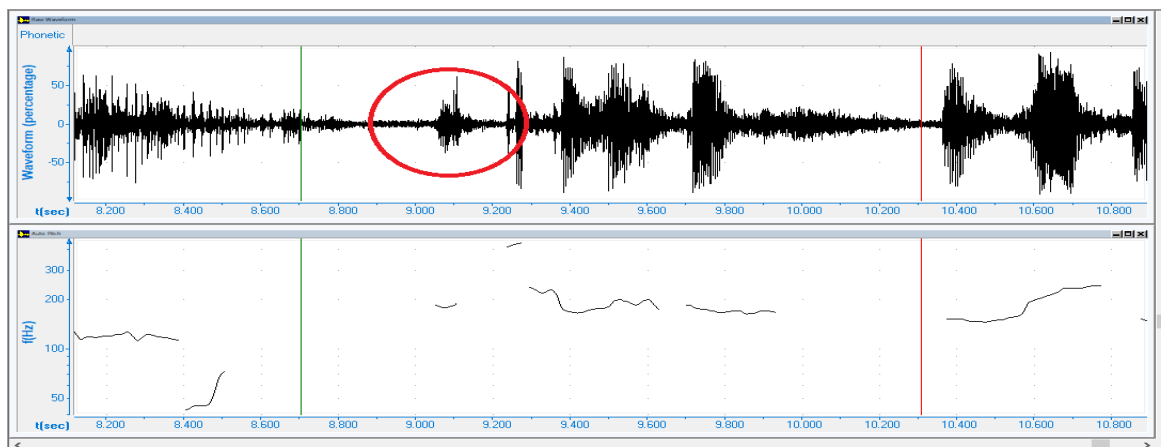

Рис. 3. Вот он был вахмистром сначала, видимо. Ну, потому что здесь родители его тоже, они были работники сельского хозяйства...

В результате проведенного исследования установлено, что наиболее характерными для устного монологического повествования являются функции уточнения, маркирования хезитации, а также перехода от одного фрагмента дискурса к другому. Как представляется, это обусловлено самим характером анализируемого типа дискурса: *НУ* становится одним из средств организации повествования, обеспечения его связности и непрерывности.

Анализ просодических характеристик *НУ* позволил заключить, что в функциях уточнения и хезитации *НУ* является ударным, а в случае его использования в функции перехода от одного фрагмента дискурса к другому данная единица может иметь самостоятельное ударение, а может выступать как клитика.

Список литературы

1. Дараган Ю.В. Риторическая структура текста и маркеры порождения речи // Труды Международного Семинара «Диалог 2002» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1: Теоретические проблемы. Протвино, 2002. С. 114–127.
2. Добровольский Д.О., Левонтина И.Б. Дискурсивные частицы и способы их перевода: *НУ* в романе Владимира Сорокина «Очередь». М., 2017. С. 106–117.
3. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Часть 2: Теоретические и практические аспекты анализа (Том 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов): монография / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. 278 с.

4. Кобозева И.М., Захаров Л.М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // Труды Международного семинара ДИАЛОГ'2004 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2004. С. 292–297.

5. Лейко И.М. Прагматические особенности употребления частицы «ну» в речи студентов и старшеклассников. Ученые записки. Витебск, 2013. Т. 16. С. 150–154.

6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 908 с.

7. Путина О.Н., Шустова С.В. Функциональный потенциал дискурсивных маркеров НУ и WELL в русском и английском языках (корпусное исследование). Пермь, 2019. С. 112–122.

8. Ушакова А.С., Ташлыкова М.Б. Слово НУ в коммуникативной и когнитивной перспективе. Иркутск, 2014. 115 с.

УДК 81-13

И.А. Пугачевская

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ОБЗОРНЫЙ АНАЛИЗ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ТЕРМИНОВ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ В ЛИНГВИСТИКЕ

В предлагаемой статье проводится анализ и систематизация применяемых в лингвистике научных подходов к изучению терминов и терминологических систем. Являясь важным средством закрепления и освоения профессиональной информации, терминология активно исследуется лингвистикой. Методы, рассмотренные в статье, помогают упорядочить существующие системы терминов, а также разработать новые в соответствии с потребностями динамически развивающейся науки и общества.

Ключевые слова: *термин, терминосистема, терминоведение, семантика, научный подход, методы исследования.*

В настоящее время в языкознании все больше внимания уделяется изучению специальной лексики различных областей знаний. Специальная лексика служит для обозначения понятий, категорий, процессов, свойств, явлений разных областей знаний, методов и приемов исследования. Преобладающей единицей специальной лексики являются термины. Термины выража-

ют различные специальные наименования, которые образуют терминосистемы. Каждая терминосистема обозначает систему понятий отдельных наук, научных направлений, реалии разных областей знаний. В современной науке существует множество определений понятия «термин». А.В. Суперанская объяснила это тем, что в разных дисциплинах данное понятие связывается со своими особыми понятиями и представлениями, имеет неравный объем содержания и определяется по-своему [1, с. 11]. У В.А. Звегинцева термин определяется как знак [2, с. 46], у П.А. Капанадзе [3, с. 78] как дефиниция, С.В. Гринев рассматривает термин как элемент знаковых систем и знаковых ситуаций [4, с. 37], В.М. Лейчик определяет термин как единицу языка для специальных целей [5, с. 31]. Все указанные определения дополняют друг друга, давая исчерпывающую характеристику понятия «термин».

Для выполнения своих функций термины должны обладать рядом свойств и отвечать определенным требованиям. Одним из важных свойств терминов является системность (или систематичность). Терминология каждой определенной науки представляет собой целостную систему, включающую совокупность терминов, которые выражают понятия данной науки. Системность терминов определяет целенаправленная организация термосистем. В широком значении, терминология есть та часть лексики современного литературного языка, которая состоит из наименований системы понятий науки и техники, официально-деловой речи и их отражения в производстве, общественной жизни и ее отдельных отраслях. Такое свойство термина, как системность можно проследить через другие специальные понятия, которые присутствуют в его определении.

Еще одно свойство термина – независимость от контекста. Термин не нуждается в контексте, поскольку является частью определенной терминосистемы, что уже само по себе является тематическим контекстом. С данным свойством непосредственно связана точность термина. Максимальная точность выражения мысли во избежание возможности различных толкований является главным требованием в специальном, отраслевом языке. Только наличие точного определения делает возможным реализацию термина вне контекста. Следующее свойство терминов – международность. В областях наиболее интенсивного международного взаимодействия (политика, наука, техника) наличие специальной лексики является наиважнейшим фактором для взаимопонимания людей разных наций и языков. Большинство терминов построено на базе слов, словообразовательных моделей и элементов греческого и латинского языков. Во-первых, в античный период в этих языках было создано много научных, технических и политических терминов; во-вторых, древнегреческие и латинские слова можно употреблять как в прямом, так и в переносном значении; в-третьих, из комбинаций корней, префиксов, суффиксов древнегреческих и латинских слов в любом языке можно

создавать множество искусственных терминов. В каждом языке эти слова приводятся в соответствие с его внутренними грамматическими и фонетическими законами, но общность лексического значения обеспечивает единое их понимание людьми разных наций [6, с. 66–67]. Последнее из основных свойств термина – это стилистическая нейтральность (отсутствие эмоциональности). Термин должен быть лишен каких-либо побочных смыслов, приносящих элементы субъективности.

В современном терминоведении используются три группы методов, которые выделяются на основании их источников. Это 1) методы базовых наук и научных дисциплин (особую роль здесь играют лингвистические методы), 2) методы смежных наук и 3) собственные методы терминоведения.

1) *Лингвистические методы* изучения терминов предусматривают два подхода: исследование формальной и семантической структуры отдельно взятых терминов с последующим нахождением общих признаков последних; исследование терминов в составе терминологий и термосистем с целью выявления их общности и особенностей их содержательных и формальных связей друг с другом. То есть, применяя лингвистические методы можно идти как от отдельной лексической единицы к группе таких единиц, так и от типовых признаков лексических единиц к их индивидуальным признакам.

Анализ формальной структуры термина показывает, что фонетическая и морфемная словообразовательная структура слова-термина не отличается от структуры общеупотребительных слов. Термин-словосочетание подчиняется тем же синтаксическим нормам соответствующего естественного языка.

При анализе же содержательной структуры отмечено как применение лингвистических методов семасиологии и ономасиологии, так и методов других наук – логики, гносеологии, терминоведения. Работы Л.А. Шкатовой, где она рассматривает наименование лиц по профессии, выявляя объект или способ обработки, с которым «специалист» имеет дело, показывают как можно точно и однозначно назвать человека по профессии (бурильщик, фрезеровщик, шахтер) [4, с. 143].

Изучение значения отдельного термина осуществляется частично общелингвистическими методами, частично методами, созданными специально для изучения терминов:

1) компонентный анализ (семный анализ, анализ по непосредственно составляющим);

2) комбинаторный анализ, разделяющий семантику на два компонента: предмет и смысл (объем и содержание), при этом второй элемент представляет собой совокупность признаков, выделяющих данный предмет из множества других предметов. Так, лексема, обозначающая исчисляемый объект, совместима с морфемой множественного числа, тогда как обозначающая

неисчисляемый объект – несовместима (язык – языки, мышление – форма множественного числа отсутствует);

3) метод семантических множителей, позволяющий рассматривать значение термина как совокупность нескольких элементарных понятий, связанных различными фиксированными отношениями. Например, термин *вексель* можно истолковать как вид ценной бумаги, денежное обязательство строго установленной законом формы. Тем самым мы разложили значение этого слова на следующие семы: «ценная бумага», «денежное обязательство», «имеющий строго установленную законом форму» [7, с. 66].

В свою очередь, изучение терминосистем, как упорядоченной совокупности терминов проводится с использованием шести методов и предусматривает изучение тех же аспектов, что и анализ отдельного термина. Среди них такие методы, как:

1) историко-описательный, позволяющий проследить процесс становления научной и технической терминологии;

2) компонентный анализ, при котором выявляются общие компоненты значения (семы) у ряда единиц близкой терминологической сферы (орфография, орфоэпия);

3) метод семантических множителей и его развитие в языке RX- кодов, который позволяет получать семы путем семантического анализа текстов определений значений слов и устанавливать степень семантической близости между терминами одной группы;

4) дефиниционный анализ, основанный также на логико-лингвистическом анализе определений значений терминов и дающий построить связной граф (здесь сопоставляются признаки понятий, которые имеются в дефинициях близких терминов, а не выделяются семантические множители как в предыдущем методе);

5) дистрибутивный анализ основан на изучении частоты встречаемости терминов в текстах совместно. Значение термина и сочетаемость его с другими терминами находится в зависимости от сферы профессиональной коммуникации, в которой оно используется. Так, аккомодация в биологии может быть «физиологическая» и «гистологическая», а в лингвистике аккомодация бывает «прогрессивная» и «регрессивная»;

6) метод построения формальных парадигм единиц, входящих в одну терминологию (префиксальных образований в геологии (*окаменелость*, *оледенение*); аффиксальных образований в химии (*гелий*, *стронций*) и т.д.).

Наряду с лингвистикой базовыми для терминоведения также являются методологические науки. Это науки, первостепенными для которых являются проблемы знания, познания и обозначения результатов познания. Ведущее место среди них занимает философия. При изучении своего предмета и опе-

рировании им терминоведение берет за основу принципы диалектики – принципы взаимосвязи всех явлений и постоянного развития.

Ввиду того, что терминосистемам присущи все признаки систем, такие как структурность, целостность, сложность поведения и другие, они могут изучаться методами системологии.

Анализ роли терминов и терминосистем в процессах познания позволяет продемонстрировать применение в терминоведении теории познания (гносеологии). Термины используются для фиксации специального знания (научного, технического и т.д.), а также для передачи этого знания во времени. Кроме того, при операциях над терминами (как и над другими элементами знаковых систем) могут быть обнаружены новые знания, не содержащиеся в исходном материале, описываемом знаками.

Все чаще применяемый углубленный анализ взаимозависимости между знанием и выражением его в виде системы знаков, в том числе языковых, привел к появлению междисциплинарной области науки, называемой когнитивным подходом.

К вопросу использования в терминоведении методов формальной логики следует подходить с учетом связи когнитивных и терминологических единиц и структур. Современные исследования показали, что человеку в процессе мышления необходимо облекать в знаки результаты своего мышления. Такими знаками, в том числе, являются и термины. Термин возникает в мысли не изначально, он вычленяется из суждения, умозаключения, выраженных в языковой форме. Отдельные виды суждений (суждения о принадлежности) образуются в результате логического приема – определения понятия (дефиниции).

Метод теории классификации является базовым для построения и представления терминосистем. Система понятий изображается в виде иерархической или неиерархической схемы (графа), на которую накладывается терминосистема, которая имеет вид такой же схемы (графа). В том случае, когда место каждого понятия занято термином, можно говорить об изоморфности системы понятий и терминосистемы. Применение методов классифицирования позволяет обеспечить полноту охвата объектов, а также выявить некоторые качества, которые не видны при анализе вне системы.

Поскольку термины являются знаками понятий, а терминосистемы представляют собой знаковые системы, в терминоведении широко используются методы семиотики.

Также к числу методологических наук можно отнести математику. Для исследования отдельных терминов, терминологических систем и процессов функционирования терминов в связных текстах применяются такие математические дисциплины, как математическая лингвистика, теория множеств,

теория нечетких множеств. Кроме того, для изучения терминов применяются методы математической статистики.

Для решения терминологических задач в 1984-1986 гг. был впервые применен метод кластерного анализа. Множество терминов разбивались на пучки (кластеры) на основе количественной оценки силы их связи, значения которой вычислялись по соответствующим формулам как функция от числа совместной встречаемости пар терминов. Объектами кластерного анализа терминов, терминологий и термосистем могут быть различные документы или массивы однородных документов: терминологические документы сферы фиксации (словари, сборники терминов, стандарты на термины и т.п.), документы сферы функционирования (связные тексты научных и технических документов, рефераты, аннотации), а также объединения данных документов.

2 Круг смежных наук и научных дисциплин, методы которых могут быть использованы в терминоведении, очень широк. При этом о заимствовании методов смежных наук можно говорить лишь тогда, когда эти методы влияют на конструирование или описание собственных предметов терминоведения. Например, при осуществлении упорядочения и стандартизации терминологий заимствуются методы информатики, направленные на устранение (сокращение) у лексических единиц синонимии, полисемии и омонимии.

3 Методы терминоведения, в соответствии с принципами методологии (как науки), можно классифицировать по трем основаниям:

1) по конечному результату применения этих методов. Здесь выделяется три вида методов: теоретические, прикладные, а также теоретические методы, применение которых может дать непосредственные практические результаты;

2) по источнику появления. В эту категорию следует включить собственные методы терминоведения и методы, возникшие в рамках других наук, но в результате модифицирования в рамках терминологических приложений стали собственными методами, отделившись от исходных наук;

3) по характеру реализации методы подразделяются на дескриптивные и прескриптивные.

В качестве теоретических методов терминоведения можно назвать следующие четыре.

В первую очередь, это метод перехода от языкового субстрата к терминологическому слою в анализе терминов и групп терминов (развитие лингвистического метода в терминологический). При исследовании семантической и формальной структуры термина как лексической единицы естественного языка, мы находимся в рамках лингвистического термина. При изучении же содержательной и формальной структуры термина как лексической единицы языка для специальных целей (т.е. как элемента терминосистемы) мы оказываемся в рамках терминоведческого подхода. Для лингвиста один и тот же

термин, используемый в двух разных теориях (*закон Ома и Федеральный закон*) – это одно и тоже многозначное слово; для терминоведа – это два разных термина, входящие в две разные терминосистемы.

Во-вторых, в качестве теоретического метода терминоведения необходимо выделить изучение концептуальной структуры терминов и их совокупностей. Применение этого метода может служить наглядным примером развития логических методов в собственные. Целью применения этого метода служит выбор наиболее подходящей структуры термина и конструирование терминосистемы.

В-третьих, к терминоведческим методам следует отнести метод выделения терминоэлементов. Этот метод исследует специфические объекты терминоведения – терминоэлементы, основываясь на логико-лингвистических методах членения лексических единиц на мельчайшие значимые части. Например, термин геология можно разложить на терминоэлементы гео (γῆ «Земля») и логия (λόγος «учение»).

В-четвертых, также терминоведческим методом является метод анализа термина в тексте, имеющий отличие от методов лингвистики текста. В ходе применения этого метода термин анализируется как конкретный объект, во всех его связях и проявлениях, в том числе вариантах.

Помимо теоретических методов терминологии, используются также прикладные, позволяющие получать практические продукты. К ним относят метод унификации терминов, метод нормализации и гармонизации терминов и терминосистем, методы терминографии, методы терминологического обслуживания, в том числе методы автоматизированного информационно - терминологического обслуживания.

Методы унификации терминов в меньшей степени связаны с методами лингвистическими, они относятся к терминам как к техническим объектам. Теоретическим аспектом применения методов унификации является выделение таких специфических объектов терминоведения, как терминоиды, имеющих особые признаки длины, формальной и содержательной структуры.

Методы терминографии используются при создании терминологических словарей. Их отличие от методов общей лексикографии в том, что часть их продуктов представляет собой нормативные словари, неприменимые в области лексических единиц – нетерминов.

Все вышеперечисленные методы, применяемые в терминоведении, позволяют всесторонне изучить основные вопросы, лежащие в поле исследования терминоведов. Методологическая база помогает совершенствовать и упорядочивать существующие терминосистемы и разрабатывать новые, востребованные современными условиями жизнедеятельности людей. Исследование проблем терминоведения, в том числе его методологии, является важной задачей лингвистики. Терминология играет важнейшую роль в общении и коммуникации людей, поскольку является источником получения инфор-

мации, средством освоения специальности и даже ускоряет научно-технический прогресс. В рамках терминологии четко проявляется влияние общества на язык, что позволяет проследить исторические этапы формирования и развития обществ и государств.

Список литературы

1. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: вопросы теории / отв. ред. Т.Л. Канделаки. 5-е изд. М.: Либроком, 2009. 248 с.
2. Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях: в 2 ч. М.: Просвещение, 1964. 466 с.
3. Капанадзе Л.А. О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка. М.: Наука, 1965. 479 с.
4. Гринев С.В. Введение в терминоведение. М.: МГУ, 1993. 309 с.
5. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. Л.: ЛКИ, 2007. 256 с.
6. Реформатский А.А. Введение в языковедение / под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
7. Большой юридический словарь / В.Н. Додонов, В.Д. Ермаков, М.А. Крылова [и др.]. М., 2001. 790 с.

УДК 81`373.7

Г.В. Романова

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»,
Воронеж

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА БИБЛЕИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье проводится анализ национально-культурной специфики библеизмов в русском языке. Лингвистический, этимологический и компонентный анализ показали, что их национально-культурная специфика основана на особенностях перевода Библии на русский язык, выражается в распространении архаичных библеизмов, библеизмов из названий православных праздников, богослужебной практики и частотном использовании особых образов.

Ключевые слова: библеизм, национальная специфика, архаичные варианты, частотность использования, богослужебная практика.

Изучение языка Библии – особое направление в лингвистике, которое объединяет большое количество языков в странах бытования христианства. Исследование языка Библии в разных языковых системах является продуктивным и безграничным лингвистическим направлением с мощными историческими корнями, в которое мы вносим свою посильную лепту [8].

Наше исследование посвящено вопросу национально-культурных особенностей использования библейского слова, вошедшего в повседневный речевой обиход и проявляющегося в особенностях ментального отражения мира на русском языке. Библия, являясь универсальным прецедентным текстом, распространилась в русском языке в виде библеизмов. Библейское слово, входя в общую лексическую систему русского языка, трансформируясь в ней, в целом приобретает национальную специфику, выражая не только библейское происхождение, но и отражая национальную картину мира.

Объектом исследования в нашей работе являются библеизмы - отдельные слова современного русского литературного языка, устойчивые сочетания, целые выражения или фразы, восходящие по своему происхождению к Библии или образованные на основе библейских текстов, в том числе не ассоциируемые с Библией в современном языковом сознании. Таким образом в категорию библеизмов попадают самые разные по составу и структуре языковые единицы: от слов до фраз, объединяет которые общность происхождения.

Многие лингвисты выявляют и описывают универсальное и национальное в библеизмах при сопоставлении их с корпусом библеизмов другого языка. В нашем исследовании целенаправленно ограничимся только анализом национально-культурной специфики русских библеизмов без рассмотрения межъязыковых параллелей.

Первая самая яркая черта в использовании русских библеизмов обусловлена параллельным бытованием Библии на двух языках. Это Библия на церковнославянском (старославянском) языке (появилась она в 10 в. н.э.) и собственно на русском языке (перевод на русский был сделан гораздо позже – в 19 в.). Вероятно, по причине того, что общеславянская Библия на Руси распространилась и вошла в повседневное речевое общение гораздо раньше, можно сделать вывод о том, что именно она явилась источником первой национальной особенности русских библеизмов – **наличия архаичного компонента**, который в современной речи несёт оттенок высокого стиля.

1. Итак, первой ярчайшей национальной особенностью русских библеизмов является **архаичный колорит** многих из них, вошедших в русский язык непосредственно из старославянской Библии и сохраняющих языковые признаки старославянизмов (церковнославянизмов). По выявленным нами архаичным языковым признакам русские библеизмы распадаются на четыре группы, в которых использованы:

- а) устаревшие варианты слов;
- б) архаизмы;
- в) архаичные формы слов;
- г) слова в ином относительно современного языка (устаревшем) значении.

А. Приведём примеры библеизмов каждой из четырёх групп. Первая группа, в которой в построении библеизма использованы *устаревшие варианты* слов, самая многочисленная: *вложить персты в язвы* (Ин 20,24:29) (персты = пальцы); *Агнец Божий* (Иоан 1:29) [4] (агнец = ангел); *кипеть мёдом и млеком* (млеком = молоком, знач. «о богатстве и изобилии») и проч.

Б. Употреблены *архаизмы* (архаичные варианты слов): *геенна огненная* (геенна = «место мучения грешников, ад»); *десница божья* (десница = совр. «рука»; значение: «рука карающая»); *несть (нет) пророка в своём отечестве* (несть = совр. «нет»); *яко тать в ночи* (тать = совр. «вор»; значение: «как вор в ночи, ночью»).

В. В построении библеизмов использованы *архаичные формы слов*: *притча во языцех* (Втор 24:37 и далее) («в языцех» = современному варианту «в языках» с устаревшим значением слова «язык» = совр. «народ»); *змий-искуситель* (Быт. 3) («змий» = совр. «змея»); *изыди* (Мф 8,28:32) («изыди» = совр. «выйди, уйди»); *ничтоже сумняшеся* = совр «нисколько не сомневаясь, ни перед чем не останавливаясь» [1, с. 437] (Иак 1:5-7) [4]; *ищите и обрящите* («обрящите» = совр. «найдёте»); *камни возопиют* («возопиют» = совр. «закричат»; «возопиять» - старославянское слово: значение «громко кричать, выть» [3, с. 94] значение выражения: «о чём-нибудь до такой степени ужасном, возмутительном, что не только люди, но даже и камни...должны выразить чувство своего негодования» [1, с. 295]).

Г. Употреблены *слова в ином* относительно современного языка (устаревшем) *значении*. *Злоба дня* (в старославянском значении употреблено слово «злоба» = библ. «забота» (Мр.12:32-33); *благую часть избрать* (Лк. 10:38-42) [4] (устаревшее книжное выражение: 1 значение) «принимать наиболее удобное, выгодное для себя решение» [5, с. 150]; «избрать лучшую долю вообще» [1, с. 54]; 2 значение) «удачно устроить свою жизнь, посвятить себя чему-либо возвышенному» [2, с. 45]; «злачное место» = библ. «место, где много злаков», а совр. значение: «место, где много пороков»).

Русские библеизмы, имеющие архаичный языковой компонент, унаследованный из старославянского языка, как правило, придают высокий стилистический оттенок тексту, в котором они употреблены.

2. Вторая группа примеров, отражающая русскую специфичность библеизмов, основана на таком важном постулате православия, как **триединство Бога** (божественной сути). Этот постулат породил целое глобальное направление в русской литературе, искусстве и философии, стало выражением луч-

шего качества русского человека, а не только отразилось в собственно языковой системе. В отличие от католицизма, в основе которого лежит двуединство (т.е. Бог-отец и Бог-сын), в основе православия лежит триединство (Бог-отец, Бог-сын, Бог-дух святой, который в русской Библии иногда описан в образе Голубя). В основе русской души, секрет неразгаданной русской души, как нам представляется, и кроется в третьем составляющем православной религии – в Духе. Поэтому на Западе в отношения между людьми вступают только они сами, а у русских отношения выстаиваются ещё, или даже – прежде всего - с помощью духовных качеств, душевных порывов, «по велению сердца», «как совесть подсказывает», т.е. ещё что-то «сверх» нас. Впрочем, это только авторская трактовка, не претендующая на абсолютную объективность.

Проиллюстрируем нашу позицию следующим примером из Библии. В нескольких местах в Евангелие, когда речь шла об апостоле Павле в русской Библии находим его характеристику – как *праведника*. В католической Библии (как и во многих вариантах сектантских переводов Библии) это же место переведено как «хороший человек», «приятный человек» и т.п. Очевидно, для Западного мира понятие праведничества – чуждо. Не было самого представления об этом понятии - не возникло и слово.

Для русского менталитета праведничество – главное качество человека, положенное в основу всех отношений. Праведник – это человек, готовый пожертвовать своими интересами ради интересов других людей (не всегда ближних). Пожалуй, в русской литературе ярче всего показал русских праведников и выразил саму идею праведничества Н. Лесков в своих произведениях: «Левша», «Очарованный странник», «Запечатленный ангел», «Тупейный художник», «Кадетский монастырь», «Несмертельный голован» и др. Праведник для Лескова – это тот, кто подчиняет свою жизнь служению людям, патриот, ревнитель о благе людей. Праведники – это маленькие, но при этом великие люди, бескорыстно борющиеся за справедливость.

3. Третий пласт «национальных» библеизмов связан со **спецификой отбора** и **частотностью** их использования. Здесь мы отметим следующие три черты:

А) особый отбор часто используемых библеизмов, производится, как правило, но церковным праздникам:

– *Благая весть* (1 Ин 5:1 и далее) – (русский) *Благовестие; Благовещенье, благовест*;

– *Вход Господень в Иерусалим* (Ин 7) – русский вариант его бытования *вербное воскресенье*;

– *Крещение Господне* (Мр 3:13-17) [4] – *крещение*;

– *Воскрешение Господне* произошло в праздник *Пасхи* (Исх 12,11), т.е. изначально в праздник «прохождения мимо или пощады», который отмечали евреи в воспоминание о той ночи, когда Господь послал своего ангела умерт-

вить всех новорождённых в Египте и оставить в живых детей иудеев (т.е. пройти мимо еврейских домов). Однако «Пасха» прочно ассоциируется в сознании православного человека с Воскрешением Господним.

Б) В русском языке специфично употребление библейских образов. Образ Богоматери на Руси являлся и является наиболее почитаемым, стоящим практически наравне с Иисусом. Сами слова *Богоматерь*, *Богородица*, *Матерь Божия* (Мф 2:11 и далее) является ситуативным библеизмом (в самом тексте Библии их нет). Относятся к Богородице с огромной любовью и почитание, как к некому мерилу жизни, как к одной из жизненных основ.

Следующий библеизм по частности употребления (или библейский образ) – русское семантическое переоформление соответствующих слов Иоанна Крестителя – *Ангел Божий* (Иоанн 1,29) [4] в значении «кроткий, послушный человек». В русском евангельском тексте это выражение означало Иисуса в качестве жертвенного ягнёнка, готового пострадать за людские грехи [9, с. 58].

В) поражает многообразие повсеместного использования библеизмов из богослужебной практики, т.е. множество библейских форм слов и оборотов, вошедших в русский разговорный обиход православного человека, а затем и в общую языковую систему *через богослужение*:

– *отче наш* (Мр 6:9-13);

– *псалом* (Пс 3:1,5:1) – русское выражение *петь псалмы*;

– *аллилуйя*, *петь аллилуйю* (Пс 145:1-10), т.е. «хвалить Господа» – употребляется в положительном значении, но слово *аллилуйя* в русской традиции могло употребляться и в отрицательном значении: 1) жалобно кричать, вопить; 2) *молоть аллилуйю* – просторечное выражение, т. е. «говорить вздор» – [5, с. 146], «болтать вздор»: например, «несёт такую аллилуйю, что уши вянут» [7, с. 317];

– *божиться* использовали в значении «призывания имя божьего во свидетельство сказанной правды..., которым на Руси зачастую злоупотребляли так, что (фраза) потеряла подобающую ей силу» [7, с. 232]. Появился глагол *божиться*, по-видимому, поскольку на Руси само имя Бога запрещалось употреблять в клятве, отсюда же слова-модификаторы, используемые в этом же значении клятвы: *ей-богу*, *ей-ей*;

– *притянуть к Иисусу* – больше историческая, чем обиходная фраза, апеллирующая к событиям 1732 года, когда в тайной розыскных дел канцелярии тайный советник С.И. Шешковский ввёл традицию в допросной комнате развешивать иконы и исполнять во время допроса акафист [7, с. 151-152];

– *о лысом бесе* в значении «обещания тому, кто ничем не доволен, желает большего, а, пожалуй, не прочь потребовать птичьего молока» [7, с. 49]. Отсюда же выражение *рассытаться мелким бесом*.

На основе интернационального библеизма «аминь» возник сугубо русский оборот *аминь, аминь, рассыпья*. Это русское выражение, прогоняющее сатану, в состав которого вошло библейское слово «аминь» (т.е. библейское слово сослужило службу языческой традиции) [6, с. 830].

Неоспорим тот факт, что русский менталитет получает своё языковое выражение в том числе и при использовании библеизмов. Национально-культурная специфика библеизмов, наиболее частотно используемых в русском языке, появилась и выразилась в языковой системе благодаря следующим историческим, культурным и языковым фактам.

1. Специфичность библеизмов связана с особенностями перевода Библии на русский язык. Использование особых слов и выражений, выражающих национально-культурные понятия, к примеру, *праведник* и *праведничество*.

2. Особенности порождает и факт длительного параллельного активного бытования библеизмов на церковнославянском (старославянском) и русском языках, что явилось причиной появления русских библеизмов с архаичным колоритом.

3. Выражение русского менталитета с помощью библеизмов заключается и в специфическом отборе и наибольшей частотности использования тех или иных библеизмов. А именно – частотное использование библеизмов для обозначения церковных праздников, наделение особой значимостью для православного человека образа *Богородицы* и *Ангела Божия*, широкое распространение библеизмов из богослужебной практики.

Список литературы

1. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1960. 752 с.

2. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: около 4000 единиц. М.: Изд-во «Русские словари», Изд-во «Астрель»: «АСТ», 2000. 624 с.

3. Библейская мудрость. Афоризмы и цитаты / авт.-сост. Л.А. Раков. М.: Изд-во «АСТ»; Донецк: Сталкер, 2004. 286 с.

4. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета (канонические). М: Рос. Библейское общество, 1998. 1244 с.

5. Грановская Л.М. Словарь имен и крылатых выражений из Библии: ок. 400 имен; более 300 крылат. выражений. М.: Изд-во «Астрель»; ООО Изд-во «АСТ», 2003. 288 с.

6. Виноградов В.В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных. М: Толк, 1994. 1138 с.

7. Максимов С.В. Крылатые слова. СПб.: Авалонь, Изд-во «Азбука-классика», 2010. 416 с.

8. Романова Г.В. Использование библеизмов в поэзии М.И. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 256 с.

9. Шанский Н.М. Личные имена Евангелия в русском языке // Русский язык в школе. 1995. №1. С. 45–60.

УДК 811.161.1

А.А. Сагидуллина

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань

ЯВЛЕНИЕ ЭНАНТИОСЕМИИ В ТЕКСТАХ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассмотрено явление энантиосемии как лингвистического феномена, даны общие положения и примеры, приведены различные точки зрения ученых. Особое внимание уделяется энантиосемии на словообразовательном уровне русского языка. Произведен анализ энантиосемичных префиксальных глаголов на основе примеров, взятых из текстов Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: энантиосемия, префиксальные глаголы, Национальный корпус русского языка, русский язык.

Явление энантиосемии – многозначный и спорный феномен, который давно является предметом изучения лингвистики. Хотя это явление интересует многих исследователей, оно до сих пор изучено не полностью.

Под энантиосемией мы будем понимать противоположность лексических значений одного и того же слова. Нет единого мнения в отнесении энантиосемии к одному лексико-семантическому классу. Одни ученые относят её к омонимии (В.В. Виноградов), другие к антонимии (Л.А. Новиков, Е.Н. Миллер), либо к полисемии (Л.И. Климова, Г.В. Яцковская). Вследствие этого встречаются и другие названия данного явления: омоантонимия, частный случай омонимии, внутренняя антонимия, результат полисемии.

Первое упоминание термина энантиосемия появляется в исследовании В.И. Щерця «О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии)» в 1883–1884 годах [1, с. 109].

В.В. Виноградов называет данное явление «омоантонимией», говоря о том, что добавленная к одному и тому же глаголу приставка часто может приводить к образованию слов, значения которых могут быть резко противоположны. Он приводит следующие примеры: *просмотреть* в значениях: 1) «пересмотреть до конца» (просмотреть весь спектакль) и 2) «не разглядеть» (просмотреть ошибку); *отказаться* в значениях: 1) «оставить в наслед-

ство», «отдать по завещанию» (отказать имущество) и 2) «отвергнуть просьбу», «не согласиться на что-нибудь» (отказать в помощи); *отойти* в значениях: 1) «прийти в себя, в сознание» (отойти от болезни) и 2) «умереть, перестать существовать» [2, с. 303].

В своей работе «Основы семантики» Л.А. Новиков использует термин «внутрисловная антонимия». Он отмечает, что энантиосемия – это особая, непродуктивная разновидность антонимии. Это явление находит внешнее выражение в контексте, в характере лексических и синтаксических связей слова (в его противоположных значениях) с другими словами. Л.А. Новиков приводит такие примеры: *одолжить* денег – «дать в долг» или «взять в долг»; *оговориться* – «сделать оговорку» (специально) или «ошибиться»; *наверно* – «может быть» и «несомненно, точно» [4, с. 643].

А.Д. Шмелев, напротив, относит энантиосемию к продуктивным и регулярным языковым явлениям. Он утверждает, что энантиосемию неверно рассматривать как редкое и непродуктивное явление, которое представляет собой лишь частный случай, проиллюстрированный изолированными примерами, не образующими систему. Энантиосемия – это регулярное явление, основанное на единых принципах познавательной способности человека и человеческого общения [5, с. 188].

Такое множество определений еще раз подтверждает сложность данного явления, которое занимает особое место в таких разделах языкознания, как этимология, лексикология и семасиология.

Наибольший интерес для нас представляет энантиосемия на словообразовательном уровне. Противоположность значений в слове может развиваться под воздействием аффиксов. Данное явление наиболее распространено в префиксальных глаголах.

Наиболее энантиосемичными являются глаголы с приставками *до-*, *за-*, *вы-*, *от-*, *про-*, способные выразить разные характеристики действия, связанные с отношениями субъекта и объекта, меры и степени, пространственной направленности действия, начинательности и результативности. При этом полярность значений глаголов зависит не только от префиксов, но и от характера мотивирующей основы [1, с. 133].

Для анализа энантиосемичных языковых единиц обратимся к Национальному корпусу русского языка. Национальный корпус русского языка – это информационно-справочная система, в которой собраны русские тексты (преимущественно современные). Данные этой системы дают материал для исследования различных языковых единиц, в нашем случае – энантиосемичных слов [3].

Сравним два примера:

Тюлин *прослушал* рассказ с удовольствием, причём не без злорадства припомнил, что дал мне самый поганый челнок [К.И. Чуковский. Короленко в кругу друзей (1940–1969)].

Простите, Николай Егорович... Я все прослушал. Думал о другом [А.А. Бек. Талант (Жизнь Бережкова) / Части 1–3 (1940–1956)].

Глагол *прослушать* содержит в себе два полярных значения: 1) «послушать от начала до конца» и 2) «не услышать». Таким образом, в глаголах с приставкой *про-* семантическая противоположность представлена следующими значениями: полнота реализации действия и пропуск, недосмотр в реализации действия. Энантисемичными также являются глаголы *прослушать* в значениях «выслушать от начала до конца» (прослушать рассказа) и «не услышать, пропустить» (прослушать объяснения учителя); *пропустить* «сделать пропуск» (пропустить букву) и «разрешить к напечатанию, к постановке» (пропустить пьесу к постановке).

Для глаголов с приставкой *за-* характерно начинательное и качественно-результативное противопоставление: *заговорить* «начать говорить» (все разом заговорили) и *заговорить* «утомить многословными разговорами» (она его совсем заговорила); *забаловать* «начать баловаться» и *забаловать* «избаловать кого-либо»; *закружить* «начать кружить» и *закружить* «довести кружением до изнеможения». Значению начала действия в приведенных примерах противопоставлено значение «доведение действия до нежелательного результата», которое обладает дополнительной стилистической окраской и употребляется чаще всего на уровне разговорной речи. Например:

Мама / ты уж совсем заговорила Катю [Валентин Черных, Владимир Меньшов. Москва слезам не верит, к/ф (1979)].

– *Тебе хоть жаль немножко, что я уезжаю? – наконец заговорила Люба* [Виктор Астафьев. Обертон (1995–1996)].

Глаголы с префиксом *за-* также способны выражать и пространственные значения приближения-удаления посредством действия, указанного мотивирующим глаголом: *запустить* «начать пускать» и «забросить»; *завезти* «доставить куда-либо, привезти» и «увозить далеко»; *забежать* «приходить ненадолго» и «убежать слишком далеко». Например, сравним:

Ах, боже мой! А мне давно ведь пора ехать. Я к тебе забежал ведь на секунду [М.Ю. Лермонтов. Странный человек (1831)].

Людмилу мудрено сыскать; / Она далеко забежала [А.С. Пушкин. Руслан и Людмила (1817–1820)].

Глаголы с префиксом *от-* совмещают значения, связанные с положительной и отрицательной результативностью действия, названного производящим глаголом. Например: *отмерзнуть* – «лишиться чувствительности от мороза» (руки отмерзли) и «оттаять, отойти» (мясо отмерзло); *отделать* «придать законченный вид» (отделать комнату) и «испортить» (отделать куртку в грязи) – прост.; *отсыпать* – «дать много, расщедриться» и «дать немного, некоторое количество»:

*Я заставил своего первого клиента полюбоваться, выразить свое восхищение остроумным устройством мельницы, затем мы с ним свернули из двух газет колоссальный кулек, и он щедро **отсыпал** мне – за помол – несколько фунтов муки [А.А. Бек. Талант (Жизнь Бережкова) / Части 1-3 (1940–1956)].*

*Я **отсыпал** две трети мешочка, и «староста» стал делить спичечной коробкой табак между всеми желающими [Р.В. Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки (1934–1944)].*

Таким образом, на основе примеров, взятых из текстов Национального корпуса русского языка, видно, что явление энантиосемии довольно широко распространено среди префиксальных глаголов. Это явление часто встречается в художественных произведениях не только современных авторов, но и писателей и поэтов XIX века.

Список литературы

1. Балалыкина Э.А. Метаморфозы русского слова: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 264 с.
2. Виноградов В.В. Об омонимии в смежных явлениях // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 562 с.
3. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 03.04.2020).
4. Новиков Л.А. Избранные труды. Том I: Проблемы языкового значения. М.: РУДН, 2001. 672 с.
5. Шмелев А.Д. «Незначашее» и «невывраженное» отрицание (когнитивные и коммуникативные источники энантиосемии) // Логический анализ языка. Ассерция и негация. М.: Индрик, 2009. 560 с.

УДК 81'37

Н.И. Степыкин, М.А. Казарян

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМ ВЕЖЛИВОСТЬ/ ՔՄՂԱՔՄՉԻՂՆԻ ԹՅՂԻՆՆ ԵՎ ՐԱՍՍԿՈՄ Ի ԱՐՄՅԱՆՍԿՈՄ ՅԱԶԻԿԱԽ

Данная статья посвящена сопоставительному анализу семантических компонентов слов «вежливость»/«քմղաքմչիղնի» в русском и армянском языках. Несмотря на то что лексические значения слов «вежливость»/«քմղաքմչիղնի» близки, их этимология и толкование в армянских и русских словарях имеют определенные отличия,

которые могут свидетельствовать о национально культурной специфике одноимённых концептов.

Ключевые слова: вежливость, *ршѣршѣршѣршѣршѣ*, лексема, семантика.

Категория вежливости имеет особые проявления в каждой этно- и лингвокультуре и соответствует законам этой культуры [1]. По данным этимологических словарей, первоначально лексема «вежливый» имела значение *знающий, сведущий*. Такое определение лексемы можно найти в словаре древнерусского языка [2, с. 412].

Изначально в русском языке слово «вежливый» и существительное *ведьма* были образованы от одной и той же основы и употребились в значении *вѣжа (вежа) – знаток*, т.е. *опытный, знающий* [3] и от суффиксального производного «ведать» – *знать*, с помощью суффикса -лив/ьлив [4, с.38-39]. Очевидна историческая связь прилагательного «вежливый» со словами *ведун, вежливец* (диал.), *вежевуха* (устар.), *ведать, сведущий*. Опираясь на анализ этимологических данных, можно утверждать, что компоненты знания, опыт являются исторически значимыми для русской лексемы [5].

А.В. Семёнов отмечает значение *вежливь*, которое является исконным и с XIII в. широко используется в древнерусском языке. С XVIII в., проходя через временные лексические изменения, оно используется как синоним к словам «обходительный», «воспитанный» [6].

В словаре Л.В. Успенского слово «вѣжливый» имеет тот же корень, что и в предыдущем случае: старинное *вежа* еще в XVI в. значило «человек, ведающий, как надо себя вести в обществе», «знающий правила поведения». Интересно, что со временем исчезнув из употребления, это *вежа* оставило о себе память в слове «невежа», которое живёт в нынешней лексике [7].

В толковых словарях можно встретить такие толкования значения лексемы *вежливость*:

– «Соблюдающий правила приличия; учтивый, предупредительный, обходительный; выражающий учтивость, исполненный предупредительности» [8].

– «Учтивость, обходительность, предупредительность. Правила вежливости. Изысканная в. Сделать что-л. из вежливости (следуя правилам приличия, а не внутреннему побуждению). Визит вежливости (офиц.; посещение кого-, чего-л. из приличия)» [9].

– «Учтивость, благовоспитанность, соблюдение бытовых приличий. Этого требует вежливость» [10].

– «Вежливо улыбается вам, ведёт себя с другими людьми так, что им становится приятно от общения с ним. Вежливый продавец, незнакомец, со-

сед. Вежливый тон, стиль общения человека выражает его уважение к окружающим людям» [11].

Вежливость больше всего проявляется в речи и служит для гармоничного бесконфликтного общения и соблюдения общественно принятых норм. Обобщив данные Н.И. Степыкина [12], представим графически структуру значения лексемы *вежливость* (рис. 1).

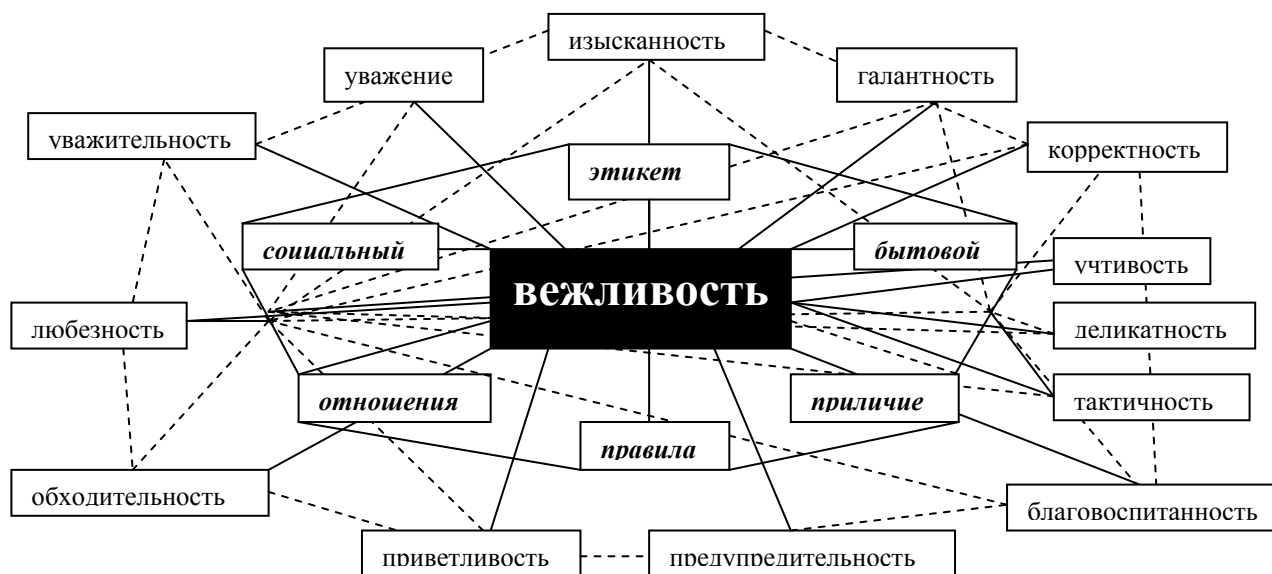

Рис. 1. Структура значения лексемы «вежливость», по Н.И. Степыкину.

Эквивалентом вежливости в армянском языке является лексема *բարձրաձայնություն*, которая представлена в словаре Э. Б. Агаяна следующим образом:

- 1) Վերաբերմունքի՝ վարվելակերպի հարգալից ու բարեկիրթ բնույթ;
- 2) Հարգալից վերաբերմունքի՝ վարվեցողության կանոնների ամբողջականությունը;
- 3) Քաղաքավարի լինելը [13].

По словарю П. В. Джизмеджяна, *Քաղաքավարություն* имеет такие толкования: 1) Քաղաքացիի վայելուչ պահվածք;

- 2) կրթություն, ազնուութիւն [14].

А. Тер Хачатурян, Г.Г. Тоникян и Ф.К. Тоникян толкуют *բարձրաձայնություն* следующим образом:

- 1) Բարեկրթություն, պատշաճություն, նրբավարություն, սիրալիրություն, ազնուութիւն;
- 2) Քաղաքականություն [15].

Вежливость включает любые средства (слова и действия), в которых проявляется уважение к людям разных классов и возрастов, вероисповедания

и национальности вне зависимости от ситуаций. Вежлив тот человек, который в разных ситуациях не забывает простые слова («спасибо», «пожалуйста» и пр.).

Значение лексемы *քաղաքավարի* (*вежливый*) толкуется так:

1) Վարվեցողության կանոնները պահպանող, վարվեցողությամբ բարեկիրթ;

2) Վարվեցողության կանոնների համապատասխան արված՝ կատարված [14].

В словаре Э. Б. Агаяна, քաղաքավարի:

1) Քաղաքավարութեան կանոններու համապատասխան;

2) Քաղաքավարութեան կանոններով վարուող՝ առաջնորդող. Կրթուած, բարեկիրթ;

3) Սիրալիր, պատշաճ, վահելույ; 4) Քաղաքավարութիւն պարունակող՝ արտահայտող [13].

На основе анализа лексикографическим источников армянского языка можно выделить и представить графически структуру значения компонентов, образующих лексему *քաղաքավարություն*, воспользовавшись методикой, предложенной в работе К.С. Кардановой [18] (рис. 2).

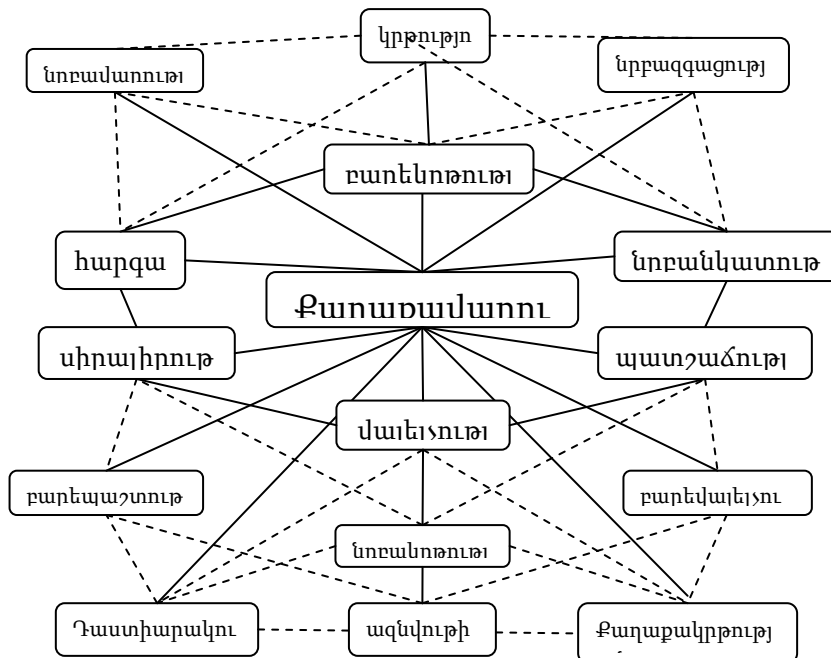

Рис. 2. Структура значения лексемы «քաղաքավարություն»

Представленные модели структуры значения сравниваемых лексем демонстрируют сходства и различия их значений у представителей русской и

армянской лингвокультуры. Представим данные сходства и различия в следующей таблице.

Таблица 1

Сходства и различия структурно-содержательных компонентов значения лексемы *вежливость* в русском и армянском языках

Русский компонент	Армянский компонент
Благовоспитанность	Բարեկրթություն
Приличие	Պատշաճություն
Любезность	Միրալիրություն
Уважение	Հարգանք
Правила	
Бытовой	
Тактичность	նրբակրթություն
Деликатность	նրբանկատություն
Изысканность	նրբավարություն
Социальный	
Отношения	
Этикет	
Учтивость	նրբազգացություն
	կրթություն
	վայելչություն

Следует отметить, что в первоначальном значении, лексема «вежливый» имела следующие толкования:

– «Բաշարի տարազով» (человек соответствующий интеллигентному образу городской среды, человек с манерами интеллигента) [16].

– «Բաշար վարելը՝ Կառավարելը» (управлять городом, руководить; достойное поведение гражданина) [17].

Итак, нами был проведен сопоставительный компонентный анализ лексем «вежливость»/ «բաշարավարություն» в русском и армянском языках. Сходства были обнаружены в таких компонентах значения, как ‘благовоспитанность’, ‘учтивость’, ‘приличие’, ‘любезность’, ‘уважение’, ‘тактичность’, ‘деликатность’, ‘изысканность’, ‘учтивость’. Те компоненты, которые не имеют соответствий, обнаруживают национально-культурную специфику содержания исследуемых лексем. Кроме того, анализ этимологических источников позволил выявить различные истоки и траектории развития актуального лексического значения лексемы *вежливость* в русском и армянском языках.

Список литературы

1. Воевода Е.В. Проявление вежливости в англо-американском деловом дискурсе // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения: десятый межвузовский семинар по лингвострановедению: сб. статей: в 2 ч. Ч. 2: Категория вежливости в этнолингвистическом пространстве / отв. ред. Л.Г. Веденина. М.: ГИМО-Университет, 2013. С. 81–86
2. Аванесов Р. И. Словарь древнерусского языка. М., 1988.
3. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. М., 2017.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964–1973. Т. 1–4.
5. Степыкин Н.И., Мессоре М. Компонентный анализ лексемы «вежливость» в русском, английском и итальянском языках // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2013. № 4. С. 93–97.
6. Семёнов А.В. Этимологический онлайн-словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov>.
7. Успенский Л.В. Этимологический онлайн-словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/uspensky>.
8. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. язык, 2000.
9. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
10. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов. М., 1935–1940.
11. Толковый словарь русского языка / ред. Д.В. Дмитриев. М.: АСТ, 2003.
12. Степыкин Н.И. Способы структурно-содержательного моделирования лингвокультурного концепта: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2011. 24 с.
13. Агаян Э. Б. / Է. Բ. Աղայան, Արդի հայերենի բացատրական բառարան, «Հայաստան» Հրատարակչ. Երևան, 1976.
14. Джизмеджяна П. В. / Պ. Վ. Ճիզմեճեան: Հայերեն աշխարհաբար լեզուի լիակատար բառարան, Տպարան Անի. Հայկա, 1957.
15. Ա. Տէր Խաչատուրեան, Հ.Գանգրունի եւ Փ. Կ. Տօնիկեան: Հայոց լեզուի նոր բառարան: Կ. Տօնիկեան եւ Որդիք Հրատարակչ. Պէրրութ, 1968.
16. Ժամանակակից հայոց լեզվի բացատրական բառարան Հրաչյա Աճառյանի Անվան Լեզվի Ինստիտուտ: Հայկական ՍՍՀ Գիտությունների Ակադեմիայի Հրատարակչ. Երևան, 1980.

17. Ս. Չարախաճյան, Երբ Բարազիրք Հայերէն Լեզուի, Տպագրութիւն Ռ. Սաղաեան, Կ. Պոլիս, 1910.

18. Карданова К. С. Лингво-психологическое исследование реструктуризации образа сознания империя/empire: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 21 с.

УДК 371.321.8

Сунь Юньчао, Г.Б. Полякова, А.А. Данилина

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ФОРМИРОВАНИЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ РЕЧИ ПРИ ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

В статье на основе сравнительного анализа фонетических систем будут рассмотрены трудности в ходе обучения фонетике китайского языка, а также будут описаны методы устранения ошибок на начальном этапе. При обучении фонетике китайского языка русскоговорящих студентов стоит принять во внимание отличия в звуковых системах языков. Студенты сталкиваются с трудностью понимания, осознания фонетики китайского языка, поскольку они не могут подобрать аналогов в родном языке.

Ключевые слова: *методика преподавания языка, фонетика, китайский язык, лингводидактика, артикуляционная база, инициали, финали, тоны.*

На данный момент в условиях непрерывного развития отношений РФ и КНР появилась заинтересованность в изучении китайского языка. Интерес к культуре Китая и языку является стимулом для изучения методики его преподавания, так как проблема изучения методики преподавания китайского языка является малоизученной [1, с. 510–512].

Процесс овладения иностранным языком предполагает изучение четырех аспектов: фонетики, лексики, грамматики и стилистики. Овладение вышеупомянутых элементов в совокупности формирует у учащегося навыки понимания и воспроизведения устной и письменной речи. Корректное изучение каждого из этих аспектов играет роль в освоении практических языковых навыков, то есть от них зависит общий уровень владения языком.

На начальном этапе изучения китайского языка фонетике должно уделяться особое внимание не только со стороны преподавателя, но и со сторо-

ны учащегося из-за значительных различий фонологических систем китайского и русского языков, а также особой зависимости между произношением и смыслом высказывания в китайском языке.

Фонетика является одним из трудных разделов для изучения в китайском языке. На начальном этапе учащемуся сложно воспринимать на слух звуки китайской речи, но очень важно слушать и различать тоны (изменение высоты звука в слогe). Один и тот же иероглиф можно произнести с разными тонами, и он будет иметь другое значение.

妈	嘛	马	骂
mā	má	mǎ	mà
мама	онемелый	лошадь	бранить

Следовательно, на данном этапе необходимо обучить тонам и звукам, а также слушать аудиоматериалы, чтобы запомнить правильное произношение.

Под фонетикой как аспектом обучения понимается звуковой строй языка – совокупность всех звуковых средств, которые составляют его материальную сторону (звуки, звукосочетания, ударение, ритм, мелодика, интонация, паузы) [2, с. 156-157].

Специалисты в области методики преподавания китайского языка выделяют такие цели:

- 1) обучение языку как объекту профессиональной деятельности (условно можно назвать академическим или филологическим);
- 2) обучение иностранному языку как инструменту решения иных (нелингвистических) задач (условно можно назвать прикладным);
- 3) обучение иностранному языку как средству непрофессиональной коммуникации (условно можно назвать практическим или бытовым)» [3, с. 18].

В методике обучения иностранному языку выделяют артикуляторный, акустический и дифференцированный подходы. Потенциал каждого из этих подходов требует осмысления согласно обучению произносительной стороне речи на китайском языке.

В ходе обучения произношению китайского языка выделяют 5 принципов для успешного формирования произносительной компетенции: принцип сочетания обучения звукам в отдельности и в объединениях в речи, принцип учета родного языка, принцип градации трудностей: постепенный переход от простого к сложному, принцип сочетания сознательности и имитативности, принцип сочетания упражнений, направленных на автоматизацию навыков, с одной стороны, и на осмысления совершаемых действий, с другой.

Обучению фонетике китайского языка необходимо уделять внимание на начальном этапе преподавания. Учитывая тот факт, что фонетика китай-

ского языка довольно специфична, поэтому на начальном этапе при изучении звуковой системы китайского языка многие обучающиеся допускают ошибки, такие как ошибки в произношении отдельных звуков, ошибки в произнесении тонов и ошибки, связанные с длиной тона, четкостью его произнесения и ударением. При взаимосвязанном обучении всем формам общения, в которых в той или иной форме используется произношения, данные ошибки можно предотвратить.

Введение фонетического материала происходит при строгом соблюдении принципа последовательности и посильности: от легкого к более сложному, от известного к неизвестному, от явлений, которые сходны с родным языком, к явлениям, которые не имеют аналогов в родном языке.

Формирование навыков произношения китайских звуков у русскоговорящих студентов вызывает многочисленные трудности. Эти трудности усложняются различиями в звуковых системах китайского и русского языков.

Овладеть произношением китайского языка значит овладеть его артикуляционной базой. Артикуляционная база – это совокупность характерных для данного языка артикуляторных навыков. Основные движения речевых органов идентичны во всех языках, однако они имеют некоторые особенности. Различна степень напряженности, сила выдоха, характер работы голосовых связок и т. д. Для овладения артикуляционной базой иностранного языка необходимо добиться того, чтобы непривычные для родного языка движения речевых органов были автоматизированы, т. е. стали привычными и совершались при минимуме сознательного контроля.

Существует две физиологические особенности, которые вызывают трудности у студентов в процессе овладения произносительной стороной речи:

- 1) фонационное дыхание, которое в русском произношении гораздо слабее, чем в китайском языке;
- 2) при воспроизведении китайских фонем степень напряженности гораздо выше, чем в русском языке [5, с. 83–86].

Артикуляционная база китайского языка, по сравнению с другими языками, более трудоемкая, так как мы имеем дело не только с особенностями звуков и звукосочетаний, но и с не привычным для нас изменением тона на каждом слого.

Для постановки хорошего произношения необходимо сразу научиться произносить китайские звуки и слоги правильно, постепенно овладевать произносительными навыками китайского языка. В первую очередь, следует понять в каком положении должны находиться речевые органы при произнесении звука, потом прослушать, как его произносит преподаватель, а затем повторить вслед за ним. Так постепенно можно овладеть артикуляционной

базой китайского языка и научиться произносить китайские звуки и слоги автоматически, не задумываясь.

На этапе обучения фонетике студенты часто переносят артикуляционные навыки с родного языка на китайский язык. В русском языке отсутствует понятие тона у слога, следовательно, при отсутствии четких методических указаний и систематического контроля со стороны преподавателя тона учащимися игнорируются вовсе. В первую очередь, преподаватель должен показать, как устроен речевой аппарат, а потом начать обучение с системы транскрипции «пиньинь».

Научить аутентичному произношению достаточно сложно, так как методика обучения фонетической стороне речи разработана недостаточно.

При обучении произношению необходимо запомнить следующие правила: произношением следует овладеть в процессе говорения; произносительная сторона речи не станет аутентичной, даже в том случае, если вы будете знать обо всех фонетических явлениях и звуках языка; уровень продуктивности овладения речевым материалом равнозначен уровню интереса.

При работе на начальном этапе следует учитывать следующие рекомендации.

1. Модель действий преподавателя при обучении произношению должна быть такой: контекст – слово – звук.

2. Речь учителя на начальном этапе допускает некоторую преувеличенность и демонстративность.

3. Необходимо различать звуки, показывая студентам разницу не только между звуками родного и китайского языка, но и между похожими звуками иностранного языка.

4. Для демонстрации артикуляции звуков можно использовать ассоциативные картинки в качестве наглядности.

5. Использовать «беззвучную артикуляцию». Можно попросить учащихся догадаться, какой звук или слово произносится, что говорит персонаж, который показан на картинках.

6. Если у студента возникают затруднения в произнесении отдельных звуков или интонационных моделей, можно помочь объяснить ему жестами.

7. Работа со стихотворениями или диалогами: так как первой стадией работы над звуком является восприятие, следует организовать прослушивание стихотворения или диалога.

На стадии имитации студенты должны повторить звуки или звукосочетания, желательно по 2-3 раза каждое, которые затем сливаются в слово:

[l, l, a, a, o, o, sh, sh, i, i, laoshi];

[x, x, ue, ue, xue].

Далее студенты должны повторить простые звуки с разными тонами, желательно по 2-3 раза каждое:

<i>Первая группа звуков</i>											
nī	ní	nǐ	nì	gē	gé	gě	gè				
hāo	háo	hǎo	hào	lōu	lóu	lǒu	lòu				
mā	má	mǎ	mà	fēn	fén	fěn	fèn				
mō	mó	mǒ	mò	pēng	péng	pěng	pèng				
bāi	bái	bǎi	bài	hōng	hóng	hǒng	hòng				
	lī	lí	lǐ	lì							
<i>Вторая группа звуков</i>											
zhā	zhá	zhǎ	zhà	rú	rǔ	rù	rǔ				
zhāi	zhái	zhǎi	zhài	rén	rěn	rèn	rèn				
shū	shú	shǔ	shù	chōu	chóu	chǒu	chòu				
shī	shí	shǐ	shì	chuān	chuán	chuǎn	chuàn				
cāi	cái	cǎi	cài	zāo	záo	zǎo	zào				
cān	cán	cǎn	càn	zuō	zuó	zuǒ	zuò				
cuī	cuǐ	cuì	cuì	suī	suí	suǐ	suì				
	cī	cí	cǐ	cì	sī	sǐ	sì	sì			
<i>Третья группа звуков</i>											
jī	jí	jǐ	jì	qī	qí	qǐ	qì	xī	xí	xǐ	xì
jū	jú	jǔ	jù	qū	qú	qǔ	qù	xīng	xíng	xǐng	xìng
jiāo	jiáo	jiǎo	jiào	qiān	qián	qiǎn	qiàn	xiāo	xiáo	xiǎo	xiào
jiē	jié	jiě	jiè	qīng	qíng	qǐng	qìng	xuē	xué	xuē	xué

Переход от произношения определенных звуков к словам и фразам происходит постепенно, начиная с самого элементарного слова «здравствуй-те», а затем разучивая фразы, чтобы знать как представиться.

В ходе преподавания китайского языка необходимо предоставлять ученикам возможность разыгрывать ситуации из реальной жизни на различные темы, чтобы они могли на практике потренироваться в языке и закрепить ранее изученные фразы [6, с. 88–95]. Особую роль могут играть освоение речевых стереотипов [7].

Тем, кто учит китайский язык, надо запомнить, что вместе с изучением нового материала необходимо повторять то, что было изучено ранее. Это позволит выявить слабые места и оценить уровень знаний.

Существует много способов для закрепления правильного произношения звуков, слогов и тонов, но наиболее эффективными являются занятия аудированием, ассоциативные реакции, дифференциация звуков, повторение звуков.

Для отработки звуков нужно выполнять упражнения и принять во внимание рекомендации, которые помогут правильно сформировать произносительные навыки.

Таким образом, формирование и развитие произносительных навыков играют важную роль в обучении китайскому языку не только на начальном, но и на продвинутом этапе. Особую роль овладение правильной артикуляционной базой играет в профессиональной подготовке будущих лингвистов [8], специалистов по межкультурным коммуникациям [9]. Благодаря фонетическим навыкам возможно использование языка как средства общения, так как именно они обеспечивают нормальное функционирование всех видов речевой деятельности.

Список литературы

1. Особенности и методика преподавания китайского языка как второго иностранного в условиях ограниченного времени (на примере китайского языка) / Н.В. Абрамова, С.Ю. Федорова, Е.В. Бахтина [и др.] // Европейский журнал социальных наук. 2015. № 3. С. 88–95.

2. Алексахин А.Н. Инновационный вводный курс практической фонетики китайского языка путунхуа для русскоязычных студентов // Филологические науки в МГИМО. 2016. № 5. С. 6–16.

3. Методика обучения иностранным языкам в средней школе: учебник / Н.И. Гез, М.В. Ляховицкий, А.А. Миролубов [и др.] М.: Высш. шк., 1982. 373 с.

4. Драгунов А. А., Драгунова Е. Н. Структура слога в китайском национальном языке // Советское востоковедение. 1955. № 1. С. 57–74.

5. Кочергин И. В. Очерки лингводидактики китайского языка. 3-е изд., перераб. М.: Восточная книга, 2012. 184 с.

6. Семенова Т.М. Обзор исследований в области методики преподавания китайского языка // Молодой ученый. 2012. № 12. С. 510–512.

7. Полякова Г.Б., Ермакова И.А. К вопросу о роли стереотипов речевого общения в обеспечении межкультурной коммуникации // Язык и межкультурная коммуникация в современном информационном пространстве: материалы VI Всерос. науч. конф. школьников, студентов и аспирантов. Курск, 2015. С. 157–163

8. Полякова Г.Б., Кулешова С.В. Роль освоения межкультурного подхода в лингводидактической подготовке будущего лингвиста // Известия

Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика . 2019. Т. 9, № 3. С. 124–131.

9. Полякова Г.Б., Кулешова С.В. Особенности изучения лексики в межкультурном образовании (на примере русского языка как иностранного) // Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик: сборник материалов VI Междунар. науч. конф. Курск, 2018. С. 273–239.

УДК 811.124:378.661

Ю.И. Федюкина, Е.О. Скобликова, О.Ю. Бредихина

*ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации, Курск*

ВКЛАД ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА В СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНО-КУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

Статья посвящена латинскому языку и его ценности для будущих поколений. Значительное внимание уделяется употреблению латинского языка в художественной литературе. Авторы приходят к выводу, что владение латинским языком открывает дорогу к огромным пластам европейской культуры античности, а также оказывает положительное влияние на развитие личности в целом.

Ключевые слова: *латинский язык, художественная литература, культура античности, развитие личности.*

Каждый человек нуждается в образовании: в познании себя, других людей и всего мира, в формировании менталитета и обширного кругозора. Именно процесс обучения предоставляет нам такие возможности.

Но без знания языка это невозможно. Всем известно, что язык, являясь важнейшим элементом речи, выполняет огромнейшую социальную миссию – передачу последующему поколению накопленных человечеством знаний и опыта.

Язык – это форма культуры, которая увековечивает ценности и плоды мышления во времени. А человеку свойственно мышление, оно существует совместно с трудовой и речевой деятельностью.

Язык принято считать душой нации, в нем отражаются традиции, чувства, мировоззрение, история, литература и искусство. Изучение языка,

уместное пользование его возможностями, умения ясно и грамотно излагать свои мысли является важным аспектом в жизни каждого человека.

Невозможно сформировать целостное представление о культуре, не познав основ классических языков древности, таких как латинский, греческий или арабский. И это относится не только к сфере духовного образования, но и к светскому образовательному процессу.

Образовательная система России исторически формировалась как часть европейского образовательного пространства и во все периоды в качестве важнейшего компонента гуманитарного и негуманитарного обучения включала освоение классических языков.

Владение латинским языком всегда считалось и считается основой европейской образованности, поскольку на этом языке народы Европы более двух тысячелетий создавали свою культуру. Зная латынь, человек только этим фактом получает ключ к огромным пластам европейской культуры античности, средних веков и Эпохи Возрождения.

Давно известно, что на основе античной культуры создан фундамент современного европейского мира и важнейшее средство построения его культурного самосознания. Античная культура, которая представляет собой феномен, обладающий исключительным воздействием, может помочь в формировании системы жизненных ценностей и нравственных ориентиров личности человека. Уже в древности сложились понятия таких этических норм, как гражданская свобода, отчий дом, человечность и порядочность, являющиеся незаменимыми качествами в отношении к окружающему миру и помогающие задать жизненные ориентиры.

Латинский язык является феноменом общественной культуры и обладает большими возможностями для заимствования ценностей других культур. Огромной нравственной ценностью обладают дошедшие до нас латинские афоризмы. Будучи переведенными на русский язык, латинские пословицы и поговорки стали достоянием русской культуры:

Per aspera ad astra – через тернии к звездам

O tempora, o mores! – о времена, о нравы

Quot homines, tot sententiae – сколько людей, столько и мнений.

Латинские выражения очень прочно вошли в нашу жизнь. Их можно встретить в литературных произведениях, научных статьях, переводах, печати, в разговорной речи и, зачастую, в оригинале, без перевода:

Alma mater, terra incognita, status quo, persona grata, tabula rasa.

Латинский язык, один из тех предметов медицинского вуза, который закладывает основу профессиональных знаний, одновременно способствует повышению общественного уровня студентов. Общеобразовательный потен-

циал латинского языка, бесспорно, лежит в основе гуманитарного образования.

Знание латинских афоризмов, которые представляют собой образы народной мудрости, способствует расширению языковой культуры, а также формированию способности выбора идеального контекста их употребления в современных условиях, что украшает речь и придает ей глубину и образность.

Знакомясь на занятиях с латинскими крылатыми выражениями, мы не только проводим грамматический анализ высказывания, но и подвергаем большинство выражений историческому анализу, даем краткую биографическую справку об авторе высказывания, что, безусловно, расширяет наш кругозор. Не секрет, что латынь, на протяжении столетий существовавшая как язык античных философов, ученых средневековья и эпохи Возрождения, выдающихся медиков разных эпох, является носителем моральных ценностей и этических норм европейской цивилизации [4, с. 57].

Таким образом, мы можем утверждать, что знакомство с элементами медицинской этики и деонтологии в курсе обучения латинскому языку и основам терминологии позволяет заложить фундамент в воспитании студентов.

Студентам каждого факультета КГМУ в течение курса обучения латинскому языку предлагаются афоризмы, которые дифференцируются на определенные рубрики, отражающие:

- Деонтологические идеи, в основе которых заложен смысл формирования нравственных основ, морально-этических норм и убеждений, необходимых для профессиональной деятельности.

Aliis inserviando consumer – Служа другим, сгораю сам (Ван Тульпиус, повторил Гиппократ)

Primum noli nocere – Прежде всего не навреди (Гиппократ)

- Общечеловеческую мораль

Arte et humanitate, labore et scientia – Искусством и человечностью, трудом и знанием (Авиценна)

Fortes fortuna adjuvat – Смелым судьба помогает (Плиний старший)

- Профессиональные медицинские выражения

Festina lente – Торопись медленно (Октавиан Август)

Dum spiro, spero – Пока дышу, надеюсь (Цицерон)

В качестве примера возьмем афоризм великого Гиппократа – отца научной медицинской терминологии, оставившего целый пласт античной медицинской афористики, который лег в основу современной медицинской этики деонтологии:

«Omniū atrium medicina nobilissima est – Медицина – благороднейшая из всех наук»

В этом выражении Гиппократ сравнивает медицину с искусством (*ars, artis* – искусство).

Помимо семантического, мы можем провести грамматический разбор выражения:

Прилагательное *omnium* – (*omnis, e* – весь) употреблено в родительном падеже множественного числа. *Artium* – существительное 3 склонения (*ars, artis*) – искусство – использовано в родительном падеже множественного числа. *Medicina (medicina, ae)* – медицина – существительное 1 склонения именительного падежа единственного числа. *Nobilissima (nobilissimus, a, um)* – прилагательное 1 группы в превосходной степени (от *nobilis, e* – достойный, благородный). *Est* – глагол- связка в 3 лице единственного числа (заменяет «это»).

Мир латинских афоризмов раскрывает перед нами непреходящие моральные и нравственные ценности, учит гуманным основам профессии. Медицинская этика и деонтология отражаются в мыслях и учат мудрости жизни. Знакомство с афоризмами является своеобразной школой мудрости, истоком духовного самосовершенствования [3].

Свойственная латинскому языку краткость, содержательность, точность, выразительность воспроизводятся в этих изящных конструкциях.

В литературных произведениях знание героев произведения латинского языка приравнивается к образованности.

Помимо своей основной функции – наименования терминологических понятий обще- и узконаучного направления, – латинский язык зачастую выступает в роли образно-выразительного средства.

В качестве образного средства лексемы и устойчивые фразеологические единицы на латинском языке используются в следующих ситуациях:

1) при создании атмосферы определенного исторического периода (античности, средневековья и т.д.);

2) при построении индивидуальной речевой характеристики литературных персонажей, имеющих отношение к сферам науки, культуры, медицины, юриспруденции и т.п., а также являющихся церковнослужителями или членами определенных религиозных организаций;

3) при внесении в литературное произведение магических либо оккультных элементов с использованием латинского языка как источника тайных кодов, волшебных формул, алхимических заклинаний и т.д.;

4) для придания произведению особого колорита, выразительности, звучности и лаконичности [5, с. 76–99].

Говоря о первых двух ситуациях, можно привести в качестве примеров творчество русских классиков XIX-начало XX веков. Как показывает практика, у русских писателей конца XIX века латинские изречения встречаются довольно часто. Это связано с тем, что в России в XIX веке латинский язык был обязательным предметом для изучения в гимназиях, а поэтами и писателями, естественно, становились в основном люди образованные.

В ряду известных писателей России того времени М.А. Булгаков и А.П. Чехов занимают особое место. Свободное использование латинских терминов авторами связано с тем, что они по своей основной профессии были врачами. И это отложило отпечаток на их творчество, они часто используют в своих произведениях медицинские и латинские термины, описывая эпизоды из жизни больных и врачей.

Например, А.П. Чехов создавая литературные произведения, вложил в них весь свой многолетний врачебный опыт, что дало возможность читателю на некоторое время полностью окунуться в мир медицины:

1. «*Благодаря антисептике, делают операции, какие великий Пирогов считал невозможными даже in spe (в надежде)*» («Палата № 6»);

2. «*Грудь паралитическая, плоская. Шея до того длинна и худа, что видны не только *venae jugulars* (яремные вены), но даже *arteriae carotides* (сонные артерии). *Musculi sternocleidomastoidei* (мышцы грудно-ключично-сосковые) едва заметны... Констатирую *anaemia* и *atrophia musculorum* (малокровие и истощение мышц)*» [9, с. 106].

В свою очередь, М.А.Булгаков при помощи употребления латинского языка в своих произведениях создает эффект достоверности, латинские выражения и афоризмы являются стилистическим средством создания определенной атмосферы, которая помогает читателю реально воспринять ту социальную среду, в которой обитает герой данного произведения:

1. «*Status praesens*» (сегодняшнее состояние организма)

2. «*Bis in corpore*» (в полном составе, в целом)

3. «*Laudamus, tibi, Domine, rex aeternae gloriae*» (начало молитвы «Хвалим, Господи, тебе, царю вечной славы») [2, с. 307].

Для создания определенного колорита латынью пользовались и зарубежные классики. Так М. Твен употребляет латинские афоризмы в романе «Принц и нищий», с одной стороны, воссоздавая атмосферу Англии XVI в. (времени, когда образованный дворянин обязан был знать латынь в качестве доказательства своей образованности и принадлежности к католической вере), а с другой стороны, придавая ситуации комический окрас:

– Это шутка? – с ледяной торжественностью возразил Гендон. – Эта твоя шутка носит в законе название, ты знаешь какое?

– Я этого не знал! Может быть, я был неосторожен. Мне и в голову не приходило, что это уже носит название... Я думал, что я первый изобрел такую шутку.

– Да, она имеет название. В законах она называется *Non compos mentis lex talionis sic transit gloria imundi*.

– Ах, господи!

– И наказание – смертная казнь! [6, с. 123]

Комичность сцены заключается в том, что герой-дворянин Майлз Гендон пользуется неграмотностью продажного стражника и под видом названия закона выдает не связанные друг с другом крылатое выражение: *Sic transit gloria mundi* (так проходит слава мирская) и юридические термины *compos mentis* (в здравом уме) и *lex talionis* (закон [равного] возмездия).

В качестве иллюстрации третьей ситуации приведем пример из романа В.Я. Брюсова «Огненный ангел». Автор использует латинский язык для того, чтобы передать колорит Германии XVI в., но в большей степени, для погружения читателя в среду существования главного героя, который занимался оккультизмом:

«Audi, Anaël! ego, Ruprechtus, indignus minister Dei, conjuro, posco et voco te non mea potestate sed per vim, virtutem et potentiam Dei Patris, per totam redemptionem et salvificationem Dei Filii et per vim et devictionem Dei Sancti Spiritus. Per hoc devinco te, sis ubi velis, in alto vel abysso, in aqua vel in igne, in aere vel in terra, ut tu, daemon Anaël, in momento coram me appareas in decora forma humana».

(Услышь, Анаэль! Я, Рупрехт, недостойный служитель Бога, заклинаю, требую и зову тебя не по своей мощи, но силою, доблестью и могуществом Бога Отца, искуплением и спасением Бога Сына, и силою и разрешением Бога Духа Святого. Этим понуждаю тебя, где бы ты ни был, в море или в бездне, на воде или в огне, в воздухе или на суше, чтобы ты, демон Анаэль, тотчас предстал предо мною в пристойной человеческой форме.) [1, с. 102]

Говоря о четвертой ситуации – придании колоритности и выразительности произведению – в качестве примеров можно привести названия поэтических произведений:

1. Названия сборника сонетов М. Волошина «*Corona astralis*» («Звездная корона» или «Звездный венок») и сборника стихотворений о войне «*Anno mundi ardentis 1915*» («В год пылающего мира 1915»).

2. Название стихотворного сборника А. Ахматовой «*Anno Domini MCMXXI*» («В лето господне 1921»).

3. Название стихотворений И. Бродского «*Aere Perennius*» («Долговечнее меди») [7, с. 54].

Таким образом, в процессе прочтения литературных произведений учащийся медицинского вуза, с одной стороны, вовлекается в своеобразную игру на распознавание знакомых медицинских терминов (что особенно актуально для текстов, написанных авторами-врачами) и крылатых латинских выражений. С другой стороны, учащийся встречает новые лексические и фразеологические единицы (которые в своем большинстве имеют перевод редактора, помещаемый в примечаниях или сносках). Оба когнитивных процесса позволяют читателю расширить свой кругозор и в целом оказывают положительное влияние на развитие личности.

Список литературы

1. Брюсов В. Огненный ангел. М.: Эксмо, 2007. 305 с.
2. Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Худ. лит., 1990. Т. III. 307 с.
3. Костромина Т.А. Воспитание через предмет – возможности курса латинского языка // От качества преподавания к качеству образования. Современные тенденции и новации в подготовке преподавателей высшей школы: материалы Рос. науч.-метод. конф. с международным участием. Курск, 2014. 229 с.
4. Михеева О.Т. Античная культура в преподавании курса «Латинский язык» и основы фармацевтической технологии // Научные и методические проблемы медицинской терминологии: междунар. конф. Ульяновск: Изд-во «Вектор-С», 2009. 135 с.
5. Смирнова В.М., Яковлева Т.М. Латынь сквозь века // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 5–1. 310 с.
6. Твен М. Принц и нищий. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1953. 171 с.
7. Тронский И.М. Очерки из истории латинского языка. М.: Молодая гвардия, 2013. 267 с.
8. Чернявский М.Н. Латинский язык и основы терминологии. М.: Медицина, 2010. 448 с.
9. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974. Т. I. 106 с.

УДК 811.161.1

А.М. Шакмакова

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В СКАЗКАХ А.П. ЗОНТАГ

В статье представлен анализ сказок детского писателя XIX века А.П. Зонтаг с точки зрения отражения гендерных стереотипов, рассмотрены способы реализации гендерных стереотипов на фонетическом, лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом уровнях языка. Произведен анализ средств создания образов мужчины и женщины.

Ключевые слова: *гендерные стереотипы, гендер, сказка, русский язык, русская литература.*

Одним из важнейших аспектов формирования личности человека выступает формирование его психологического пола. В исследованиях, посвященных изучению мужчин и женщин, уже с 70-х годов XX века принято разделять «пол» и «гендер», в зарубежной литературе также существуют два термина: “sex” и “gender”. Первое понятие раскрывает физиологическую идентификацию, акцентируя внимание на первичных половых признаках человека, второе же указывает на социальный пол человека.

В современной филологии большое внимание уделяется исследованию детской литературы. Это связано с тем, что именно в детстве закладывается характер ребенка, его мировоззрение. Книги оказывают непосредственное влияние на формирование личности ребенка, развитие его духовного мира и самоидентификацию. Восприятие детьми художественного текста является одновременно важным и сложным процессом. В соответствии с идеями Ф.И. Буслаева о построении образовательного процесса, основным материалам обучения русскому языку должны служить тексты художественной литературы. Ученый считал их основным средством развития эстетического вкуса учеников и их нравственных чувств [1]. В современной школе текст также является средством не только обучения, но и воспитания учащихся.

А.В. Запорожец, психолог, автор книги о психологии восприятия художественной литературы, отмечает, что литературное произведение затрагивает чувства и мысли читателя, помогая ему изучить духовный опыт всего человечества, его культуру и мировосприятие [2, с. 68]. Таким образом, лите-

ратурное произведение оказывает непосредственное влияние на изменение мировоззрения человека, в особенности – подрастающего поколения.

А.В. Кирилина считает, что гендерный аспект изучения феномена мужчины и женщины позволяет исследовать более широкий круг вопросов, выставляя на первый план конструирование мужской и женской идентичности. [4, с. 27–28]. С помощью литературы дети не только приобщаются к культуре того или иного столетия, но и закрепляют в своем сознании устоявшиеся гендерные стереотипы, тем самым выстраивая сложный процесс самоидентификации. В анализируемых произведениях мужчина занимается выстраиванием своей карьеры, завоеванием уважения товарищей. Причем мужчинам отводится тяжелый физический труд, в то время как женщина лишена возможности самореализации в какой-либо профессиональной сфере деятельности, женщина является, в первую очередь, хранительницей очага. Также женщина наделена способностью хорошо готовить и шить.

А.П. Зонтаг – детский писатель XIX века. Ключевыми произведения в творчестве А.П. Зонтаг стали сказки «Девушка-Березница», «Карлик со скрипкою», «Братец и Сестрица», «Кнутик в мешочке», «Волшебница» [3]. Нами был произведен анализ данных литературных произведений на предмет гендерной стереотипизации. Примечательно, что во всех анализируемых произведениях мужчина (мальчик) выступает в качестве главного героя, реже – одним из главных.

Основным средством выражения гендерных стереотипов в языке сказок выступают имена прилагательные. Для характеристики женщины, как правило, используются прилагательные «прекрасная», «робкая», «стройная», «добродушная», «кроткая», «добрая», «милая», «хозяйственная» и другие; для мужчины – «сильный», «веселый», «догадливый», «сметливый», «умный», «честный», «дерзкий». В диалогах раскрываются как внешние характеристики женщины и мужчины, так и их персональные качества. Реплики мужчин, как правило, наполнены эмоционально-оценочной, экспрессивной лексикой. Так, в сказке «Девушка-Березница» писатель наделяет героя-мужчину прямолинейностью и вспыльчивостью, приводя его диалог с женой: «Угольщик улыбнулся и сказал: – глупая ты женщина!», в сказке «Кнутик в мешочке» мужчина также использует просторечие «дурак», обращаясь к своему сыну: «– Дурак ты этакой! сказал отец». Предложения часто восклицательные, что также отражает закрепленный стереотип о резкости представителей мужского гендера.

Ведущее место в произведениях определяется раскрытию личностных качеств мужчины и женщины. Так, мужчина представлен сильным духом, смелым, активным, прозорливым, прямолинейным в общении с окружающими; женщина же представлена слабой, пассивной, чрезмерно эмоциональной (женский плач), боязливой, спокойной по отношению к окружающим: «Жене

ни сколько не была неприятна такая чудная кума; да другой же и взять было негде! Однако она ожидала ее с некоторым беспокойством», «Как ни жалко, как ни досадно было матери смотреть на такое жестокое наказание, но делать было нечего» («Девушка-Березница»).

Роль мужчины в семье определяется как главы семейства, добытчика, пользующегося авторитетом у всех домашних: «Угольщик был не одного мнения с женою. Правда, и он не знал, на что может пригодиться ложка, но всё-таки приказывал беречь ее, говоря: места она не пролежит» («Девушка - Березница»). Женщина в сказках А.П. Зонтаг занимается ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей, принимает пассивную позицию, полностью подчиняясь воле мужа.

При описании внешности женщины автор использует прилагательные: «красивая», «прекрасная», «стройная». Более того, писатель наделяет образ женщины цветом: так, в сказке «Волшебница», А.П. Зонтаг пишет: «Она говорила, а цветы и драгоценные камни сыпались с розовых её губ и слезы обращались в жемчужины»; в сказке «Девушка – Березница» – «Белое платье и зеленое покрывало придавали необыкновенный блеск красоте её и стройному высокому стану», в то время как внешность мужчины не раскрывается. Интересен и тот факт, что образ женщины в сказках зачастую дополняют внешние атрибуты – «покрывало» на голове и платье.

При создании стереотипных образов мужчины и женщины частотными являются следующие языковые средства.

На фонетическом уровне образ мужчины помогают создать сонорные согласные в прилагательных: «Иванушка! сказал он: – ты с малолетства был и умнее и покорнее братьев своих!» («Кнутик в мешочке»). Образ женщины также помогают создать сонорные согласные в прилагательных. Так, при описании образа женщины преобладает прилагательное «прекрасная» с явно выраженной аллитерацией сонорной «р». В сказке «Волшебница» также ярко выражена аллитерация: «Пре́красная девушка возвратилась домой, с пре́красных губ её скатились две розы».

На лексическом уровне образ мужчины в сказках создается с помощью использования резкой эмоционально-экспрессивной лексики. Так, в сказке А.П. Зонтаг «Девушка-Березница» писатель наделяет героя-мужчину прямолинейностью и вспыльчивостью, приводя его диалог с женой: «Угольщик улыбнулся и сказал: – глупая ты женщина!». Женщине в сказках А.П. Зонтаг не свойственна эмоционально-оценочная лексика, однако в диалогах с отрицательными героинями она прослеживается: «А что и честь, коли нечего есть! Ты век свой останешься дураком!» («Кнутик в мешочке»).

На словообразовательном уровне для создания образа мужчины используются мужские суффиксы: *-тель, -арь, -ник, -ик, -чик(щик), -ист, -ец* и

другие: *приятель, плотник, старик*. Для создания образа женщины используются женские суффиксы: *-иц(а), -ниц(а), -б, -от(а), -ушк(а)* и др.: «Братец и сестрица», «Деввица-Березница», «Старушка», «Волшебница».

На морфологическом уровне помогают всецело передать образ мужчины и женщины имена прилагательные, характеризующие как внешность, так и внутреннее состояние людей: «Твой сын добрый, умный юноша, он ведет себя прекрасно» (А.П. Зонтаг «Кнутик в мешочке»); «Наружность-то её очень привлекательна, продолжал он: – и в ней видна какая-то неизъяснимая кротость и доброта»; «Такая неугомонная, что не знаешь, чем ей угодить! Всё сердится, да плачет!» («Деввица-Березница»).

На синтаксическом уровне при создании образа мужчины преобладают восклицательные и повелительные предложения: «– Дурак ты этакой! сказал отец»; «Будь покоен, батюшка! сказал Ерема: – только послушайся меня! Сделай то, что я говорю тебе! Я уж знаю, что ты будешь доволен мною»; «Нет, родимый, отпусти меня! – говорил Иван» («Кнутик в мешочке»); «Угольщик улыбнулся и сказал: – глупая ты женщина!» («Деввица-Березница»). При создании образа женщины синтаксический особенностей выявлено не было.

Таким образом, языковые средства создания образов мужчины и женщины в сказках А.П. Зонтаг «Волшебница», «Братец и сестрица», «Деввица-Березница», «Кнутик в мешочке», «Карлик со скрипкою» резко отличаются. Это связано с особенностями функционирования в культуре и языке XIX века гендерных стереотипов.

Список литературы

1. Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1992. URL: <https://vk.cc/arWcZy> (дата обращения: 15.03.2020)
2. Запорожец А.В. Психология действия: избранные психологические труды. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. 68 с.
3. Зонтаг А. Волшебные сказки. М.: Братья Салаевы, 1862. 237 с. URL: <https://vk.cc/a9WNRU> (дата обращения: 20.03.2020).
4. Кирилина А.В. Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации // Кавказоведение. 2005. С. 27–28.

УДК 811.161.1

И.Е. Шахова

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева», Орёл

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА НА УРОВНЯХ С1-С2 ИНОСТРАННЫМИ ОБУЧАЮЩИМИСЯ

В статье рассматривается фоновая и безэквивалентная лексика, а также разряды, группы и подгруппы данной лексики. Уделяется внимание важности изучения фоновой и безэквивалентной лексики при изучении русского языка как иностранного на уровнях С1-С2.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лексика русского языка, безэквивалентные языковые единицы, фоновая лексика, группы, подгруппы, этнокультуроведческий аспект, уровень С1 (ТРКИ -3), уровень С2 (ТРКИ-4).

Одной из актуальных задач современной теории и практики преподавания русского языка является описание различных уровней владения русским языком как иностранным и создание соответствующей системы тестов. При выделении уровней владения русским языком как иностранным исходят из требований, предъявляемых к коммуникативной компетенции иностранных граждан. Уровень коммуникативной компетенции определяется способностью обучающихся:

– участвовать в коммуникации в качестве: а) специалиста в профессионально-трудовой, учебно-научной сферах общения; б) члена определённого социума в социально-бытовой, социально-культурной и официально-деловой сферах общения;

– достигать коммуникативных целей в актуальных для него ситуациях общения;

– осуществлять речевое общение в рамках актуальной для данного уровня тематики;

– создавать речевой продукт, качественные параметры которого соответствуют норме и узусу современной русской речи.

Единая сертификационная система предусматривает выделение базового (включающего элементарный уровень в качестве подуровня) и четырёх

сертификационных уровней, которые соотносятся с системой уровней владения европейскими языками, принятой Советом Европы:

Элементарный уровень (ТЭУ) – А1

Базовый уровень (ТБУ) – А2

Первый сертификационный уровень (ТРКИ-1) – В1

Второй сертификационный уровень (ТРКИ-2) – В2

Третий сертификационный уровень (ТРКИ-3) – С1

Четвёртый сертификационный уровень (ТРКИ-4) – С2

Достижение уровней С1 и С2 общего владения русским языком свидетельствует о высоком уровне коммуникативной компетенции во всех сферах общения. Овладение русским языком в объёме С1/ТРКИ-3 позволяет вести профессиональную деятельность в русскоязычном коллективе в качестве филолога, переводчика, редактора, журналиста, дипломата, менеджера. Успешное прохождение тестирования по уровню С2/ ТРКИ-4 свидетельствует о свободном владении русским языком, близком к уровню носителя языка.

Особенности организации учебного процесса на продвинутом этапе (С1-С2) активизируют требование полифункциональности (одновременное и параллельное овладение языковым материалом и речевой деятельностью). Большая часть материала уходит на самостоятельное обучение, и аудиторное время отдается самому сложному материалу и развитию речевой деятельности.

Так как продвинутый этап обучения отличается сферами общения, где ведущая – учебно-профессиональная, то бытовая сфера уходит на второй план. Языковой материал сосредоточен на грамматике и лексике научного, публицистического и книжно-литературного стиля. Приоритетной становится выработка умений и навыков воспринимать лекции, читать и конспектировать. Внимание уделяется и общению в общественно-политической сфере, чтению газет и журналов, составлению аннотаций, рефератов. Основные упражнения – это работа с диалогическими и монологическими текстами на учебно-профессиональные темы. Особое значение приобретает социально-культурная сфера, поэтому немаловажной считается работа с материалом художественных текстов. Основными принципами методики лексики и фразеологии на уроках русского языка являются следующие:

- 1) экстралингвистический (сопоставление слова и реалии);
- 2) лексико-грамматический (сопоставление лексического и грамматического значений слова);
- 3) парадигматический (сопоставление единиц лексической парадигмы);
- 4) функционально-стилистический (сопоставление фразеологизмов со сферами их употребления);
- 5) исторический (сопоставление истории слова и истории реалии).

В содержание раздела «Лексика и фразеология» включён следующий материал:

– общее понятие о лексике

- сведения о лексическом значении слова
- многозначные и однозначные слова
- прямое и переносное значение слова
- синонимы, антонимы, омонимы
- слова общеупотребительные, диалектные и профессиональные
- слова исконные и заимствованные
- устаревшие и новые слова, а также устойчивые сочетания слов.

При изучении русского языка на уровне С1-С2 (особенно при чтении художественных текстов) иностранные обучающиеся встречаются с безэквивалентной и фоновой лексикой, понимание которой вызывает определённые трудности, поэтому следует подробно остановиться на группах и подгруппах безэквивалентной и фоновой лексики.

Безэквивалентной лексикой называются лексические единицы языка оригинала, не имеющие в языке перевода соответствующего лексического эквивалента. Л.С. Бархударов считал, что безэквивалентная лексика – это лексические единицы одного из языков, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка. К безэквивалентной лексике (БЭЛ) Л.С. Бархударов относит три больших разряда лексических единиц:

1. Имена собственные, географические названия, названия учреждений, организаций, газет и пр. Безэквивалентными являются не только малоизвестные имена и фамилии, но и имена, имеющие внутреннюю форму, то есть мотивированные, прежде всего, так называемые «говорящие имена»: Молчалин, Скотинин, унтер Пришибеев.

2. Реалии – слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке, например, названия блюд национальной кухни, виды народной одежды, то есть предметы материальной и духовной культуры.

3. «Случайные лакуны» – лексические единицы одного из языков, которым по каким-либо причинам нет соответствий в лексическом составе другого языка.

А.О. Иванов в своей фундаментальной работе «Безэквивалентная лексика» выделяет следующие группы БЭЛ:

1. Референциально-безэквивалентная лексика: реалии; термины; фразеологизмы; индивидуально-авторские неологизмы; семантические лакуны; слова широкой семантики, употреблённые в тексте в своём самом широком значении; сложные слова различных типов, значения которых могут быть переданы на языке перевода только путём описательного перевода или различных трансформаций.

2. Прагматически-безэквивалентная лексика, включающая в себя:

а) различного рода отклонения от общеязыковых норм языка, включая как территориальные, так и социальные диалекты, жаргоны, арго, архаизмы и другие коллективные отклонения от общей нормы языка, как в сторону понижения (диалектизмы, субстандартная лексика, вольности устной речи), так и в сторону повышения (архаизмы, поэтизмы);

б) иноязычные вкрапления, референциальное значение которых передать, как правило, не трудно, в то время как их прагматическое значение передаётся далеко не всегда;

в) аббревиатуры, прагматика которых не всегда вписывается в структуру значения соответствия в языке перевода;

г) слова с суффиксами субъективной оценки;

д) междометия;

е) звукоподражания;

ж) ассоциативные лакуны, то есть слова, имеющие в сознании носителей данного языка определённые дополнительные ассоциации, отсутствующие в сознании носителей другого языка, типа русских «ворона» в значении «разиня» или «гусь» – «ненадёжный, плутоватый человек» и т.п.

3. Альтернативно-безэквивалентная лексика, состоящая из следующих групп: имена собственные (антропонимы, топонимы, фирменные названия, названия книг, фильмов и т.д.), фразеологизмы.

Если безэквивалентная лексика называет понятия, не существующие в других языках и культурах (МХАТ, щи, комсомолец, перестройка, субботник и т.д.), то фоновая лексика называет понятия, существующие в других языках и культурах, однако имеющие компонент значения, который отражает специфику национальной культуры (студент – заочник, зачётка, экзамен – автомат). Фоновые слова требуют разъяснения несовпадающих компонентов значения. Эти слова невозможно перевести точно, такая лексика, как и безэквивалентная, требует лингвокультуроведческого комментария, связанного с пониманием содержания, которое стоит за словом.

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров в книге «Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного» называют группы фоновой и безэквивалентной лексики с учётом её происхождения и тематического признака:

– советизмы и слова нового быта (комсомолец, партсобрание, стенгазета, пятилетка, ЗАГС, детский сад, зачётка). К ним относятся слова и словосочетания, которые вошли в русский язык в эпоху перестройки и гласности: ближнее и дальнее зарубежье, теневая экономика, хозрасчёт, дефолт и др.;

– наименования предметов и явлений традиционного русского быта (изба, горница, сорочка, квас, кулич, именины и др.);

– историзмы (глаголица, царь, крепостной, городской, воевода, вече, челобитная, НЭП и др.);

– лексика фразеологических единиц (работать спустя рукава, заварить кашу, отвечать головой) и лексика афоризмов (синица в руке, журавль в небе, свадебный генерал и др.);

– слова из фольклора (в тридевятом государстве, Иванушка - дурачок, Царевна Несмеяна, сивка-бурка, молочные реки, кисельные берега) и слова литературного происхождения (сизифов труд, голубь мира, мёртвые души, Плюшкин, человек в футляре, буревестник);

– слова нерусского происхождения (базар, шашлык, халат, вареники, галушки, бублик, парубок, шляхта и др.).

При чтении художественных текстов и изучении страноведческого материала немаловажным является этнокультуроведческий аспект. Перед преподавателем стоит задача: познакомить иностранцев с разными группами безэквивалентной и фоновой лексики, которая отличается от соответствующих иноязычных слов тем, что отражает специфику многонациональной культуры русского народа. «Безэквивалентные и фоновые слова, подобно вехам, отмечают всё самое существенное в прошлом и настоящем русского народа, все его достижения на многовековом пути развития, его взгляды, оценки, суждения» [4, с.45]. Очень важно при обучении не забывать о лингвострановедческом комментарии, так как каждое безэквивалентное и фоновое слово – это отражение факта истории, несущее культурно-национальную специфику. При этом комментарий должен быть ориентирован не только на сравнительно-сопоставительный анализ дидактического материала в целях учёта социокультурных особенностей того или иного национального контингента учащихся, но и на раскрытие исторических основ современных реалий. Это последнее облегчает понимание новых сложных общественных явлений, позволяет проследить, как с изменением конкретно-исторических условий менялось то или иное явление (понятие), какие этапы прошло в своём развитии и что представляет сегодня.

Следовательно, для того чтобы хорошо знать русский язык и активно им пользоваться, нужно хорошо знать и понимать его динамическую связь с процессами общественного развития, смысловое наполнение.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1975. 240 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. 4-е изд., М.: Рус. яз., 1990. 246 с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Рус. яз., 1980. 320 с.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Рус. яз., 1983. 269 с.

5. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Третий уровень. Общее владение. М.-СПб., Златоуст, 1999. 45 с.

6. Иванов А.О. Безэквивалентная лексика. СПб.: Типографическое издательство СПбГУ, 2006. 200 с.

7. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М., Педагогик-пресс, 1994. 224 с.

8. Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Четвёртый сертификационный уровень. Общее владение. М.-СПб., Златоуст, 2000. 104 с.

УДК 81-22

П.Ф. Шматко

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА РУССКИХ, АНГЛИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В статье представлены некоторые результаты сопоставительного анализа русских, английских и китайских устойчивых выражений, а именно: описаны характерные особенности их употребления и перевода.

Ключевые слова: устойчивое выражение, фразеология, фразеологизм, фразеологические единицы, зооним, русский язык, английский язык, китайский язык.

Фразеологические единицы (далее – ФЕ) имеются в любом языке, а их национальное своеобразие обусловлено сложившимися в определенной культуре стереотипными ассоциациями и представлениями.

Стоит отметить, что в настоящее время существует «узкое» (А.И. Молотков, В.П. Жуков, И.И. Чернышева и др.) и «широкое» (В.В. Виноградов, Н.М. Шанский, В.Л. Архагельский и т.д.) понимание фразеологизма: в «широком» понимании, фразеология включает в свой состав и словосочетания, переосмысленные полностью, и словосочетания, в которых есть не переосмысленные слова-компоненты, а в «узком» понимании – только словосочетания, переосмысленные до конца. Мы в данной работе придерживались именно «широкого» понятия фразеологизма.

Во фразеологическом сравнении постепенно стали видеть некоторые особенности преломления национальной языковой культуры. В исследовании фразеологических сравнений преимущественное внимание стали уделять проблеме культурно значимых эталонов сравнения (А. Вежбицкая, Т.В.

Шмелева, В.А. Маслова и др.), а со становлением когнитивного направления в лингвистике сравнение стали рассматривать как один из важнейших объектов познания и изучать как отражение языковой картины мира.

Как известно, у каждого народа складывается свое сугубо национальное представление о порождении и использовании устойчивых сравнений для описания внешности, еды, быта, животных и т.д. Поэтому такие сравнения оказываются довольно сложными для восприятия и осознания, но с другой стороны, такие сравнения окружают человека во всех сферах его деятельности, являются высокочастотными и чрезвычайно разнообразными. В задачи изучения культурного компонента значения входит не только выяснение особенностей национальной психологии и ментальных стереотипов, но и выявление культурных экстралингвистических факторов, влияющих на семантику слова и ее вариативность в различных языках [6, с. 58]. Национально-культурная специфика при этом выявляется только при сопоставительном анализе [7].

ФЕ различных иностранных языков дают богатый материал для выявления своеобразия видения мира носителями языка и культуры. В русском и английских языках сравнения имеют преимущественно разговорный характер, а в китайском языке – это единицы книжные по происхождению и употреблению. В этом, с одной стороны, состоит трудность перевода и употребления русских и английских сравнений китайскими учащимися и наоборот – понимания китайских сравнительных выражений носителями русского и английского языков. С другой стороны, это не мешает решению главной задачи любых интерязыковых исследований применительно к фразеологии – установлению межъязыковых соответствий разного типа, изучение которых служило и служит потребностям перевода и обучения иностранным языкам, выявлению своеобразия системы выразительных единиц каждого из языков и лингвокультурологического потенциала устойчивых сравнений.

ФЕ исследуются также в сопоставительном аспекте. Такое изучение единиц двух или более языков дает возможность выявить их национальную специфику и сходства, обусловленные генетическим родством языков, общностью истории, быта, культуры, психологии народов, что является одной из актуальных задач лингвострановедения (лингвокультурологии).

В нашем исследовании мы рассматривали ФЕ с компонентом зоонимом в русском, английском и китайском языках. Это фразеологизмы с сильными этническими характеристиками, которые отражают различия в природной среде народов, уклад жизни и культурные особенности народов.

За основу были взяты ФЕ английского языка из Большого англо-русского фразеологического словаря А. В. Кунина [1] с их аналогами в русском и китайском языках (табл.).

Фразеологизмы английского языка (по А.В. Кунину с их аналогами
в русском и китайском языках)

Английский фразеологизм	Китайский аналог	Русский аналог
A bird in the hand is worth two in the bush (досл. «птица в руке лучше, чем две в кустах»)	两鸟在林不如一鸟在手 liǎngniǎozàilínbùrú yī niǎozàishǒu (досл. «две птицы в лесу не стоят одной птицы в руках»)	Лучше сница в руках, чем журавль в небе
A fly will not get into a closed mouth (досл. «муха не залетит в закрытый рот»)	开口是银 · 闭口是金 kāikǒu shì yín, bìkǒu shì jīn (досл. «открытый рот – серебро, закрытый – золото»)	Слово – серебро, молчание – золото
A raven will not peck another raven's eye (досл. «ворон ворону глаз не выклюет»)	官官相护 guānguān xiānghù (досл. «все чиновники покрывают друг друга»)	Рука руку моет
All are not thieves that dogs bark at (досл. «не всяк тот вор, на кого собака лает»)	驴粪蛋 · 外面光 lǘ fèndàn, wàimiàn guāng (досл. «ослиный навоз, блестящий на вид»)	Не всё то золото, что блестит
All cats are grey at night (досл. «ночью все кошки серые»)	一丘之貉 yī qiū zhī hé (досл. «еноты с одного холма»)	Одного поля ягоды
All is fish that comes to the net (досл. «что в сетях, то и рыба»)	落入渔网的一切都是鱼 luò rù yúwǎng de yīqiè dōu shì yú (досл. «все, что попало в рыболовную сеть, является рыбой»)	Что в сетях, то и рыба
As blind as a bat (досл. «слеп как летучая мышь»)	像蝙蝠一样盲目 xiàng biānfú yīyàng mángmù (досл. «слепой, как летучая мышь»)	Слепой, как крот
Asboldas alion (досл. «храбрый, как лев»)	勇敢的战士 yǒnggǎndezhànshì (досл. «неустрасимый борец»)	Львиная храбрость; храбрый, как лев

Окончание табл. 1

Английский фразеологизм	Китайский аналог	Русский аналог
As dumb as a fish (досл. «глуп, как рыба»)	蠢得象猪 chǔn de xiàng zhū (досл. «глупый, как баран»)	Глуп, как баран
As hungry as a wolf (досл. «голодный, как волк»)	狼吞虎咽 lángtūn hǔyàn (досл. «иметь волчий аппетит»)	Волчий аппетит; голодный, как волк
As proud as a peacock (досл. «гордый как павлин»)	孔雀男 Kǒngquè nán (досл. «мужчина-павлин/нарцисс»)	Гордый как павлин
As slippery as an eel (досл. «скользкий, как уж»)	油头滑脑 yóutóuhuánǎo (досл. «скользкий/хитрый на ум»)	Скользкий, как уж
As well be hanged for a sheep as a lamb (досл. «все равно за что быть повешенным – за овцу или ягненка»)	一狼百狼 yī hěn bǎi hěn (досл. «что один грех, что сто грехов»)	Семь бед, один ответ
Barber's scat (досл. «кот парикмахера»)	八哥的嘴—学舌 Bāgē de zuǐ – xuéshe (досл. «язык без костей»)	Болтун, трепло
Batsinone's belfry (досл. «летучие мыши в одной колокольне»)	心中有鬼 xīnzhōng yǒuguǐ (досл. «ум не на месте»)	Иметь тараканов в голове
Be a pig-in-the-middle (досл. «быть свиньей по середине»)	心情不好 xīnqíng bùhǎo (досл. «чувствовать себя не в своей тарелке»)	Быть не в своей тарелке
Bee in one's bonnet (досл. «пчела под капотом»)	心血来潮 xīnxuè láicháo (досл. «кровь к сердцу нахлынула»)	Шляя под хвост попала
Being afraid of wolves do not go to the forest (досл. «волков бояться – в лес не ходить»)	不入虎穴焉得虎子 bùrù hǔxué yāndé hǔzǐ (досл. «как добыть тигренок, если не входить в логово тигра»)	Волков бояться – в лес не ходить

Анализ собранного материала показал, что в трех рассматриваемых языках наиболее часты сравнения с рыбой, кошкой, свиньей, лошадью (конем). Менее часты, но присутствуют сравнения с мухой, медведем, крысой (мышью), змеей (угрем).

Английские ФЕ с зоонимами практически всегда дословно переводятся их зоонимами-аналогами в русском языке, а в китайском – чаще заменяются словами, не связанными с животными вообще (прим.: *As bold as a lion* (досл. «храбрый, как лев») / 勇敢的战士 *yǒnggǎn de zhànshì* (досл. «неустршимый борец»); *Asslippy as a snake* (досл. «скользкий, как уж») / 油头滑脑 *yóutóuhuánǎo* (досл. «скользкий/хитрый на ум»)).

Также присутствуют примеры, когда аналоги русского и китайского языков ближе по семантическому значению, чем устойчивое сравнение английского языка (прим.: *A fly will not get into a closed mouth* (досл. «муха не залетит в закрытый рот») / 开口是银 · 闭口是金 *kāikǒu shì yín, bìkǒu shì jīn* (досл. «открытый рот – серебро, закрытый – золото») / Слово – серебро, молчание – золото; прим.: *Be pig-in-the-middle* (досл. «быть свиньей по середине») / 心情不好 *xīnqíng bùhǎo* (досл. «чувствовать себя не в своей тарелке») / Быть не в своей тарелке).

Сопоставление перевода фразеологических единиц русского, английского и китайского языков позволяет выделить несколько групп:

1) Первую группу сопоставляемых фразеологизмов образуют полные эквиваленты. Культуры Запада и Востока развивались разными путями, но, тем не менее, в них можно найти и нечто общее. Так, в русском, английском и китайском языках можно увидеть фразеологизмы, имеющие одинаковый смысл и употребляемые в одинаковых ситуациях. Например:

• *A bird in the hand is worth two in the bush* (досл. «птица в руке лучше, чем две в кустах») / 两鸟在林不如一鸟在手 *liǎng niǎo zài lín bùrú yī niǎo zài shǒu* (досл. «две птицы в лесу не стоят одной птицы в руках») / *Лучше синица в руках, чем журавль в небе;*

• *As hungry as a wolf* (досл. «голодный, как волк») / 狼吞虎咽 *lángtūn hūyàn* (досл. «иметь волчий аппетит») / *Волчий аппетит; голодный, как волк.*

2) Ко второй группе сопоставляемых фразеологических единиц относятся частичные эквиваленты. В китайском и русском языке можно найти фразеологизмы, которые имеют одинаковый смысл, но разную образность, что говорит о различии двух культур. Обычно такие фразеологические единицы имеют одинаковое значение, но различаются составом лексических компонентов, а, следовательно, и внутренней формой. Например:

• *A raven will not peck another raven's eye* (досл. «ворон ворону глаз не выклюет») / 官官相护 *guānguān xiānghù* (досл. «все чиновники покрывают друг друга») / Рука руку моет;

• *All cats are grey at night* (досл. «ночью все кошки серы») / – 丘之 yī qī zhī hé (досл. «еноты с одного холма») / Одного поля ягоды.

3) К третьей группе относятся фразеологические единицы, которые не имеют эквивалентов в другом языке. В русском языке, как в английском и китайском, есть большое количество фразеологических единиц, которые не имеют в других языках соответствий на уровне смысла. Такие фразеологизмы чаще всего остаются за рамками двуязычных фразеологических словарей именно по этой причине: в качестве соответствий им нечего привести и их можно перевести только дословно (метод калькирования) с пояснением значения. Пример из таблицы:

• *All is fish that comes to the net* (досл. «что в сетях, то и рыба») / 落入渔网的一切都是鱼 *luò rù yúwǎng de yīqiè dōu shì yú* (досл. «все, что попало в рыболовную сеть, является рыбой») / Что в сетях, то и рыба.

Фразеологизмы – богатый языковой материал, допускающий разноаспектное изучение – в этно-и психолингвистическом, в когнитивно-функциональном, лингвокультурологическом, структурно-типологическом, коммуникативно-прагматическом аспектах. Использование носителями языка фразеологического фонда свидетельствует о высоком уровне коммуникативной культуры [2, с. 24]. В этих традиционно воспроизводимых единицах фиксируются эталоны и стереотипы национальной культуры, «знания о собственно человеческой, наивной картине мира и все типы отношений субъекта к ее фрагментам» [3, с. 58]. Фразеология является «ярким, образным, эмоционально окрашенным средством отражения картины мира» [4, с. 21]. В различных фразеологических единицах находит отражение «диалектика взаимоотношений языка с миром и сознанием человека», постоянное развитие динамической системы языковых единиц [5, с. 132].

Таким образом, сопоставление фразеологических единиц русского, английского и китайского языков позволяет выделить несколько групп фразеологизмов, различающихся разной степенью сходства: от полного совпадения семантики, стилистической окраски и исходного образа (внутренней формы) до абсолютной безэквивалентности фразеологических единиц.

Будущим специалистам-переводчикам необходимо постоянно совершенствоваться и знакомиться с богатым фразеологическим фондом того или иного иностранного языка для формирования профессиональных компетенций в переводе, включающих все необходимые знания, умения и навыки для осуществления своей деятельности.

Список литературы

1. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд. М.: Рус. яз., 1984.
2. Беспалова Е.А., Карцева О.В. Влияние фактора профессиональной специализации радиожурналиста на его коммуникативную культуру // Новый взгляд на проблемы современного языкознания: материалы VII Междунар. науч. конф. школьников, студентов и аспирантов. Курск, 2016. С. 24–29.
3. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
4. Федоркина Е.А. Фразеологический фрагмент языка художественных произведений Е. И. Носова 1956–1962 гг. // Курское слово. 2004. № 1. С. 16–22.
5. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии: дис. ... д-ра филол. наук; Кубанский гос. ун-т. Краснодар, 1999. 296 с.
6. Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики: монография / В.А. Пищальникова, К.С. Карданова-Н.С. Бирюкова [и др.]; под ред. В.А. Пищальниковой. М.: Р. Валент, 2019. 200 с.
7. Степыкин Н.И., Ревина М.А. Концепт «мечта» в русской, американской и китайской лингвокультурах: сравнительный анализ // Новый взгляд на проблемы современного языкознания: материалы VI Междунар. науч. конф. школьников, студентов и аспирантов, Курск, 2015. С. 377–387.

УДК 81.26

А.В. Яковлева

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ В «СКАЗКЕ О РЫБАКЕ И РЫБКЕ» А.С. ПУШКИНА С РУССКОГО НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

В данной статье рассматриваются лингвокультурологические особенности «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина и ее немецкого варианта “Märchen vom Fisher und dem Fischlein”. Анализируется точность передачи реалий жизни в сказке на немецком языке, выявляются

сложности, связанные с пониманием безэквивалентных лексических единиц, присущих только русской культуре.

Ключевые слова: лингвокультура, сказка, лингвокультурологические особенности, безэквивалентная лексика.

Являясь объектом изучения лингвистики и многих смежных наук, таких как социологии, этнографии, культурологии и фольклористики, проблема связи языка и культуры остается актуальной как для отечественных, так и для зарубежных ученых на протяжении последних десятилетий. По мнению В. фон Гумбольдта, «язык какую бы форму он ни принимал, всегда есть духовное воплощение индивидуальной жизни нации» [4, с. 72]. В. А. Маслова считает, что «язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее» [10, с. 9]. А К. Леви-Стросс отмечает, что «употребляемый в обществе язык отражает общую культуру народа, он представляет собой один из ее элементов, именно с помощью языка индивид обретает культуру своей группы» [8, с. 65]. Таким образом, национальное мировоззрение и самосознание этноса, его культурно-историческая эволюция находят отражение в языке, формируя тем самым определенную картину мира, а, значит, понятия «язык» и «культура» имеют тесную связь и являются взаимообусловленными.

Одним из базовых элементов культуры является сказка. Большой толковый словарь русского языка С. А. Кузнецова даёт следующее определение данному понятию: сказка – это «повествовательное произведение устного народного творчества о вымышленных событиях с участием волшебных, фантастических сил» [6, с. 1191]. Именно поэтому в сказках как народных, так и писателей-представителей определенного этноса прослеживаются национальные особенности, переданные с помощью слова.

«Сказка о рыбаке и рыбке» была написанная А. С. Пушкиным на основе померанской сказки «О рыбаке и его жене» из сборника братьев Гримм [1, с. 524], в которой жена рыбака, поймавшего камбалу, требовала новый дом, замок, превращение в царицу и даже Папу Римского, но когда она пожелала стать самим Богом, – остался у них с мужем-рыбаком только ветхий дом. А.С. Пушкин превратил эту сказку в подлинно русскую по слогу и по духу, при этом сказка стала сочетать в себе особенности таких жанров русского эпоса, как сатирические и волшебные сказки, сказки о животных и былины и метафорично представлять вечность и мгновенность жизни.

Включая в себя образы русского народа, данное произведение является образцом неразрывной связи языка и культуры. Именно поэтому, появляется интерес в рассмотрении сказки, переведенной на немецкий язык, “Märchen vom Fisher und dem Fischlein” [12, с. 55] и выявлении сходств и различий в передаче традиционно русских слов и понятий на иностранном языке.

Реалии родного языка, т.е. слова и выражения, показывающие национально-специфические особенности жизни и быта, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке, находят отражение в именах собственных, монетах, должностях и обозначениях лиц, деталях костюмов и украшений, кушанье и напитках, обращениях и титулах при именах [13, с. 139]. Именно поэтому необходимо остановиться на центральных героях «Сказки о рыбаке и рыбке», их одежде и жилищах.

Действие сказки развивается вокруг рыбки, чудесного помощника, наделенного силой, с помощью которой можно исполнить любое желание. Уменьшительно-ласкательный суффикс в имени данного героя русифицирует образ рыбки, а эпитет «золотая» преподносит рыбку как символ богатства, исполнения желаний и счастья [14]. В немецком варианте авторы прибегают к аналогичным приемам, называя героя “*das goldene Fischlein*”, при этом эпитет “*golden*” имеет значение “*im höchsten Maß als gut, schön, glücklich empfunden; ideal, herausgehoben*” [16]. Но при обращении к рыбке, в сказке Пушкина старик использует слово «государыня», служащее для почтительного обращения к своей госпоже [5], в то время как в немецкой сказке выбрано иное обращение: “*allmächtiges Fischlein*” («всемогущая рыбка»), подразумевающее, что рыбка “*über alle und alles herrschend, grenzenlos mächtig, allgewaltig*” [15], что отражает характеристику, но не само понятие «государыня», а, значит, не полностью передает русские реалии того времени.

Рыбака А. С. Пушкин называет «старик», что дает имя и немецкому герою “*der Alte*” (“*jemand, der alt ist*” [16]). Но такого же соответствия достичь не получается в случае употребления звательной формы от слова старик, широко используемой в древнерусском языке [11]. «Чего тебе надобно, старче?» – спрашивает рыбка в русской сказке, в то время как в немецком варианте употребляется другая фраза: “*...Sprich, Alter, was willst du haben?*” – «Скажи, старик, чего ты хочешь?», содержащая все ту же форму обращения в именительном падеже. Та же ситуация происходит в случаях употребления обращения «мужик», которое используется в русском языке для традиционно-народного именованья крестьянина, (женатого) мужчины или невоспитанного, грубого, невежественного человека [5]. Авторы сказки на немецком языке вместо него используют слово “*der Bauer*” («крестьянин»), которое имеет значение “*jemand, der berufsmäßig Landwirtschaft betreibt; Landwirt*” или “*grober, ungehobelter Mensch*” [16].

Особое внимание следует уделить обращениям к старику от его жены. По всему тексту сказки на русском языке прослеживается фраза: «Дурачина ты, простофиля!» Если значение первого слова понятно всем носителям языка (глупый, несообразительный человек (обычно с оттенком укоризны) [5]), то второе слово вызывает сомнения. Его происхождение относят к греческому имени Филипп, которое в русском народе получило форму Филя и использовалось в качестве имени для слуг. Его широкое употребление в рус-

ских пословицах для названия простаков и неудачников способствовало появлению у данного имени оттеночного значения, предполагавшего «глупого и ленивого человека» [3]. Это обращение на немецком языке выглядит следующим образом: “... Ach, du Erznarr, du alberner Tölpel!” – что дословно можно перевести как «Ах ты, олух, глупый болван!». При этом значение слова “der Erznarr” можно определить, только выделив отдельные морфемы: корень “narr” – “törichter Mensch, der sich in lächerlicher Weise täuschen, irreführen lässt” и усилительная приставка “erz” = “sehr”, а обращение “der Tölpel” используется в значении “ungeschickter, unbeholfener, einfältiger Mensch” [16]. На первый взгляд, смысл фразы передан верно, но отражение русской культуры не может быть достигнуто, так как данные слова используются в разных языках мира, в то время как «дурачина» и «простофиля» имеют особую связь с русским народом. Кроме того, для обозначения понятия «дурачина» в немецком варианте сказки используют и другое выражение: “Warst so dumm” – «был так глуп», а немецкое слово “Tölpel” применяется для перевода русского «невежа», что в очередной раз доказывает неполное соответствие русского текста с немецким переводом сказки.

Антигероем в сказке выступает старуха, die Alte (“Frau, die alt ist” [16]), которая по мере разворачивания сюжета проходит по всей иерархии социальных статусов древней Руси: бедная крестьянка – зажиточная крестьянка – столбовая дворянка – вольная царица. В немецком варианте прослеживается схожая цепочка: die Bäuerin (“frau, die berufsmäßig Landwirtschaft betreibt” [16]) – die Edelfrau (“adlige Frau” [16]) – die Zarin (“Trägerin des Titels Zar” [16]).

Рис.1. Столбовая дворянка в России

Единственное отличие заключается в том, что в сказке А.С. Пушкина дворянка столбовая, т.е. потомственная, записанная в родословную книгу – столбец [11], что давало ей мораль-

Рис.2. Принцесса в Германии

ное превосходство над служилыми дворянами. В немецкой культуре этого периода понятия столбового дворянства не было. Дворянство Германии включало старинное и жалованное, титулованное и не титулованное, высшее и низшее. При этом иерархия титулов выглядела следующим образом: Kaiser (император) – König (король) – Herzog (герцог) – Fürst (боярин) – Graf (граф) – Freiherr (барон) [9, с. 29–36].

Такие же различия прослеживаются в одежде и названиях домов, полагающихся старухе в соответствии с каждым социальным статусом. В образе дворянки она появляется в «дорогой собольей душегрейке» (см. рис. 3) – теплой, короткой (по пояс) кофте, обычно без рукавов [5], в то время как в

Рис. 3. Дама в душегрейке

Рис. 5. Парчовая кичка

Рис. 7. Землянка в России

немецкой культуре этот предмет одежды назван “kostbarer Zobelfellpelzchen” («бесценная соболиная шубка») (см. рис. 4) – “Kleidungsstück aus Fell des Zobels [16]”.

Головной убор старухи тоже отражает русскую культуру: «парчовая на маковке кичка» (см. рис. 5), пишет А. С. Пушкин, подразумевая особый женский головной убор, верх которого находится на макушке (маковке) и сделанный из парчи [5]. В сказке на немецком же языке читатель видит: “Auf dem Scheitel brokatenes Häubchen” (см. рис. 6) – «На темечке парчовый чепчик», где “die Haube” (начальная форма без умешительно-ласкательного суффикса) – это “aus weichem oder gestärktem, oft gefältelem Stoff gefertigte, dem Kopf angepasste [die Ohren bedeckende] Kopfbedeckung für eine weibliche Person” [16], а, значит, графический образ героини в его воображении меняется.

Рассматривая названия жилищ, необходимо

разобраться, что представляет собой каждое наименование. Так, русская землянка (см. рис. 7) – это вырытое в земле помещение для жилья [5], которому в немецком варианте соответствует слово “die Erdhütte” (“mit Erde bedeckte Hütte” [16]) (см. рис. 8).

Изба – это деревянный крестьянский дом [11], в то время как авторы сказки на немецком языке используют вместо избы слово “das Häuschen” (“Verkleinerungsform zu Haus” [16]), которое на русский язык переводится как «домик, будка». Изба старухи со «светелкой», т. е. с передней чистой комнатой, светлицей [6], а die Alte получает “ein Häuschen mit Erkern” (“geschlossener, mit Fenstern versehener Vorbau an Gebäuden” [16]) – «домик с эркром, или балконом». Став столбовой дворянкой у старухи появляется «высокий терем» – высокий богатый дом с покатою крышей, с надворными постройками [11]. У немецкой же дворянки – “das Herrenhaus” (“herrschaftliches Wohnhaus auf einem Gut oder großen Besitztum” [16]) – «помещичий дом».

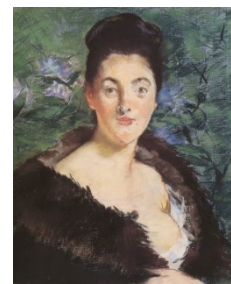

Рис. 4. Дама в шубе

Рис. 6. Парчовый чепчик

Рис. 8. Землянка в Германии

Старуха-царица живет в «царских палатах» (см. рис. 9) – это великолепное здание, дворец. [5] На немецком языке такое жилище именуется “das Zaren-schloß” (“meist mehrflügeliges (den Baustil seiner Zeit und den Prunk seiner Bewohner repräsentierendes) Wohngebäude des Adels” [16]) (см. рис. 10) – «царский замок, дворец».

Рис. 9. Царские палаты

Такие различия в названиях, относящихся к одной семантической группе «Жилище», говорит о различиях реалий жизни в русско- и немецко-говорящих странах и представлении жителей о домах разного типа.

Отдельным пластом слов, отражающих жизнь русских крестьян, является разговорная и просторечная лексика, которая не может быть с точностью передана на немецком языке. Так слова «кликать (звать, подзывать [5]), проклятая баба, пуще, вздурилась, поделом, чупрун (прядь волос, спадающая на лоб [5])» в немецком варианте сказки имеют следующие эквиваленты соответственно: “rufen laut (mit lauter Stimme äußern), vollends des Teufels (Widersacher Gottes, dessen Reich die Hölle ist; Gestalt, die das Böse /verkörpert; Satan), noch ärger (sehr böse), immer ärger treibt’s (sich mehr gehen lassen), recht sein (richtig, geeignet, passend (in Bezug auf einen bestimmten Zweck)), der Schopf (Haarbüschel)” [16].

Кроме того, сказка А.С. Пушкина пронизана фразеологизмами, которые не только делают язык более образным и живописным, но и отражают культуру страны данного языка, мировоззрение и мировосприятие граждан. Фразеологизмы на русском и немецком языках представлены в таблице 1.

Данный анализ показывает, что фразеологизмы, имеющие международное употребление, дублируются на обоих языках, в то время как исконно русские выражения находят лишь эквивалент, сходный по значению в немецком языке.

Таким образом, рассмотрев «Сказку о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина и ее перевод на немецкий язык “Märchen vom Fisher und dem Fischlein”, можно сделать вывод о том, что основные трудности возникают при переводе лексических единиц следующих типов: обращения (имеющие как положительную, так и отрицательную окраску); титулы (или социальные статусы); элементы одежды и названия жилищ, присущие определённому социальному положению; разговорные и просторечные лексические единицы; фразеологизмы и устойчивые обороты речи.

Рис. 10. Проект королевского замка в Германии

Таблица 1

Фразеологизмы в произведении «Сказка о рыбаке и рыбке»

Фразеологизм на русском языке	Значение фразеологизма [15]	Немецкий эквивалент	Значение фразеологизма [17]	Перевод
«Нет уж и следа»	пропала, исчезла (землянка)	“aber diese ist spurlos verschwunden”	Не является фразеологизмом в немецком языке	«но она (землянка) исчезла без следа»
«На чём свет стоит»	сильно (ругает)	“was das Zeug hält”	“in extremer Weise; mit aller Kraft”	«изо всей мочи (что есть сил)»
«Белены объелась»	обезумела (старуха)	“Aber Weib, hast du Tollkraut gefressen?”	Не является фразеологизмом в немецком языке	«Баба, ты что бешеной травы обожралась?»
«Бог с тобой»	пусть будет так (выражение согласия)	“Gott sei mit dir”	“Ich wünsche dir alles Gute! - oft in religiösem Kontext; auch ironisch”	«Бог с тобой»
«Так и быть»	пусть будет так (выражение согласия)	“so sei’s denn”	Не является фразеологизмом в немецком языке	«да будет так»

Такие слова и устойчивые сочетания, не имеющие соответствующих лексических единиц в языке перевода, принято называть безэквивалентной лексикой [7, с. 166]. При этом Л.К. Латышев выделяет следующие классы лексической безэквивалентности:

- 1) слова-реалии (обусловлены отсутствием в опыте носителей переводящего языка данного предмета или явления);
- 2) временно безэквивалентные термины (вызваны неравномерным распространением достижений науки и техники, социальных новшеств);
- 3) случайные безэквиваленты (возникают в результате несовпадающего членения реальности разными языками);

4) структурные экзотизмы (продиктованы невозможностью структурировать средствами переводящего языка аналогичное компактное наименование для предмета или явления) [7, с. 180].

В.Г. Костомаров дополняет данную классификацию особыми видами реалий (демократизмами, советизмами и историзмами), а так же лексикой фразеологических единиц, словами из фольклора и диалекта [2, с. 80-93].

Для передачи значения безэквивалентных лексических единиц используют следующие приемы:

- транслитерация – в качестве переводческого эквивалента используется графическо-фонетическое обозначающее, воспроизводимое в письменном переводе буквами переводящего языка, а в устном – произносимое согласно его фонетическим правилам;

- калькирование – составные части безэквивалентной лексической единицы (морфемы безэквивалентного слова или лексемы безэквивалентного устойчивого словосочетания) заменяются их буквальными соответствиями на языке перевода;

- приближенный перевод - вместо иностранной реалии используется реалия переводящего языка, которая (по определению) обладает собственной национальной спецификой, но в то же время имеет много общего с переводимой реалией;

- элиминация национально-культурной специфики - при переводе реалии ее национально-культурная специфика опускается;

- описательный перевод - значение безэквивалентной лексической единицы передается с помощью развернутого описания;

- перераспределение значения безэквивалентной лексической единицы – значение безэквивалентной лексической единицы перераспределяется на несколько единиц переводного текста, причем сама безэквивалентная лексическая единица как бы растворяется в переводе [7, с. 167-172].

Проанализировав способы передачи безэквивалентной лексики в немецком варианте «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина, представленные в таблице 2, можно определить, что наиболее часто авторы перевода на немецкий язык “*Märchen vom Fisher und dem Fischlein*” использовали способ приближенного перевода для передачи, как слов-реалий, так и случайных безэквивалентов и фразеологических единиц. Выбор данного способа передачи безэквивалентной лексики свидетельствует о стремлении отобразить специфику слов с помощью знакомых немецким читателям реалий и выражений, но, вместе с тем, не замечая полностью их образ и значение в исходном русском языке и культуре.

Таблица 2

Способы передачи безэквивалентной лексики в немецком варианте произведения А.С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке»

Безэквивалентная лексическая единица	Способ перевода
Слова-реалии	
Государыня – “allmächtiges Fischlein”	описательный перевод
столбовая дворянка – “die Edelfrau”	элиминация национально-культурной специфики
Душегрейка – “Zobelfellpelzchen”	приближенный перевод
Кичка – “Häubchen”	приближенный перевод
Изба – “das Häuschen”	приближенный перевод
Светелка – “Erkern”	приближенный перевод
Терем - “das Herrenhaus”	приближенный перевод
Царские палаты – “das Zarenschloß”	приближенный перевод
Случайные безэквиваленты	
Старче – “Alter”	калькирование
Мужик – “der Bauer”	приближенный перевод
«Дурачина ты, простофиля!» – “... Ach, du Erznarr, du alberner Tölpel!”	приближенный перевод
Кликать – “rufen laut”	описательный перевод
Пуще – “noch ärger”	калькирование
Поделом – “passend”	калькирование
Чупрун – “der Schopf”	калькирование
Фразеологические единицы	
Нет уж и следа – “aber diese ist spurlos verschwunden”	перераспределение значения безэквивалентной лексической единицы
На чём свет стоит – “was das Zeug hält”	приближенный перевод
Белены объелась – “Aber Weib, hast du Tollkraut gefressen?”	перераспределение значения безэквивалентной лексической единицы
Бог с тобой – “Gott sei mit dir”	приближенный перевод
Так и быть – “so sei’s denn”	перераспределение значения безэквивалентной лексической единицы

Рассматривая каждый вид безэквивалентных лексических единиц, можно выявить, что для слов-реалий наиболее частотным способом передачи

является приближенный перевод (см. рис. 11), так как этот метод позволяет более точно показать реалию, присущую русскому языку, через призму похожей существующей реалии в немецкой культуре.

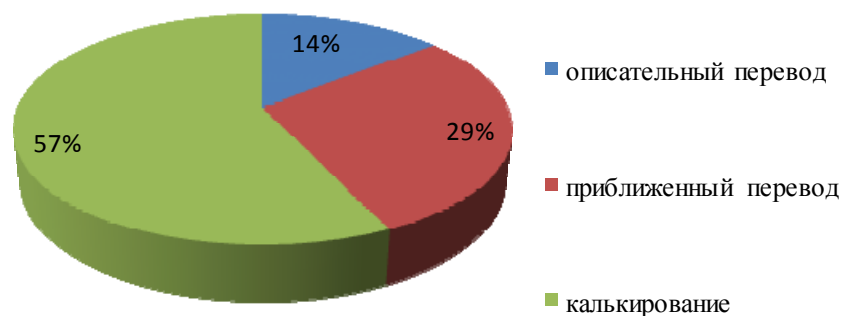

Рис. 11. Способы передачи слов-реалий на немецкий язык

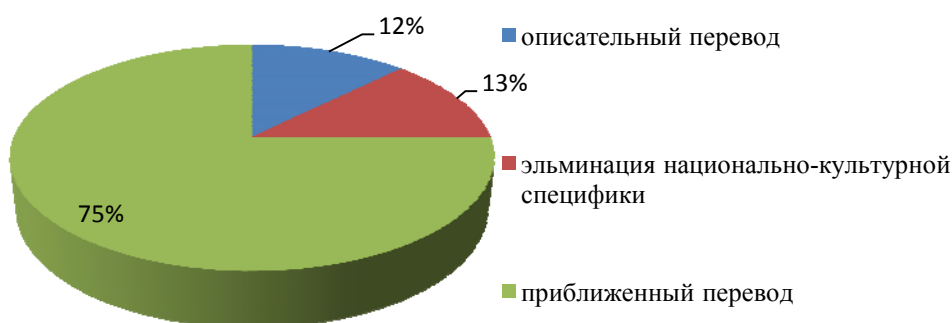

Рис. 12. Способы передачи случайных безэквивалентов на немецкий язык

Случайные безэквиваленты чаще передаются в сказке на немецком языке с помощью калькирования (см. рис. 12). Данный факт обусловлен возможностью использования буквальных значений переводимых лексем, имеющих схожий смысл с исходными единицами. Кроме того, способ приближенного перевода остается довольно частотным и для данного типа безэквивалентной лексики.

Для фразеологических единиц характерны два одинаково частотных приема (см. рис. 13): перераспределение значения безэквивалентной лексической единицы для тех оборотов речи, которые в немецком языке не имеют фразеологического значения и приближенный перевод для использования немецких фразеологизмов, имеющих схожий смысл.

Рис. 13. Способы передачи фразеологических единиц на немецкий

В заключение отметим, что все немецкие варианты довольно точно передают значения безэквивалентных лексических единиц русской сказки. Но в случаях неполного графического соответствия переводимых реалий, когда понимание читателя и его восприятие образов героев искажается, необходимо разрабатывать пояснительные материалы, содержащие не только описание и толкование лексики, но и наглядные, образные опоры, в виде рисунков, картинок или видеоматериалов.

Список литературы

1. Бонди С. Сказки Пушкина // Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М., 1960. Т. III. 539 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
3. Виноградов В.В. История слов / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М., 1999. 1142 с.
4. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 37–297.
5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный: в 2 т. М.: Рус. яз. 2000. 1209 с.
6. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь. СПб., 1998. 1536 с.
7. Латышев Л.К. Технология перевода: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. М.: Академия, 2005. 320 с.
8. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Главная ред. вост. лит., 1985. 536 с.
9. Малов-Гра А.Г. Дворянство в немецкоязычных странах // Рейтар. Военно-исторический журнал. № 27 (3/2006). С. 29–36.

10. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.

11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

12. Пушкин А. С. Сказки на немецком языке / под ред. М. Жаровой, Т. Купцовой. М.: Прогресс, 1974. 136 с.

13. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.

14. Толковый словарь русского языка / под редакцией Д. В. Дмитриева. М.: Астрель: АСТ, 2003. 1578 с.

15. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Фёдоров М.: Астрель, АСТ. , 2008.

16. Duden online-wörterbuch. 2020. URL: <http://www.duden.de> (дата обращения: 05.04.2020).

17. Redensarten-Index. URL: <https://www.redensarten-index.de/suche.php> (дата обращения: 20.03.2020).

Научное издание

**ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, МЕНТАЛЬНОСТЬ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Сборник II Международной научной конференции
28–29 апреля 2020 года

Редактор *М. Г. Анохина*
Компьютерная верстка и макет *Е. Г. Анохиной*

Подписано в печать Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. . Уч.-изд. л. . Тираж 100 экз. Заказ .
Юго-Западный государственный университет.
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.
Отпечатано в ЮЗГУ.